

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ
ЧТЕНИЕ

ВЫПУСК 6

„Надежда” собирает малоизвестные в России творения Св. Отцов, духовные наставления православных пастырей, свидетельства о жизни во Христе, истории обращения к вере, рассказывает о судьбах русских святых, подвижников, праведников, мучеников за веру, разрабатывает отдельные проблемы развития современной христианской культуры в России, публикует стихи, рассказы, воспоминания и т. д. „Надежда” — единственное и уникальное Христианское Чтение, существующее сегодня в России. „Надежда” может быть только миссионерским изданием, осуществляющимся на пожертвования верующих. Издание „Надежды”, кем бы оно ни предпринималось, не может преследовать никаких целей коммерческого или политического характера. Читатели „Надежды” просят христиан всего мира поддерживать издание и распространение Христианского Чтения, проповедующего Слово Божие тем, кто ищет и ждет Его.

Москва, апрель 1981 .

Составитель „Надежды”
З. Крахмальникова

*Господи, устне мои отверзеши,
и уста моя возвестят хвалу Твою.*

НАДЕЖДА

Христианское Чтение

ВЫПУСК 6

НАДЕЖДА

Рождество Христово 1980 г.

+

Сборники „Надежда” – Христианское Чтение – составляются и редактируются в России. Издание их осуществляется при поддержке Православного Дела.

Всю техническую сторону издания, защиту авторских прав участников сборника, коммерческое его распространение за границей и, по возможности, пересылку части тиража в Россию согласилось взять на себя издательство „Посев”.

Да благословит Господь Бог всех участников этого благого начинания.

*Архиепископ Антоний
Женевский и Западно-Европейский*

Обложка работы художника Адама Русака

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1981
Frankfurt/Main
Printed in Germany

СВ. ОТЦЫ О ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

Се раба Господня

Дева Мария явила послушание, сказав: „Се раба Господня; да будет Мне по слову твоему”. Ева оказала непослушание: она ослушалась Бога, будучи девой. Как Ева, супруга Адама, но еще девственная, ...проявила непослушание и тем навлекла гибель на себя и на весь род человеческий, так Мария, обрученная, но девственная, стяжала спасение Себе и всему роду человеческому. Вот почему закон дает еще девственной невесте Адама имя супруги, дабы обнаружить цикл, который от Марии восходит к Еве: ибо узы (греха) могли быть разрешены лишь движением, обратным тому, которое последовало за грехопадением. И вот почему Лука, начав родословие с Господа, восходит к Адаму показывая тем, что не Господь происходит телесно от каких-то предков, но что именно Он породил их для новой жизни Евангельской. Точно так же узел, завязанный непослушанием Евы, мог быть развязан только послушанием Марии. То, что девственница Ева связала своим неверием, Дева Мария развязала Своею верой.

Святой Ириней Лионский
(Конец II — начало III века)

О девстве

Горячность к учению — вот что прежде всего составляет благородство учителя. Кто благороднее Матери Божией? Кто великолепнее Той, Которую избрало само Великолепие? Кто непорочнее Той, Которая произвела на свет Младенца без всякого плотского осквернения? Что и говорить о прочих Ее совершенствах? Она была непорочна не только телом, но и духом, чистоты которого уловки греха никогда не нарушили. Смиренная сердцем, рассудительная в речах, скупая на слова, жадная к чтению, Она полагала всю Свою надежду не в неверности Своих богатств, но в молитве бедных; прилежная к труду, сдержанная, Она брала в Судьи душе Своей не человека, но Бога; не оскорбив никого, ко всем благосклонная, полная уважения к старшим, не зная ревности к сверстникам Своим, Она избегала самохвальства, любила добродетель, следовала рассудку. Оскорбила ли она хоть раз родителей Своих, хотя бы небрежной позой? Видел ли Ее кто-нибудь в раздоре с родственниками Ее? Оттолкнула ли Она хоть раз с презрением убогого, посмеялась ли над слабым, уклонилась ли от несчастного? Лишь такие собрания людей посещала Она, где Ей, пришедшей из милости, не пришлось бы краснеть или терпеть оскорблений Своей скромности. Никакой жестокости не было в Ее взгляде, никакой вольности в речах, никакой необдуманности в поступках; ничего резкого в движениях, никакой расслабленности в походке, дерзости в голосе — наружное Ее поведение было поистине образом Ее прямоты.

Дом добрый узнается по преддверию его, показывая от самого порога, что не таит он теней в себе;

так и душа наша без помех от плоти должна изливать свет свой, подобно светильнику, бросающему сквозь окна свои лучи.

... Матерь Божия, Она, однако, стремилась постичь предписания (волю) Господа; Она, родившая Христа, желала тем не менее познать Бога.

Она образец девства. Ибо жизнь Марии должна быть сама по себе примером для всех. Любя Творца, будем же ценить Его творение, и все те, которые ищут Ее даров, да следуют Ее примеру. Сколько добродетелей в одной-единственной Деве! Прибежище чистоты, Знамя веры, Образец благочестия, Дева в доме, Помощница священнику, Матерь во храме.

Скольких дев отыщет Она, дабы принять в Свои объятия и вести их ко Господу: вот та, что соблюла ложе Сына Моего, что сберегла брачную постель свою в незапятнанной чистоте. И так же Господь их доверит Отцу, повторяя слова, которые Он любил: „Отче Святой, вот те, которых я сохранил Тебе, на ком Сын человеческий, преклонив голову, опочил; прошу Тебя, пусть будут они со Мною там, где Я есмь (в доме Твоем). Но поскольку не живши для себя одних, не должны они и спастись одни, да возможет искупить одна — родителей своих, другая — братьев. Отче Справедливый, мир не познал Меня, они же Меня познали, а мира познать не захотели”.

Какое шествие, какие плески ликования в сонме ангелов! Заслужила Царствие Небесное Та, которая прожила в веке сем жизнь небесную. И Мария, взяв кимвал, ведет хоры дев, воспевая Господа, а их благословляя, ибо прешли море века сего, не утонувши в пучине его. И все они возликуют, говоря: Вниду в обитель (алтарь) Бога моего, возвеселившего

юность мою. Приношу в жертву Богу хвалу мою и возношу желания мои ко Всевышнему.

И не усомнюсь: широко откроются святилища Божии пред вами, чьи души суть, осмелюсь сказать, алтари, где во искушение тела мистического ежедневно Христос в жертву приносится. Ибо если тело девы есть храм, то что сказать о душе, которая, будучи обнажена рукою Священника Вечного, причем пепел тела, так сказать, устранен, пышет жаром божественного огня? Девы блаженные, украшаемые бессмертным благоуханием благодати, как сады цветами, храмы — богослужением, алтари — священником.

Св. Амвросий Медиоланский (IV в.)

Матерь Божия у подножия Креста

Мария, Матерь Божия, стояла у Креста Сына Своего; никто не поведал мне этого, кроме святого Иоанна Евангелиста. Прочие сообщали, как земля поколебалась (сотряслась) в час Страстей Господних, как небо покрылось мраком, как солнце скрылось, как разбойник был принят в рай после своего благочестивого исповедания. И лишь Иоанн рассказал о том, о чем прочие умолчали: как Иисус на кресте воззвал к Матери Своей. Этот знак сыновнего благочестия, данный Христом, Победителем страданий, Он счел наиболее важным, нежели дарование Царствия Небесного. Без сомнения, прощение разбойника было проявлением доброты; но знаком еще большего благочестия было с Его стороны почтить Матерь Свою такой любовью: „Се, — говорит

Он, — Сын Твой; Се Матерь Твоя”. Это крестный завет Христа, разделившего между Матерью Своей и учеником Своим обязанности благочестия. Так Господь установил завет Свой, не только Завет общественный и Завет семейный; и св. Иоанн скрепил его своей подписью как достойный свидетель Завещателя. Завет драгоценный, оставляющий не деньги, но Жизнь вечную; написанный не чернилами, но Духом Бога Живого, Того, Кто сказал: „Язык Мой — трость скорописца” (Пс. 44, 2). И Мария не уронила достоинства Матери Христовой: в то время, как все апостолы бежали, Она оставалась у подножия Креста и Своими материнскими глазами (очами) созерцала раны Сына Своего; от них Она чаяла не смерти Возлюбленного Своего, но спасения мира. Она, Обиталище Царя, знала, что смерть Ее Сына есть искупление мира. И, быть может, думала Она о том, что и Ее собственная смерть могла бы добавить кое-что к этому дару, который должен был обогатить мир. Но не нужна была помощь в деле искупления Иисусу, Тому, Кто без чьей-либо помощи спас всех людей. Вот почему сказал Он: „Привнесен бых с нисходящими в ров, бых яко человек без помощи в мертвых свободь” (Пс. 87, 5). Он принял любовь Матери, но помощи Он не искал ни от кого.

Св. Амвросий Медиоланский

Скипетр веры православной

Слава Тебе, Мария, Матерь Божия, Сокровище истинное всей вселенной, Светоч неугасимый, Венец девственности, Скипетр веры православной,

Храм непорочный, Вместилище Того, Кто места не имеет. Ты нам подарила Того, Кто зовется благословенным по преимуществу, Кто грядет во имя Господне, Тобою Святая Троица прославляется, Крест Господень от всей земли получает славу и поклонение, Тобою небеса в радости сотрясаются, ангелы ликуют, демоны в бегство обращаются, демон соблазнитель с небес низвергнут, творение падшее восстановлено. Поклонимся Троице и восславим в гимнах наших Вечно девственную Марию и Сына Ее, Супруга Церкви нашей Святой Иисуса Христа, Господа нашего, Ему же честь и поклонение подобает во веки веков.

Св. Кирилл Александрийский (V век)

Обращение Преподобной Марии Египетской

В праздник Воздвижения Святого Креста Мария Египетская (умершая около 431 г.) несколько раз пыталась войти в базилику, но всякий раз ее останавливала какая-то невидимая сила. Пребывая в печали, она увидела образ Пресвятой Девы и почувствовала непреодолимое желание броситься к Ее ногам:

„... Дево Владычице, Ты, рождающая телесно Бога Слово, ведаю, да, ведаю, что непристойно и бессмысленно женщине столь нечистой и оскверненной созерцать образ Твой, о Чистая Приснодево; ибо душу и тело имеешь чистые и непорочные. Справедливо, что я, оскверненная, ненавидима чистотою Твоей и отвергнута. Но узнала я, что Бог, Тобою рожденный, стал человеком, дабы призвать грешников к раская-

нию. Приди на помощь мне, так как я одна и никого не имею, чтобы мне помочь. Прикажи, чтобы и мне позволен был вход в церковь. Не лиши меня возможности созерцать Древо, к которому пригвожден был, телесно, Бог, Тобой рожденный, Древо, где отдал Он кровь Свою во искупление мое (в выкуп за меня). Прикажи, о Владычица, чтобы и для меня открылись врата божественного поклонения Кресту. Тебя Самое беру я в Поручительницы (залог), пред Богом, Тобою рожденным. Не стану более продавать мое тело для постыдных объятий, как прежде. Но как скоро узрю Древо Креста Сына Твоего, отрекусь тот же час от этого мира и пойду немедля туда, куда Ты укажешь и куда поведешь меня, Поручительница спасения моего”.

Само раскаяние, кажется, говорит устами преподобной Марии Египетской. Она продолжает:

Так сказав и бросив, в некотором роде, доверие мое в огонь веры, благоволением Матери Божией ободренная, покидаю я место, где приносила мольбу мою, выхожу из церкви и смешиваюсь со входящими. Никто не останавливает меня, никто не отталкивает, никто не мешает приблизиться к двери, бывшей для меня прежде закрытою, через которую входят в храм. Ужас и отчаяние охватывает меня; я вздрагивала и трепетала вся. Достигаю, наконец, двери, бывшей для меня прежде закрытою, и вот как будто сила, которая меня удерживала, вдруг ослабела. В святое место допущенная, созерцаю Крест животворящий, вижу тайны Господни и как Он готов принять кающихся. Затем я поспешаю выйти и вернуться к стопам моей Поручительницы.

Тут, преклонив колена пред Матерью Божией Приснодевой, я к Ней обращаю молитву мою:

„Владычице благая, мне показавшая человеколюбие Твое! Не презрела Ты молитвы недостойной; я узрела славу, которой, мы, нечистые, лишены по справедливости: славу Бога, Который через Тебя принял раскаяние грешников. О чем же еще думать, что говорить мне, грешнице? Время настало, Владычице, да исполнятся обещания, за которые поручилась Ты по милости Твоей. Веди же меня теперь, куда Сама пожелаешь; буди мне залогом спасения, направляя меня рукою Твоей по пути, ведущему к раскаянию”.

(V век)

Матерь и Сын расстаются и встречаются вновь

Чадо возлюбленное жаждет присутствия своей матери, и мать, в свою очередь, желает быть вместе со своим чадом. Справедливо поэтому, что вознеслась Ты во сретение Сыну Твоему, Ты, Чье сердце пылало любовью к Богу, Плоду чрева Твоего; справедливо также, что Бог, в любви истинно сыновней к Матери Своей, призвал Ее к Себе, дабы жила Она в близости Его. Итак, усопшая для мира ветхого, отошла Ты в скинии вечные, где Бог пребывает, и отныне, о Матерь Божия, Ты не покинешь больше Его общества сладчайшего. Была Ты Домом телесным, где Он покоился; в свою очередь, о Преславная Дева, Он становится Местом успокоения (успения) Твоего в том теле, о Матерь Божия, которое приял Он от Тебя... И привлек Он к Себе Тебя, освобожденную от всякого плена, желая, если могу я так выразиться, прижать Тебя к Своим устам и к Своему Сердцу. Вот почему все, чего просишь Ты

для чад Своих несчастных, Он Тебе дарует, отдавая Божественное достоинство Свое в распоряжение Твоих молитв.

Может ли смерть Тебя обратить в пепел и прах, Тебя, Которая чрез воплощение Сына Своего избавила человека от смерти и тлена? Так Ты покинула землю дабы утвердить таинственную реальность страшного воплощения. Видя отшествие Твое из этого обиталища временного, подчиненного законам, Богом и природою утвержденным, приходится верить, что Бог, Тобою рожденный, исшел из Тебя, Человек Совершенный, Истинный Сын Истинной Матери, обладающий телом, подобным нашему, и посему не избегнувший участи общей. Сын Твой тоже принял смерть подобную ради спасения рода человеческого. И осенил Он равной славою и Гроб Свой животворящий и могилу, вместилище жизни, место успокоения Твоего. Оба тела Ваши погребены, но не узнали тления.

О Ты, Пречистая, Преплагая и полная сострадания, Владычица, утешение христиан, прибежище самое надежное грешникам, облегчение самое горячее удрученным, не покинь нас, как сирот, без помощи Твоей. Если бы Ты когда-либо нас покинула — к кому бы прибегли? Что стало бы с нами, Пресвятая Мать Божия? Ты дыхание и жизнь душам христианским. Как дыхание наше доказывает, что тело наше обладает еще животворящей силой (энергией), так Твое пресвятое имя, произносимое устами слуг Твоих всегда, всюду и всяко, есть более чем доказательство — оно есть источник жизни, бодрости, помощи для нас. Приюти нас под крыльями благодати Твоей. Будь нам помощь предстательства Твоими. Даруй нам жизнь вечную; Ты, Надеж-

да несравненная душ христианских. Ибо нищи мы делами и помышлениями божественными; и, созерцающая богатство сострадания, Тобою нам являемое, сказать можем: исполнилась земля жалостию Господней. Мы удалились от Бога множеством грехов наших; чрез Тебя искали мы Бога и нашли Его; и того ради, что нашли, спасены мы. Могущественна помощь Твоя спасению нашему, Матерь Божия; другого предстателя пред Богом не требуется.

Кто же еще, после Сына Твоего, печется, как Ты, о роде человеческом? Кто защищает нас без конца в страданиях наших? Кто избавляет нас от искушений, стоит им появиться? Кто убивается так, за грешников умоляя? Кто их берет под защиту, прося отпущения в случаях безнадежных? Простота Твоя и власть Материнская, Тобою пред Сыном Твоим обретенная, то делают, что хоть мы осуждены за преступления наши и очей к высоте небесной поднять не осмеливаемся, — чрез Тебя спасаемся, Твоими молитвами и ходатайством, от мук вечных. Также удрученному Ты прибежище. Терпящий неправосудие к Тебе прибегает. Недугами отягченный Тебя молит о помощи. Все в Тебе, Матерь Божия, чудно есть, все выше природы, все превосходит разум наш и силы. Само покровительство Твое тоже превышает мысль.

Св. Герман Константинопольский (VIII век)

Рождение Непорочной

Ныне Адам приносит в дар Богу Марию как начатки природы нашей и начатки эти, которые не

вымешаны с остальным тестом, превратились в хлеб для питания рода человеческого. Ныне отвергается обширное лоно девственности, и Церковь, словно для брака, украшается жемчужиной неприкосновенной чистоты истинной. Ныне человечество, во всем блеске своего непорочного благородства, принимает дар своего первого образования из рук Божественных и возвращает себе древнюю красоту свою. Позор грехов омрачил великолепие и красоту природы человеческой: но воистину рождается Мать Добра и природа эта возвращает свои древние достоинства и образуется по образу совершенному и достойному Бога. И это образование есть восстановление совершенное, и это восстановление есть обожение, а это последнее — уподобление первоначальному состоянию. Ныне женщина бесплодная становится матерью, против всех ожиданий; и мать, порождающая потомство, матери не имеющее, и рожденная сама от неплодородия, освятит все рождения природы. Ныне явился блеск Божественного пурпура, падшая природа человека облекается достоинством царским. Ныне, согласно пророчеству, зацвел посох Давидов, ветвь Аарона вечнозеленая, для нас породившая Христа, ветвь силы. Ныне от Иуды и Давида произошла Дева юная, носящая знак царства и священства от того, кто по повелению Мелхиседекову принял священство от Аарона. Ныне благодать, очищающая таинственное начало священства Божественного, соткала из него, символически, одеяние семени левитского, и Бог окрашивает багряницу царскою кровью Давидовой. Одним словом: ныне преобразование природы нашей начинается, и мир одряхлевший, Божественному преоб-

разованию подвергнутый, получает начатки второго творения.

Св. Андрей Критский (VIII век)

Облик Марии

Ныне корень Иессеев дал побег, на котором расцветает для мира цветок Божественный. Ныне Тот, Кто некогда поднял из вод свод небесный, создал над землею, из земного вещества новое небо; и это небо куда прекраснее и божественнее того, ибо из него родится Солнце праведности, сотворившее солнце прежнее...

Сколько чудес соединяется в этом Младенце, сколько союзов в Ней образуется! Дочь бесплодия, Она станет Девственностью, Которая родит. В Ней заключается союз Божественности и человечности, бесстрастия (блаженства) и страдания, жизни и смерти, так, чтобы в них худшее было побеждено лучшим. О дочь Адама и Матерь Божия. И все это сделано для меня, Господи! Так велика была Твоя любовь ко мне, что пожелал Ты не просто поручить мое спасение ангелам или другим существам, но возродить Сам того, кого изначала Сам создал. Вот почему я вздрагиваю от радости и преисполняюсь гордостью и в радости моей обращаюсь к источнику всех чудес и, уносимый потоком счастья, беру цитру духовную, дабы воспеть гимны божественные об этом рождении...

Ныне Творец всего, Бог Слово, составляет книгу новую, которая исторглась из сердца Отца Его и которую Он пишет Святым Духом, Языком Бога...

О дочь Царя Давида и Матерь Бога, Царя вселенной! О божественный и живой предмет, коего красота очаровала Бога Творца, чья душа целиком пребывает под действием божественным и одному лишь Богу внимают! Все желания Твои устремлены к Тому Единственному, Кто заслуживает, чтобы Его искали и Кто достоин любви. Нет в Тебе гнева ни к чему, кроме греха, и ни к кому, кроме его источника. Жизнь Твоя будет сверхприродной, но не для Себя будешь жить Ты, Которая не для Себя создана. Вся целиком жизнь Твоя будет посвящена Богу, Который привел Тебя в мир, дабы послужить спасению рода человеческого, да осуществится замысел Божий: воплощение Сына Его и обожение рода человеческого. Сердце Твое будет питаться словами Божиими; они удобряют Тебя, словно оливу плодovitую в доме Божьем; словно древо, посаженное при водах живых Духа, древо жизни, плод свой принесшее в назначенное время: Бога воплощенного, жизнь всех вещей. В мыслях Твоих лишь то обретется, что для души полезно, и всякую мысль не только пагубную, но хотя бы бесполезную Ты прежде изгонишь, нежели ощутишь вкус ее.

Очи Твои всегда обращены будут к Господу, ко Свету вечному и недоступному; ухо Твое внимательное — к словам Божественным и к звукам арфы Духа Святого; чрез Которого Слово пришло, чтобы приять нашу плоть... Ноздри Твои будут обонять благоухание Супруга, благоухание Божественное, которым может напитать Он человечность Свою. Господа будут хвалить губы Твои, навсегда прильнувшие к устам Бога. Небо Твое будет вкушать речи Божии, сладостью их Божественной наслаждаться. Сердце Твое пречистое, пятна единого не знаю-

щее, всегда будет видеть Бога Всякой Чистоты и от желания к Нему сгорать будет. Лоно Твое станет жилищем Того, Которого никакое пространство вместить не может. Млеко Твое будет питать Бога во Младенце Иисуса. Ты еси дверь Божия, вечной девственностью сияющая. Руки Твои будут носить Бога, колена Твои будут Ему престолом выше херувимов... Столпы Твои, светом божественного закона ведомые, за Ним следуя, прямым путем Тебя приведут к обладанию Возлюбленным. Ты — Храм Духа Святого, Божий Град живой, орошаемый реками изобильными, реками святыми Божественной благодати. Ты прекраснейшая, Ты к Богу ближайшая; главнейшая херувимов, вышайшая без сравнения серафимов, Преприближая к Богу Самому.

Слава Тебе, Мария, нежное чадо Анны; снова приводит меня к Тебе любовь. Как описать Твою поступь важную? Твой наряд? Прелесть лица Твоего? Мудрость, которая дается возрастом, соединенною с юностью тела? Одежда Твоя была скромной, без роскоши и изнеженности. Походка Твоя — величавой, без расслабленности, но и без стука. Твое поведение строгое, смягченное весельем, никогда не привлекало внимание мужчин. Тому свидетельство — тот испуг, который Ты испытала при непривычном посещении Ангела; родителям Твоим Ты была покорна и послушна; душа Твоя оставалась смиренною посреди самых возвышенных созерцаний; речь — приятной, передающей кротость души. Какое обиталище было бы более достойным Бога? По справедливости все поколения Тебя объявляют Блаженной, рода человеческого честным знамением. Ты слава священства, надежда душ христианских, девственности растение плодородное. Чрез Тебя

слава девства распространилась повсюду. Да будут все, Тебя признающие Матерью Божией, благословенны, прокляты — все отказывающиеся...

О Ты, Которая есть Дочь и Владычица Иоакима и Анны, прими молитву бедного раба Твоего, который всего лишь грешник и который, однако, любит Тебя горячо и славит; который хочет найти в Тебе единственную надежду своего счастья, водительницу жизни своей, Примирительницу с Сыном Твоим и верный залог спасения своего. Избавь меня от бремени грехов моих, рассей тени, нагроможденные вокруг духа (разума) моего, извлеки меня из грязи глубокой, подави искушения мои, управь счастливо жизнь мою, да буду приведен Тобою к блаженству небесному, и даруй миру покой, всем верным этого града подари радость совершенную и спасение вечное молитвами родителей Твоих и всей Церкви.

Св. Иоанн Дамаскин (VIII век)

*Земля, на которой почует благословение
Господне*

Перед тем, как создать человека, Бог возвел ему величественный дворец творения. Помещенный в Раю, человек был изгнан оттуда за непослушание, и он стал, вместе со всем своим потомством, жертвой плена. Но Тот, Кто богат милосердием, пожалел творение рук Своих и решил создать новое небо, новую землю, новое море в качестве жилища для Непостижимого, желая преобразовать род человеческий. Что это за новый мир, что за новое творение?

Блаженная Дева есть небо, являющее солнце правды, земля, производящая колос жизни, море, приносящее перл духовный... Как великолепен этот мир! Как восхитительно это творение, с его прекрасными растениями добродетелей, с душистыми цветами девственности!.. Что есть более чистого, что есть более безукоризненного, чем Дева? Бог, Свет верховный и совершенно непорочный, столько нашел в Ней очарования, что соединился с Нею через сошествие Святого Духа. Мария — Земля, на которой шип греха не произрос. Напротив. Она произвела Отпрыск, Который грех искоренил. Это земля, которая не проклята, как первая, богатая колючками, шипами и чертополохом, но земля на которой почиет благословение Господне, и плод ее благословен, как говорит божественный Бытописатель.

Преп. Феодор Студит (VIII век)

Св. И г н а т и й Богоносец

В царствование Траяна (98-117) Антиохийский епископ Игнатий был за веру во Христа приговорен к смертной казни. Его послали под стражей из Сирии в Рим, где он был отдан на растерзание диким зверям во время народных зрелищ. Находясь в пути, он написал семь посланий — единственное дошедшее до нас свидетельство его апостольской деятельности.

ПОСЛАНИЯ*

К ЕФЕСЯНАМ

Похвала ефесянам

Знаю, кто я, и к кому пишу. Я осужденный, а вы помилованные, я в опасности, а вы стоите твердо. Вы путь для умерщвляемых ради Бога. Вы сотаинники Павла освященного, засвидетельствованного, достоблаженного, у ног которого желал бы я быть, когда приду к Господу. Он во всем послании своем к вам поминает вас во Христе Иисусе.

Чаще собирайтесь для богослужения

Итак, старайтесь чаще собираться для Евхаристии пода, напротив и тайны наши близки к Нему. Посе-

* Отрывки из Посланий св. Игнатия Богоносца. См. Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Брюссель, 1978.

вместе, то низлагаются силы сатаны, и единомыслием вашей веры разрушаются гибельные его дела. Нет ничего лучше мира, ибо им уничтожается всякая брань небесных и земных духов.

*Храните веру и любовь
и на деле показывайте себя христианами*

Это, впрочем, не безызвестно, если вы имеете к Иисусу Христу совершенную веру и любовь, которая суть начало и конец жизни. Вера начало, а любовь конец, обе же в соединении суть *дело* Божие; все прочее, относящееся к добродетели, от них происходит. Никто, исповедующий веру, не грешит, и никто, стяжавший любовь, не ненавидит. Дерево познается по плоду своему: так и те, которые исповедуют себя христианами, обнаружатся по делам своим. Теперь дело не в исповедании *только*, а в силе веры, если кто пребудет в ней до конца.

*Не словами только, но и молчанием
будем исповедовать Господа*

Лучше молчать и быть, нежели говорить и не быть. Хорошее дело учить, если тот, кто учит, и творит. Поэтому один только Учитель, Который сказал и исполнилось; и то, что совершил Он в безмолвии, достойно Отца. Кто приобрел слово Иисусово, тот истинно может слышать и Его безмолвие, чтоб быть совершенным, дабы и словом действовать и в молчании открываться. Ничто не сокрыто от Господа, напротив и тайны наши близки к Нему. Посе-

му будем все делать так, как бы Он Сам был в нас, чтоб мы были Его храмами, а Он был в нас Богом нашим, — как Он и действительно есть, и некогда явится пред лицом нашим, потому мы справедливо и любим Его.

*Растлевающие веру ложным учением
пойдут в огонь вечный*

Не обольщайтесь, братья моя! растлевающие дома* Царствия Божия не наследят. Но если делающие это в отношении к плоти подвергаются смерти, то не гораздо ли более, — если кто злым учением растлеывает веру Божию, за которую Иисус Христос распят? Такой человек, как скверный, пойдет в неугасимый огонь, равно как и тот, кто его слушает.

Слава креста. Рождение и крещение Христа

Мой дух — в прах пред крестом, который для неверующих соблазн, а для нас спасение и вечная жизнь**. Где мудрец, где совопросник***, где хвастовство так называемых разумных? Ибо Бог наш Иисус Христос, по устроению Божию, зачат был Мариею из семени Давидова, но от Духа Святого. Он родился и крестился для того, чтобы Своим страданием очистить и воду.

* 1 Кор. 6, 10. Еф. 5, 5.

** 1 Кор. 1, 18.

*** 1 Кор. 1, 20.

Три таинства

Но от князя века сего сокрыто было девство Марии и Ее деторождение, равно и смерть Господа, три достославные тайны, совершившиеся в безмолвии Божиим. Как же они открылись векам? — Звезда воссияла на небе ярче всех звезд, и свет ее был неизреченный, а новость ее произвела изумление. Все прочие звезды, вместе с солнцем и луною, составили как бы хор около этой звезды, а она разливала свет свой на все. И было смущение, откуда это новое, непохожее на те звезды, явление. С этого времени стала упадать всякая магия, и все узы зла разрываться, неведение проходить, и древнее царство распадаться: так как Бог явился по-человечески для обновления вечной жизни, и получало начало то, что было приготовлено у Бога. С этого времени все было в колебании, так как дело шло о разрушении смерти.

К ТРАЛЛИЙЦАМ

Я имею нужду в смирении

Много разумею я о Боге, но смиряю себя, чтоб не погибнуть от тщеславия. В настоящее время еще более мне должно остерегаться, и не внимать надмевающим меня, ибо, хваля меня, они наносят раны. Я желаю страдать, но не знаю, достоин ли. Ревности во мне многие не видят, а она сильно берет меня. Посему нужна мне кротость, которую низлагается князь века сего.

Я не преподам вам возвышенных учений!

Ужели я не могу написать вам о небесном? Но опасаясь, чтобы вам, еще младенцам, не нанести вреда, и, простите меня, — чтобы вы, не будучи в состоянии вместить, не отяготились, ибо и я, хотя нахожусь в узах, и могу понимать небесное, и степени ангелов, и чины начальств, но при всем том я еще несовершенный ученик. Многого еще недостает нам, чтобы быть совершенными в Боге.

Удаляйтесь от яда еретиков

Итак, прошу вас, не я, но любовь Иисуса Христа, — питайтесь одной христианской пищею, а от чуждого растения, какова ересь, отвращайтесь. К яду своего учения *еретики* примешивают Иисуса Христа, чем и приобретают к себе доверие: но они подают смертоносную отраву в подслащенном вине. Не знающий охотно принимает ее, и вместе с пагубным удовольствием *принимает* смерть.

Берегитесь от еретиков

Поэтому берегитесь таких *людей*. А это удастся вам, если не будете надмеваться и отделяться от Бога Иисуса Христа и епископа и апостольских заповедей. Кто внутри алтаря, тот чист, а кто вне его, тот нечист, то есть, кто делает что-нибудь без епископа, пресвитера и диакона, тот нечист совестью.

*Противу козней диавола
укрепляйтесь кротостию, верою и любовию*

Не то, чтобы знал я что-нибудь подобное среди вас, но предостерегаю вас, мои возлюбленные, предвидя козни диавольские. Посему, стяжавши кротость, утвердите себя взаимно в вере, которая есть плоть Господа, и в любви, которая есть кровь Иисуса Христа. Никто из вас да не имеет ничего против ближнего своего. Не подавайте поводов язычникам, чтобы из-за немногих неразумных не было хулимо все благочестивое общество. Ибо „горе тому, чрез кого все в ком-нибудь имя Мое хулится“*.

*Не слушайте отвергающих Христа,
истинно родившегося, умершего и воскресшего*

Потому не слушайте, когда кто будет говорить вам не об Иисусе Христе, Который произошел из рода Давидова от Марии, истинно родился, ел и пил, истинно был осужден при Понтии Пилате, истинно был распят и умер, в виду небесных, земных и преисподних, — Который истинно воскрес из мертвых, так как Его воскресил Отец Его, Который подобным образом воскресит и нас, верующих в Иисуса Христа, ибо без Него мы не имеем истинной жизни.

* Ис. 52, 5.

*Если Христос страдал истинно,
то я напрасно ношу узы*

А если иные, как некоторые безбожники, то есть неверующие, говорят, что Он страдал только призрачно, — сами они призрак, — то зачем же я в узах? Зачем я пламенно желаю бороться со зверями? Зачем я напрасно умираю? Значит, я говорю ложь о Господе?

К РИМЛЯНАМ

*Молитесь Богу о даровании мне сил
для мученического подвига*

Вы никогда никому не завидовали, и других учили *тому же*. Желаю, чтобы вы подтвердили делом, что преподается в своих наставлениях. Только просите для меня у *Бога* внутренней и внешней силы, чтобы я не говорил только, но и желал, чтобы не назывался только христианином, но и был в самом деле. Если я действительно окажусь им, то могу и называться им, и только тогда могу быть *истинно* верным, когда мир не будет более видеть меня. Ничто видимое не вечно. (*Ибо видимое временно невидимое вечно.*) Бог наш Иисус Христос является в большей славе, когда Он в Отце. Христианство — не в молчаливом убеждении, но в величии дела, особенно когда ненавидит его мир.

Пусть измельют меня зубы зверей

Я пишу церквам и всем сказываю, что добровольно умираю за Бога, если только вы не воспрепятствуете мне. Умоляю вас: не оказывайте мне неблагоприятной любви: оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пшеница Божия: пусть измельют меня зубы зверей, чтобы я сделался чистым хлебом Христовым. Лучше приласкайте этих зверей, чтоб они сделались гробом моим и ничего не оставили от моего тела, дабы по смерти не быть мне кому-либо в тягость. Тогда я буду по истине учеником Христа, когда даже тела моего мир не будет видеть. Молитесь о мне Христу, чтоб я посредством этих орудий сделался жертвою Богу. Не как Петр и Павел заповедую вам. Они апостолы, а я осужденный: они свободные, а я доселе еще раб. Но если пострадаю, — буду отпущенником Иисуса и воскресну в Нем свободным. Теперь же в устах своих я учу не желать ничего мирского или суетного.

Чрез смерть я достигну истинной жизни

Никакой пользы не принесут мне удовольствия мира, ни царства века сего. Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всею землею. *(Ибо какая польза человеку, если он приобретет целый мир, а душе своей повредит?)* *. Его ищу, за нас умершего. Его желаю, за нас воскресшего. Я имею в виду выгоду: простите мне, братья! Не пре-

* Мф. 16, 26.

пятствуйте мне жить, не желайте мне умереть. Хочу быть Божиим: не отдавайте меня миру. Пустите меня к Чистому свету: явившись туда буду человеком Божиим. Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего. Кто сам имеет Его в себе, тот пусть поймет, чего желаю, и окажет сочувствие мне, видя, что занимает меня.

Св. Феофил Антиохийский, согласно Евсевию, был шестым епископом Антиохийской церкви, вероятно между 169 и 180 годами. О жизни его известно только, что он родился вблизи Евфрата, в языческой семье, и получил греческое образование. В христианство он обратился уже в зрелом возрасте после долгих размышлений и изучения Св. Писания, особенно книг пророков (к Авт. 1, 14). Как сообщают Евсевий и св. Иероним, перу его принадлежат „превосходные” апологетические произведения — опровержение ересей Маркиона и Гермогена, пастырские сочинения — „краткие и прекрасные трактаты, относящиеся к назиданию Церкви”, и экзегетические труды, хотя св. Иероним выражает сомнение в принадлежности их св. Феофилу. Из всех его сочинений сохранились лишь три книги к Автолику, образованному и влиятельному язычнику, предубежденному против христианства.

ФЕОФИЛА К АВТОЛИКУ

Книга первая

1. Красноречивый язык и изящные выражения доставляют наслаждение и питают тщеславие людей с испорченным умом; любитель же истины не обращает внимания на цветистость слов, но исследует самое дело речи, что и каково оно. Так как ты, мой друг, забросал меня пустыми словами, говоря в похвалу твоих богов — каменных и деревянных, выбитых и литых, изваянных и живописных, „которые не видят и не слышат, ибо они суть идолы и произведения рук человеческих”¹, и сверх того называешь меня христианином, как будто я ношу

¹ Псал. 113, 12-14 и 134, 15-17.

какое-нибудь преступное имя: то с своей стороны признаю, что я христианин, и ношу это боголюбивое имя в надежде быть угодным Богу. Имя Божие не есть, как ты предполагаешь, что-либо укорительное; может быть, потому думаешь так о Боге, что сам ты еще не угоден Богу.

2. Если ты скажешь: „покажи мне твоего Бога”, то я отвечу тебе: покажи мне твоего человека, и я покажу тебе моего Бога. Покажи, что очи души твоей видят и уши сердца твоего слышат. Ибо как телесные глаза у зрячих людей видят предметы этой земной жизни и усматривают различие, например, между светом и тьмою, между белым и черным, между безобразным и красивым, между правильным и соразмерным и неправильным, несоразмерным, между чрезмерным и недостаточным, или как уши различают звуки, подлежащие слуху — резкие, тяжелые и приятные: так точно есть уши сердца и очи души, чтобы видеть Бога. И Бог бывает видим для тех, кто способны видеть Его, у кого именно открыты очи душевные. Все имеют глаза, но у иных они покрыты мраком и не видят солнечного света. И хотя слепые не видят, свет солнечный все-таки существует и светит, а слепые пусть жалуются на самих себя и на свои глаза. Так и у тебя, друг мой, очи твоей души помрачены грехами и злыми делами твоими. Человек должен иметь душу чистую, как блестящее зеркало. Когда на зеркале есть ржавчина, то не может быть видимо в зеркале лицо человеческое: так и человек, когда в нем есть грех, не может созерцать Бога. Итак, покажи ты себя самого, не прелюбодей ли ты, не блудник ли ты, вор, грабитель, похититель, растлитель отроков, не сварлив ли ты, не злоречив ли, не гневлив ли, не завистлив ли,

не надменен ли, не горд ли, не буен ли, не сребролюбив ли, не ослушник ли родителей, не продавец ли детей твоих. Ибо Бог не открывается тем, кто это делают, если наперед не очистят себя от всякой скверны. Все это наводит мрак и как болезнь на глазах не позволяет им обращаться к свету солнечному, так и тебя, мой друг, беззакония помрачают так, что не можешь видеть Бога.

3. Ты скажешь мне: „ты видящий опиши мне вид Бога”. Послушай, друг мой, вид Бога неопишем и неизъясним, ибо не может быть виден плотскими глазами. Его слава бесконечна, величие необъятно, высота непостижима, могущество неизмеримо, мудрость неисследима, благодать неподражаема, благодеяния неизреченны. Ибо, если назову Его светом, то я скажу об Его творении; назову ли Его Словом, скажу об владычестве; назову ли Его умом, скажу об Его мудрости; назову ли Духом, скажу об Его дыхании; назову ли мудростию, скажу об Его порождении; назову ли крепостию, скажу об Его могуществе; назову ли силою, скажу об Его деятельности; назову ли Промыслом, скажу об Его благости; назову ли царством, скажу об Его славе; назову ли Господом, — назову Его судиею; назову ли судиею, — назову Его праведным; назову ли отцом, — скажу об Его любви; назову ли огнем, — скажу об Его гневе. Скажешь мне: „так Бог гневается?” Да, Он гневается на тех, которые делают зло, но благ, щедр и милостив к любящим и боящимся Его; ибо Он наставник благочестивых и отец праведных, но судия и каратель нечестивых.

4. Бог безначален, потому что Он не произошел, — неизменяем, потому что бессмертен. Он называется Богом, потому что положил все в Своей кре-

пости (...). Он называется Господом, потому что господствует над всем, — Отцом, потому что существует прежде всего, — Зиждителем и Творцом, потому что все создал, сотворил, — Всевышним, потому что превыше всего, — Вседержителем, потому что всем управляет и все содержит. Ибо и высоты небес и глубины бездн, и пределы вселенной в руке Его, и нет места Его успокоения¹. Небеса — Его дело, земля — Его творение, море — Его создание, человек — Его произведение и подобие, солнце, луна и звезды — Его стихии, сотворенные в знаменья, во времена, дни и годы², на службу и пользу людей; и все Бог создал из небытия в бытие, дабы из дел Его было познаваемо и разумеемо Его величие.

5. Как душа в человеке не видима и незрима для людей, познается же чрез движение тела, так и Бога нельзя видеть очами человеческими, но Он созерцается и познается из Его провидения и действий. Ибо кто увидит корабль в море снаряженный и идущий к берегу, непременно заключит, что есть на нем кормчий, управляющий его движением; так точно должно думать, что есть Бог Правитель вселенной, хотя Он и невидим плотскими глазами по Его бесконечности. Если человек не может взглянуть на солнце — это весьма малое в сравнении с вселенной тело, — по чрезмерному его жару и силе, то не меньше ли еще смертный человек может зреть неизреченную славу Бога? Как гранатовое яблоко, снаружи покрытое кожицею, имеет внутри много ячеек и вместилищ, отделенных друг от друга тонкими плевами, и содержит в себе много семян: так все творение содержится Духом Божиим и этот

¹ Исайя 66, 1 и Деян. 7, 49.

² Быт. 1, 14.

Дух вместе с творением содержится рукою Божией. И как зерно гранатового яблока, в нем содержащееся, не может видеть то, что вне кожицы, будучи само внутри: так и человек, который вместе со всем творением содержится рукою Божией, не может видеть Бога. Далее — царя земного хотя не все видят, но признают его бытие и знают о нем по его законам, распоряжениям, властям, войскам и изображениям. А ты не хочешь таким же образом познавать Бога из Его дел и сил?

6. Рассмотрим, мой друг, дела Его, — тремственные смены времен года и перемены воздухов, благочинное течение звезд, правильное последование дней и ночей, месяцев и годов, разнообразную красоту семян, растений и плодов, многоразличные виды животных четвероногих, птиц, гадов и рыб, речных и морских, — также данный животным инстинкт к рождению и воспитанию потомства не для их собственной пользы, а для употребления человека. — Промысл Божий, приготовляющий пищу для всякой плоти, — то подчинение, которое определено животным в отношении к человеческому роду, — течение приятных потоков и неиссякающих рек, периодическое выпадение росы и дождей, разнообразное движение небесных тел, восход утренней звезды, предвестницы появления полного светила, союз Плеяды и Ориона, течение Арктура и прочих звезд по небесному кругу, коим всем многоразличная премудрость Божия дала собственные имена¹. Сей Бог единый сотворил из тьмы свет, хранилища южного ветра² и сокровища бездны и пределы

¹ Пс. 146, 4.

² Иов. 9, 9.

морей, и сокровища снега и града, собирает воды в сокровищах бездны¹ и мрак в его сокровищах, и изводит свет приятный и вожделенный из сокровища его, возводит облака с края земли и умножает молнии для дождя, посылает гром для страха и предвозвещает взрыв грома посредством молнии, чтобы никто не умер от внезапного страха, и самую силу молнии, сходящей с небес, умеряет так, чтобы она не сожгла земли, ибо если бы молния взяла всю силу свою, то сожгла бы землю, и гром, предоставленный самому себе, разрушил бы все на земле.

7. Сей Бог мой есть Господь вселенной, Который один простер небо² и положил широту поднебесной, Который возмущает глубину моря и шум волн его возбуждает³, владычествует над силою его и укрощает возмущение волн⁴, Который утвердил землю на водах⁵ и дает дух, питающий ее, дыхание коего животворит все, и с удержанием коего вселенная разрушится. Об Нем ты говоришь, человек, Его духом дышишь и Его-то не знаешь. Это произошло у тебя от помрачения души и окаменения сердца твоего. Но, если хочешь, можешь излечиться: отдай себя врачу и он снимет болезнь с очей твоей души и сердца. Кто этот врач? Бог, Который чрез Слово и премудрость врачует и животворит. Бог Словом Своим и Премудростию сотворил все: ибо „Словом Его небеса утвердились и Духом Его

¹ Пс. 32, 7.

² Иов. 9, 8; 38, 18.

³ Псал. 64, 7.

⁴ Пс. 88, 10.

⁵ Пс. 23, 2.

вся сила их”¹. Превосходна Его Премудрость: „Бог премудростию утвердил землю и устроил небеса разумом, в чувстве Его бездны разверзлись и облака источили росу”². Если ты разумеешь это, друг, и живешь чисто, свято и праведно, то можешь видеть Бога. Прежде же всего да утвердятся в сердце твоём вера и страх Божий, и тогда ты уразумеешь это. Когда отложишь смертное и облечешься в бессмертие, тогда узришь Бога, как следует. Ибо воздвигнет Бог плоть твою бессмертную вместе с душою; и тогда, сделавшись бессмертным, узришь Бессмертного, если ныне уверуешь в Него, и тогда познаешь, как ты несправедливо говорил о Нем.

8. Но ты не веруешь в воскресение мертвых. Когда оно совершится, — уверуешь волею-неволею, но вера твоя вменится в неверие, если ныне не уверуешь. И почему ты не веруешь? Или не знаешь, что во всех делах предшествует вера? Какой земледелец может получить жатву, если прежде не вверит земле семени? Кто может переплыть море, если прежде не доверится кораблю и кормчему? Какой больной может излечиться, если прежде не доверится врачу? Какое искусство или знание можно изучить, если прежде не отдадим себя и не доверимся учителю? Итак, земледелец верит земле, плаватель — кораблю, и больной — врачу, а ты не хочешь довериться Богу, имея от Него столько залогов? Первое — то, что Он сотворил тебя из небытия в бытие. Ибо если бы не было твоего отца и матери, тем более ты не существовал бы. И Он образовал тебя из небольшой влажной сущности и малейшей капли, которая и сама некогда не существовала; Бог про-

¹ Псал. 32, 6.

² Притч. 3, 19-20.

извел тебя в эту жизнь. Веришь же ты, что созданные людьми статуи суть боги и делают дивные вещи. А не веруешь, что Бог, сотворивший тебя, может некогда воссоздать тебя?

9. Далее, имена богов, которым, как говоришь, ты поклоняешься, суть имена умерших людей. И кто же и каковы они были? Кронос не оказывается ли ядушим и истребляющим своих собственных детей? Укажешь ли на Зевса, его сына, — рассмотри внимательно его действия и образ жизни. Прежде всего, он был воспитан на горе Иде козю, и, как говорят мифы, убил ее и, сняв с нее кожу, сделал себе одежду. О прочих его действиях, кровосмешениях, прелюбодеяниях и срамных делах, гораздо лучше рассказывает Гомер и другие поэты. Нужно ли мне указывать на его сыновей, — на Геракла, самого себя сжегшего, на Диониса, пьяного и неистового, на Аполлона, от страха бежавшего от Ахиллеса, влюбленного в Дафну и не ведавшего о смерти Гиацинта, — на Венеру раненную, на Арея, губителя людей, и еще более — на кровь, текущую из этих называемых богов? Но это — еще маловажно в сравнении с тем, как вспомним о растерзанном боге, называемом Озирис, по котором ежегодно совершаются празднества, как по погибающем и опять находимом, отыскиваемом по частям, ибо неизвестно, умер ли он, и не видно, отыскан ли. Нужно ли говорить мне об Аттисе, оскопленном, или об Адонисе, блуждающем в лесу, занимающемся охотою и раненном вепрем, или об Асклепии, пораженном молнией, или о Сераписе, бежавшем из Синопы в Александрию, или об Артемиде Скифской, также бывшей в бегстве, человекоубийце, охотнице и влюбленной в Эндимиона? Это не мои

слова, но об этом рассказывают ваши же историки и поэты.

10. К чему мне перечислять множество животных, чтимых египтянами, — гадов, скотов, зверей, птиц, животных речных, даже тазы и постыдные звуки? Если укажешь на эллинов и на другие народы, то они чтут камни, деревья и другие материальные вещи, изображения, как я уже сказал, умерших людей. Известно, что Фидий сделал в Пизе для илийцев Зевса олимпийского, а для афинян — Афину в Акрополе. Спрошу и я тебя, друг мой, сколько насчитывается Зевсов. Во-первых, есть Зевс олимпийский, потом Зевс Латиар, Зевс касский, Зевс Керавний, Зевс пропатор, Зевс Панний, Зевс Полиух и Зевс capitoлийский. Зевс, сын Кроноса, бывший царем критян, имеет гробницу в Крите; а прочие, быть может, не удостоились погребения. Если упомянешь о матери так называемых богов, то уста мои да не изрекут ее деяний (ибо нам непристойно и называть таковые) или деяний ее служителей, поклоняющихся ей, и сколько дохода и податей царю доставляют и она и ее сыны. Ибо они не боги, но идолы, как я прежде сказал, „дела рук человеческих и нечистые демоны. Подобны им будут те, которые делают их и надеются на них”¹.

11. Поэтому скорее буду почитать царя, *нежели богов ваших*, почитать не поклоняясь ему, но молясь за него. Поклоняюсь же Богу, Который поистине есть Бог истинный, зная, что царь от Него сотворен. Ты скажешь мне: почему не поклоняешься царю? — Потому, что он сотворен не для того, чтоб ему поклонялись, но чтобы воздавалась законная

¹ Псал. 113, 12; 131, 15, 18; 96, 5.

честь. Он не Бог, но человек, от Бога поставленный, не для того, чтоб ему поклонялись, но чтоб он судил праведно. Ибо ему некоторым образом вверено от Бога управление; и как он никому из поставленных ниже его не позволяет называться царями — ибо ему принадлежит имя царя и другому непозволительно называться этим именем, — так и поклонение никому не принадлежит, кроме единого Бога. Так-то, друг мой, во всем ты заблуждаешься. Царя же почитай благорасположением к нему, повиновением ему, молитвою за него. Поступая так, исполнишь волю Божию. Ибо закон Божий говорит: „сын, чти Бога и царя и ни к кому из них не будь непокорен, ибо отмстят внезапно врагам своим”¹.

12. Что же касается твоих насмешек над мною и над моим именем христианина, — то не знаешь, что говоришь ты. Во-первых, что помазано, то приятно, благополезно и не должно быть осмеваемо. Ибо какой корабль может быть пригоден и прочен, если прежде не будет помазан? Или какая башня или дом могут быть красивы и удобны, если не будут помазаны? Кто, вступая в эту жизнь или выходя на палестру, не помазывается маслом? Какое произведение или украшение может иметь благообразие, если не помажется и не очистится? Далее — воздух и вся поднебесная некоторым образом помазываются светом и дыханием. А ты не хочешь помазаться елеем Божиим? Потому-то мы и называемся христианами, что помазуемся елеем Божиим.

13. Ты отрицаешь еще воскресение мертвых и говоришь: покажи мне хоть одного воскресшего из мертвых, чтоб увидеть и поверить. Но во-первых,

¹ Притч. 24, 21-22.

что великого в том, что поверишь, увидев событие? Потом, веришь же ты, что Геракл сам себя сжег и еще жив, что Асклепий был поражен молнией и воскрес. А не веришь тому, что сказано Богом? Я, может быть, показал бы тебе мертвеца, который воскрес и еще жив, но ты и этому не поверишь. Бог доставляет тебе много доказательств, располагающих верить Ему. Если угодно тебе, обрати внимание на окончание времен года, дней и ночей, как они кончаются и опять возникают. Не бывает ли также воскресение семян и плодов и это — на пользу людей? Ибо, например, когда брошено в землю зерно пшеницы или других семян, то прежде оно умирает и разлагается, потом же поднимается и встает колосом. И деревья не производят ли, по велению Божию в определенные времена плоды, прежде скрытые и невидимые? Далее, иногда воробей или другая птица, проглотив семя от яблони или смоковницы или другого дерева, улетит на какой-нибудь каменистый холм или гробницу и здесь выбросит из своего желудка семя, тогда оно, пустив корень, вырастает в дерево, хотя прежде было в желудке и перешло чрез такую сильную теплоту. Все это производит премудрость Божия для того, чтоб и посредством сего доказать, что Бог может совершить общее воскресение всех людей. Если же хочешь видеть более дивное зрелище в доказательство воскресения — не только от земных вещей, но и от небесных, то представь совершающееся ежемесячное воскресение луны, как она убывает, исчезает и опять возрастает. Вникни еще, друг мой, в дело воскресения, совершающееся в тебе, хотя ты не ведая о сем. Ты, может быть, подвергался какой-нибудь болезни и терял дородность тела, крепость

и красоту, но получив милость от Бога и исцеление, снова возвращал телесное здоровье, красоту и силу; и как ты не знал, куда девалась плоть твоя исчезнувшая, так не знаешь, откуда она появилась и пришла. Ты скажешь: от пищи и соков, превратившихся в кровь. Хорошо, но и это есть также дело Бога, так устрояющего, а не кого другого.

14. Итак, не будь неверующим, но веруй. Я также прежде не верил, что это будет, но теперь верю после того, как сообразил эти доказательства и вместе прочитал священные писания святых пророков, которые по вдохновению от Духа Божия предсказали и прошедшее так, как оно совершилось, и настоящее так, как оно происходит, и будущее в том виде, как оно исполнится. Таким образом, убежденный посредством того, что совершается и было раньше возведено, я теперь не остаюсь в неверии, но верую, повинуюсь Богу. Ему и ты, если хочешь, повинуйся и уверуй, дабы, если теперь не уверуешь, не вынужден был тогда уверовать посредством вечных мучений. Так как об этих наказаниях было предсказано пророками, то бывшие после них ваши поэты и философы похитили учение о них из священных писаний, чтобы мнениям своим предать достоверность. И сами они предсказывали о наказаниях, имеющих поразить нечестивых и неверующих, чтоб они были известны всем и не могли некоторые сказать: мы не слышали и не знали. Если хочешь, и ты тщательно читай пророческие писания, и они самым верным путем приведут тебя к тому, чтоб избегнуть вечных мучений, и получим вечные блага Божии. Ибо „Тот, кто дал уста, чтобы говорить, образовал уши, чтобы слышать, и сотворил глаза, чтобы видеть”¹,

¹ Исх. 4, 11; Псал. 93, 3.

исследует все и совершит суд праведный, воздая каждому согласно с его делами. Тем, которые постоянно посредством добрых дел ищут нетления, Он дарует вечную жизнь, радость, мир, покой и множество благ, „которых ни глаз не видел, ни ухо не слышало и которые не всходили на сердце человека”¹, а тех, которые неверуют, презирают и не покоряются истине, но повинуются неправде, так как они исполнены блуда, прелюбодеяния, срамных дел, любостяжания и нечестивого идолослужения, постигнет гнев и негодование, скорбь и теснота, и наконец, возьмет их огонь вечный. Так как ты, мой друг, сказал: покажи мне твоего Бога, — то вот какой Бог мой, и я советую тебе бояться Его и верить в Него.

¹ 1 Кор. 2, 9.

СЧАСТЬЕ

Люди, когда по желанию своему что получают, счастливыми называются: тако христианин счастлив есть, когда имеет то, чего желает и ищет. Счастливы люди тии, которые или от работы, или от темницы, или от ссылки, или от плена освободились. Христианин счастлив есть, когда от грехов, которыми, как узами, связан был, и от работы диавольския свободился. Счастье у людей есть, что здоровое тело имеют: христианское счастье есть иметь здоровую душу. Счастливыми называются тии воины, которые одерживают победу над врагами своими: воистину, счастлив тот христианин, который себе самого побеждает. За счастье себе почитают многие, что им удалось врагам своим отмстить: истинное христианина счастье есть, что он врагам своим уступает и не воздает зла за злое; большее еще счастье есть, *когда их любит и благотворит им*; тогда-то он подлинно сын есть Небесного Отца, *ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Матф. 5, 44-45). Счастье у людей есть, что много от людей принимают и собирают: счастлив воистину тот христианин, который от всего, что имеет

Из книги „Сокровище духовное от мира собираемое”. Санкт-Петербург 1898 г. Синодальная типография.

у себе, ближним своим уделяет. *Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут* (Матф. 5, 7) *Добрый человек милует и займы дает: он даст твердость словам своим на суде.* (Пс. 111, 5). Счастье у людей есть быть богатым и славным в мире сем: христианина счастье есть добрыми делами богатеть, и славу мира сего презирать. Счастье у людей есть над другими людьми господствовать и царствовать: христианин счастлив есть, когда над собою самим, над плотью своею, над страстями и похотями своими господствует и царствует, и ими повелевает. Сей есть воистину господин, царь и повелитель! Многие над людьми господствуют и царствуют, но сами рабы суть греха и пленники страстей своих. Воистину преславный царь есть и господин, кто страстями и похотями своими владеет! Счастье у людей есть богатую поставлять трапезу и тою насыщаться: христианина счастье есть внутри сердца своего слышать слово Божие, и тем насыщать душу свою, утешать и увеселять; се есть богатая трапеза, преславная и пресладкая христианская души вечеря! Счастлив у людей есть, кто в радости и веселии мира сего живет: христианина счастье есть, ежели он печаль по Боге имеет, и плачется своих ради грехов. *Блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Матф. 5, 4). Счастье у людей есть, когда человек в богатом и красном доме живет: христианина счастье есть, ежели он истинно внутри Церкви Божией обретается, есть истинный сын Церкви, сожитель святым, присный Богу и духовный уд Христов. *Блажены живущие в доме Твоем; они непрестанно будут восхвалять Тебя* (Псал. 83, 5). Счастье у людей есть — иметь себе защитников и помощников от сильных людей: христианина счастье есть — иметь себе Бога защит-

ника и помощника. *Блажен, кому помощник Бог Иаковлев, у кого надежда на Господа Бога его, сотворившего небо и землю, море, и все, что в них, вечно хранящего верность, творящего суд обиженным, дающего хлеб алчущим* (Псал. 145, 5-7). Счастье у людей есть — быть крепким телом и храбрым на брани: христианина счастье есть, ежели он крепок душою, неподвижимый и неодолимый на брани, от диавола бываемой, и во искушениях, бедах и напастях, от него наносимых, непреклонен есть. Се есть крепость и великодушие христианское! Се есть храбрый воин Христов! *Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила!* и проч. с Тобою все могу. Без Тебя ничего не могу. *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе,* и проч. (Филип. 4, 13). Возлюбленный христианине! пусть люди в счастья мира сего процветают: ты довольно счастлив будешь, когда внутри себе счастье будешь иметь, то-то есть истинное, неподвижное и неотъемлемое счастье! Пусть люди много знают вне себе: ты довольно счастлив, когда знаешь самого себе и внутри себе, хотя и ничего иного не знаешь. Пусть люди красуются здоровьем телесным, ты довольно счастлив, когда здоровье душевное имеешь, хотя телом и недугуешь. Пусть люди изобилуют тленным богатством: ты довольно счастлив, когда внутри себе благочестие и сокровище добродетелей носишь. Пусть люди хвалятся защитниками и помощниками своими: я, де, того и того имею князя и вельможу защитника своего, тот, де, и тот муж помогает мне в бедах моих и напастях: ты довольно счастлив, когда Бог помощник и защитник твой есть. Пусть люди свободу и благородие свое оказывают: ты довольно счастлив, когда христианское благородие и душу свободну

от грехов имеешь, хотя и работаешь людям, или в темнице заключен имеешься, или в ссылке послан страждешь, или в плену находишься. Пусть люди хвалятся, что у царя или вельможи, или князя имеются в милости: ты весьма счастлив будешь, ежели у Бога, Небесного Царя, в милости быть сподобишься, хотя никто от человек не будет к тебе милостив; единого Бога милость будет тебе паче милости всего мира. Пусть люди живут в красных палатах и чертогах: ты довольно счастлив, когда живешь в доме Божии, иже есть Церковь Бога жива, — и сожитель святым, и присный Богу, и домашний Христов имеешься, хотя и в хижине, или в пещере живешь, или не имеешь, где главы подклонити. Пусть люди питаются и насыщаются богатою и сладкою трапезою: ты довольно счастлив, когда душа твоя питается и насыщается гласом Божиим, и утешается небесными, духовными и святыми мыслями, хотя и хлеба единого с водою, ради подкрепления немощи телесной, вкушаешь. Пусть хвалятся крепостию сил своих, ты довольно счастлив, когда душа твоя стоит неподвижна противу козней и искушений диавольских, хотя и никакой телесной крепости не имеешь. Пусть люди ходят в шелковых и красных одеждах: ты довольно счастлив, когда душа твоя благодатию Христовою, верою, надеждою, любовью и прочею духовною утварию украшается, хотя и рубищем одеваешься. Пусть люди славятся, что с сильными и славными мира сего дружество имеют: ты довольно счастлив и славен, когда вошел в дружество со Христом, Сыном Божиим, имеешь *общение с Отцем и с Сыном Его Иисусом Христом* (1 Иоанн. 1, 3), хотя и никого от человека друга себе не имеешь и прочия. Се есть истинное счастье

и подлинное блаженство, которого ни огонь, ни вода, ни темница, ни ссылка, ни пленение, ни хитрость, ни злоба человеческая, ни смерть отнять не может. *Если Бог за нас, кто против нас?* (Римл. 8, 32). Сие блаженство везде и всегда носит с собою человек, ибо внутри себе имеет. *Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть* (Лук. 17, 21). *Ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе* (Римл. 14, 17). С сим блаженством христианин и на оный век отходит, и приносит в небесное свое отечество, и от блаженства в вечное и совершеннейшее блаженство приходит, где будет душою и телом совершенно блажен. О, воистину истинное есть христианское блаженство, воистину дражайшее счастье! Что убо пользует человеку по миру счастливым быть, но христианского счастья не иметь? Что пользует телом здравствовать, но душу расслабленную иметь? Расслабленные души знак есть злонравия. Что пользует благородием и свободою телесною хвалиться, но рабом греха и страстей быть? *Всякий, делающий грех, есть раб греха* (Иоанн. 8, 34). *Ибо, кто чем побежден, тот тому и раб* (2 Петр. 2, 19). Что пользует вне себя много знать, но себе самого не знать? Бедный человек! Старайся прежде познать себе самого, и тогда много будешь знать. Что пользует тленным веществом богатеть, но душою нищенствовать? Нищий тот богач, кто тленным серебром и золотом богатеет, но добродетелию нищенствует. Что пользует в богатом и красном доме жить, но вне дома Божия, Церкви святые, как извергу, считаться? Что пользует людьми владеть и управлять тому, кто сам собою владеть не может? Человек! Научись прежде собою владеть, и тогда счастливо людьми владеть будешь. Что пользует тленное

украшать тело, а душа бессмертная наготует и скаредным греховным рубищем покрывается. Человека несмысленный! Оставь смертное тело — прах, землю и пепел, а украшай бессмертную душу; и тогда будешь внутри себе иметь красоту, но истинную и нетленную, и проч. Христианине! Мира сего счастье есть общее нечестивым и благочестивым, паче же нечестивым. Кто бо более в мирском счастье живет, как нечестивые? О них-то написано: *нет страданий до смерти их, и крепки силы их. На работе человеческой нет их и с прочими людьми не подвергаются ударам* (Псал. 72, 4-5). Но духовное счастье есть свойственное единым истинным христианам. Имей истинное благочестие внутри себе: и тогда будешь иметь истинное счастье и внутри тебе, но неотъемлемое, и сравненно лучшее паче мирского. *Тем, которые поступают по сему правилу, мир им и милость, и Израилю Божию* (Гал. 6, 16).

Отсюда почерпать могут утешение люди благочестивые, но по миру сему несчастливые:

1. *Неможные*. Вы, страдальцы любезные, не изнемогайте душою вашею! Хотя тело ваше и тлеет, но святые души ваши исцеляются, и здоровье свое получают. *Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется.* (2 Кор. 4, 16). Вы с нищим Лазарем страждете zde, но с ним и лоно Авраамле наследите (Лук. 16, 22).

2. *Рабы и крестьяне, господам подчиненные*. Вы, смиренные и кроткие овечки Христовы, отсюда утешение свое почерпайте, что хотя и называетесь рабами человеческими, но есте свободники Христовы: телом работаете людям, но души ваши свободны от работы греховная; не имеете свободы и благородия, якоже господа ваши, но души ваши свобо-

дою и благородием христианским украшаются. Радуйтесь убо и веселитесь, яко и вас ждет наследие сынов Божиих.

3. *Нищие и убогие.* Вы, в скудости и убожестве живущие рабы Христовы, не унывайте, видя других в богатстве живущих. Оставьте и они, все, что имеют. *Не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается: ибо умирая, не возьмет ничего; не пойдет за ним слава его.* (Псал. 48, 17-18). Вы не имеете тленного золота и серебра и прочего вещества; но внутри себе носите нетленное сокровище: тем довольны будите. Не живете в богатых домах: но есте приснии Богу, домашнии Христовы и сожители святым: тем довольны будите. Носите на теле вашем рубища; но души ваши святые одеждою спасения одеваются. Не имеете благих мира сего; но сокровенна вам суть благая на небесах, *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его.* (1 Кор. 2, 9). Поминайте Христову нищету: *ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою* (2 Кор. 8, 9).

4. *Посмеянные и поруганные от мира.* Вы, которые как сметье, от мира попираетесь, воспримите в сердце ваше слово утешения. Пусть мир делает вам, что хочет: вы Христовы есте. Се есть велика слава и похвала, быть Христовым, Иже есть Господь славы! *Господом будет хвалиться душа моя* (Псал. 33, 3). Вам посмевается, вас уничивает и ругает мир, но души ваши честны суть у Бога: вас осуждает мир, но оправдает вас Бог; вас проклинает мир, но благословляет вас Бог. *Прокленут ти, и Ты благословиши.* Вас извергает мир, как непотребных, но

примлет Бог. *Боже хвалы моей! не премолчи. Ибо отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные; говорят со мною языком лживым. Отовсюду окружают меня словами ненависти, вооружаются против меня без причины. За любовь мою они враждуют на меня, а я молюсь* (Псал. 108, 1-4). Поминайте, что Христос, глава наша и Господь славы, презрен, уничижен, посмеян и поруган был от злого мира. *Раб не больше Господина своего* (Иоан. 13, 16). *Если хозяина дома называли вельзевулом, не тем ли более домашних его?* (Матф. 10, 25) Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; *радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах.* (Матф. 5, 11-12).

5. *Сидящие в темнице.* Вы, возлюбленные страдальцы Христовы, претерпите, что страждете! Тело ваше заключено, но дух ваш свободен; руки и ноги ваши связаны, но души ваши святые разрешены благодатию Христовою; света солнечного не видите, но свет Божественный внутрь просвещает вас; в темнице заключены вы, но небо отверсто вам; не имеете утешения мира сего, но благодать Божия внутрь утешает вас. Понимайте, о страдальцы и сопричастники мученикам и исповедникам Христовым, что Христос Господь наш связан был грех ради наших. По сей темнице воцаритесь со Христом, с Которым страждете. *С Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться. Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят по сравнению с тою славой, которая откроется в нас* (Римл. 8, 17-18).

6. *Находящиеся в ссылке.* Вы, изгнанники и странники, поминайте слово Христово: *И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или*

отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную (Матф. 19, 29). Отлучились вы от дому своего, отца и прочих своих любезных сродников и друзей, но от Бога и дому Его святого не отлучились; оставили они вас, но Бог вас не оставил. Он и в изгнании вашем с вами есть, и есть вам все. Понимайте и тое, что благочестивым душам, в мире сем живущим, всякое место есть ссылка. Они в мире сем имеются так, как некогда Иудеи в пленении Вавилонском, которые, поминая Сион — свое отечество, *там сидели и плакали* (Псал. 136, 1). Тако всякая благочестивая душа в мире сем, как при реках вавилонских, сидит и плачет, поминая любезное свое небесное отечество и горний Иерусалим. Нет благочестивой душе в мире сем истинного дома и отечества, но везде изгнание и ссылка. Потерпите убо, возлюбленные, и пождите, пока Господь вас от мира сего, как из Вавилона, в горний Иерусалим позовет. Тогда узрите дом ваш и отечество ваше, но уже небесное, вечное, блаженное; *и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас* (Иоанн. 16, 22). *Возврати, Господи, пленников наших, как потоки на полдень* (Псал. 125, 4). *Вси благочестивии, как-нибудь страждущии, возведите сердечные очи ваши во обители Небесного Отца, и рассмотрите жителей тех святых; никого тамо не увидите, кто бы туда скорбным путем не пришел; и услышите оттуду глас, о них свидетельствующий: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца; за это они пребывают ныне пред престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в*

них; они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод, и отрет Бог всякую слезу с очей их (Апок. 7, 14-17). Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь (1 Петр. 4, 15-16).

ХРИСТОС ГРЕШНУЮ ДУШУ К СЕБЕ ПРИЗЫВАЕТ*

Зачем ты, человек, Меня оставил?
Зачем отворотился от Возлюбившего тебя?
Зачем вновь присоединился к Моему врагу?
Вспомни, что Я ради тебя сошел с неба.
Вспомни, что Я ради тебя стал человеком.
Вспомни, что Я ради тебя родился от Девы.
Вспомни, что Я ради тебя был Младенцем.
Вспомни, что Я ради тебя смирился.
Вспомни, что Я ради тебя обнищал.
Вспомни, что Я ради тебя жил на земле.
Вспомни, что Я ради тебя перенес гонение.
Вспомни, что Я ради тебя перенес злословие,
издевательство, бесчестие, раны, удары, заплевание,
насмешки, унижение, страдания.
Вспомни, что Я ради тебя „к злодеям причтен”.
Вспомни, что Я ради тебя умер унижительной
смертью.
Вспомни, что Я ради тебя был погребен.
Я сошел с неба, чтобы тебя возвести на небо.

* Этот текст св. Тихона Задонского найден в самиздатской рукописи.

Я смирился, чтобы тебя вознести.
Я обнищал, чтобы тебя обогатить.
Я принял бесчестие, чтобы тебя прославить.
Я принял раны, чтобы тебя исцелить.
Я умер, чтобы тебя оживить.
Ты согрешил, а Я твой грех на Себя взял.
Ты виноват, а Я принял наказание.
Ты должник, а Я заплатил долг.
Ты осужден на смерть, а Я за тебя умер.
Но к этому привлекла меня Моя любовь. Мое
милосердие.
Я не мог терпеть, чтобы ты страдал в твоём зло-
получии.
Этой ли Моей любовью ты пренебрегаешь?
За любовь воздаешь ненавистью.
Вместо Меня любишь грех.
Вместо того, чтобы служить Мне, служишь
страстям.
Но что ты нашел во Мне достойного отвращения?
Почему не хочешь прийти ко Мне?
Хочешь себе добра? Все доброе у Меня.
Хочешь блаженства? Все блаженство у Меня.
Хочешь красоты? Что прекраснее Меня?
Хочешь благородства? Что благороднее Сына
Божия и Сына Девы?
Хочешь высокого? Что выше Небесного Царя?
Хочешь славы? Кто славнее Меня?
Хочешь богатства? У Меня все богатство.
Хочешь мудрости? Я Премудрость Божия.
Хочешь дружбы? Кто любвеобильнее Меня,
Который положил Свою душу за всех?
Ищешь помощи? Кто поможет, кроме Меня?
Ищешь врача? Кто исцелит, кроме Меня?
Ищешь веселия? Кто даст радость, кроме Меня?

Ищешь утешения в печали? Кто утешит, кроме Меня?

Ищешь покоя? У Меня найдешь покой твоей душе.

Ищешь мира? Я — Мир душевный.

Ищешь жизни? У Меня Источник жизни.

Ищешь света? „Я — Свет миру”.

Ищешь истины? Я — Истина.

Ищешь пути? Я — Путь.

Ищешь вождя к небу? Я Верный Вождь.

Что же, почему не хочешь прийти ко Мне?

Не смеешь приступить? К кому легче приступить?

Опасаешься просить? Кому, с верой просящему, Я отказал?

Тебя не допускают грехи? Я умер за грешников.

Тебя смущает множество грехов? У Меня милосердия больше.

„Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы”.

**СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН
ЗАТВОРНИК И ПОДВИЖНИК ВЫШЕНСКОЙ
ПУСТЫНИ**

(...) Раздав свое имущество бедным и неимущим, святитель с 1872 г. после дня Св. Пасхи заключился в своей келье, прекратив все личные сношения с людьми, за исключением своего духовника, настоятеля пустыни о. архимандрита Аркадия, игумена Тихона и келейника о. Евлампия, но и они приходили по зову и на короткое время. Со всеми же другими, кто жаждал его духовного руководства, сносился только письмами. Раз только по болезни глаза святитель отлучался в Москву на несколько дней, но и здесь укрылся от людей. Живя в затворе, святитель никого не принимал. Знатные и вельможи хотели видеть его, но он не мог нарушить свой обет. Родные, близкие обращались с письмами, прося дозволения видеться, подвижник отвечал: ни для кого не может нарушить своего порядка жизни. Один из ближних родных издали приезжал к нему и через келейника просил свидания, но и к нему владыка не вышел, заочно благословив его. Так святитель сохранял строжайший затвор

Этот отрывок из статьи Ив. Крутикова найден нами в Самиздате и, по-видимому, был опубликован в начале XX века в журнале „Душеполезное чтение“. Из этого же журнала перепечатываются нами письма епископа Феофана.

до конца жизни. Этот период его жизни (22 года), самый важный, но он с трудом поддается описанию, впрочем, на основании писем и творений самого святителя и драгоценных сведений, сообщенных нам иноками Вышенской пустыни уже после смерти затворника, можно сообщить нечто из его затворнической жизни на поучение и наставление нам, ученикам его.

Главным занятием подвижника Феофана была молитва, как проявление особенной любви к Богу и непосредственного общения с Ним. Святитель Феофан вставал весьма рано; совершив келейное правило, он шел в свою домовую церковь, вероятно, по монастырскому звону и там совершал все утренние службы по монастырскому уставу — утреню и литургию, усердно молясь милосердному Богу. Молитва его была молитва веры, благодарения и прославления Господа как Отца, Творца, Спасителя и Промыслителя, но она была и просительная о даровании благ и прощении всех живых и умерших христиан, прося Спасителя первых утвердить в вере и благочестии, а последних помиловать в содеянных прегрешениях и упокоить в селениях праведных. В сумочке, висевшей возле жертвенника, найдено было по смерти святителя, много записок о здравии и упокоении рабов и рабынь, имена коих священнослужущий поминал на службе церковной. Особенно он любил творить поминовение новопреставлявшихся и своих родителей с сродниками на проскомидии и ектениях Божественной Литургии. Совершение литургии, которую святитель служил сначала по воскресеньям и праздничным дням, а потом — каждый день, составляло важнейшую часть богослужений. Еще накануне келейник готовил все нужное

к сей службе. Владыка совершал службу один, большею частью читая, а что и поя. Никто из Вышенских иноков не присутствовал при совершении владыкою Богослужения: один из них, пользовавшийся особым расположением святителя (болящий игумен Тихон), просил дозволения приобщиться от него Св. Животворящих Таин. Святитель сказал: имейте запасные Дары, если по немощи не можете быть в монастырской церкви.

По совершении церковного богослужения, подвижник из церкви возвращался в свои комнаты и здесь предавался богомыслию и умным сердечным молитвенным возношениям. Еще до затвора, стоя в монастырской церкви, он до того погружался в богомыслие и молитвенное созерцание, что подносивший антидор должен был постоять некоторое время, когда владыка замечал его. То же самое бывало и в затворе: умиление, полученное от церкви, не вдруг проходило и заставляло погружаться в тайны спасения и божественного о нас смотра.

После богомыслия святитель, подкрепив себя утренним чаем, писал свои богомудрые творения, на что употреблял все время до обеда. Иначе и быть не могло, ибо Добротолюбие в 5-ти обширных томах, в русском переводе дополненное, где говорится о борьбе с плотью и грехом, об умном стоянии духа пред Богом в молитве, трезвении и страхе Божиим, Евангельская история и толкования на послания св. апостола Павла в 9-ти книгах, в которых по разуму Церкви и в духе святых отцов изложена христианская вера, надежда и любовь с их спасительными плодами, равно его собственные размышления о духовной жизни, составленные на основании

слова Божия, творений отцов-подвижников и опытов своей духовной жизни, — написаны были в затворнической жизни святителя Феофана. И нужно дивиться энергии, постоянству и трудам, с какими совершено это великое дело, тем более, что толкования, по собственному сознанию святителя, сначала давались с трудом, но сила Божия в немощи проявляется.

Владыка считал писание своих сочинений и переводов призванием на пользу св. Православной Церкви и Отечества подобно тому, как старец Амвросий, Оптинский подвижник, устные наставления (старчество) — своим долгом. И тут преосвященный Феофан подражал богоносцу отцу нашему Тихону, Задонскому чудотворцу, который, как известно, незадолго до кончины тщательно пересмотрев свои творения, переписал и завещал по смерти отослать их в св. Синод для распространения и поучения сынов Православной Церкви. Феофан тоже бескорыстно работал и заботился о распространении своих творений по всем концам православного христианского мира — не в России только, но и на Востоке, и ни в чем другом не проявил столько любви к ближним, как в сем деле. Святитель брал от издателей в свою пользу несколько сот экземпляров своих напечатанных книг и те бесплатно раздавал родным, знакомым, духовным детям, ищущим спасения, школам, братствам, и некоторым св. обителям. Некоторые почитатели желали платить, но он считал это для себя непригодным. Одна г-ка Курдюмова по своей смерти завещала в распоряжение святителя 15 или 20 тысяч рублей на издание его сочинений, но он возвратил деньги родственникам.

Преосвященный Феофан был в полном смысле бескорыстный учитель веры и благочестия, — учил

он не одними только печатными сочинениями, но и письмами, которые теперь в немалом количестве печатаются в „Душеполезном чтении”. Но это только часть: их было гораздо больше. Владыка вел обширную переписку с родными и не родными, с лицами ему известными, и с лицами, которых никогда не видал и о которых узнавал лишь потому, что обращались к нему с просьбою или за советами и наставлениями. И он никого, на какой бы ступени общественного положения он ни находился, не оставлял без помощи, сразу становился в близкие отношения и давал, все, что мог дать: материальную ли помощь, советы или заступление. Особенно святитель Феофан любил руководить в духовно-нравственной жизни: письма, помещенные в вышеозначенном духовном журнале, показывают это. В них он высказывал то же, что и в своих сочинениях, но в более простой форме и в применении к нравственному и общественному положению собеседников. Но они важны еще тем, что в них обрисовывается личность Феофана, как учителя, в отношении к людям и высказываются им самим некоторые важные данные для его биографии.

Когда писал святитель-подвижник письма, определить трудно, может быть в остающееся время до обеда, после писания своих творений.

В обеде, который был в 2 часа, владыка кушал столько, сколько нужно для подкрепления сил: в обыкновенные, не постные дни употреблял 2 яйца, в последние годы — одно и стакан молока с хлебом. Во все посты вкушал пищу по уставу, но были дни в св. Четырдесятницу, когда подвижник ничего не вкушал.

После обеда, несколько подкрепив свои силы си-

дением на стульце, занимался рукоделием — писанием икон, вытачиванием и вырезыванием из дерева разных мелких вещей и переплетом книг, которые посылал в Москву к своим знакомым, причем замечал, что переплет его для Москвы не годится, — занимался зашиванием в холстину книг, кои рассылал в подарок. Все тюки книг, которые мне часто приходилось получать от святителя, были тщательно и четко им самим надписаны по адресу. Вероятно, он чинил сам собственную одежду, и даже сшил схиму.

Ручная работа владыки была при сидячей жизни полезна: ибо полировала застоявшуюся кровь и отвлекала ее от головы и поясницы, на что нередко жаловался еще в 70-х годах, говоря: „старость подходит”. Посему, всем духовным детям предписывал рукоделие, чтобы не рассеиваться мыслями; одному посоветовал даже хоть лапти плести, если ничего другого не может делать.

Вечерню святитель совершал в своей церкви и готовился к совершению литургии на следующий день. Ужина не имел, а пил пред вечернею чай в 4 часа пополудни, два стакана. Свободное вечернее время употреблял на чтение книг, газет и журналов, обдумывание, что писать в своих творениях и письмах, а больше всего на размышление о последней участи человека: тут подвижник перебирал события своей жизни и подводил итоги своей деятельности, и может быть, задумавшись и углубившись в свой внутренний мир, не раз взывал из глубины души: Боже наш, помилуй нас! или: Боже, милостив буди мне грешному! Умно-сердечная молитва, часто возобновляемая в течение дня, вечером часто возобновлялась с чувством покаяния и сопровождалась

воздыханиями. Совершив перед сном грядущим обычное келейное правило, подвижник почивал до следующего раннего утра.

Мы описали порядок затворнической жизни святителя, который повторялся изо дня в день. О нем он указывает в своих сочинениях и в древних иноческих уставах, его в письмах советует по возможности соблюдать и всем, ревнующим о спасении. Конечно, указанный образ жизни иногда разнообразился соответственно душевным состояниям подвижника и проявлениями религиозно-нравственной жизни в мире христианском, к чему святитель не оставался равнодушным до конца своей жизни. Бывали дни и ночи, когда святитель целиком употреблял на молитву, когда, стоя на молитве, забывал все окружающее и необходимые потребности своего существования — сон и пищу. Бывали минуты и часы, когда святитель проливал слезы по поводу бедности души человека и несчастных событий в христианском мире, в виде появления лжеучений и каких-либо других общественных бедствий. „О чем ты плачешь, отче?“ — спрашивали ученики некоего старца. „Я плачу о гибели разумной души от своих грехов“, — отвечал им старец.

Плакал нередко и св. Тихон, сидя за столом и на молитве. Плакал и святитель Феофан, видя немощь своей души и людские грехи, и скорбь свою изливал в письмах. Так в 1891 году святитель писал в Киев по поводу штундистов: „Не перестаю плакать, видя, как гибнут христианские души, поражаемые лжеучением“. Но чаще он плакал о грехах и немощах своих, и плач сей был не простой, а производил страх, страх — смирение, смирение — благодушие,

благодушие — любовь, а любовь соделывает душу здоровою и бесстрашною.

Сетуя о развращенности и гибели многих людей, святитель с особенною силой восставал против лжеучений, видя в них главную причину людских недугов. Живя на покое, он зорко следил за направлением мысли и жизни современного общества, и ни одно уклонение от христианской истины не осталось без обличений и исправлений. Так появляется учение о некоторой дебелисти и вещественности души человека и даже ангелов, епископ Феофан пишет обширное исследование под заглавием „Душа и ангел не тело, но дух”. В нем обстоятельно на основании Слова Божия, писаний св. отцов и научных открытий доказывает духовность души. Появляется противоправославное рационалистическое учение Пашкова и штундистов, святитель пишет замечательные свои письма в С.-Петербург к своему приятелю, поместив оные в „Душеполезные чтения”. Уже первое письмо произвело большое впечатление на общество. Некоторые, как Ф. Тернер, не понявшие силы их и знамений времени, стали порицать полемику писем, придираясь более к словам и выражениям. Протопресвитер Янышев, державшийся одних мыслей о духовной жизни со святителем, хотел отвечать Тернеру, но владыка дальнейшими письмами сам очень удовлетворительно ответил на все возражения. Письма эти впоследствии сделались главным оплотом православия против штундистов, Пашкова, Толстого и других вольнодумцев; на основании их появилось в духовной литературе много произведений, опровергавших эти лжеучения. Святитель даже и там подавал голос, где к тому не представлялось особой надобности; приветствуя появле-

ние перевода Библии на русский язык с еврейского текста и придавая ему лишь научное и домашнее употребление, он стал защищать церковное употребление славянской Библии с перевода 70-ти, указывая на его неповрежденность и историческую давность.

Вообще святитель Феофан был столпом православия, защиту которого против инославия и неверия считал общим делом всех пастырей. За несколько недель до смерти он писал в С.-Петербург: „Что делают в Петербурге для противодействия Пашковцам, Ирвингианам, Толстовцам? Эти язвы губят многих. Следовало бы им противопоставить духовное воинствование. Ведь в С.-Петербурге много среди духовенства отличных иереев по образованию и по нраву. Сделать бы из них трубачей, и Иерихонские стены пали бы в утешение верных сынов Израиля и во славу Божию”.

Защищая и прославляя Господа Иисуса Христа, Его учение и Церковь своими творениями, святитель не менее прославлял их своею подвижническою жизнью, так что сделался образцом веры и благочестия. В последние годы своей жизни он настолько прославился, что очень многие обращались за советами и наставлениями — и знатные и не знатные, и образованные и не образованные, и миряне и монахи, хотя он сам убегал славы человеческой. Архипастыри и те прислушивались к голосу затворника; о. Иоанн, знаменитый и благочестивый пастырь Кронштадтской церкви, писал к владыке письма, именуя себя его учеником. Все духовные академии сделали святителя своим почетным членом, а Петербургская признала его доктором богословия за многополезные богословские сочинения, в каковой степени он и был утвержден Св. Синодом.

Но это уже не завлекало и не занимало подвижника, как он сам писал мне, когда приходилось поздравлять с какой-либо почестью. Из-за любви к Богу и ближним святитель забывал всякое земное величие, и, богоугождая бдениями и пощениями, довольствовался самым необходимым, всю пенсию раздавая бедным и неимущим. Да, в Вышенской пустыне в наши дни горел светильник ярким пламенем и лучи его разливались по всем концам православного христианского мира. Иначе и быть не могло: в последние годы святитель в добродетельной жизни настолько усовершенствовался, что благодать Божия видимо обитала в нем, и все, что он ни делал, делал по указанию обитавшего в душе его Духа Божия. Владыка сделался младенчески невинным. Иногда иноки, имевшие доступ к нему, замечали в нем особенную радость, мир и любовь. Недаром святитель старался увековечить некоторые образы: нерукотворенного Спасителя, Царицу Небесную, св. Тихона и Серафима, Саровского старца. Феофан, действительно, стоял на высшей ступени духовного совершенства и уже готовился принять схиму (он сам сшил себе схимническую одежду), но дни земной его жизни подходили к концу.

В последний год (в 1893 г.) святитель чувствовал себя слабым, бывали головные боли, вследствие чего чувствовал себя неспособным к писательской деятельности, о чем в одном из писем писал ко мне; бывали у него сильные судорожные боли в ногах, так что принужден был ложиться в постель. Кажется, владыка еще за год предчувствовал свою кончину: давая благословение настоятелю пустыни, в 1893 г. отъехавшему в Тамбов по делам службы, он просил его в селе Три Лощины, отстоявшем на 25 верст от

губернского города и известном чудотворною иконой св. Пантелеимона, отслужить панихиду по покойном преосвященном Виталии, а затем после его смерти — и по нем. Когда же настоятель, о. Аркадий, тоже глубокий старец, сказал о себе: „Я прежде вас, владыко, умру”, Феофан утвердительно сказал: „этого не случится, я скоро умру”, и просил его исполнить его просьбу.

Действительно, ровно через год, после указанного случая, в 1894 г. 6 января в День Богоявления, храмового праздника своей церкви, после того как совершилась праздничная служба, утренняя и божественная литургия, святитель Феофан скончался, никем не зримый. Кончина его была мирная, как всех богоугодивших, ибо на лице отразилась улыбка, и персты правой руки были сложены для благословения. Шесть дней лежало тело в гробе святопочившего: 3 дня в своей церкви и 3 дня в монастырской, и тления не было замечено.

Погребение совершал преосвящ. Иероним, во служении со многими протоиереями, иереями, монахами и с ректором Тамбовской семинарии П. И. Соколовым, который сказал глубокопрочувствованное слово на текст: „мне бо еже жити, Христос: и еже умрети, приобретение есть (Филип. 1, 21), в котором ярко обрисовал высоко нравственные качества почившего, коснувшись при этом и своих личных отношений к святителю, в бытность смотрителем Шацкого духовного училища. На самом отпевании говорил одушевленную речь свящ. С. И. Никольский, студент академии, прибывший на погребение в качестве депутата от Московской Духовной академии. Взяв слово Евангелия: „чесо изыдoste в пустыню видети” (Мф. 11, 7), проповедник

представил слушателям великие заслуги Святителя для Церкви как подвижника и духовного писателя. Богомольцев на погребение стеклось очень много: даже за 200 верст, несмотря на зимнюю дорогу, приходили воздать последний долг отшедшему духовному отцу.

Тело похоронено в Казанском соборе, где святитель до затвора часто возносил молитву ко Господу вместе с иноками и где над могилой его, тщанием о. архимандрита Аркадия, воздвигнута теперь мраморная гробница с приличными надписями и изображениями.

Вечная память тебе, отошедшему отцу и учителю жизни христианской! Помоги нам, наставниче мирян и монахов, умудриться во спасение и не забыть великих уроков и наставлений! Не забуди нас, убогих, до конца, но поминай чад своих в своих молитвах пред престолом Господа, да Он, Милостивый Владыка, спасет в сей жизни и по смерти помилует и не лишит нас Своего Небесного Царства!

Ив. Крутиков

П И С Ь М А

Милость Божия буди с вами!

Достопочтеннейший Н. Н.!

Слышу, что у вас там опять неурядицы, и опять тягота и скорбь. Бог даст все уладится — только не следует борзиться, а потихоньку. Не следует так: сказал, — и чтобы было... люди свободны и команда не подходящее дело. А надо — и говорить и делать все, что требуется по долгу и по совести, а успеха ожидать от Господа. Потому, когда нет его, надо сказать только: буди воля Твоя Господи! — Но и рук опускать не должно, а все и говорить и делать, предаваясь в волю Божию. Серчание на неисправности есть своей воли угождение: как смели... ведь я сказал. Это о том, что в ...

Что у вас, то и тут тоже не борзясь надо. Вы думали, что начал — и тотчас на третье небо. Надо прежде труды и поты подъять, потом уже начнут показываться плоды. Но условие неотложное — не жалеть себя. Не жалеть себя не значит горы на себя наваливать; а ту же обычную монастырскую жизнь тянуть, не допуская послаблений ни в чем.

Звонят к утрене. Саможаление говорит: полежи минутку... Не слушай, — и се удар по саможалению в голову. Стоя в церкви чувствуешь позыв ноги распусть, к стенке прислониться. Откажи и стой в струнку... се еще удар. Пришло на мысль: дай выйду проветрюсь... откажи и еще удар... Пришли до-

мой от утрени: дай лягу... не давай... Дай книжку лежа почитаю... не давай... Сядь в струнку и читай... Так все... и что шаг, то будет удар по саможалению.

А всякие чрезмерные подвиги не наше дело. Устав монастырский общий, если его исполнять как следует, даст непрестанный случай к упражнению в не саможалении.

И молитва не вдруг приходит. Надо трудиться, понуждая себя без поблажки к вниманию, к неблужданию мыслями... И придет навык трезвения.

Благослови вас Господи!

Спасайтесь!

Ваш богомолец *Е. Феофан.*

Милость Божия буди с вами!

Так вот какая у вас сочинилась история?! — Кровь горлом. Дурно-то дурно. Но ужасаться тут нечему. Опасность впереди, а не в этом. Так у многих бывает. И живут себе. — Извольте держаться доктора (а других не слушать), и его советы исполнять в точности. Почаще бывайте у него.

И бульон можно (когда доктор велит) употреблять, и молоко пить, и яйца есть — не различая дней, пока оздоровеете. Бог благословит! — Греха нет.

А вы уж и умирать собрались! Еще поживете. Сооблажайте — как получше жить по выздоровлении. Ибо тревога, что у вас, означает, что есть что-то неладное.

Умирать собираться надо каждый день и час, и всегда быть в таких чувствах, в каких вы теперь. А кто собирается умирать — видит ли он близость смерти или нет, — тому первое дело — надо совесть очистить от всех дел неисправных.

Какие плоды покаяния теперь? Кроме покаяния теперь что другое уместно? — И извольте каяться, сокрушаться и плакать. И обещайте, что если Бог даст здоровье, то непрестанно будете так плакать, и сокрушаться и не допускать вперед ничего плохого ни в мыслях, ни в словах, ни в делах. Вот и все...

Схиму принять можно и без этого: когда оздоровеете, — и постареете... и умрут все земные чувства...: тогда и схиму. Она есть образ — умертвия всему земному — и: живу не к тому аз...

Маслом особороваться можно. Это Господнее врачевание.

И больше ничего не загадывайте. Все упование — конечно — Господь. В Нем и успокойтесь, вопия: помилуй мя!

Благослови вас Господи!

Ваш богомолец *Е. Феофан.*

Милость Божия буди с вами!

Достопочтеннейший Н. Н.!

Очень рад, что здоровье ваше поправляется. Даруй Господи, чтобы и совсем поправилось. Доктора надо слушать, не по лекарствам только, но и по пище. Пища при лечении много значит. Она или ускоряет, или замедляет лечение. — И ради устава не след не исполнять докторских указаний о пище. Если есть возможность, — употребляйте бульон.

Теперь вы покойны от всех хлопот. И не томите ничем голову и сердце. Передайте все Господу, — и жизнь свою и смерть... как Его святой воле угодно, так и да сотворит. — Он и без такого решения сотворит, как Ему угодно; но для вас большая разница вступать в сие Богом определенное решение —

с преданностью теплою, полною веры и упования, или без оной...

Когда так расположитесь, тогда и молитва ваша пойдет исправнее... Вам совсем не следует делать молитву, как пишется у некоторых отцов, — т. е. с напряжением внимания к сердцу и стеснением дыхания. Оставьте это. А навикайте ходить в присутствии Божием и в памяти смертной, — и это приведет к тому же.

И Господа молитесь, чтоб дал молитву — желаемую. И Божией Матери докучайте. В Добротолубии пишется, что один старец два года молился Матери Божией, — и даровалась молитва, в мгновение ока... Так всегда Божие приходит. И с вами тоже будет, — только надо поусерднее вопиять...

Спасайтесь!

Благослови вас Господи!

Благодушествуйте, всю печаль возвергнув на Господа.

Мира душевного паче всего желаю вам!

О. Н. Н. очень благодарен, что он печется о вас. Поклон ему — и прошение у него молитв. И всем старцам поклон.

Ваш богомолец *Е. Феофан.*

Милость Божия буди с вами!

Желаете навикнуть молитве Иисусовой, по образцу прописанному в оной книге. Добре! — Бог благословит!

Урок молитвенный надо исполнять — за раз. Начать с меньшей меры. Например: дня два-три по 1000, — потом дня два-три по 2000, — потом с неделю или более по 3000... на 3-х тыс. можно подольше

побыть. После прибавлять — по 1000... если время удобно, — и прочие службы позволят.

Странник ничем не был занят, — и к службам не ходил...

Творить молитву лучше стоя — как исправляется правило...

Если ноги уморятся — можно встать на колени...

Можно так и положить — чтобы исполнять положенное число молитв — попеременно, то стоя, то на коленях.

Творить молитву то всю, то первую половину, то вторую.

Г. И. Х. С. Б. п. м.

Г. И. Х. п. м.

И. С. Б. пом. м.

Только не скоро переменять... а определить — или по сотне на каждую, — или еще как, но не менее 10.

— Внимание держать — в груди — немножко ниже впадинки, что под горлом, потому что у вас щемит сердце. А так — не станет. Потом теплота отзовется в сердце без щемления.

Проговаривать молитвенные слова неспешно, будто нараспев.

Поклоны при этом класть по произволу. Если без них лучше идет дело, лучше не класть, или изредка класть.

Совершая сию молитовку, ко Господу Спасителю обращенную, не надо выпускать из внимания, что Он есть един от Пресвятыя Троицы, неразделенный с Отцом и Святым Духом. Почему при словах тех нередко приводить в сознание благоволение Отца и благодать Духа. Можно это на большой четке...

Не надо ограничиваться одними словами, но при этом освежать созерцание Бога яко вездесущего, всесодержащего, о всем промышляющего... и проч.

Лучше всего отбывать сей урок ночью...

Плоды молитвы — сосредоточение внимания на сердце — и теплота. Это естественное действие. Достигать сего всякому можно. — И молитву сию творить всякому можно, не монаху только, но и мирянину.

Это не есть какое-либо высокое дело, а простое. И молитва Иисусова не чудотворная какая, как будто талисман — заговор, а как всякая другая краткая молитва, — словесная и следовательно внешняя. — Но она может перейти в умную и сердечную... все естественным путем. — Что от благодати, того надо ждать, а взять того никаким таким способом нельзя.

Что вам писали, что надо прежде страсти очистить, то относится к высокой созерцательной молитве; а это — простая молитва... могущая однакож привести к высокой молитве.

Чтоб успешно шло сие занятие, надо всякий раз, приступая к нему, — все оставить, чтоб сердце было свободно, от всего решительно... чтоб во внимании не торчало — ни лицо, ни дело, ни вещь. Выгнать все надо на это время.

Отбывши правило сие, не надо оставлять сей молитвы и во всякое время, а как только свобода, сейчас за нее...

Во время богослужения надо внимать службе... стоя вниманием там же, где и Иисусова молитва творится. А когда что невнятно читают и поют, тогда творить эту молитву.

Внешние приемы — сесть на стульце, склонить

голову, стеснить дыхание — можно оставить. Все усилие остановить на сосредоточении внимания в сказанном месте.

Страх Божий всегда надо иметь. — Как пред Царем и самые близкие не так-то смелы; так тем паче и пред Господом. — Если с Богом за панибрата... то худо... из рук вон. Молиться надо о страхе, — и Бог даст.

Оставить ли должность? Вот с Н. Н. порешите.

Благослови вас Господи!

Спасайтесь!

Ваш богомолец *Е. Феофан.*

28 апреля 1881 г.

Милость Божия буди с вами!

Поздравляю с праздником Светлого Воскресения Христова, а паче с выздоровлением. Помогите вам Господи совсем оправиться, а потом все быть здоровию.

Мне совсем не скучно, что вы пишете. Потому нечего вам извиняться, что пишете и будто от дела отвлекаете. Разве я все за делом сижу! Мало ли времени проходит в пустяках. Вы нарисовали себя так, что в самом деле выходит, что вы бесполезная смоковница. Что ж? Ведь такого рода сознание очень полезно при ревности о спасении, потому что естественно поджигает сию ревность, как скоро она начинает потухать или охлаждаться. Вы уж и испытываете это, как пишете. К этому можно приписать: если оживляется сим путем ревность, то потрудитесь почаще себя возводить в такое сознание бесплодности, и она не даст вам оставаться без плода, когда он в вашей власти.

Вы написали, что часто совесть вас тревожит после разговора с проходящими. Тут будто источник вашей раздражительности. Очень не дивно, что так есть. Да ведь закон есть неотложный — ничего не допускать, против чего восстает совесть, и извольте так делать. В совести Сам Бог говорит. Следовательно, ее надо слушать паче всего. Бранит она вас за пусторечие и пересуды? И не допускайте их более. Пусть другие болтают, а вы молчите, и Господу исповедайте грехи свои, слыша не слышите. За язык никто не тянет. Сами начинаете говорить, сами же можете не говорить. Верно, вас подзадоривает принять участие поговорка: „что скажут?“ Что скажут, вам неизвестно. А что Бог говорит, известно из урока совести. Вот и надобно следовать тому, что верно, а не тому, что совсем безвестно: на этот пункт извольте обратить внимание. Может быть в самом деле он главный.

В церковь будто нельзя ходить? Пустое. Когда захотите — ухитритесь. Никак нельзя так хорошо помолиться дома, как в церкви. Но уж коли нельзя бывать в церкви, молитесь дома, но не ленитесь. И правило заведите, чтоб стоять на молитве утром и вечером по часу, или больше, и в продолжении дня непрестанно к Богу устремляйте верующую и преданную мысль и чувство. Вот и будет острастка и остепенение. А то вы разболтаетесь и пошли, спустя рукава, городить, что вспадет на сердце.

Извольте себе записать в памяти, что с минуты пробуждения до минуты закрытия глаз ко сну, все время так должно вести дела, чтоб весь день представлял непрерывную цепь актов самоотвержения, и все ради Господа, пред лицом Его и во славу Его. Акты самоотвержений не огромное что суть, а идут

среди обычных дел житейских и состоят во внутренних решениях и поворотах воли. Они могут быть под всяким словом, взглядом, движением и под всякою мелочью. Отличительная их черта есть — не допускать самоугодия ни в большом, ни в малом, а во всем идти наперекор себе. Я не умею вам по вашему быту объяснить это примерами. Сами извольте это устроить. Садитесь, например, на диван: приходит желание развалиться и посибаритничать; откажите и приведите члены в напряжение, в струнку. Подобно этому, и во всем. Мелочь это, но из полущек рубль составляется. К концу дня увидите, как совесть вам скажет, что вы добре стояли на страже. И утешение. А главное, навыкли этому на мелочах, — и на большом тем охотнее будете так же делать.

А серчание все-таки идет, как обычно. Это значит, что вы считаете себя командиршею. А станьте себя считать служанкою всех, и что потому все вправе все от вас требовать и серчать на вас, вы же не имеете этого права. Да коли захотите вести дело на чистую, то увидите, как все пойдет ладно. Недостаток энергии в этом решении и силу отнимает, да человекоугодие стоит сбоку и гримасы строит, а вы по ним действуете. Кто-то говаривал: „со всеми будь, как огонь”. Этим выражалось: не человекоугодничай. Как не человекоугодничать и не раздражать других, дело научит. Но на это раздражение нечего смотреть, коль скоро из-за него оскорбляется Господь.

Домашние порядки, какие заведены у вас, скромны, и тихи, и могут не мешать, если возьметесь поретивее за дело спасения. Мне думается, что

между половиной 6-го и 8 утра можно ухитриться побывать в церкви на обедне где-нибудь.

Благослови вас Господь!

Ваш богомолец *Е. Феофан*.

4 декабря 1881 г.

Милость Божия буди с вами!

Муж болен: конечно это во благо ему и вам, ибо все от Господа, а что от Господа, то благо, как бы горько ни было. Вы так и принимаете сие. И добре! Слава Богу! На свою часть берете, что болезнь мужа за ваши грехи. И сие добре! Добре и то, что помните о грешности и почитаете себя достойною наказания за нее. И апостол Павел во всю жизнь не забывал, что был гонитель Церкви, хоть трудами своими для Церкви мог загладить грехи десяти гонителей.

Но вспомните у св. Павла в подражание и другую сторону, ту, что, и бывшим гонителем Церкви себя сознавая, он не считал себя чуждым спасения и говорил с уверенностью: „соблюдается мне венец... желаю разрешиться от тела и со Христом быть”. Грех исповеданный, орошенный, возненавиденный изглаживается из всех книг, в кои вписывается, из книги правды Божией, из книги естества нашего, из книги соприкосновенностей наших с видимым и невидимым миром. Таким образом он уже не помянется на суде. Имея сие в виду надо, — не умаляя чувства грешности, пропевать всегда при сем душу свою благонадежием спасения. Грехи наши Господь все вознес в теле Своем на древо и там рукописание их разодрал.

Усвоаем мы сие благо верою, сокрушенною исповедью, трудами по изглажению грехов и возненавидением их. Все сие у вас есть, следовательно, вам пригоже при чувстве грешности и чувство великой милости Божией. Судьбу свою вы передали в руки Божии. Добре, добре! Самое безопасное дело! Пусть будет так как св. воле Божией угодно! В сем и стойте.

Благослови вас Господи и утешь!

Ваш богомолец *Е. Феофан.*

18 января 1882 г.

Милость Божия буди с вами!

Замешкал ответом. Прошу извинения. Ездил в гости в Тамбов и по возвращении едва успел собраться с духом. У меня глаз один уже не служит по причине катаракта. В Тамбове сказали, что и второй начал мутниться. Теперь надо ожидать, что Бог даст от операции.

Так вот что!

Письмо ваше получил по возвращении. Это первое ваше настоящее письмо: душа писала.

Видно, вас еще надо обколачивать не на худо, а на добро, не на ущерб, а на прибыль и рост, то и налягте на эту сторону дела, чтобы черпать из нее утешение. „В терпении вашем стяжите душу вашу”. В тесноте лучше жить, чем в широте. Такая, как у вас, самая легкая. Плод же от ней не менее значителен, и прочен, как и от тех других, тяжелейших: и это есть великая милость и снисхождение Божие.

То, что у вас времени недостает по причине хлопот и семейных и внесемейных дел, тоже милость.

Кому все некогда, тот не имеет, когда поскучать от праздности и безделья; не имеет вместе и опасности, какой подвергаются праздные. Одно только бы надо устранить, — именно душевную из-за того неспокойность. И мне думается, что это удобно достигнуть, не гоняясь за многоделанием, а делая со всем вниманием лишь то, что предлагается сделать течением дел. В основу положить надо крепкую веру, что все случайности с нами идут от Господа; каждую из них Господь предлагает нам сделать, что требуется по Его заповедям в таких обстоятельствах, — и смотрит, как мы поступаем, угадаем ли волю Его и угадавши, сделаем ли угодное Ему? Кто поймет сие во внимании, тот всегда одно только дело и будет иметь на душе, не томя себя другими. Сделав одно, за другое возьмется и т. д., до тех пор пока сомкнет глаза, чтобы заснуть.

Так всякий день. Никакой многости дел не будет видеть душа и томиться не будет. Всегда у ней одно только дело пред лицом Господа.

Марфа бывает не одна житейская, есть Марфа и духовная. Последняя изгоняется преданностью в волю Божию, при усиленном действовании. Не помню, за что я хвалил вас в последнем письме. Может быть это потому сделано, чтобы не отяготить какими-либо наставительными тяготами, когда вам и без того тяжело. Но почему бы это ни было сделано, какая же от того беда? Умейте смиряться, когда хвалят без оснований, а когда бранят и поделом, — какая трудность смиряться? Панегирик какой вы себе сплели: дурная, лукавая, непостоянная, не благодарная, гордая, сердитая, не умеющая Богу помолиться... очень хорош. Надо прибавить никуда не гожесть и ничего не стоимость. Почаще повто-

ряйте его, — и так чтобы душа говорила, а не ум собирал по памяти. Ведь есть или бывает у нас очень глубоко лежащий *самоцен*.

Тогда слова означенные, или подобные им, язык или память читает... а на душе держит: „несмы яко же прочие”. И то дивно, что этого лукавства нашей души почти нельзя заметить. Так оно таится, пока уж Господь как-нибудь вызовет его наружу и покажет во всем безобразии. Самим нам можно угадывать присутствие его разве из того, когда укорные речи других, в глаза или за глаза, отзываются неприятностью или досадой на говорящих. Извольте навесь справки о себе, какова бывает душа в таких случаях. При этом большая бывает помеха от самооправдывания.

Утешительно читать, как призвал вас Господь в Успенский пост. Видится, что и не перестает повторять призвание, чтобы не позабыли... Внимайте убо... но и держайте. Какие у вас учителя-то были!

.....

Пора уж вам в старицы поступать и учить других. Всяко извольте припоминать их уроки и не переставать направлять себя по ним, не смущаясь, если кто из новых учителей скажет что-либо не согласное с ними. Москва одна, а дорог к ней много и всякая в нее приводит. Но если кто направляясь по одной дороге, например Петербургской, потом услышав, что есть Смоленская туда дорога, бросит свою... и перейдет на эту, а с этой на Калужскую, а с Калужской на Владимирскую, с Владимирской на Ярославскую, все потому, что знающие люди говорят о тех дорогах, то он никогда не доедет до Москвы. Так и в духовной жизни есть град пресветлый, куда все стремятся, и дороги в него разные... и всем в

него доходить можно. Но стань переменять дороги, хоть по указанию знающих, очень не дивно, что и не доберешься до того града.

Желаю вам всего хорошего, я вас всегда поминую. Прошу и обо мне помолиться.

Ваш богомолец *Е. Феофан.*

Апреля 1882 г.

Христос Воскресе!

Прошу извинения, что до сих пор не ответил вам. Застигла вода, и вот мы только на днях получили свободу. И берусь отписать вам. Снедает вас забота о детях... и их семейном быте, а совесть претит. Если совесть претит, то значит дело уж чересчур. И надо его умалить. Положите себе, во-первых, не пытаться, что им нужно, а когда узнаете без пытаний, тогда что важно и трудно, за то беритесь, а что мало и легко, то и сами справят. Так понемножку и отвыкнете. Без забот и попечений как прожить? Но все в меру, а главное с преданием себя в волю Божию. Вы все сами хотите устроить детей, а Богу ничего не предоставляете. А на деле надо все Богу отдать, не прекращая, конечно, и своего попечения, но и не придавая ему слишком много значения. Если Бог не благословит детей, то что вы одна сделаете? Да не станет ли Бог смотреть на них равнодушно по причине ваших забот? И выйдет, что вы хлопотами ничего не сделали прочного, а Бог не станет делать для них из-за вас. Вместо добра выйдет худо. Уверьтесь в этом и этим умеряйте свою заботливость. Это враг вас мутит. Со всякою немощью душевною следует тотчас обращаться с молитвой ко Господу, про-

ся Его исцелить. Затем, употребляя и от вас зависящие средства и собственные усилия, ждите помощь свыше и Господь в свой час пошлет помощь и исцелит. Без Господа никакое добро не укореняется в сердце.

Раздражительность, гнев, нетерпение, суетливость — конечно, все это не добрые чада. Но хорошо уже то, что сознаете их недобрость. Поищите родителей их и придушите. Тогда чада сами собой пропадут. Посмотрите, нет ли у вас *самочувствия*, т. е. чувства своего значения, или отрицательно, отсутствие чувства, что вы ничто. Это самое сокровенное чувство, но оно всем ворочает в жизни. От него первое требование, чтобы все было по-нашему, и коль скоро этого не бывает, то на Бога ропщем, а на людей серчаем. От него же уверенность, что все сами можем сделать и устроить, пустивши в ход придуманные средства, ожидаем, что все так и будет, как придумали. Оттого, что дело начинаете без усердной молитвы, и продолжаете тоже, и кончаете опять ропотом, если что не по-нашему, и чувство самодовольства — если по-нашему. Бога за всем этим помышляете яко стороннее, а не действующее лицо. Так вот присмотритесь, нет ли сего, и если есть хоть в небольшой мере, позаботьтесь восстановить чувство ничтожества своего во всех отношениях. И всегда Господа о том молитесь.

И обще углубите убеждение и чувство, что Господь все устрояет и во внешней, и во внутренней жизни.

Ничто существенно доброе не укореняется в нас без Него. Если так, то передать Ему себя следует. Не прекращать однако своих трудов и усилий,

только упования на них не полагать и ничто от них не ожидать, если Бог не благословит их.

Спасайтесь!

Мне не скучно вам отвечать, и время можно найти. Потому можете свободно обращаться с своими духовными вопросами.

Благослови вас Господи!

Ваш богомолец *Е. Феофан.*

ПАМЯТИ ПРОТ. АЛЕКСАНДРА ИЛЬИНА

Храм открылся на взгорье, среди июльских полей, и не было ничего и никого, кроме этого храма, белокаменного, твердо стоящего, вознесенного голубым шлемом к очень высоким сияющим облакам. В старых ветлах за оградой вскаркивали, возились грачи, на заросших могилках краснела крупная земляника, с покошенного луга оведало лицо увядшим травостоем, и далеко внизу в темных камышах поблескивала древняя речушка Осуга. Тишина и покой открывались с этого холма, а венчал и хранил этот покой пятиглавый храм в честь Архистратига Михаила. „Может быть, — подумал я, — это последнее охраняемое прибежище в новгородской, русской земле, последняя тишина среди всего нашего скрежещущего XX столетия? Но это — не для меня, поздно, ничем теперь не пробьешь во мне спекшуюся многолетнюю кору ожесточения, безверия, страха”, — подумал я уже отстраненно, сжал челюсти, оглянулся, как посторонний. „Да — меня привезли сюда, да — тишина, но — поздно”. И мелькнувшее — закрылось, и я пошел к дому по уже вечеряющей повлажневшей траве, а внутри все останавливалось: наглухо задвигались железные шторы, под слуд в глухоту привычно замуровывалось все живое и как броня надевалась *безнадежность*, имя которой — смерть, а личина — соблазн — бесчувствие, анесте-

Текст найден в Самиздате. Протоиерей Александр Ильин скончался в 1971 г.

зия души. Решая все наперед, я сказал себе: „Нет, говеть я не буду, у незнакомых, да еще в бесчувствии — нельзя. Исповедоваться можно, хотя кто мне посоветует, поможет в моей беде? Кто вылечит от неизлечимой и безобразной болезни самого родного мне человека? Так зачем я буду рисковать среди толпы незнакомых..?“ Привычный страх подполз, всосал меня, а я его не гнал: ведь он меня оправдывал.

С такими мыслями приехал я первый раз к о. Александру Ильину.

*

Если бы меня тогда спросили друзья: „Ты верующий?“ — я б не задумываясь ответил: „Конечно“. И действительно, ведь я — крещеный, молитвы иногда читал, лет несколько назад причащался, и семья вся исконно православная, как же иначе? Но в тот вечер, отказавшись от единственного оставшегося утешения — от чаши Христовой — мог ли я честно ответить это „конечно“? Правда, никто меня в тот вечер не спросил, никому и даже самому себе тогда я не отдал в этом отчета, а на исповедь пошел „на всякий случай“ и чтоб не было неудобно перед другими, специально к о. Александру приехавшими.

Была уже ночь, я ходил меж домом и храмом по уже совсем охолодевшей тяжелой от росы траве, изредка посматривая на смутные в теплой мгле купола за темной грудой уснувших грачиных ветел. И еще раз решил: „Пойду, говорят, он мудрый старик, но причащаться не буду, скажу: „не готов“. И стукнул в дверь занавешенной комнатки, из которой кто-то очередной вышел от него. Исповедь была ночная. Что такое вера? Как ее почувствовать — есть ли она во мне? Я не знал. Я толкнул дверь и вошел.

*

Было полутемно от лампадки. Он стоял в углу у небольшого столика в рясе и епитрахили и смотрел мне навстречу в глаза. Днем на людях я разглядел его лицо: суровое, с проваленными щеками и большим лбом. Суровость была не хмурая, надетая, как клубук по чину, а от изможденности, сомкнутых губ, от долголетней тихой отрешенности от житейской ерунды, но без осуждения. Улыбки я его не видал. Поэтому сейчас, увидев неожиданную доброту его глаз, его губ, всего его лица, я остановился в изумлении. Его глаза искренне любили сейчас меня, незнакомого. Изумление и некий радостный страх толкнули меня изнутри от его *первых* слов.

И начиная исповедоваться, я никак не мог сосредоточиться от счастья *освобождения*, которое охватило меня не только от его прозорливых слов, но от всего его присутствия. Я минутами даже не очень слушал, что он говорит: я просто был около него и хотел быть всегда, не уходить, я вдруг вне всякой логики стал покоен, утешен, впервые за много лет. Я почувствовал, что он — знает, что есть еще надежда. Но главным были не слова, а то могучее тепло любви, которое я ощущал бессознательно в этом старческом хилом теле. И поэтому я никак не мог уйти. Говорят, я пробыл на исповеди больше часа.

*

На другое утро, цветущее, зеленое, в храмовой праздник Петра и Павла я причастился. Многолетняя тревога моя без всяких логических причин провалилась сквозь тело в подпол, канула, исчезла, и враз

разгладились напряженные задубевшие морщины внутри: я уже, пусть на время, *стал свободен*. При жизни, на той же самой земле XX века. И тогда и сейчас я не рассуждал: что есть вера и что не-вера. Но для других должен засвидетельствовать: вера — это покой необъяснимый, это убежденность в реальности невидимого, это свобода *вопреки* бытовой рациональной логике. И вера эта может возгореться на любом затоптанном пустыре благодаря благодати и последних праведников, которые посылаются нам, может быть, на краю последнего и необратимого нашего и общечеловеческого омертвения. Не от услышанного со стороны, а от услышанного в собственной, вроде уже совсем обезвоженной душе, знаю я, что о. Александр имел благодать Духа Святого.

Второй раз почувствовал я это в алтаре на литургии. Я стоял в левом приделе, а он между мной и главным жертвенником. Служил другой священник. О. Александр готовился к причастию. Он стоял прямо, чуть склонив голову, и молился. Я, рассеявшись, огляделся, глянул и на него и сразу отвел глаза: меня точно обожгло без огня, я испугался и устыдился — смотреть было нельзя. Лицо его, исхудалое, по-русски некрасивое, с высоким залысым лбом и редкой сединой, было не в экстазе, нет, оно, отрешившись от всего, точно светилось изнутри через морщины какой-то смиренной и всецельной *чистотой*, на которую смотреть было нельзя, но с которой он сейчас внутри, уйдя совершенно от земного, говорил — молился. И не меняясь в главных чертах, лицо его стало иным. Точно ветром оттолкнуло мой взгляд: Чистота Духа Святого. Я понял, *где я стою и что происходит здесь*, как никогда не понимал прежде. Я отвернулся и стал тоже

молиться, но уже „со страхом и трепетом”. Это был не мой прежний страх, рабский, склизкий, житейский, а страх — счастье, страх перед святыней. Страх Божий — вот что в этом мне открылось.

*

А в доме я приглядывался, но здесь о. Александр был вроде совсем обыкновенный — старенький, худой, в потертом полотняном подряснике. Утром по дороге к умывальнику в большой кухне-столовой деревенского дома окружили его женщины и спрашивали о том, что их тяготило. Он стоял с полотенцем на руке без нетерпения, добродушно слушал и отвечал каждой, не торопясь, спокойно. За общим столом он не мешал еде и питью и даже „рюмочке” традиционной, хотя сам почти не ел и ничего не пил. Слушал, а если прямо спрашивали, то и отвечал. Некоторые вопросы были по-интеллигентски затуманенны, с обязательной антиномией и вроде бы с тайной скептической ловушкой. Но отвечал он в совсем противоположном стиле: в краткой и полной простоте, в тоне древних Патериков и примерами из Патерика. Примеры эти интеллигенты наши и сами знают, но воспринимают их, как правило, снижительно, вроде некоей простодушной сказки, апокрифа. В таком восприятии примеры Священного Предания, конечно, ни на какие их вопросы не отвечали. Но в ответах о. Александра примеры эти были не сказкой или легендой, а истиной по вере его. И эта-то вера его передавалась спрашивающим и они получали единственно возможный ответ, очень простой ответ на свой якобы сложнейший и безответный до того вопрос. „Проклятых вопросов”

становилось все меньше, люди за столом задумывались. Вера без усилия раскрывала эти вопросы, точно скорлупу греха, и становилось ясно — пустота там или есть и ядро. У локтя о. Александра стояла чистая тарелка, и казалось, все выше там горка вскрытой ореховой шелухи. Так незаметно прошел час обеда, и незаметно же ушел в свою комнатку о. Александр, а мы ходили под старыми ветлами вдоль церковной ограды и уже не спорили, а думали. Один сказал: „Когда я на два дня приехал сюда, у меня было полно вопросов этих, а сейчас, хотя я их и не задавал, они куда-то исчезли. Пожить бы здесь, может, и все исчезнут!“

*

В третий раз особо и навсегда запомнил я о. Александра таким: мы уже сели в машину, чтобы ехать прочь из этого места, а он среди толпы провожающих стоял на крыльце. И я увидел, как он незаметно от других крестит-благословляет нас в машине мелкими частыми движениями руки, а в его исхудалом старом лице большие серые глаза совершенно по-детски радостно улыбаются. Такой детски-простой улыбки я у стариков не видел. Таким он и остался со мною на всю жизнь: больше я о. Александра Новгородского не встречал.

*

Мы, обычные грешники, дети века нашего, не верим в чудо, хотя и не признаемся в этом. (А некоторые даже и признаются.) Почему о. Александр, простой русский священник, говорил „как власть

имущий”, а те, кто слышал его, в этом не сомневались? Потому что до слова произнесенного было в нем то, что словом выразить невозможно, то, в чем слово это рождалось: вера. Разве вера — не чудо? Даже и менее горчичного зерна. Дай Бог всем нуждающимся в час тоски и беды встретить в душевной мгле безверия такого человека. А встретив — не обмануть его доверия, его детской улыбки, открытой нам, несмотря на то, что он все зло мира знал и видел.

Храм Архистратига Михаила по-прежнему незыблемо стоит среди просторных лугов. Над темно-голубым куполом почти не двигается огромное теплобелое облако июльского полдня. Храм стоит на холме выше всех, ближе всех к вечному покою безветренного неба. Мне кажется, он будет стоять так всегда. Да это так и есть — во мне и во всех, кто там этот покой получили, он стоит навсегда. Мне кажется, что тень о. Александра сходит с крыльца, что опять слушают мои грехи его добрые, все отпускающие глаза, и я чувствую, как наполняет меня тишина подлинной свободы.

Прихожанин

ОТВЕТЫ ДУХОВНЫМ ДЕТЯМ

О познании Бога

Бог открывает Себя в творении Мира. В творении как в зеркале отражается сила Божия.

Бога видеть мы не можем, но мы можем видеть Его проявление — в Мире.

+

Истинным состоянием человека должно быть состояние поверженности, тогда Господь вселяется в сердце человека (*смирное сердце*).

Люди, которые не отрешились от разума падшего, пронизанного ложью и мраком, не в состоянии познать Бога.

+

Мир — это капля воды, в которой отражается Солнце — Господь, неизмеримое Его величие.

Люди же земными мерками меряют дела Божественные и потому так страдают.

Все наши попытки познать дела Божии — это только стремление приблизиться к Богу.

Когда они встанут на точку смирения, то эта тягота станет легкой, она станет искрой, зажигающей любовь.

Человеческим помраченным разумом хотим мы познать существо Божие и дела Его, а не всем своим существом — любовью, сердцем и очищенным разумом.

Три ступени служения Господу

1. Всякое земное служение ближним (труд, милостыня, помощь).
2. Духовное служение ближним: (молитва о них, Слово Божие).
3. Терпение в скорбях, искушениях, болезнях.

О вере

Вера — это внутренний глаз. И этот способ познания приводит человека в состояние равновесия, так как он видит этим глазом руку Божию, которой Господь управляет всем миром и каждым человеком. Состояние равновесия — это когда человек не сильно радуется и не сильно печалится, а во всем видит руку Божию.

+

Вера — не только благодать, но и способность, вложенная Творцом в каждого человека.

Вера основана на опыте чужом и своем. Она дана для того, чтобы познать мир, лежащий за пределами наших чувств.

Вера раскрывается в терпении и смирении. Это внутренняя сущность человека. Вера — сила творческая. Вера бывает:

1. От слышания.
2. От опыта.
3. Плод Духа.

Веру нужно хранить, беречь и питать.

Вера погашается грехами, а питается словом Божиим.

Если мы будем смотреть на все глазами веры, то скорби уменьшатся и жить станет легко. Увеличится только печаль о своей греховности.

О молитве

I. Четыре основания молитвы:

1. Чистота жизни. 2. Добрые дела. 3. Самоукорение (касается наших добрых дел — они никогда не чисты). 4. Смирение.

Главная задача — читать молитвы со вниманием, влагая ум в слова молитвы. Со временем сердце начнет откликаться.

+

Обязательно молиться на ночь, хотя бы десять минут, но со вниманием.

+

Днем молитва Иисусова, пользоваться всяким случаем, когда представляется к тому возможность.

+

За все благодарить Господа, получаем ли мы что, лишаемся ли чего, и за болезнь и за здоровье.

+

За все доброе, что у нас есть, благодарим Господа и приписывай только Богу. А сам человек только способен к добруму, исходящему от Бога, примешивать грех. И за это надо укорять себя, а не только за грехи. (Самоукорение.)

+

В домашней молитве надо вспоминать грехи, но без подробностей. (На исповеди подробности также вспоминать не надо и возвращаться к ним не следует.)

+

Если какая-то неприятность — помнить, что Господь всегда с нами, все видит и знает все обстоятельства. Обратишься к нему с мыслью — все пройдет.

+

Кто молится с верою, тот никогда не пользуется способами самосохранения и не прибегает к ним.

II. Смысл молитвы

1. Если мы хотим сохранить себя от вражеского вторжения, надо заботиться, чтобы наше сердце было занято молитвой.

2. Если во время чтения Евангелия, псалтири, молитвы слово коснулось сердца, остановись — в это время Господь коснулся твоего сердца — это смысл молитвы.

III. Непрерывное общение с Господом

1. Высшее — причастие (не реже одного раза в месяц).

2. Вкушать Господа духом — Иисусова молитва.
Иисусова молитва

Четыре основания молитвы:

1. Чистота жизни: частое покаяние, охранение ума и всех чувств (не смотреть, не слушать, что не следует, не говорить, когда не спрашивают вас).

2. Дела милосердия: сострадание, молитва за ближних, поддержать скорбящего.

3. Смирение во всех его видах — это одеяние Божества, в которое оно укрылось, чтобы стать доступным грешному человеку.

4. Самоукорение: все свои дела считать несовершенными.

IV. Созерцание

Грех разбил все существо человека, все его силы враждуют между собой: ум ссорится с сердцем, и это есть источник мучений. Восстановление падшего естества состоит в восстановлении гармонии в человеке. Когда человек до какой-то степени достигнет гармонии, он сможет соблюсти заповеди, наступит для него единение в любви — тогда вселится в него Бог.

При созерцании молитва (прошение, благодарение, славословие) прекращается; ум, воля безмолвствуют; душа находится в восхищении. Это уже иная жизнь.

О посте

Пост в строгом смысле — добродетель монашеская, в широком смысле — христианская.

В широком смысле пост есть воздержание во всем и всегда. Всегда быть собранным в себе и воздержанным во всем — это возможно и в миру. Удаляться от пустых разговоров. Отсечь любопытство.

Если не отсечь любопытство, человек никогда не исправится, так как он больше набирает, чем очищается.

Сердце должно охраняться от впечатлений мирских; душа, которая изощрается в мирских делах, благодать Божию не может принять. Любовь к миру есть вражда против Бога.

Пост — это начальная добродетель, но это добродетель условная — каждому дается своя мера. Суть его не в убийстве тела, а в том, чтобы держать его в рамках, в мере.

Пост обнимает всю жизнь человека, это хранение языка, хранение чувств, состояние бодрствования, трезвение. А пост в пище требует осторожности.

Выше поста стоят дела любви.

Болезнь стоит выше поста.

Пост сам придет со временем в меру усиления нашей духовной жизни.

Пост: 1. Качество пищи (постное). 2. Количество пищи (умеренное). 3. Время принятия пищи. 4. Воздержание во всем.

Соблюдение тайны поста. Все недостатки восполнять самоукорением. Пост — добродетель великая, но и в нем надо знать меру.

Если поможешь одному человеку на пути спасения, которого Господь приведет к тебе, покажешь ему свое сочувствие, сострадание — это будет выше любого поста, на который ты способен.

О смирении

Путь к жизни — Смирение и Любовь.

Иоанн Лествичник: „Смирение есть Бог”. *Исаак Сирин:* „Смирение есть добровольно взятое на себя омертвление”. *О. Павел Флоренский:* „От кого спастись? От самого себя”. *Исаак Сирин:* „Отсечение всего есть единение со Христом”.

Смирение — свобода. Смирение начинается с самопознания.

Смирение — если простить брату, согрешившему против тебя, прежде, чем он попросит у тебя прощения.

+

Смирение — это отношение к ближнему. *Начало смирения — обуздание своего языка — это добро-*

детель бесконечная. Закон смирения — ни в чем не выходить за меру: мера еды, мера сна и т. д.

Добродетель, в которой нарушена мера — от дьявола.

+

Мир поддерживается взаимным снисхождением и возможным служением другому.

+

Приучи мало-помалу сердце свое говорить о каждом — поистине он лучше меня, — и мало-помалу приучишь считать себя грешнейшим из людей. Если укоришь человека, то от тебя отойдет благодать Божия и дастся тебе дух во осквернение плоти, ожесточится сердце твое, удалится умиление и ни одному из духовных благ не будет места в тебе.

+

Ни бесчестие, ни какая-либо скорбь не приходит к человеку иначе, как по попущению Божию на искушение и ко исправлению человека, или за грехи его.

+

Смирение упасть не дает. Ни одного огорчительного слова другому. Рука Господня не оскудела еще и Господь нас покроет, если мы будем искать смирения.

Нужно избегать грубых форм нарушения смирения: раздражительности, осуждения. Это не значит, что не будет падений, но „падет и не разобьется”.

+

Когда будешь приобретать смирение, будешь сам счастлив: всему найдешь свое место, мир и гармо-

нию, так как люди больше всего страдают от противоречий, от неразрешимых вопросов.

+

У смиренного человека слово приобретает творческую силу.

+

Земной поклон — выражение нашего смирения.

Соблюдение смирения в наше время заключается также в том, чтобы молитву свою сохранить в тайне. Эта заповедь сейчас очень важна: та добродетель высока, которая в тайне совершается, не только потому, что сейчас мы не можем иначе поступить, но и потому, что так говорится в Евангелии.

Молитва должна быть тайной, сердечной.

+

Единственная кладовая, которую не может обокрасть враг — это смирение. Царство Божие — есть мера внутреннего совершенства, мера смирения. У смиренного нет глаз, чтобы видеть чужой грех, и нет языка, чтобы о нем говорить.

+

Двери неба открывает только смирение.

Труд, искушения, терпение, смирение ведут к любви.

+

Смиренномудрие — внутреннее устройство — это за ничто считать все свои добродетели.

О любви

Величие любви Божией к человеку в Его жертве — а жертва — Сын Божий. Наш долг ответить на эту

Жертву Любовью. В этом случае важно расположение сердца (как вдовица, отдавшая две лепты, то есть все, что она имела, она отдала Богу). И мы должны быть всегда готовы отдать Богу все, что имеем. (С этих позиций наши пожертвования в храме: не важно, что будет с нашими деньгами, куда и на что они пойдут, Господь примет нашу готовность к жертве ради Него.)

Церковь будущего состоит из любви.

Мучения ада — это мучения отверженной любви, мучения за то, что на любовь Божию грешники ответили ненавистью. Они будут видеть Его любовь и страдать от своего недостойнства.

+

Любовь — это, прежде всего, сострадание, сочувствие. Иное дело, можем ли мы помочь или нет, но сострадание — первый шаг.

Главное — в сердечном намерении сострадания.

+

Ефрем Сирийский говорит: если ты приехал куда-нибудь, где тебя никто не знает, то для того, чтобы устроить свое благополучие, устрой прежде благополучие других.

Так и в любви и в сочувствии: наполни свое сердце любовью и сочувствием к другим, и ты получишь любовь и сочувствие.

+

Любовь зла не помнит, то есть ни в каком человеке ты не должен допускать зла в отношении к тебе.

+

Любовь чиста и мирна, то есть дает гармонию всех сил.

+

Движущая сила в нас должна быть от сердца.

Цель наша — возбудить сердце, подвигнуть на это волю. Сердце — это высшая часть духа, соприкасающегося с загробным миром.

+

„Я прощу вас всех, все ваши беззакония. А как вы, изменяющие Мне, посмотрите Мне в глаза?“

+

Возможность самопожертвования дана каждому. Господь ждет, чтобы мы ответили любовью на Его любовь. Он избрал нам такой путь спасения, какой показал в величии Своей Любви, Своей Жертвы за род человеческий. (Что более Единородного Сына?)

Труд, искушения, терпение, смирение ведут к любви. Любовь возвышает. Царство Божие в Любви, в соединении.

О гордости

Две основные черты современной жизни: гордость и ложь.

Вся наша жизнь построена на гордости: соревнования, награды и т. д. Взрослые люди играют в игрушки и проигрывают вечную жизнь.

Самое страшное — гордость. Мать гордости — невежество. Мы гордимся чужим: красота, богатство — все дано Богом на время.

Сущность гордости — есть ложь. Мы присваиваем себе то, что нам не принадлежит. Ложь жизни — все

наши страсти, которые прикрыты нашим якобы христианством (на груди крест, в сердце дьявол).

Корень всех грехов — гордость. Она пребывает с нами до смерти. Когда человек видит ее в себе и борется с ней, Господь помогает ему в этом.

Но когда нам приходит мысль, что что-то у нас хорошо или что-то плохо у других, то это значит, что гордость подняла свою голову. И тогда Господь отнимает у нас охраняющую благодать, благодаря которой у нас и было хорошо, и допускает врага. Для того, чтобы нас смирить и показать что это была не наша заслуга, а действие Божией благодати, и что без нее мы ничего не можем. И таким образом мы смиряемся невольно.

Это есть период обучения законам духовной жизни. Сердце наше заражено эгоизмом, а нам нужно насадить в нем чистую любовь к ближним, иначе нам не войти в Царствие Божие. Такую любовь к ближним мы можем приобрести на этом пути обучения.

Раздражение и смущение во время самоукорения — это признак гордости. Если слепой человек упадет в яму, за что же он будет на себя раздражаться и в чем смущаться, он же знает, что он слеп.

Так нам нужно сознавать свою греховность и не раздражаться, не смущаться, а говорить: „Вот то и то сделал я плохого, я согрешил, прости меня Господи”. И все. Чем же тут смущаться, когда мы грешны от начала до конца. Всякое смущение — от гордости.

Гордость предшествует падению. (Совершенство не в том, чтобы не падать, а в том, чтобы вставать.)

Гордость есть у всякого человека, даже в сердцах самых святых людей. Помыслы проходят через

каждого человека, но они нам не вменяются, если мы не задерживаем на них своего внимания. Только то нам вменяется в грех, что принято нами, на чем мы задержали свое внимание и удержали в сердце.

+

Дьявол всюду разостлал вражеские сети. Попадает в сеть гордость. Господь хранит очень тщательно всех, но гордость человеческая отталкивает руку Божию, и человек остается беззащитным.

+

Гордость врачуетя познанием себя. А познание достигается чтением Евангелия, Св. Отцов. Евангелие — это зеркало, из него следует непрерывное покаяние, а далее желание исправить свою жизнь.

Гордость пребывает с нами до смерти. Гордость и господство тела над духом — вот причины падения. Если бы Господь не дал человеку смерти (величайшего благодеяния, которое сохраняет возможность покаяния), человек в своей гордости достиг бы гордости сатаны.

Основа борьбы с гордостью: познание самого себя при свете совести. Гордость врачует только Господь.

О гневе

Гнев возбуждается по причинам:

1. По причине скупости, выражающейся в даянии и похищении чужого.
2. Если кто любит защищать собственное мнение.
3. Если кто хочет удостоиться почестей.
4. Если кто хочет быть учителем, думая о себе, что он разумнее всех.

+

Гневом помрачается ум человеческий в следующих случаях:

1. Если человек имеет ненависть к ближнему своему.
2. Если ставит ближнего за ничто.
3. Если завидует ему.
4. Если худо говорит о нем.

+

Страсть гнева выражается:

1. В сердце. 2. На лице. 3. Языком. 4. Делом.

Если кто возможет перенести зло настолько, чтобы оно не вошло в сердце, то страсть гнева не изобразится и на лице. Если же у кого она выразится на лице, тот да сохранится, чтобы не выразить ее языком. Кто выразит ее языком, тот да удержится, чтобы не выразить ее на деле, да потщится немедленно извергнуть из сердца.

+

Человек бывает трех устроений по отношению к страсти гнева:

1. Кто произвольно не делает вреда никому. Не поносит противников своих и щадит ближнего своего, тот действует по естеству, обновленному Христом.

2. Кто другим не вредит, но вместе не хочет, чтобы и ему делали зло, тот подобен Адаму.

3. Кто же вредит другим, кто бесчестит ближних, кто вводит их в напасть или требует гибели их, тот подобен дьяволу.

Об обидах

Обиду вырвешь из сердца только тогда, когда ты будешь вместе с обидевшим тебя радоваться его ра-

достью, а чтоб этого достичь, нужно просить Бога помочь в чем-либо тому человеку, на которого ты обижен. Идти путем любви, которая снимает грех ближнего.

Вопрос: можно ли дать понять обидевшему тебя свою обиду? Нужно ли?

Ответ: ни в коем случае.

Вопрос: как внутренне бороться с обидой?

Ответ: все, что делается, бывает либо по воле Божьей, либо по допущению Божию. Это конечные цели. Бог всеблажен и неизменяем. Милости Божии и испытания, посылаемые нам, все от нас.

Всякое явление имеет свои причины и следствия. Из добра вытекает блаженство, так как Бог есть Любовь и все, что делается, делается по воле Божией, и есть выполнение закона Любви, форма ее проявления. В добрые дела Бог вложил воздаяние или последствия — блаженства.

Зло есть отсутствие добра. (Тьма есть отсутствие света.) Противление дьявола Богу есть вещь непостижимая, вещь в сущности безумная, но тайна для нас. Если бы дьявол покаялся, зла не стало бы.

Непослушание, злая воля есть причина, следствие этого есть мучение. Нет добра — нет блаженства, есть мука в большей или меньшей степени.

(К Антонию пришел бес Зерифер в образе человека и плачет горько. Антоний его спрашивает: „Что плачешь?“ Зерифер отвечает: „Я согрешил тяжко и не знаю, простит ли меня Бог. Прошу тебя помолиться, чтобы Бог ответил, простит ли Он меня“. Господь открыл Антонию, что к нему приходил бес, и сказал ему: „Старое зло не может стать новым добром. Но если он исполнит Мои условия, Я его приму. Пусть стоит на одном месте три года и молится:

Боже, помилуй мя, древнюю злобу.
Боже, помилуй мя, прелесть помраченну.
Боже, помилуй мя, мерзость запустения.
Я прощу, если он это исполнит”.

Когда Антоний передал ему ответ Бога, бес сказал, что нет, этого он делать не будет, ему люди еще кланяются пока.

Пока дьявол не обольстил человека в раю, он еще мог покаяться, после уже нет. Если б человек не умирал, то и он стал бы не способен к покаянию. Поэтому смерть есть величайшее благодеяние.)

Правда Божия определяет так, что во все вложила свое воздаяние — последствия. Но мы мало видим последствий своих дел — между сеянием и жатвой положено время. Не сразу мы видим последствия своих дел, но у Господа ничто не остается без воздаяния. В ком Господь видит добро, доброе начало, того Своим промыслом Он ведет к Своему Царству. „Всякую ветку Отец Мой очищает” — это очищение Господь дает тем, кто имеет зародыш добра. Это очищение идет всю жизнь через страдания, искушения, болезни. А в ком Он видит сердце ожесточенное и в ком нет стремления к добру (понятие непостижимое), тому Он дает воздаяние на земном пути за его добро. Один отходит, получив расчет за свои грехи, другой за свое добро.

Многие грехи прошлого отошли без воздаяния, и Господь хочет очистить их через скорби. *Обиды и есть то очищение, которым Господь хочет нас очистить.* Это милость Божия, чтоб не наказывать нас в веке будущем. А человек обидевший есть только орудие воли Божией.

Мы несем последствия своих грехов. Все оставляет свой след в нашей душе, оставляет свой про-

гиб. Последствия наших дел обязательно к нам придут.

Все, и малое, и большое, совершается по воле Божией. Склока в квартире. Если спросят, то ответь, но не оправдывайся, не убеждай, если не верят. И неси с терпением. Воздаяние будет во времени за искушения. И это воздаяние покрывает все прежние грехи.

Обличать и обвинять не нужно. Господь Сам обличит. А тебе за терпеливое несение искушения Господь Сам зачтет этот подвиг.

Как изгладить в сердце старую обиду?

Не останавливать на этом своего внимания, занимать его постоянно молитвой или чтением Слова Божия. А сами своими силами победить воспоминание не можем, так как в нем дьявол.

Если ты и победишь его, он оставит след в виде духовного смрада, который изгладить очень трудно. Если же будешь молиться, то никакого духа смрадного не останется. Ничто не может так изгладить все прежнее, как Слово Божие.

О труде

Если ты мирянин, то и занимайся мирскими делами и спасайся на своем пути. Отвлечение от главного — дьявольское дело, потеря времени.

1. Молитва. 2. Чтение питающее и созидующее. 3. Труд для нас на первом месте. Труд — это великий регулятор духовной жизни, он удерживает человека от крайностей. Весь труд и всю свою деятельность надо направить к одной цели. На земле все приобретается и хранится трудом. Эта заповедь дана была Адаму еще до грехопадения.

Труд созидает благополучие ближних (каждая клетка живет для всего организма, для созидания всего тела). Этим самым мы созидаем и свое спасение. Это дело любви. Отчет же мы должны дать Богу.

Трудом мы исполняем заповедь о любви. И тем мы прославляем Господа, своим трудом исполняем долг перед Ним. (Притча о талантах — лукавый и ленивый раб — когда мы обвиняем других и оправдываем себя, тогда мы лукавые и ленивые рабы.)

Трудами мы исполняем волю Божию о нас. Они принесут плод для оправдания нас на Суде. Труд — это якорь, поддерживающий человека в равновесии, удерживая его от крайностей. Труд — якорь, охраняющий от потопления во время бурь житейских, в частности, уныния. Смысл труда — польза ближнего.

Но труд не должен быть главным в нашей жизни, в ущерб духовной жизни. Праздничный труд не благословляется, поэтому все, что делаешь в праздник, уносит и то, что делаешь в будни.

О разговорах и по поводу гостей

Наши разговоры — это признак мертвой души, это — перемол мякины. *Смысл этого искушения:*

1. Тягота от разговоров — это опыт духовный. Он показывает нам, что работать миру и греху не дает ни счастья, ни покоя, ни удовлетворения, а только опустошение. Он научает ценить добро для души и добро мирское. И когда Господь отнимет это искушение (разговоры), то ты уже не будешь ходить к другим и заниматься подобными разговорами.

2. Когда увидишь людей в их проявлениях и познаешь, что душа их голодна и пуста, то в твоей душе *пробудится сострадание к ним*, а сострадание — это ступень, предшествующая любви и молитве за них, это путь любви.

3. Мера облегчения людям.

4. Самое важное в этих разговорах — это избежать осуждения. Чувство сострадания должно заменить осуждение, так как люди слепы в рабстве. Если обратиться мысленно к Господу, Он научит, о чем говорить и как.

Одно соприкосновение души человеческой с другой, как аккумулятор — сила Божия касается проходящего и переходит в него. Общания не забывайте — таковыми жертвами ублажается Бог. Но общение с людьми, у которых центр тяжести в духовных делах, а не в земных. Все земные дела нужно подчинить одной цели — тогда они не будут пустыми.

В лице ближнего принимать Господа.

Трапеза любви выше поста.

Если Господь хочет привлечь человека или послать ему помощь через нас, Он приводит его к доверию к нам. Господь не открывает ему наших грехов, но знамение о нас (доверие) показывает. И человек через это доверие спасается.

А нам надо противопоставить внутреннее самоукорение, потому что не знает человек нашего греха. Духовный путь общения основан только на доверии.

О советах

Если слепому покажешь красное или белое и скажешь ему об этом, он все равно ничего не увидит, так и с советами.

Что в мирской жизни, что в духовной — закон один, а вред можешь ему принести напоминанием. В крайнем случае сказать в виде притчи. Особенно, если причина в гордости. Гордость нам не дано врачевать, лучше нам такого человека не трогать. (Заснул человек в церкви: разбудить или нет? Пимен Великий говорит: я бы голову такого человека взял и упокоил.)

Когда будем знать причины, тогда сможем и помочь.

Говорить в ту меру, в которую может принять человек.

Если человек не спрашивает, но ты знаешь, что ему это нужно — все равно ничего не говори, потому что человек говорит о том, что у него болит, а раз не болит — он не примет.

Со Словом Божиим надо обращаться очень осторожно. Предпочтительно — молчание. У мудрого язык в сердце. Молчание собирает, а разговор расточает. Стараться в немногих словах выразить много.

О чтении

Пока есть возможность, читать надо как можно больше. Эту возможность дает Господь, потом она отнимается, а чтение будет претворяться в дело постепенно, не сразу.

И древние не жили одной книгой, а брали у старца одного одно, у другого другое.

Чистота ума приобретается молитвой и чтением. Если мы хотим очистить ум и душу от впечатлений окружающего мира, надо читать Слово Божие, вникая в смысл. Читать Слово Божие с молитвой, и

в меру очищения сердца будет нам открываться истина. Следует читать Слово Божие понемногу, но регулярно, и, как пища, претворяясь в организме, оно будет питать нашу душу, являясь живыми клетками нашей души.

Свойство Слова Божия — разделять людей на тех, кто принимает Слово, и тех, кто не принимает. Чтение соответствует духовному возрасту человека. При упадке духа полезно читать псалтирь.

Чтение Евангелия — зеркало, где мы видим свои ошибки.

О борьбе с помыслами (с искушениями)

Помыслы бывают разные, в зависимости от состояния человека.

Нападение всяких мыслей неизбежно. Мы можем полезные принять, не полезные отбросить. Остановить же движение мыслей нам не дано. Мысли, чувства бывают:

1. От нас (от земли),
 2. От Бога.
 3. От дьявола.
- Это необходимо различать.

Когда они бывают от лукавого, свидетельством тому бывает немирность и смущение. В этом случае нужно все позабыть, никому не рассказывать, не вспоминать, как будто этого не было.

Во время молитвы враг наводит помыслы и, если мы не задерживаемся на них и стараемся вникнуть в то, что читаем, то они нам не вменяются в грех. Помыслы проходят через каждого человека; только те нам вменяются в грех, что приняты нами, на чем мы задержали свое внимание и удержали в сердце.

Стой у дверей сердца и смотри на входящих

— *своей или чужой*. (О мыслях и намерениях.) Вражий помысл входит в нас вместе с сатаной, а сатана может входить в нас оттого, что сердце наше — дом наш — пуст, нет в нем Господа. И человек становится орудием врага, а Промысл это допускает.

Искушение для духовных — жажда объяснить Св. Писание по собственному разумению, не учитывая того, что подлинный, глубокий смысл Священных Слов открывается лишь чистым смиренным сердцем. Кто этого не достиг, может пользоваться опытом св. старцев, принять их толкование.

Без искушений нет познания самого себя, нет познания воли Божией, нет духовного роста. *Искушение — действие очистительное*. Когда ребенок мал, мать носит его на руках, а когда вырастет, начинает ходить сам. Так и с искушениями: когда человек начинает служить Господу, то и начинаются искушения.

Полоса искушений — это воспитание от Господа. Этот этап необходим. Господь готовит нас к будущей жизни, в которой нам будет поверено дело, к нему-то и готовит нас Господь.

(Если в чужом — земной жизни — не были верны, то кто же вам доверит *ваше* — небесное.)

Почему так беспокоят нас бесы? Потому что мы отвергли оружие наше: 1. Самоукорение. 2. Смирение. 3. Нищету. 4. Терпение.

Если хотим оградить себя от вражеского вторжения, надо заботиться, чтобы сердце наше было занято молитвой, тогда оградит Сам Господь. Падение в искушениях не страшно, лишь бы встать снова, а преступление в духовной жизни будет в том, что будешь видеть свои грехи все больше и больше.

Все искушения, вся вражда возможна пока че-

ловек смотрит на мир земными глазами. Эти глаза открывает только Бог.

Премудрость тебя поведет сначала кривыми путями и только потом выведет на прямую дорогу. Все искушения имеют силу, пока сердце занято земным, а когда сердце начнет очищаться, в него будет вселяться Господь. Такое сердце должно быть смиренным, смирение рождает любовь.

О борьбе с грехами

Грех разбил все существо человека. Все его силы враждуют между собою; ум ссорится с сердцем — и это источник мучений.

Восстановление павшего существа состоит в восстановлении гармонии в человеке. Когда человек до какой-то степени достигнет гармонии, он сможет соблюсти заповеди. Наступит для него единение в любви, и тогда вселится в него Бог.

Различать истинное добро от зла очень трудно — это великий духовный дар. Очень большое количество грехов происходит от этого неразличения.

Вся вражда возможна, пока человек смотрит на мир земными глазами. Эти глаза открывает только Господь. Грех врачуетя просто, а дух греха врачуется очень трудно. Враг хочет через этот дух восстановить свою власть над нами.

Как искоренить этот дух?

Многим вниманием, хранением ума, приложением усилия к тому, чтобы сердце наше наполнилось духом благодати, тогда тот дух потеряет свою силу над нами.

Не надо вспоминать того, что было, не делать

ничего такого внешнего, что могло бы приблизить нас к греху. Усилить внимание к себе и молитву. Особенно нам помогает дух смиренномудрия.

Невидимая брань.

1. Ненадеяние на себя.
2. Во всем полная надежда на Бога.
3. Непрестанное внимание и борьба с грехами.

(Найди в себе главную страсть и борись с нею. Вместе с нею будут ослабевать все страсти.) Борись против той, которой сегодня тебя борет враг.

Сердце должно охраняться от впечатлений мирских. Душа, которая изощрается в мирских — благодать Божию не может принять.

Кто не обуздывает своего языка, тот не может исправиться и в другом. *Прежде всего — не осуждай.* Мы все видим, но осуждение надо пресечь. Мы видим грехи людей, *а покаяния их не видим.* Где твои любовь и смирение, когда ты входишь в суд над ближним твоим?

Если не отсечь любопытства, человеку никогда не исправиться, так как он больше набирает, чем очищается.

Для изглажения памяти прежде содеянных нами грехов нет большей силы, как чтение Слова Божия. Читать Слово Божие надо понемногу, но регулярно. Как пища претворяется в организме, так оно питает нашу душу, являясь живыми клетками нашей души.

Падения в грех имеют три степени:

1. Остановление внимания.
2. Сочувствие сердца.
3. За сочувствием сердца склоняется воля и ум — душа охвачена силами греха.
4. Человек обдумывает и находит пути.
5. Привычка к повторению греха.

Блажен муж, который не идет на совет нечести-

вых, на пути грешных не стоял и на судилище губителей не сидел.

В борьбе людей со страстями есть предел, до определенного предела надо бороться, а выше предела надо бежать.

То, что в каждое дело примешивается сознание греха, — хорошо.

Господу прежде всего нужна печаль и скорбь сердца о грехах.

Нерадение исправляется легче, чем подвиг выше меры.

Скорбь и сокрушение о мерзостях — вот что учитывается Богом.

Мы каждый день должны себя проверять и все негодное нести вон.

Самооправдание — величайшее препятствие в духовной жизни. Адам и Ева не сознались и оправдывались — потому и произошло общее грехопадение.

О главном в жизни (разные мысли)

Главное — созидание в сердце Царствия Божия. Кто не созидает в своем сердце Царства Божия, тот не увидит сетей дьявола.

Закон подвига — постепенность. Он начертан в природе — книге Божией, которая дана нам в руководство.

Стремление — закон земной жизни.

Борьба и смирение — законы христианской жизни.

Во всем соблюдать меру, на все находить время.

Хлеб без навоза не растет. Жизнь свою надо так построить, чтобы все шло на пользу.

Жить надо законом рассудительности. Для этого надо изучать и изучать опыт жизни.

Весь труд и всю нашу деятельность надо направить к одной цели.

Первая наша задача — познать свою немочь. Человеку тело дает земля, а дух — Господь.

Основание нашего спасения: 1. Молитва. 2. Чтение. 3. Труд. А Промысел управляет нашей внешней жизнью.

Духовная жизнь, как семя, брошенное в землю. Семени нужен свет, питание, вода. Так для нас — причастие, добрые дела, молитва, чтение, скорби, искушения через людей. Нужно питать семя, и оно будет незаметно расти.

Искушения, посылаемые через людей, надо терпеть, никого не виня. Со временем искушения отнимутся. Поскольку искушения допущены, наше вмешательство не поможет. Когда необходимость этого минует, Господь Сам все устроит. Переносить же это надо без ропота со смирением. Эти искушения необходимы нам для нашего воспитания. Они обогащают нас, охраняют.

Ищи пользы ближнего, но не своей.

Жить надо так, чтобы ничем не выделяться из других людей, кроме внутреннего — это покров для сохранения тайны.

Наша задача — скрыть свой духовный мир насколько возможно.

Добродетель важна та, которая в тайне совершается.

Не осуждай — не известен бо есть человекам суд Божий.

Воображение — область дьявольская. Воображе-

нию надо дать направление, направить его на познание природы, жизни животных и т. д.

Всякая добродетель, не соответствующая нашему образу жизни, не годится для нас и даже вредна.

Каждый день взвешивай свою жизнь как на весах: смотри, что тебе посильно и полезно.

Человек как почка: если попробуешь ее развернуть раньше времени, то погубишь, а придет время, она раскроется. Так и сердце человеческое. Когда сердце очистится, оно само раскроется.

Нельзя требовать от себя того, что пока нам не по силам, например, желать нерассеянной молитвы, когда ты еще на нее не способен. Это происходит от невежества и гордости.

Необходимо житейскому морю взволноваться и волнам рассвирепеть, чтобы через эти бури очистилось сердце. Чистота сердца — в терпении.

Каждый вечер нужно вспоминать прошедший день при свете заповедей — это путь восхождения.

Условия пути ко всему доброму: 1. Всегда быть собранным в себе. 2. Быть воздержанным во всем.

Совершенство земного пути:

Когда враг тебя тысячу раз ударит (повергнет) — встать все тысячу раз.

Любое наказание нам не наказание, а вразумление. Суд же над нами принадлежит Господу.

Добродетель должна быть тайной до тех пор, пока не придет исповедничество.

Никто и ничто не придет к нам без допущения Господа.

Время испытаний — блаженный период, когда Господь созидает в нас внутреннего человека.

В ближнем мы чтим образ Божий, независимо от того, какой это человек — грешный ли, праведный ли.

Внутреннее отречение от мира — это все иметь, всем пользоваться, но ничем не быть связанным: ни семьей, ни домом, ни творчеством. Мы все должны отметить, если что-либо является препятствием на пути к Господу.

Три стрелы вечной муки: 1. Угрызения совести (что отверг Божию любовь, предал ее). 2. Адские муки. 3. Отчаяние.

Смерть пресекает власть греха над человеком. Полного освобождения от греха до смерти человек не получает.

В глубине души — ад и рай.

Сохранить собранность в городской жизни — дело важное.

Задача нашей жизни не только в том, чтобы воспитать себя, но и воспитать других. Но это возможно только в том случае, если будешь иметь что передать другим. Поэтому работа над собою неразрывно связана со служением ближнему.

Бесы мыслей наших читать не могут, но они очень опытные и знают по нашему виду и нашим делам о наших мыслях.

Женщине дано в наше время великое служение. На это надо смотреть духовными глазами.

Надо ли детей заставлять ходить в храм? Господь всякого человека испытывает в свое время — и праведного и неправедного. Такое испытание никого не минует, только время его разное. Приобретенные в детстве навыки помогут пройти эти испытания.

Интерес ко всему — это и положительные стороны и отрицательные. Рассеянный ум, как и рассеянный луч, силы не имеет.

Богооставленность — это такое состояние, когда

наступает отчаяние, в котором нет надежды, цели, просвета — нет веры в Бога. Это омертвление души.

Семейная жизнь — это не только заботы о хозяйстве, о здоровье и т. д., но это прежде всего — терпеливое перенесение недостатков друг друга. „Тяготы друг друга несите”. Господь взял на Себя грехи мира. Вся жизнь Его — сплошное страдание. И апостолам завещал пить эту чашу, и они страдали за нас. И пастырям. И если ты делаешь добро ближнему, то знай, что грехи его придут на тебя и ты должен понести их страдания, искушения, „понести тяготы друг друга”.

Со стороны зла, когда мы оскорбляем другого, грехи его также переходят на нас. Так связан род человеческий друг с другом.

Многие грехи прошлого прошли без воздаяния и Господь хочет очистить их через скорби. Это милость Божия, чтобы не наказывать нас и в будущем.

В христианстве особые свойства личности не уничтожаются, а только очищаются, им дается направление. (В этом разница между христианством и пантеизмом — личное общение.)

О последних временах

Сейчас царство дьявола достигло расцвета. Он стремится залучить в свои сети особенно избранных. Процесс этот начался давно, он развивается, возрастает.

Господь отделит Своих через скорби, но одновременно, чтобы уберечь Своих от более страшных язв, которым будет подвержено все остальное челове-

чество. Для нас лучше всего предать свою жизнь воле Божией — быть как щепка в море.

Время начаться суду с дома Божия — с Церкви. Этим Господь очищает Своих. Нас Он избавляет малыми скорбями, смягченными бедствиями. Царство дьявола держится на лжи и насилии. Когда люди почувствуют, к чему они пришли и что они потеряли, тогда наш дух и придет. Когда разрушатся все идеи и люди зайдут в тупик, произойдут большие бедствия — тогда сплотится человечество и в этот-то момент и явится Антихрист*.

Власть Антихриста начнется с Церкви.

Церковь будущего в любви.

Мучения ада — это мучения отверженной любви, мучения за то, что на Любовь Божию грешники ответили ненавистью. И любовь их к Богу будет их мучением. Они будут видеть Его любовь и страдать от своего недостойнства.

Господь прежде века знал путь каждого. Более слабых Господь заберет. Сильные получают мученический венец и высотой своего мученичества превзойдут первомучеников.

Только тот, кто заботится об очищении своего внутреннего „я”, кто созидает в себе Царство Божие, увидит сети Антихриста. Это внутреннее созидание, а внешнее — нужно исполнять свое дело, но делать так, чтобы, не богоборствуя, служить ближним. Не ненавидеть, не осуждать делающих дело Антихриста, но молиться за весь мир. Нужно укреплять свой дух, сознавая ясно, что нас ждет, а с другой стороны — видеть надо всем Промысел Божий.

* Антихрист — не дьявол, а носитель зла, прикрытого добром. Превосходнейший из людей.

Современные достижения сами по себе нас не могут погубить, если мы будем знать, что начало и конец в Боге. Открытия совершает разум человеческий, данный Богом. *Роль дьявола заключается в том, что он направляет открытия.*

Дьявол есть лжец и человекоубийца, а Господь все зло употребляет для спасения человека.

Ничто в земной жизни, никакие страдания не стоят блаженства будущего века.

Через зло Господь совершает добро, приводя человека к будущему веку.

Господь сказал: „Я вас храню как зеницу ока”.

Дьявол свергнут с неба, и Господь назначил роду человеческому наследовать небесные обители. Поэтому дьявол нам завидует страшной завистью.

Зависть — дело чисто дьявольское и делает нас его участниками.

ИГУМЕНΙΑ АРСЕНИЯ

Настоятельница Усть-Медведицкого монастыря
Области Войска Донского

БИОГРАФИЯ

I

Будущая игуменья мать Арсения родилась в семье богатого донского помещика Михаила Васильевича Себрякова 3 июля 1833 года. Назвали ее при рождении Анной. И отец и мать — Мария Алексеевна — были глубоко верующими людьми.

Однажды, когда Анне шел третий год, ей довелось увидеть архиепископа Воронежского Высокопреосвященного Антония Смирницкого. Крошечная девочка вырвалась из рук няни, подбежала к владыке и поклонилась ему в ноги. Антоний благословил ее и сказал родителям: „Эта будет великая жена”.

В 6 лет Анна потеряла мать. После смерти жены Михаил Васильевич стал вести жизнь еще более строгую, полумонашескую. Ласкал своих детей он не часто, хотя и очень любил их. Думал он и о монастыре. Может быть, если бы не дети, он бы и ушел в какую-нибудь обитель. Беседы о разных возвышенных

Биография, наставления и письма игуменни Арсении взяты из самиздатской рукописи, которая, по всей вероятности, является перепечаткой книги, изданной в России в начале XX века.

предметах, которые он иногда вел с детьми, были ими очень любимы. Но особенно Анна любила чтения в праздничные и воскресные дни в кабинете отца Евангелия и житий святых. В отрочестве и ранней юности время свое она проводила в усиленной молитве, размышлениях о Боге, читала постоянно Священное Писание и духовные книги, ежедневно посещала церковные службы, помогала голодным, больным, заключенным. Иногда после долгой, в слезах, молитвы, она ложилась отдохнуть на голом полу. Однажды она сказала отцу: „Я не боюсь геены, с Господом и ад не страшит меня”. Среди прочих занятий следует отметить и занятия с иконописцем, которого пригласил к дочери Михаил Васильевич и который преподавал ей начала иконописной живописи.

Девушка поразительной красоты, Анна отвергла планы отца о ее замужестве. Она твердо решила посвятить свою жизнь Господу. Такая ее решимость и огорчала, и удивляла, и восхищала Михаила Васильевича. В конце концов он перестал ей препятствовать. 30 декабря 1850 г. он отвез ее в Усть-Медведицкий монастырь — весьма бедную и пустынную обитель. Совсем молоденькая, недавно отметившая свое 17-летие, никогда не занимавшаяся по-настоящему физическим трудом, дочь богатого и известного в этих краях человека, она не хотела для себя никаких попущений. Всевозможные послушания налагает она на себя: помогает раскатывать тесто и печь просфоры, по ночам ходит „колотать” — будить монахинь на полуночную молитву, подает в трапезной обед, моет полы, помогает колоть дрова, топить печи, мыть и чистить посуду. Она клала по ночам по 1000 поклонов. Спала всегда в подрясни-

ке и кожаном поясе. Одевалась просто. Святых Отцов она изучает не только через чтение, но и стараясь усвоить их правила опытно. Берет на себя труд выучить наизусть Псалтирь. Всегда держа в уме Иисусову молитву, старается приучить себя к молчанию, положив за правило говорить лишь необходимое. Ее трудами написаны плащаница и шесть икон: Арсения Великого, Антония и Феодосия Печерских, Пахомия Великого, Иоанна Лествичника, Моисея Угрина и Сергия Радонежского.

Летом 1853 г. Анна исполняет свое давнее желание — совершает путешествие пешком в Киев. Не остановила ее и начавшаяся эпидемия холеры.

В 1854 г. Анна Михайловна была пострижена в рясофор с именем Арсении. Через 5 лет, 11 января 1859 г. ее постригают в мантию. И в это же время ее духовной наставницей становится схимница Ардалиона. Мать Ардалиона глубоко понимала духовную жизнь, умела ясно определять состояние человеческой души, имела высокое понятие о молитвенном состоянии и других духовных предметах. До самой смерти схимонахини мать Арсения сохраняла к ней глубокую веру и полнейшее послушание. „Если делом не хотите исполнить слово, зачем его и слушать?“ — говорила Ардалиона. Однажды Арсения, без благословения схимницы, подала нищенке полтинник. Схимница, считая, что такими щедрыми подаяниями Арсения как бы выделяла себя, возвышала над окружающими, с гневом укорила ее за своеволие и послала разыскать нищую и взять полтинник обратно.

Они жили в одной келье — и с ними еще две монахини: Агафия и Рипсимия — в постоянной молитве и созерцании в течение 5 лет. Эти годы, проведен-

ные в полном повиновении старице, годы совершенного духовного подвига и уединения, мать Арсения не раз называла лучшими годами своей жизни.

4 мая 1862 г. Высокопреосвященный Иоанн, управлявший тогда Донской епархией, назначил мать Арсению казначеей обители. Но 21 ноября 1863 г. скончалась игумения монастыря Вирсавия. Все сестры обратились к м. Арсении с просьбой принять на себя начальство над монастырем. Та очень не хотела лишаться столь дорогого ей уединения и безмолвной жизни. Согласилась она стать игуменьей лишь из-за послушания своей наставнице. „Ты увидишь, — сказала ей схимница, — что в сердце твоём живут страсти, тебе самой неведомые. И самолюбие, и гордость, и тщеславие, и гнев — все обнаружится. А для человека, стремящегося выйти из страстей, важно именно то, чтобы их познать в себе, чтобы они обнаружились, иначе он и бороться с ними не может...”

3 января 1864 г. на 31-м году своей жизни она была посвящена в сан игумении архиепископом Иоанном в г. Новочеркасске. А немного времени спустя произошло скорбное для нее событие — умерла духовная мать ее схимница Ардалиона. Умерла в отсутствии м. Арсении, ездившей повидать отца...

Молодая игумения энергично принимается за устройство обители. В 1867 г. ее заботами в монастыре было открыто бесплатное 4-классное женское училище с преподаванием Закона Божьего, русского и славянского языков, географии, арифметики и русской истории. Она составила из разрозненных монастырских книг библиотеку, значительно пополнив ее. Среди приобретенных книг были „Доброто-

любие”, „Творения Варсонофия Великого”, Ефрема Сирина и др.

В 1871 г. мать игуменья обратилась к архиепископу Платону с просьбой о разрешении построить в обители храм во имя Иконы Казанской Божией Матери. 23 июня 1875 г. началось его возведение. Храм строился по проекту академика Горностаева. Руководила же строительством сама игуменья.

Еще до начала строительства храма, 10 июля 1874 г., в день памяти св. Антония Печерского, мать Арсения приступила к новому подвигу: она по ночам начала рыть пещеры. Ей помогали в этом некоторые из ее духовных дочерей и келейные. Работая в пещерах, она непрестанно творила молитву Иисусову или читала акафист Страстям Христовым и 17-ю кафизму Псалтири. Лишние разговоры, кроме самого необходимого, она строго запрещала. Она хотела изобразить в недрах земли последние дни жизни Господа Иисуса Христа, Его страдания и крестную смерть, а также ублажить страдания Божией Матери во время распятия Ее Божественного Сына. Вход в пещеры был из притвора Арсеньевской церкви. Перед входом располагалась маленькая комната, где раздавали богомольцам свечи. Над дверьми, ведущими в пещеры, находилось изображение Страшного Суда. Далее узкий коридор вел к другим дверям — с иконой над ними „Вход Господень в Иерусалим”. Отсюда начинался спуск в пещеры. Направление их — на юг, расстояние — 77 сажен. Устройством своим они напоминали пещеры Киево-Печерской Лавры. Главный ход пещер м. Арсения назвала „Крестным путем Спасителя”. Здесь по стенам висели иконы с изображением последних дней земной жизни Иисуса Христа. Дру-

гую часть пещеры матушка назвала „Страстным путем Божией Матери” — в память страдания Царицы Небесной, которое испытывала Она, спеша к месту казни Своего Божественного Сына, и до того момента, когда увидела Его падшим под тяжестью Креста и почувствовала, что орудие прошло Ее душу. В конце пещер м. Арсения предполагала устроить церковь и даже вырыла для этого место. Но осуществить само строительство не смогла — не хватило ни здоровья, ни сил. Летом 1885 г. закончилась постройка Храма Казанской Божией Матери. 8 сентября состоялось его освящение.

Много сделала игумения Арсения для внешнего благоустройства обители. На месте малых, тесных и ветхих келий она выстроила просторные двухэтажные, крытые железом корпуса, отремонтировала трапезную, выстроила прекрасные дома для священнослужителей. За последние 15 лет жизни ею было устроено: монастырское подворье в станице Урюпинской с церковью во Имя Приснодевы, в память спасения царской семьи 17 октября 1888 г., обновлен и богато украшен монастырский теплый храм со вновь сооруженным иконостасом, основан скит в имении ее сестры Аграфены Михайловны (принявшей впоследствии монашество с именем Марии), там же построена церковь во имя Св. Марии Египетской и Св. равноапостольной Марии Магдалины...

Тяжкие труды игумении Арсени и подвиги, бессонные ночи в сыром и холодном воздухе пещер, постоянный внутренний труд борьбы над очищением своего сердца, вся тяжесть настоятельской деятельности, которую она несла более 40 лет, окончательно расстроили и без того слабое здоровье матушки...

25 июня 1905 г. сестры Усть-Медведицкого монастыря проводили свою настоятельницу в Саров. Несмотря на нездоровье и слабость, она пожелала исполнить свое обещание поклониться мощам преподобного Серафима. В Москве мать игумения заболела и ей пришлось задержаться там на две недели. Лишь 12 июля прибыла она в Саров. В первый же день по приезде, после поздней обедни, она служила св. Серафиму молебен с акафистом. Потом в тот же день она съездила в обе пустыньки святого старца. 19 июля в день празднования открытия мощей Преподобного она, хотя и через силу, ходила в церковь.

21-го мать Арсения приобщилась Св. Таин. Пешком в церковь ей было идти не по силам и она приехала с извозчиком. А встать с постели к вечерне и всенощной она уже не смогла. К ней призвали доктора, который не нашел в ее состоянии ничего опасного. По его уходе сопровождавшая мать Арсению келейница Агния хотела помочь матушке лечь, но та вдруг сама быстро легла на спину. Глаза ее стали большими, блестящими и радостными. Медленно вздохнула она еще раза два. Лицо ее делалось все более просветленным. Еще один вздох — и душа ее тихо, без стона, без мучений отлетела к Господу.

Гроб с телом матушки Арсения прибыл на станцию Себряково в ночь на 30 июля. 2 августа состоялось погребение.

ИЗ ЗАПИСОК МАТУШКИ АРСЕНИИ

(...) Непрестанной памяти Божией препятствует рассеянность наших помыслов, увлекающих наш ум в суетные попечения. Только когда вся жизнь наша

всецело направлена к Богу, человек делается способным и начинает верою во всем видеть Бога, как во всех важных случающихся обстоятельствах жизни, так и в самомалейших, — и во всем покоряться Его воле, — без чего не может быть памяти Божией, не может быть чистой молитвы и непрестанной. Еще более вредят памяти Божией, а потому и молитве, чувства и страсти. Поэтому надо строго и постоянно внимать сердцу и его увлечениям, твердо сопротивляясь им, ибо увлечения уводят душу в непроницаемую тьму. Всякая страсть есть страдание души, ее болезнь, и требует немедленного врачевания. Самое уныние и другого рода охлаждения сердца к деятельности духовной — суть болезни. Подобно как человек, который болен горячкой, по миновании болезни еще долго остается слабым, вялым, неспособным к делу, — так и душа, больная страстию, делается равнодушна, слаба, немощна, бесчувственна, неспособна к деятельности духовной. — Это страсти душевные. На них вооружаться и бороться с ними, их побеждать — есть главный труд. Необходимо усердно трудиться в этой борьбе с душевными страстями. Молитва обнаруживает страсти, которые живут в нашем сердце. Какая страсть препятствует нашей молитве, с тою и должны мы бороться неотложно, и сама молитва поможет в этой борьбе и молитвою же искореняется страсть.

+

Ко всякому чувству враг примешивает свою отраву. Так к сокрушению о греховности — он примешивает отчаяние и безнадежие, и унывает душа и

расслабляется; к отречению — жестокосердие, холодность, бесчувствие; к любви — сладострастие; к утешению милостями, даруемыми Господом, — тщеславие и проч. Человек не может отделить этот яд от благого чувства, но при молитве, именем Господа Иисуса Христа, произносимой с верою от сокрушенного сердца, этот яд отделяется; от света Христова разгоняется тьма из сердца, видна становится супротивная сила: от силы Христовой исчезает действие вражие, и в душе остается естественное состояние, не всегда сильное, не всегда чистое от плотской скверны, но безмятежное и способное подклониться под действующую руку Божию.

+

Немощь человеческая выражается главным образом в изменчивости, которой постоянно подвержено естество человеческое. После разумений духовных ум способен воспринимать помыслы нечистые и скотские. От ощущений святых чувство переходит к ощущениям плотским, низким. От мира, радости, ревности по добродетели переходит душа к смущению, печали, унынию. Это свойство изменчивости присуще естеству человеческому и особенно познается теми, которые все силы души своей устремляли к тому, чтобы, работая в дому Божием, пред лицом Его, держать ум свой в непрестанном изучении имени Его, сердце свое на стезях заповеди Его, душу свою у подножия креста Его. Опытны познавши изменчивость естества, они этим познанием пришли к глубокому смирению, которое не допускает их пасть: ни гордостью во дни мира, ни уны-

нием и отчаянием во дни смущения; пришли к страху, охраняющему делание и во время мира ожидающему брани.

+

Способность к изменчивости особенно сильно действует тогда, если в душе много естества — огня, то есть страстности. Св. Игнатий Богоносец говорил: „Нет во мне огня любви вещественного, но есть во мне вода, текущая и вопиющая во мне: иди ко Отцу”. — Эта текущая вода погашает огонь, — она есть Дух Святой.

+

Никакая добродетель человеческая не может погасить этого огня, не может убавить его силы. Но добродетели, правильно совершаемые, приносят плод; вкушение плода духовного знакомит внутреннее чувство с ощущениями живыми, чистыми, сладостными, по вкушении которых ослабевает желание ко вкушению ощущений плотских, нечистых, страстных. Например, добродетель молчания, разумно проходимая, отсекающая всякое слово, всякий помысел и всякое дело ненужное, приносит плод: тишину помыслов, мир душевный. Когда душа вкушит этого плода, то она хранит молчание или, утративши его, возвращается к нему стремительно не потому, что молчание есть заповедь монашеского жительства, но за сладость плода, который она имела от молчания. И так самый тот плод, полученный от делания добродетелей, хранит жительство.

+

Когда же придет совершенное, тогда-то „еже от части” — упразднится. Орудия добродетелей становятся ненужными, когда нива приносит плод обильный. Но для тех, в ком еще живо вещество огня, очень нужно и необходимо хранить себя на стезях заповедей Божиих, по слову Его проходить путь добродетелей и, получивши вкус духовного плода, не медлить в уклонениях, бывающих от изменчивости нашего естества, не разнеживать вкуса своего ощущениями чувственными. „Пал ли еси, восстань” благо то есть место, куда может стать нога. Тецйте дондеже постигнете путь Его пред нами.

+

Читала Лествичника „О гордости” и остановилась на словах: „Наказание гордому — падение его”. Это наказание Господь премудро употребляет и как врачество гордости. Но все действия Промысла Божия и попущений Его наказательных служат только тогда в пользу человеку, когда он стремится к достижению неземных целей. Если он поставил целью своей жизни единое спасение — Единого Господа, то все случающееся с ним послужит к его преуспеванию. При лишении всех благ земных, при нанесении и принятии удара всем чувствам своим, при перенесении бесчестия и проч., там, где сокрушилась бы душа самая сильная, но поставившая целью своих исканий какое-нибудь земное благо, там душа боголюбивая получает крепость, мудрость, свободу и, если чего лишается в этих прилучающихся скорбях,

то лишается единственно той связи со страстями, в которых была заключена и с которыми не могла сама по себе разорвать связь одним своим произволением, а только разрушилась она действием Божиим по причине страстей. Великое благо не быть порабощенным ничему земному хоть произволением души, тогда всякое действие Божие, направленное ко спасению, правильно действует, убивая только страсть, но не душу, а в противном случае вместе со страстию убивается и душа. Душа, отрекшаяся страстей, получает ощущение добродетелей. Отрекшись сластолюбия, она познает опытно смирение и т. д. Отрекшись своих хотений, своей грехолюбивой воли, своих разумений, она вводится в познание воли Божией. В деятельном исполнении воли Божией, которая является ей в спасительной пользе ближнего, она просвещается Божественными откровениями и, просвещенная ими, входит не только в чистоту, но и в бесстрастие.

+

Молчание очищает ум от помыслов. Познание своей греховности, своего неразумия, своего бессилия, своей недостаточности во всем приводит душу к вере разума. Отвержение своих хотений во всем приводит к деятельной вере, выражающейся в великой простоте и смирении. Первое приводит к чистоте ума, а второе — к чистоте сердца.

+

... Молиться нужно со страхом и трепетом, сознавая свое падение и ничтожество пред величием Бога. Если же нет этого, то хотя со вниманием к словам молитвы, если же нет и внимания, то с самоукорением. Что приобретается молитвой Иисусовой? Во-первых, вера к Имени Иисуса Христа, вера, что Оно свято и сильно, что Иисус Христос - жизнь для души, что без Него душа мертва, что в Нем Едином — спасение. К Нему душа обращается, как к живому. Потом приобретается и зрение своего падения, своей греховности.

+

Человеку при сотворении дан был внутренний закон, и он не нуждался в писаном законе. По падении тот же самый человек, получивший свое бытие от Творца, пользующийся всеми благами от Него же, настолько отдалился от Господа, что совершенно забыл о Нем, утратил понятие о Боге и об отношениях к Нему и ближним, так что нужно было сказать: „Аз есмь Господь Бог твой”. — Соблуди такие-то отношения ко Мне и такие-то к ближним. Вследствие общего падения и отпадения от Бога, голос совести слаб вообще у всех. Но кроме этой общей причины, у каждого человека есть и другие, его личные недостатки, заглушающие внутренний голос. Самоуверенность и довольство своими поступками происходит от совершенного неведения своей души, что очень вредно, потому что ведет к закон-

ченности. Человек, удовлетворяющийся своими поступками, не сознающий всю недостаточность своих действий, не пойдет далеко. Человек, ищущий только справедливости или земной правды, скоро закончит свой путь, тогда как стремление к уразумению или познанию правды Небесного Бога, — бесконечно, как бесконечен Господь — цель этих стремлений. Если человек действует по правде земной, то значит он не признает Небесную Правду, потому что они совершенно различны. На земле Небесная Правда пригвождена ко Кресту.

*ИЗ ПИСЕМ МАТУШКИ АРСЕНИИ
К ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ БРЯНЧАНИНОВУ*

+

7 ноября 1870 г.

Жесток путь спасения, жестоко бывает иногда и слово, высказанное о нем, — это меч обоюдоострый, и режет он наши страсти, нашу чувственность, а вместе с ней делает боль и в самом сердце, из которого вырезаются они. И будет ли время, чтоб для этого меча не оставалось больше дела в нашем сердце? Нет, для него всегда будет дело, нет конца духовному очищению, и во всяком сердце найдется та частица нечистоты, которую нужно очищать. Я признаю в себе явным признаком нерадения, когда перестает болеть и бороться мое сердце — это признак сильного помрачения. Когда же разгоняется этот мрак Словом Божиим, то сердце болит, а без болезни просвещение души невозможно — это будет мечтательность.

Господь посылает нам на земле скорби, и эти скорби нас отрывают от земли или, лучше сказать, от излишних пристрастий ко всему земному. Значит и скорби — дар Божий. Отчего же не принимаем их с такою же благодарностию, как и радости? Не от греховности ли сердца нашего, неспособного отрешаться от всего и искать одной воли Божией? Если вы заметили, вообще я избегаю говорить о молитве, потому что сама не имею ее. Но вопросы Ваши не хочу оставить безответными, выскажу свои понятия для того, чтобы Вы поправили их, если в них усматривается неправильность. Я сказала: — Ты Сам спасение души моей, — сказала и произношу эти слова по букве, веруя, что это так и есть, но постижение их выше нашего мышления. Вы говорите: „усвоение душою имени Иисусова — есть уже спасение ее“. Нет, это что-то не так. Спасение души в силе Божией, действующей чрез это Имя на нашу душу, усвоившую себе полное сознание своей греховности. Хорошо сказал Владыка*, чтоб не принимать мысли во время молитвы, а главное, чтоб не доверять им. Когда сердце начинает сочувствовать уму, из состояния своего самопознания пришедшее в чувство духовного умиления, тогда различные разумения входят в нашу душу, и все они прозябают** не в уме и потому называются не мыслями, а духовными разумениями или видениями, бывают они неложны и невременны, но делаются достоянием души, выхо-

* Епископ Игнатий Брянчанинов. — Прим. сост.

** Прозябать — произрастать, происходить, рождаться (устар.).

дя из ее состояния и вводя ее в разумение, превышающее ее естественную меру. Но все это Божие, а наше, единое нам свойственное, это разумение своей греховности и вера в Господа, спасающего нас, Которого будем призывать в смирении, оставляя на Его волю само спасение наше. — Во время правила я стараюсь удержать внимание исключительно в молитве Иисусовой. Иногда же, при большой рассеянности и невнимании, я обращаю внимание на чтение канонов Божией Матери и Святым, но с тем, чтобы направить внимание к молитве, а не с тем, чтобы от молитвы обратить его к чтению. Когда же ум направлен к молитве, то можно внимать и чтению, не оставляя молитвы. Если бы в молитве нашей было меньше чувственности, то все пополнило бы ее, а то иногда мешают ей и каноны, и богослужение, и нужны нам для собранности темные келии, — как моя, что в саду, которую я называю своей помощью, — и молчания, безмолвия. Но все это временные пособия, мне же ничто так не помогает, как самая жизнь. Хотя и поставлено целью жизни отречение, путь к которой самоотверженное исполнение заповедей Божиих, но закон греховный направляет всякое действие к своей цели, и в этой борьбе сильно бедствует душа. Господь, врачующий немощь чувств горькими обстоятельствами жизни, по мере отречения, сообщает душе невидимую силу и познание Его Промысла. Там я учусь познанию немощи своей и познанию Господа, там отрешает Господь душу мою от дебелости и сообщает ей духовные разумения, так что молитве я учусь самою жизнью. Думаю, что для молитвы нужна чистота души, а она приобретается самоотверженною деятельностью по заповедям Божиим.

22 марта 1871 г.

Ваше письмо от 8-11 марта напомнило мне, что я не отвечала Вам на один вопрос, на который Вы давно уже ожидаете ответа. Когда я говорила, что: „путь к Господу в нас через нашу греховность”, то я не думала о „царствии Божиим, которое есть внутри человека”. Это непреложное обетование Божие обретается в душах чистых и святых и есть конец искания. Я же, говоря те слова, думала о том, что, как грехи людей, недостаточность всего человечества к исцелению греховной язвы, были причиною к непостижимому и многомилостивому снисхождению Господа на землю, чтобы спасти человека, так и в каждой душе пришествие Господа, спасающего душу, предваряет ее полное смирение и самоотвержение, а пришествие веры в Господа спасающего — полное сознание своей греховности и немощи, восчувствование ее в себе, сокрушение и страх. Вот почему я и сказала, что путь к Нему в нас, а в нас что другое есть, кроме греховности? Если она будет вполне признана, если неложно поймет человек свою душу, то не поищет нигде опоры, кроме веры, и не увидит ни в чем спасения, кроме как в Едином Спасающем. Я сказала: „путь в нас”, потому что часто уклоняется душа и ищет не в себе, а в чем-нибудь своем. Через неложное понимание себя человек необходимо придет к Господу, а ища Его в своем чем-нибудь, то есть в своих добродетелях, трудах и т. п., не найдет Его Единого Спасающего, а найдет себя. И это случается не только при общем направлении, но даже в частных уклонениях в дела-

ние самости. Вчера вздумалось мне заглянуть в Лествицу и прочесть: „Слово к пастырю”. Читая конец Слова, я вспомнила о Вас. Там объяснена постепенность боговидения, открываемая душе по мере ее очищения. 1. гл. 15, стр. 360: при отвержении плотской жизни и самости открывается разум истины; 2. стр. 361 и 362: по бесстрастии просвещение духовного разума; 3. стр. 363: мир души и зрение Христа-Бога мира и деятельное последование Ему и исполнение Его заповедей. Но все это только слова, а слово не может выразить то, что выше слова, выше естественных пониманий и ощущений человеческих, как сказал Владыка в слове „Роса” — стр. 367, т. 1-й. Искать в себе какое бы то ни было из этих состояний было бы безумно: кроме одного помилования, может ли чего искать, желать душа, помраченная грехом? Но все дары Божии, спасение и помилование души мы получаем чрез Господа Иисуса, Единого Ходатая между Богом и человеком, и потому Его призываем с верою, без постижения Его, без рассуждения. Отвержение самости и вера вводят душу в простоту и утверждают в душе непоколебимый помысл своего ничтожества, который не изменяется при милости Божией, являемой душе в мире помыслов, во внимании и умилении молитвенном, но при совершенном охлаждении, рассеянности, невнимании и даже увлечении. Странно, что как в том, так и в другом состоянии помысл, утвержденный в душе, остается тот же и непоколебим, хотя состояние души изменяется, и от этой непоколебимости является как бы постоянство духа, не возносящегося при хорошем состоянии и не падающего при дурном. И в том, и в другом состоянии человек все-таки один: грешник, нуждаю-

щийся в помиловании от Господа. Излишнее внимание к своим состояниям может обратить деятельность в область чувств, а не духа, так как изменчивость происходит больше в них, и это необходимо по их свойству. Значит, и обращать большого внимания не следует как на помыслы, так и на чувства, одно нужно знать, что они греховны и нечисты и иными быть не могут, потому что происходят от нечистых ума и сердца, и в себе лучше желать и ожидать невозможно, а чистота наша и спасение, и очищение, и освящение — Един Господь. Он неизменяем, непоколебим, непреложен. От этой двойной веры — в свою греховность и Божию непреложность, — не поколеблется и дух человека верующего. Я ничего не говорю о молитве, потому что думаю: мои слова о духе служат ответом на вопрос о молитве. Когда дух правильно направлен, то молитва делается его дыханием необходимым и правильно действующим. А тишина помыслов и мир чувств подается Господом душе, прилепляющейся к Нему верою и молитвою; взять или установить этого не может никто в своей душе, и очень стараться об этом не следует. Отец архимандрит сказал правду, что не следует вдаваться в богословские вопросы; это не спасительно, а даже вредно, и тонкое разбирательство их может привести к заблуждению, а правильное кичению. Но если нужно мое мнение, чтобы испытать его правильность, то я скажу, что произволение спасения есть единственная деятельность духа человеческого, необходимая в деле спасения. Не оно спасает человека, но оно необходимое условие в спасении. И предваряет его призвание Божие и утверждает его сила Божия, но все-таки оно от человека,

хоть самое немощное, как и все человеческое. Но об этом довольно.

+

21 сентября 1871 г.

Не стесняйтесь писать ко мне и часто, и много, никогда меня это не отяготит. А если бы что и отяготило, то зачем же беспокоиться об этом, разве не к труду мы призваны? разве труд не есть наше настоящее дело? Да избавит нас Господь от дел увлеченных, приятных, сладких, как я выражаюсь, а от труда и не желала бы уклоняться.

+

5 октября 1871 г.

Не отвечаю на все Ваши вопросы духовные, надеюсь скоро видеться и беседовать с Вами. На сегодня скажу только одно, что исповедание Господа спасающего, как духовное делание, может быть принято душою не только в течение целых часов и дней, но даже и годов. Не скажу, чтобы оно заменяло молитву, но в нем может пребывать душа долгое время, не переходя к молитве, если сама молитва не придет. Когда от лености, от рассеянности нет молитвы, тогда нужно ее поискать с трудом; когда от восстания страстей отходит она, тогда надо побороться и отречься от причины страстей, когда от уныния, от помрачения душевного не находит ее душа, тогда лучше всего пребывать в исповедании Единого спасающего.

4 марта 1872 г.

Теперь Вы уже в П-б-ге. Господь да благословит Вас и да поможет Вам потрудиться в пользу истины. Вы боитесь рассеянности при встрече с родными и знакомыми и, конечно, рассеянность будет, но только бояться ее не следует. Сидя в келии, мы боремся с помыслами страстными, греховными, а среди людей — с самими страстями. Вот и выходит одно и то же, только в последнем случае борьба обширнее, живее, действительнее. В келии мы изучаем Слово Божие, а среди людей должны стараться исполнять его. В П-б-ских гостиных заповеди Божии могут исполняться на деле, и вы не сетуйте, что не успели выписать их из Евангелия. Исполняться же они могут тогда, когда вы свою душу будете становить на пути самоотвержения, а целью действий своих будете иметь отречение. Это состояние души сейчас же укажет на то, что должно быть в ее отношениях с людьми, с ближними. Она сейчас найдет эту среднюю меру, которая чужда сласти, человекоугодничества, как одинаково чужда холодности, жестокости, жесткости. Эта средняя мера есть любовь. Не беда, если вы увлечетесь иногда и понемоществуете, но беда, если при этом вы сойдете с того места, где я советую вам стоять. Блаженное самоотвержение! Пребывая в нем, и среди огня не сгоришь, и среди воды не утонешь, а с самостью не только в затворе келии, но и в самом раю погибнешь.

+

5 апреля 1872 г.

Сегодня прочла в книге Исаака Сирского одно слово и так осталась довольна и утешена им, что закрыла книжку. Он говорит, что „для верующего любовь к Богу достаточное утешение и при погибели его”. Желаю, чтобы это слово утешило и Вас и придало Вам силу даже в самой немощи Вашей.

+

Феодосия, 31 августа 1873 г.

Не понимаю, на чем основана ваша жизнь, когда маленькая рассеянность — переделка окон в келии и т. п. может вас наполнить помрачением, пустотой и безжизненностью? Пойдите всмотритесь, поймите, на чем была основана жизнь того великого старца (кажется, Сисоя), который говорил: „Если небо с землею столкнутся, и тогда не ужаснется душа моя и не отлучится ум мой от памяти Божией”. — Где же теперь вы, и на чем вы стоите? Или тот, кто говорил: „Ни высота, ни широта, ни глубина” и т. д. или: „Аще възду на небо, Ты тамо еси, аще сниду во ад, Ты тамо еси”. Отчего же вы все теряете, от переделки окон в вашей келии? — Оттого, что только ум свой отдаете в работу, им одним все хотите приобрести и держать, а сердце свое боитесь отдать в рабство заповедям Божиим, боитесь, что ему будет больно. Вот оно-то, наполняясь ощущениями чуждыми, не дает и уму стоять на том месте, где вам хочется его держать.

20 августа 1874 г.

... Вы спрашивали о молитве. Но я много говорить о ней не могу по малоопытности. Молитва веры, молитва при сознании своей греховности, всесторонней немощности и недостаточности, вот единственная непрестанная молитва человека, не достигшего чистой молитвы. А о чистой молитве мне говорить неприлично, как не имеющей ее. Она дар Божий, она *венец жизни иноческой*, она возможна при действии благодати Божией в сердце или, лучше сказать, она есть само то действие благодати. Путь к ней — чистота.

Чистоту помыслов и чистоту чувств не трудно приобрести уединением, чтением, упражнениями в молитве: но чистота сердца многими смертями приобретается, она есть совлечение страстей. Попробуйте уединиться на некоторое время, попробуйте отрешиться от всякой заботы и попечения, отдайтесь молитве и вы увидите, как улягутся смятенные помыслы, как успокоятся раскаченные чувства, вы начнете в мирном и внимательном настроении молиться. Но там в груди есть тяжесть, которая давит и давит. Без всяких порывов, без всяких желаний, но лежит, как камень на сердце, производит тьму и тесноту, которая, как стена, стоит между душою и Господом. Эту стену может разрушить только благодать Божия при нашей решительной борьбе со страстями по заповедям Божиим. А для нас, во тьме страстей живущих, необходима молитва сокрушенная, при вере в Господа спасающего.

21 июня 1875 г.

Прочитывала я присланное вами сновидение Сы-вой и нахожу, что все, написанное в нем, истина. Описание духов и их действие на ум чрезвычайно верно. Когда человек живет земной жизнью, то он не может познавать, насколько дух его находится в порабощении, в зависимости от другого духа, не может этого вполне познавать потому, что у него есть воля, которою он действует, как когда хочет. Но когда со смертью отнимется воля, тогда душа увидит, чьей власти она порабощена. Дух Божий вносит праведных в вечные обители, просвещая их, освежая, боготворя. Те же души, которые имели общение с дьяволом, будут им обладаемы. Вот почему святые отцы, зная тайну эту, руководствуют нас к истинному обетованному спасению путем не мечтательного делания, но действительного подвига душевного и телесного. Со смертью разрушится мечта. Она разрушается и при жизни, когда сном ли, болезнью ли, усталостью, рассеянием, различными искушениями ослабеет наше произволение направлять себя на добро. Видим мы в эти часы и дни немощи, что наша храмина создана была не на камени, а на песке мечтательности; не составляет хороших мыслей и не пребывают они в уме, не сочиняет добрых чувств и нет их в сердце, и расхищает диавол ум наш и увлекает сердце туда, куда попускаете его увлекать живущее в вас зло. А чтобы это зло искоренилось из естества нашего, нужна особенная благодать Духа. Но и со стороны человека, Богу помогающему, нужна деятельность немечтательная. Она

бывает немечтательно тогда, когда человек действует именно теми свойствами, какие есть в нем, очищая их отречением от греховности, а не унижением своих человеческих свойств. Труд в заповедях Божиих единый неложный путь ко спасению; он врачует самое естество греховное, образует его в подобие Божие и делает, что всякое добро естественно его сердцу, как всякая истина естественна возрожденному (Духом Божиим) уму. — Не успела я кончить, как желалось...

+

6 февраля 1876 г.

Вчера мы читали житие Антония Великого; слово его о добродетели мне очень понравилось... По-сылаю вам отрывок из этого чудного слова. Как просто и истинно. — „Не приходите в страх, слыша о добродетели, не смущайтесь при ее имени. Она недалеко от нас, не вне нас образуется; дело ее в нас, и оно легко, если пожелаем только. Еллины, чтобы обучиться только словесным наукам, предпринимают дальние путешествия, переплывают моря, а нам нет нужды далеко ходить ради Царствия Небесного или переплывать моря ради добродетелей. Господь еще прежде сказал: Царство Небесное внутри вас есть. Поэтому добродетель имеет потребность в нашей только воле, потому что добродетель в нас и из нас образуется. Она образуется в душе, у которой разумные силы действуют согласно с ее естеством. А сего достигает душа, когда пребывает какую сотворена: сотворена же она доброю и со-

вершенно правою. Посему и Иисус Навин, заповедуя народу, сказал: исправите сердца ваша к Господу, Богу Израилеву (Нав. 24, 23); и Иоанн говорит: „правы творите стези” (Мф. 3, 3), ибо душе быть правою, значит разумной ее силе быть в таком согласии с естеством, в каком она создана. Когда уклоняется душа и делается несообразна с естеством, тогда называется сие пороком души. Итак сие дело не трудно. Если пребываем, какими созданы, то мы добродетельны. Если же рассуждаем худо, то осуждаемся, как порочные. Если бы добродетель была чем-либо приобретаемым извне, то без сомнения трудно было бы стать добродетельным. Если же она в нас, то будем охранять себя от нечистых помыслов и соблюдаем Господу душу, как приятый от Него залог, чтобы признал Он в ней творение Свое, когда душа точно такова, каковой сотворил ее Бог. Будем же домогаться, чтобы не властвовала над нами раздражительность и не приодолела нами похоть, ибо написано: „Гнев мужа правды Божия не соделывает”. „Похоть же зачещи рождает грех, грех же содеян рождает смерть”.

+

24 октября 1879 г.

Сегодня в обедню я вспомнила вас. Вы всегда, а как-то недавно особенно сильно, высказываете то, что нуждаетесь в милости Божией. Но вы выражаетесь неполно и неточно. Мы не только нуждаемся в милости Божией, прощающей грехи наши, но мы нуждаемся еще и в щедротах Божиих, которые

очищают нас от беззаконий наших, просвещают разум наш к познанию воли Его, укрепляют дух наш к стремлению богоугодному, направляют волю нашу к творению заповедей Его. Когда душа познает, насколько она нуждается в щедротах Божиих, и увидит, насколько Его щедроты благотворят нам и во внешней, и во внутренней жизни нашей, тогда только душа способна молиться Ему с сокрушенным и благодарным сердцем, и тогда только молитва будет живым словом души. Св. пророк Давид был введен в познание Господа Милостивого и Щедрого, и потому его молитва была полна благодарения, славословия и сокрушения. Только познание греховности своей приводит к исканию милости Божией, только познание бессилия, беспомощности, полной немощи своей приводит к познанию Господа прещедрого. Прошу вас молиться обо мне много нуждающейся в ходатайстве другой души пред Господом милостивым и щедрым, но и правосудным.

.....

Привыкши вникать в смысл всякого дела и слова, я часто останавливалась в недоумении перед обрядом и обычаем просить у всех прощения накануне поста. Мы просим прощения в этот день не только у тех, с кем не встречались на деле и не могли быть виноватыми перед ними, но даже у тех, кого иногда совсем не знали, не видали никогда. Зачем этот обычай у всех просить прощения, точно он не имеет смысла, и как будто эту безразличностью затмевается настоящий, существенный смысл этого установления. Так я думала и смущалась духом и не умела делать поклона с душевным сознанием и

скорбела об этом. И только теперь мне открылось, и душа моя сознала точный смысл этого установления.

.....

Лично мы не делали ничего обидного, и нет нашей вины перед всеми, но если б даже мы могли с Давидом сказать: „Тебе Единому согреших“, то и тогда наш грех становится грехом пред всеми, и мы делаемся виноватыми не только перед ближними, но и перед всеми людьми. Если наша душа, при содействии благодати Божией, усвоит какую добродетель, то она становится достоянием всех. Милостивый всех милует, смиренный всех прощает, кроткий всех терпит, опытный в борьбе со своими страстями помогает другим и т. д. Эти добродетели становятся достоянием всего мира. Об них говорят, передают друг другу в назидание, об них слышат дальние, они становятся для них примером подражания, укреплением и поддержкою. Точно так же и грехи наши. Сделанные в сокровенности сердца, не только словом, но хоть мысленно, они оскверняют сердце, расслабляют его, делают порочным, слабым, недейтельным, слепым и глухим. Греховность наша отзывается и на других, и на всем мире. Мы не даем нашим ближним того, чего они вправе требовать или ожидать от нас. Ни любви, все носящей, всем жертвующей, ни силы опытного слова, ни примера терпения, ни благой деятельности, ничего мы не даем им. И смотрят они на нас тоже с нелюбовью, и идет об нас общий говор, все расслабляющий, всех растлевающий. Вот и виноваты мы пред всеми, вот и нужно просить у всех прощения, вот и новая причина смириться глубоко, глубоко в сердце своем.

21 марта 1884 г.

... Не воображение должно руководить духом молитвы, а то, что составляет корень нашей жизни, наших ощущений, наших всех помыслов, нашего духа, то, во-первых, что живет в нас, и, во-вторых, то, чем бы мы должны жить. Первое сознание своей греховности, ощущение ее в себе, в духе покаяния и сокрушения, и второе — заповеди Божии, написанные в нашем сердце при создании нашем, данные нам Евангелием, явленные во Христе. Эта постоянная работа над своим сердцем в борьбе с грехом приводит к сознанию своей греховности; это стремление души к заповедям Христовым приводит ее к сознанию своей полной немощи и бессилия. Молитва Иисусова, при таком делании, становится деланием сердца, дыханием души, духом жизни. Она естественна при таком делании, для нее не нужно ни особенного уединения, ни времени свободного; она обретается душой при самом развлеченном даже ее состоянии, она действует в сердце и тогда, когда оно, укрепленное благодатью Божией, служит ближнему словом или делом самоотверженной любви.

.....

В этом делании бывают отклонения только тогда, когда сердце отдается и живет страстями или теряет веру. В первом случае оно скоро возвращается на путь покаянием и отсечением страстей, а во втором особенная благодать Божия утверждает в нем потерянную веру. Не знаю, сумела ли я вам выска-

зять ясно свои понятия духовного делания, но другого пути я не знаю. И оставаясь в уединении, и отделяя свободное время для молитвы, и отражая помыслы, не нужно убегать от себя, вне своего сердца искать пути ко Господу, искать умиления и сокрушения духа. В нем, в нашем сердце, в его ощущениях причина наших грехов, в нем же — причина сокрушения. Это делание приводит к глубокому смирению к сокрушению духа, к ощущению теплоты душевной и умиления. При таком делании ничто не мешает и не рассеивает и, как выражаются отцы, самый ад бессилен поколебать душу верующую и смиренную. Но при делании молитвы, руководимой воображением, все может помешать, даже ветер, говор голосов и т. д., не говоря уже о собственной немощи, которая собьет с пути, и вернуться на него вновь не сумеешь. Не полезно искать того, что вне нас. Если Господь сказал, что Царствие Небесное внутри нас, то там же и путь в него.

+

20 февраля 1890 г.

Мне все думается, что болезнь ваша не к смерти... Я надеюсь, что вы поправитесь. Мне тяжело думать, что вы отойдете в будущую жизнь, и я вас больше не увижу. Никогда я ни о чем не прошу Господа, всегда все предаю Его воле, прошу, чтобы во всем исполнилась Его воля благая и спасительная, а теперь горячо молюсь Царице Небесной, чтоб поддержала вас, чтоб мне еще на земле видеть вас. Если Господь благословит нас дождаться весны... ждите меня;

укрепляйтесь силами, выздоравливайте. Укрепляйтесь телом и душой. Укрепите дух ваш верою. Не пугайте себя представлением близкой смерти и ответом за гробом. Не носите в душе страха смерти. Этот страх спасителен, когда мы живем земною жизнью, живем в страстях, в похотях плоти. Когда же жизнь наша кончается, когда мы смотрим за ее предел, то страх этот может быть для души великим искушением. Таким и сочтите его. Смотрите на предстоящий переход с верою и упованием, укрепляйте дух свой упованием на обетование Господа. Положите все свое чаяние, всю надежду на Его заслуги, на Его милосердие, на Его любовь к человеку, хотя грешному, но Ему Единому преданному. Нет у вас ничего. Мертва душа, нет памяти Божией. Но пусть будет уверенность в Его спасении. Отгоните страх и безнадежие. Не погибнет душа верующая, душа преданная Его воле. Напомню вам. В 1-й раз, когда я видела вас, вы сказали мне, что ничего не имею, чем могли бы спастись, желаете только одного, чтобы в обители владыки быть подобно маленькой собачке. Это слово живо напомнилось мне. Да, это и будет. В небесной обители св. владыки Игнатия уготовлено и вам светлое место. Веруйте и радуйтесь. Если придет уныние и страх, отгоните его, с надеждою и радостью думайте о переходе в загробную жизнь и тем, кто стережет во вратах душу, чтобы восхитить ее, скажите с дерзновением: не имеете вы части во Мне, я послушник моих отцов, которые отвечают за меня пред Господом Богом моим. Аминь.

+

1 марта 1890 г.

Боюсь, что вы обременяете себя тяжелой постной пищей, и прошу вас забыть, что теперь пост, а кушать скромную пищу, питательную и легкую. Забыть о разности дней можно, когда верить тому, что эта разность дана нам Церковью, как узда здоровой плоти, а вам дана болезнь и немощь старости... Главное, молю вас, не отягощайте своего духа. Да будет он мирен во всем, как дитя преданное в руках Господа спасающего, укрепленное, как муж, этою верою, опоясан силою упования на милосердие нашего Искупителя. Что суть грехи наши против милосердия Божия, говорит Святитель Дмитрий Ростовский. Яко паутина противу ветра великого. Возрадуемся о Господе нашем Спасителе. И будем мирны и радостны... Неизреченны пути Божии, спасающие нас.

ИЗ ПИСЕМ К В. И. П.

С апреля 1885 по 1889 г.

+

Первый том епископа Игнатия может оставаться у вас, а потом я могу дать вам и другой. Мне хотелось сделать вам одно замечание об этом чтении. Книга, которую вы читаете, называется „аскетические опыты”, ее написал монах-аскет, в ней, да и вообще во всех сочинениях еп. Игнатия, советы даются аскетам, людям, отрешившимся от мира. Хотя и все

христиане должны идти путем Христовых заповедей, путем отречения от своих греховных страстей, но есть различие в духовных подвигах, в приемах жизненных, если можно так выразиться. Достигать отречения своей воли может затворник, и послушник, и мирской человек. Но достигать этой цели они все трое должны различными путями. Первый из них видит волю Божию, пред которой он отвергает свою собственную волю, во свете Слова Божия, второй в воле своего духовного руководителя, а третий в обстоятельствах жизни. Для всех трех доступна чистота сердца, но первый стремится к ней постоянной молитвой, второй трудом послушания и исповедания помыслов, третий честным исполнением служебных обязанностей и семейного долга. Все достигают одной цели, но разными путями. Так и во всех вопросах жизни. Я указала главные черты, указала слегка, но я хочу сказать вам только одно, что я боюсь, чтобы вы не уклонились слишком в аскетизм. Монашество не больше как форма внешней жизни и, как оно ни хорошо, все же оно не должно быть крайней целью искания. Ревнуйте дарований больших, говорит Апостол. В заповедях Христовых сокрыто все духовное сокровище. Любите Бога больше всего и ближнего, как себя. Сколько нужно отречения от своих страстей, чтобы полюбить Бога выше и больше всего земного, больше себя. Сколько нужно борьбы над собою, чтобы полюбить ближнего, как себя. И вот в этих двух заповедях вся чистота, вся святость души!

Вспомните слова матушки схимницы Ардалионы. Она говорила: что нужно поучиться еще, как себя любить. Да, и очень надо над этим потрудиться. Например: человек несправедлив бывает к себе

и требует иногда от себя того, что дать не может. Требуется от себя победы над своими страстями и скорбит, волнуется, негодует на себя, когда видит, что его берут во власть те самые страсти, от которых он решил отстать. Но справедливо ли такое негодование на себя? Нет. Человек своею силою никогда не может победить в себе страсти: их побеждает в нас сила Божия. Эта сила присуща Его заповедям. Когда с помощью Божией человек усвоит их, когда они будут жить в его сердце, тогда грех и страсти ослабевают и совсем прекращают свое действие в сердце. Нужно постоянно оживлять в своем сердце намерение жить по заповедям Христовым, нужно просить в молитве Его помощи, нужно смиряться в своих уклонениях, нужно подклониться под свою немощь и не негодовать на себя за нее. Ведь не силен ее победить в себе, зачем же требовать от себя того, что может дать Один Господь, зачем же скорбеть на то, что не стал выше себя. В таком требовании от себя духовного преуспения сказывается наша гордость. Будем всего ожидать от Единого Господа и глубоко смиряться в своих немощах и греховности.

Страсти иногда упорно держатся в нашем сердце и действуют в нем властительно, помимо нашей воли, даже как будто против нашей воли. Господь попускает им так мучить нас, чтобы мы вполне узнали наше бессилие, чтобы мы смирились духом, чтобы мы поискали силы в Едином Сильном и Едином Святом Боге нашем. Эти слова я пишу в ответ на вашу жалобу, что вы иногда сердитесь. Не скорбите, но всякий раз смиритесь духом, и полагайте намерение терпеть и в терпении исполнять волю Божию и Его святые заповеди. А познавая свою не-

мощь, приходите к познанию и немощи ближнего.

Если вы не можете победить в себе свои страсти, когда по милости Божией и видите их и желаете выйти от них, когда трудитесь над собою, то как требовать от ближнего что-нибудь сверх меры его? Познайте эту общую всем нам немощь и старайтесь простить ближнего, примириться с ним, понести его недостатки.

+

Скажу несколько слов нужных о заповедях Евангельских: Сам Господь указал на две главные заповеди, в которых заключается все: любовь к Богу и любовь к ближнему. Но есть заповеди, указанные Им в блаженствах, когда Он говорил: блаженни нищие духом и пр. В этих словах Христовых указаны те качества души и сердца, которые нужно приобрести, и тогда только исполнимы и те высшие заповеди, о которых сказано, что в них все заключается. Начните с первой: нищета духа в том и состоит, чтоб уничтожить свою самость, чтобы увидеть все бессилие своей души, всю ее немощь, греховность. Если будет себя видеть, знать, чувствовать так душа, то она непременно придет к вере, к тому убеждению, что в Боге и в Нем Одном ее сила, ее очищение, ее спасение, а эта вера души есть уже дверь в Царство Небесное, не только в то небесное царство, которое будет в вечности наследием святых душ, но то царство, которое в нас. Эта нищета духа действительно блаженна, потому что душа, увидевшая свое бессилие, свою нечистоту и свою недостаточность ни к чему хорошему, теряет веру в себя, перестает надеяться на себя, а в этом и состоит начало веры и

упования на Бога. Она находит Его там, где себя потеряет. И трудно ей, горько остаться в этой нищете, в этом безнадежии, и кажется ей, что она погибает, что нет ей спасения, нет помощи ниоткуда. Но это состояние безнадежия необходимо нужно пройти, чтобы прийти к вере. Нужно не только умом познавать, но всем своим существом почувствовать свою немощь, пожить в ней, — тогда только приходит душа к живой вере в Бога. Она Его увидит во всем действующим, когда перестанет сама, своею самостью действовать во всем. Она Его увидит царствующим, когда перестанет полагаться во всем на свой разум.

Вы спрашиваете, знали ли друг друга схимница Ардалиона и епископ Игнатий? Нет, не знали и даже никогда не слышали о существовании друг друга. Я тоже не знала Владыку. И в мои руки попало его сочинение только в 1867 году. Оно было издано в 1865 г. А матушка скончалась в 1864 г. Когда я прочла первый том, то была поражена сходством нашего духовного пути. Тогда у меня сложились уже духовные понятия, и у меня уже были духовные ученицы. Они тоже, читая еп. Игнатия, удивлялись сходству наших понятий духовных. Это признали и ученики еп. Игнатия, когда я приехала к ним в 1867 году. У меня тогда был только первый том... Но я вам должна сказать, что от одного чтения нельзя усвоить духовных понятий, а нужно жить по слову. Мне хочется вам дать одно послушание. Чтоб вы выучили 24 молитвы наизусть Иоанна Златоустого: „Господи, в покаянии приими мя”, „Господи, не остави мене и проч. Это хорошо, что у вас есть страсти. Св. отцы говорят, что если бы не было страстей, не было бы и венцов побеждающим.

А как хороши эти венцы! Но только не нужно действовать по страстям, не нужно их считать целью, к которой бы стремился, которой бы достигал.

+

Не оправдывая уклонения в чувственность, я все же скажу вам, что вы, живя среди мира в семейной жизни, не можете предаться всецело духовным целям. Вы пишете, что деятельность ваша вращается около наслаждения телесного, славолюбия и материального обеспечения. Так, отрешиться от этой деятельности вы даже не можете, но вы могли бы и в этой деятельности не уклоняться от пути спасения. Если по требованию своего падшего естества вы делаете дело из видов славолюбия и при этом встретите успех дела, не забудьте благодарить Господа за милость Его, Ему Одному и приписать успех дела, от Него принять утешение, посланное в жизни, Его восхвалить за милость незаслуженную. Если же встретится неуспех, огорчение, и вместо удовлетворения чувства славолюбия и честолюбия, придется потерпеть бесчестие, то постарайтесь принять его от Господа, как заслуженное, смиритесь перед Ним и пожелайте еще большего бесчестия для очищения своей гордости и самолюбия. Потрудитесь над своим сердцем, чтобы оно простило врагов, чтобы не мстило даже мыслию, чтобы воздало за зло добром. Так поступайте и в других случаях при другой деятельности. Если по страсти делается дело, то чтобы каждая его часть делалась во славу Божию. Тогда-то увидите вы, с чем бороться и сколько немощи в душе, бессилия. Тогда и вера возродит-

ся в сердце. А когда будете видеть помощь Божию, то еще больше утвердитесь в вере и уповании на Его силу. Не умом, а сердцем надо ощутить и свою немощь, и Его силу.

+

Чтобы сохранить чистоту тела, необходимо сохранить чистоту сердца и ума. Вот и нужна молитва, нужно внимание к своему сердцу, нужен подвиг над собою. Если мы не всегда можем сохранить теплоту, так как она есть дар Божий, то можем всегда укреплять в себе решимость воли, подвизаться против страстей, можем возгревать в себе стремление к совершенству, можем нудить себя к подвигу. Заповеди Божии даны нам не для произвола: хотим или не хотим их исполнять; нет, мы обязаны их исполнять, иначе мы погибнем вечно. Вот я и убеждаю вас для Бога, для исполнения Его пресвятой воли понудить себя, понести недостатки ближних, а к себе, к своим недостаткам быть строгому, требовательному. Хорошо бы вам иногда читать жития святых, и иметь, хоть небольшое, но постоянное молитвенное правило. А чтобы начать внимание к своему сердцу, я дам вам небольшой совет, который попробуйте исполнять в течение поста. Давно когда-то я посоветовала вам выучить молитвы Иоанна Златоустого: „Господи, не лиши меня небесных Твоих благ”. Теперь я советую вам, начиная с первой молитвы, ежедневно держать в уме и в течение дня почаще повторять одну из этих молитв. Сегодня берите „Господи, не лиши меня...” Завтра вторую: „Господи, избави мя вечных мук”. Эту молитву вы

носите в уме, и в сердце, и в воображении. Когда вы просите небесных благ, то сравнивайте их с благами земными. Вы дайте своему сердцу почувствовать всю тщету этих земных благ, их преходящность, их изменчивость. Так размышляйте о каждом прощении, пусть целый день душа живет этим созерцанием. Если придут хорошие мысли, запишите их, если придет умиление — уединитесь. Дайте пищу вашей душе, дайте занятие вашему уму, дайте направление вашему воображению. Пусть приносит плод посильный труд ваш, чтобы в будущей жизни не голодать вечным голодом...

БЕСЕДЫ СХИАРХИМАНДРИТА
ОПТИНСКОГО СКИТА СТАРЦА ВАРСОНОФИЯ
С ДУХОВНЫМИ ДЕТЬМИ

Беседа 1907 года (числа не знаю)

Деды и прадеды мои были купцы — миллионеры. В Самаре им принадлежала целая улица, которая называлась Казанская. Вообще вся семья наша всегда находилась под особенным покровом Казанской Божией Матери.

Когда мне было года 3-4, мы с отцом часто ходили в церковь и много раз, стоя около иконы Божией Матери, мне представлялось, что Богоматерь как живая смотрит на меня с иконы, улыбается и манит меня. Я подбегал к отцу: „Папа, папа, Она живая”, — повторял я. „Кто, дитя мое?” — спрашивал отец. — „Богородица”. Отец не понимал меня.

Однажды, когда мне было лет шесть, был такой случай. Мы жили на даче в своем имении под Оренбургом. Наш дом стоял в огромном саду-парке и был охраняем сторожами и собаками, так что проникнуть в парк незаметным постороннему лицу было невозможно. Однажды мы гуляли с отцом по парку и вдруг откуда ни возьмись перед нами появился какой-то старец. Подойдя к моему отцу, он сказал: „Помни, отец, что это дитя в свое время будет таскать души из ада”. Сказав это, он повернулся и исчез. Напрасно потом его везде разыскивали, никто из сторожей не видел его.

Из самиздатской рукописи. Автор и время написания неизвестны.

Моя мать умерла при появлении моем на свет, и отец женился вторично. Моя мачеха была глубоко верующей и необычайно доброй женщиной, так что вполне заменила мне мать и даже, может быть, родная мать не могла бы дать мне такого воспитания. Вставала она очень рано и каждый день бывала со мной у утрени, несмотря на мой младенческий возраст.

Раннее утро, я проснулся, но встать не хочется, горничная подает матери умываться, а я кутаюсь в одеяло. Вот мать уже готова. „Ах, Павел-то все еще спит, — говорит она, — подай-ка сюда холодной воды”, — обращается она к горничной. Я моментально высовываюсь из-под одеяла. „Мамася, а я уже проснулся”, — говорю я. Меня одевают, и мы с матерью отправляемся в церковь. Еще совершенно темно, я по временам проваливаюсь в сугробы снега и спешу за матерью.

А то любила она и дома молиться. Читает, бывало, акафист, а я распеваю тоненьким голоском на всю квартиру: „Пресвятая Богородица, спаси нас!”

Девяти лет я был отдан в гимназию. Годы учения пронеслись быстро. Потом поступил на службу и поселился в Казани под покров Царицы Небесной.

Когда мне исполнилось 25 лет, мать приступила ко мне с предложением жениться. По ее настоянию я в первый раз подошел к женщинам и вступил с ними в разговор. „Боже мой, какая нестерпимая скука, — подумал я, — все только и говорят о выездах, о нарядах, о шляпках. О чем же я буду говорить с женой? Нет, уж оставлю это!” Прошло еще лет пять. Матушка снова стала советовать мне: „Подумай, Павлуша, может быть, еще и захочешь же-

ниться, приглядишься к барышням, не понравится ли тебе которая из них?” Я послушался матери, но как и в первый раз вынес такое же впечатление от бесед с женщинами и решил в душе не жениться.

Когда мне было лет 35, матушка снова обратилась ко мне: „Что же ты, Павлуша, все сторонишься от женщин, скоро и лета твои выйдут, никто за тебя и не пойдет, смотри, чтобы потом не раскаиваться”. За послушание я исполнил желание матери и вступил опять в беседу с женщинами. В этот день у одних моих знакомых давался большой званый обед. Ну, думаю, с кем мне придется рядом сидеть, с тем и вступлю в пространный разговор. И вдруг рядом со мной на обеде поместился священник, отличавшийся высокой духовной жизнью, и завел со мной беседу о молитве Иисусовой. Я так увлекся, слушая его, что совершенно позабыл о своем намерении разговаривать с невестами, когда же обед кончился, у меня созрело твердое решение не жениться, о котором я и сообщил матери. Матушка очень обрадовалась. Ей всегда хотелось, чтобы я посвятил жизнь свою Господу, но сама она никогда мне об этом не говорила.

Господь неисповедимыми путями вел меня к монашеству. По милости Божией я узнал Оптину и батюшку о. Амвросия, благословившего меня поступить в монастырь. За год до моего поступления в скит на второй день Рождества Христова я возвращался от ранней обедни. Было еще темно и город только что начал просыпаться. Я шел по совершенно безлюдным улицам. Вдруг ко мне подошел какой-то старичок, прося милостыню. Схватился я, портмоне не взял с собой, а в кармане всего 20 копеек. Дал я их старичку со словами: „Уж прости, больше

нет с собой”. Тот поблагодарил и подал мне просфору. Я взял ее, опустил в карман и только хотел что-то сказать нищему, как его уже не было. Напрасно я смотрел повсюду, он исчез бесследно. На другой год в этот день я был уже в скиту.

Если посмотреть на жизнь внимательно, то вся она исполнена чудес, только мы часто их не замечаем и проходим равнодушно мимо их.

Да подаст нам Господь разум внимательно проводить дни своей жизни, со страхом и трепетом свое спасение содеваяще. Аминь.

Беседа в декабре 1908 года

„Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь, се бо приидоша к тебе от запада и севера и моря и востока чада твоя”. Вот теперь, как сказать можно, — от разных мест, в поисках Христа съехались сюда вы, детки мои. Да вознаградит вас Господь за это и пошлет мир и радость о Духе Святе в ваши сердца.

Блажены вы, что возлюбили Господа и проводите сей великий праздник Рождества Христова в стенах св. обители. Мир теперь погружается в пороки и беззакония и многие гибнут безвозвратно, вы же здесь безопасны, в таком святом пристанище, в гостях у Матери Божьей. Это Ее Материнскими молитвами и заступничеством попали вы сюда. Благодарите Бога, что Он сохраняет вас от бед и напастей. А может быть кто-нибудь из вас впоследствии и сподобится ангельского чина. Я не зову вас в монастырь, и в миру можно спастись, только Бога не забывать, но в монастыри идут для достижения высшего совершенства.

Правда, здесь больше искушений, но зато дается и большая помощь от Господа. Один святой желал узнать, как Господь помогает инокам, и ему было видение — он видел инока, окруженного целым сонмом ангелов с горящими светильниками.

Говорят — в миру искушений меньше, — но представим себе человека, за которым гонится злодей. Положим, он успел ускользнуть от него, но тот грозит ему издали кулаком со словами: „Смотри, только ты попадись мне”.

Положим, идет человек и на него нападают целой толпой враги, бежать некуда и вдруг откуда ни возьмись полк солдат бросается в защиту ему, и враги разбегаются с окровавленными физиономиями. Неправда ли, пожалуй, последний находится в большей безопасности, чем первый?

Так и в обители, хотя враг нападает сильнее, но близ есть благодатная сила Божия; в монастыре — труды, но и высокие утешения, о которых мир не имеет ни малейшего представления. Трудно положить начало благое, а когда оно уже положено, то затем становится легче и отраднее работать Богу, окрыляясь надеждой на спасение.

Самое лицо человека, работающего Господу, выражает его духовное преуспеяние.

Однажды я видел в церкви одного епископа, лицо которого невольно привлекло мое внимание. Мне вспомнились слова Евангелия: „И Лицо Его, яко грядуща в Иерусалим”. Действительно, этот епископ вел подвижническую жизнь и неуклонно шел к Горнему Иерусалиму.

Наоборот, лицо человека порочного отражает его душевное настроение. Но что особенно бывает грустно, что иногда по душе хорошие люди невни-

мательно относятся к жизни, живут день за днем, не отдавая отчета в своих поступках, и гибнут.

Из далекого прошлого передо мной встает образ одного из моих хороших знакомых, музыканта и композитора Пасхалова. Обладал он огромным талантом, на концертах, которые он давал, собирались тысячи народа. Я в миру был большим любителем музыки и сам играл на фисгармонии. Чтобы усовершенствоваться в игре, я начал брать уроки у Пасхалова. Он сначала спросил большую плату за урок, но деньги у меня были, я и согласился, но потом полюбил он меня, недостойного, и предлагал заниматься бесплатно, от чего я, конечно, отказался.

Наши занятия шли успешно, одно мне было печально, что Пасхалов совсем отступил от Церкви. По поводу этого не раз приходилось с ним вести беседу. „Без Церкви невозможно спастись, — говорил я ему, — ведь вы в Бога-то веруете, зачем же отвергаете средства ко спасению?” — „Что же я такого делаю, живу, как и все, или же как большинство, к чему нужны обряды? Разве уж без хождения в церковь и спастись нельзя?”

„Невозможно, — отвечаю, — есть семь дверей для спасения, в одни вы уже вошли, но надо войти и в другие!” — „Какие семь дверей? Ничего подобного я не слышал”.

„Семь дверей — это семь таинств. Святое крещение над вами совершено, следовательно, одни двери пройдены, но необходимо войти в двери покаяния, необходимо соединиться с Христом в таинстве Святого Причащения”. — „Ну что вы мне говорите, Павел Иванович, каждый служит Богу, как умеет, как, наконец, считает нужным: вы вот в церковь ходи-

те, посты соблюдаете и т. д., а я служу Богу музыкой, — не все ли равно?” И не дожидаясь ответа, Пасхалов заиграл.

Никогда еще я не слышал такой музыки, неподражаемо играл он в тот вечер. Я жил в меблированных комнатах, и вот все коридоры наполнились народом, изо всех комнат открылись двери, все стремились послушать гениального композитора. Наконец, он кончил. „Удивительно хорошо, — заметил я, — но музыка музыкой, а Церковь она все-таки заменить не может, всему свое время”.

Наша беседа с ним в тот вечер затянулась далеко за полночь. Ушел он в особенном настроении, умиротворенный, радостный. На другой день он пришел ко мне со словами: „Знаете ли, Павел Иванович, всю-то ночь я продумал, какой я великий грешник, сколько лет я уже не говел, вот скоро наступит Великий Пост, непременно буду говеть, причащаться”. — „Зачем же ждать поста, говейте теперь”. — „Нет, теперь неудобно, ведь и пост не за горами”.

Хорошо подумал Пасхалов, только он позабыл, что есть враг, которому неприятна такая перемена в нем и что нужно приготовиться к борьбе, — все это он упустил из виду.

Однажды поздно вечером он приехал домой и велел горничной расплатиться с извозчиком. Та вышла на улицу, но, вместо извозчика, увидела на облучке какое-то чудовище, вид его был ужасен, и горничная упала в обморок. Куда возил враг Пасхалова — неизвестно, только на другой день он скоропостижно скончался. И погибла душа навеки. Сердечно мне его жаль. Враг всюду расставляет свои сети, желая погубить человека, и губит неосторожных.

Когда я еще был в миру, но уже начал прекращать с ним всякую дружбу, я перестал бывать во многих домах, оставив два-три благочестивых семейства, где по временам бывал. Так я посещал одно семейство, состоящее из старушки-матери, дочери-вдовы и внучки. Однажды мы сидели за чайным столом и беседовали. Вдова рассказала мне следующее:

„Несколько лет тому назад, когда я только что лишилась мужа, я тосковала безмерно. Жизнь потеряла для меня привлекательность и мысль о самоубийстве все чаще и чаще приходила на ум. Никогда не позабуду я кануна Пасхи того печального для меня года. Заботами мамы все у нас было приготовлено к празднику, и квартирка наша приняла праздничный вид, только на душе Пасхи не было, наоборот, там было полное мрачное отчаяние. Мама, зная мое тяжелое состояние, почти не оставляла меня одну, и вот я решилась воспользоваться для приведения в исполнение моего замысла о самоубийстве Пасхальной ночью. Мама всегда ходила к заутрене, следовательно, кроме моей маленькой дочери, никого не будет и мне не помешают. Я сказала маме, что к заутрене не пойду, так как у меня голова болит. „Да ты ляг, отдохни, — уговаривала мать, — может быть, и поправится твоя головка, тогда в церковь вместе пойдем”.

Чтобы не разговаривать с матерью, я легла и незаметно для себя уснула. Вдруг вижу страшный сон — стою я около какого-то мрачного, страшного подземелья, вдали виднеются клубы пламени, а из глубины подземелья обгорелая, страшная, с веревкой на шее, бежит ко мне подруга по институту. „Оля, Оля, что с тобой?” — восклицаю я. — „Несчастливая, и ты

хочешь прийти сюда!” — кричит она мне, и вдруг громко и отчетливо раздается благовест большого колокола.

Я открыла глаза, полная страха и ужаса, и увидев свою комнату, обрадовалась, что я не в подземельи. В это время в комнату вошла мама. „Ну что, проснулась, дорогая моя, как твоя головка?” — „Голова прошла, я пойду с тобою в церковь, мама”. Она обрадовалась. „Ну вот, слава Тебе, Господи! А я-то уж загрустила, как ты останешься без заутрени?”

После службы, когда мы с мамой, похристосовались, стали разговляться, я рассказала ей все. О моей подруге я ничего не знала, где она и что с ней. Наконец, мы отыскали адрес ее дяди, проживающего в Симбирске, и написали ему, спрашивая, где Оля? Он сообщил нам печальную новость, что уже года два тому назад его племянница покончила с собой. Тогда мы обе поняли значение сна”.

Господь вразумил сию рабу Свою через сон. Я вообще не придаю значения снам, хотя иногда бывают сны и особенные. Я знал одного человека, который однажды видел сон про одну монахиню. Видел он, будто игуменья и сестры привели одну связанную монахиню и, открыв люк в полу, начали ее туда опускать. „Господи, куда-то ее опускают”, — подумал он, а матушка велит опускать глубже, конец же веревки, которой связана монахиня, держит в своих руках. Проснулся он. Утром встретил одну старушку-монахиню из той же обители и рассказал ей свой сон. „Да какая же она на вид-то?” — спросила матушка. „Высокая, белокурая, с веснушками на лице”. — „Да ведь сон-то твой в руку: действительно, с такой именно монахиней случился грех, и игуменья отослала ее на отдельную монастырскую

дачу”. Когда я спросил батюшку о. Амвросия про падшую монашенку, то он ответил: „Она не погибнет, ведь матушка-игуменья веревку-то из рук не выпустила, значит, спасется”.

И я говорю вам — спасайтесь, детки мои, да сподобит всех вас Господь стать наследницами Его Царства. Да соединит Господь души наши и после смерти, и мы, собравшись там, будем вспоминать эту хибарочку и беседы наши. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных и сподоби истее Тебе причащаться в невечернем дни Царствия Твоего. Аминь.

Беседа 26 декабря 1909 года

Сейчас провожу скорбную и расскажу вам о ней. Три года тому назад она с мужем была у меня. (Родом она из Курска, очень богатые торговцы.) Жизнь шла тогда так хорошо, а теперь она уже схоронила мужа, схоронила мать и чуть не схоронила себя.

Дело женское, трудно с торговлей, разорились, всего осталось тысяч сорок. Шла однажды вечером, напали двое, один отнял деньги, рублей 600, а другой бил чем-то по голове. С тех пор постоянно тупая боль в голове. Теперь хочет ликвидировать дело, а то все грозятся убить. Ну, а вам не советую прекращать торговлю (это относилось к Л. Н. Карасевой), будущее покажет, а теперь кормитесь и слава Богу. Да, трудно торговать, и мы сейчас ведем торговлю, но другую. Мы спасаем души, духовно питаем их, за их святые молитвы цепляемся и спасаемся, — так и идет все в круговую.

Я вот, например, свою эту моленную, свой уго-

лок не променял бы ни на какой пышный царский дворец, как в Москве, например, Кремлевский. Залы там какие, колонные, малахитовые, мрамор, роскошь, а у меня — все же лучше, да и не у меня, а и в подземельях люди жили, — везде хорошо со Христом.

А слышали ли вы историю о Меньшикове? Идет раз Петр I, а ему навстречу мальчик с лотком. „Что это у тебя на лотке?“ — „Оладьи“. — „Оладьи. Дай-ка мне попробовать“. Съел. „Ничего, оладушки хорошие. А откуда ты сам?“ — „Из крестьян Орловской губернии“. — „Приходи ко мне, ты меня знаешь?“ — „Нет, — сказал, — а оладушек приносить?“ — „И оладушек приноси“.

Петр I имел проницательный ум и умел выбирать людей. И вот Ал. Дан. Меньшиков был сделан генералиссимусом всех войск. Одна из его дочерей была царской невестой. При Екатерине I Меньшиков достиг полного расцвета, но при Петре II нашлись клеветники, и сам Меньшиков нагрел руки и им овладел дух сребролюбия. Однажды ждали царя Петра II в церковь, приготовили трон, а он и не приехал. Тогда Ал. Дан. сам встал на его место. Хотя в то время и не было телефонов, но быстро дошло это известие до Петра.

Тот сильно разгневался и приказал описать все имение Меньшикова в казну (одного золота в вещах было 125 пудов), а самого с семьей отправить в ссылку.

В то время, как Ал. Дан. стоял на царском месте, около него все скакал блаженный на одной ножке и кричал: „Данилыч — царь! Данилыч — царь!“ Все этому очень удивлялись и спрашивали

блаженного, что это значит, а он повторял: „Данилыч — царь!”

Жена Меньшикова умерла, не доехав до Березова, а дочери жили с ним. В ссылке Меньшиков совсем переменял жизнь: зажжет, бывало, лампадочку, свечечку и начнет читать псалтырь (который у нас не принято читать, его, мол, старухам хорошо читать по покойникам), и часто, часто повторяет: „Благо ми есть, яко смирил мя Господь”.

При Петре III Меньшиков был прощен, но не дождался прощения и умер в Березове, а дочери его вернулись в Петербург и были выданы замуж. Веруем, что Меньшиков удостоился царского венца в селении Божием, как сказано в Откровении Иоанна Богослова. Так оправдались слова блаженного: „Данилыч — царь!”

К чему же я все это говорил? Да к тому, что и вам приготовлены эти царские венцы, если вы сумеете воспользоваться ими. А как воспользоваться: это длинная история. Вкратце — исполнение Евангельских заповедей, главное — любви, на ней весь закон и пророки. Никого не осуждать, никого не обижать, молиться по силе вашей и уменью. Когда вы достигнете конца жизни, который неизвестно рано или поздно будет, вы можете получить царские венцы и стать „царями и священниками Бога Вышнего во веки веков”.

Я этих венцов, конечно, не вижу сейчас, но вы их получить можете.

Известен следующий рассказ: однажды царь Иоанн Грозный ехал к обедне, народ, снимая шапки, низко кланялся ему, один Василий Блаженный прыгал на одной ножке, не обращая внимания на царя. „Васенька, сними шапочку, вон царь идет”,

— говорили ему. „Вон царь, вон царь”, — указывая на какого-то простолюдина, говорил блаженный. Так и не убедили его поклониться царю. А это от того, что он своими духовными очами видел венец царский не над Иоанном Грозным, а над простолудином. Дивен Промысел Божий, приводящий человека на истинный путь.

Были известные богачи в Курске, Антимоновы купцы, имевшие миллионные обороты. Был у них единственный сын Иван, постоянно стремившийся в монастырь, родители же хотели его непременно женить. Наконец, умирает мать и перед смертью говорит: „Иди, Ваня, в монастырь”. Но проходит год и отец, найдя богатую молодую красавицу-невесту, идет смотреть ее для сына.

В прежнее время ведь в этом деле не рассуждали, а как скажут родители, так и поступали. Возвращается отец. „Ну что же, тятенька, хороша невеста?” — „Очень хороша”. — „Когда же благословите меня ехать ее посмотреть?” — „Да спешить нечего”. — „Как же, тятенька, мне ведь жениться, все же надо посмотреть невесту”. — „Незачем ее смотреть, так как хоть невеста и есть, да не про твою честь”. — „Как так?” — „Да так, я сам женюсь на ней”. — „Женитесь, тятенька, а меня отпустите на рыбные промыслы?” — „Поезжай с Богом”.

Он сел и поехал, да вместо рыбных промыслов, прямо в Оптину. Едет на тройке, а кучер нечаянно и проехал мимо гостиницы. Отец гостинник вышел на звук колокольчика и видит — катит тройка и сидит на ней мирской человек, а на голове у него митра. „Господи, Иисусе Христе, помилуй мя! Что же это такое, ведь я в полном разуме и не сплю”. Побежал в гостиницу: „Так и так, — говорит — вот что я ви-

дел”. — „Да что ты, отец, в уме ли?” — „Да вот выйдем на крылечко, посмотрим”. Вышли, а кучер в это время лошадей повернул и подъезжает. Выходит Антимонов, кланяется. „Вы проезжали сейчас?” — „Да, кучер нечаянно вперед проехал, да что ты, отец, так смотришь на меня?” — „Да на голове-то у вас что было?” — „Картуз”. — „Да, картуз”. Отправился гостинник к архимандриту о. Моисею и рассказал ему обо всем. О. Моисею не было возвещено об этом.

„Не знаю, что тебе сказать, ступай к батюшке Макарию”. А батюшка сам его встретил: „Ну что, видел архимандрита, какова митра-то на нем? Великим будет архимандритом Исаакий”. Так впоследствии и случилось. Но Антимонову в то время ничего не сказали. Отец так рассердился на сына, что три года не видел его. Потом приехал и сказал: „А ну-ка покажите мне ослушника!” И так ему понравилось в Оптиной, что сам чуть не остался. Но батюшка о. Макарий сказал ему: „Нет уж, вы живите, как живете, жизни вашей немного осталось”.

Отец Исаакий управлял 38 лет...

Разными путями приводит Господь людей ко спасению. Аминь.

Беседа 11 апреля 1911 года

„Воскресения день, просветимся людие, Пасха Господня, Пасха, от смерти бо к жизни, и от земли к небеси, Христос Бог нас приведе, победную поющая”.

Что может быть восторженнее, радостнее этого канона! Где выражение большей радости! Полной

радости не бывает в этой жизни, где мы зрим Бога только „яко зеркалом в гадании”. Настанет эта радость там, за гробом, когда мы увидим Господа лицом к лицу. Не все одинаково будут зреть Бога, но по мере восприимлемости каждого, ведь и зрение серафимов отличается от зрения простых ангелов. Одно можно сказать, кто не видел Христа здесь, в этой жизни, тот не увидит Его и там.

Способность зреть Бога достигается работой над собой в этой жизни. Жизнь всякого человека-христианина можно бы изобразить графически, в виде непрерывно восходящей линии, восходящей хотя бы и цыплячьими шагами. Только видеть это восхождение не дает Господь человеку, покрывает его, ведая немощь человеческую, зная, что, наблюдая за своим улучшением, человеку недолго и возгордиться, а где гордость, там и падение в бездну.

Ужасную вещь выдумали разные франклины, предлагающие на особых табличках отмечать, в чем ты успел за день, за неделю и т. д. Этим путем до ужасной прелести дойти можно, в бездну погубили рухнуть.

Нет, наш путь иной — все мы должны стремиться к небу, к востоку, к Богу, но мы должны видеть грехи свои и немощи, исповедуя себя первыми из грешников, видя себя ниже всех, а всех над собою. А вот это-то и трудно — все мы норовим заметить за другими: вот он в чем слаб, а я нет, я — паинька, и лучше его, и так надо всеми. С этой-то чертой и надо бороться. Тяжела эта борьба, но без нее нельзя узреть Бога. Правда, лицом к лицу видели Бога единицы, вроде преподобного Серафима, но хоть отображение Его видеть должны стремиться все, без исключения.

Если мы веруем во Христа и по силе стараемся исполнять Его заповеди, то хоть как бы в щелочку, а все же видим Его.

Наше зрение Христа и зрение святых можно сравнить со способностью человека и орла смотреть на солнце. Орел высоко поднимается над землей, парит в небе, и немигающими глазами смотрит на солнце, а у человека зрение к этому не приспособлено, человек не может вынести всей полноты света, а орел может. Так и с божественным светом — те, у кого приспособлено к тому духовное зрение, будут видеть Его, а прочие — нет.

Пишет мне один мятущийся интеллигент: „Очень тяжело мне. Внешним образом все обстоит благополучно, дела идут хорошо, семья дружная, жена хорошая. Но беда в том, что душу свою открывать мне некому, того, чем я тоскую, не понимает жена, а дети еще малы. Что мне делать? Как избавиться от тоски и скорби?“

Я ему посоветовал читать псалтирь. Там есть в 93 Псалме: „По множеству болезней моих в сердце моем утешения Твоя возвеселиша душу мою” (Пс. 93, 19). Емлитесь за этот стих и принимайтесь читать псалтирь. Думаю, что Бог вас утешит.

Проходит некоторое время, получаю письмо: „Послушался вас, начал читать псалтирь и ничегошеньки в ней не понимаю”. Пишу: „Великий старец о. Амвросий на такое же заявление отвечал: „Ты не понимаешь, но зато бесы прекрасно понимают и бегут прочь. Читай пока не понимая. А когда-нибудь и понимать начнешь”. Не знаю, что будет дальше, и вам повторяю — читайте псалтирь ежедневно, хотя понемногу, и Господь не оставит вас Своею

милостью, будет всегда вашим помощником и Утешителем. Аминь.

Беседа 12 апреля 1911 года

В первые века христианства последователи Христа Спасителя причащались каждый день, и жизнь они вели равноангельскую, были готовы каждую минуту предстать пред Лице Божие. Никто из христиан не был безопасен. Часто случалось, что утром христианин причащался, а вечером его схватывали и отвозили в коллизей. Конечно, находясь в постоянной опасности, христиане зорко следили за своим духовным миром и проводили жизнь в чистоте и святости.

Но первые века прошли, гонения со стороны неверных прекратились, всегдашняя опасность миновала. Тогда вместо ежедневного причащения, начали причащаться один раз в неделю, затем раз в месяц, и даже сократили до одного раза в год.

У нас, в скиту, держатся устава Афонской горы, где он был составлен святыми старцами и передан инокам во всегдашнее назидание. И в монастыре у нас придерживаются тоже этого правила. Все иноки причащаются 5 раз в год, но по благословенной причине можно и чаще. К этому так привыкли, что более частое причащение обращает на себя внимание. „Что это, о. Иероним сегодня причащается?“ — спрашивает, например, один инок другого. „Ему разрешил старец“. — „Но отчего?“ — „Ему явился диавол чувственным образом, а потому он совсем ослабел“. — „А... ну, так понятно“.

Впрочем, исповедоваться можно всегда, даже каждый день, и у нас исповедуются очень часто.

Скитяне даже каждый день приходят к старцу на откровение помыслов, а монастырская братия раз в неделю. И от монастырской братии, особенно от скитян, требуется высокая жизнь по заповедям Христовым, жизнь равноангельская. Наши почившие старцы осуществили эти высокие заветы, и Господь прославляет их. Тела их, веруем, лежат нетленны, про батюшку о. Макария известно, что тело его не подверглось тлению, в чем могли убедиться, когда ставили над ним часовню, а ведь он скончался лет 60 тому назад.

И замечательное явление: тела праведников, подвижников нетленны, от тел же царей и владык мира сего остается горсть золы и больше ничего. Недавно писали, что при раскопках катакомб найдены могилы Диоклетиана, Нерона и др. владык, перед которыми трепетала когда-то вся вселенная, и какая же судьба их праха? Когда служителей спросили, что было в урнах? — „Зола”, — ответили они. „Да где же она?” — „Да я отдал ее жене для стирки белья — хорошая зола”.

Боже мой! Могли бы когда предполагать эти цари-властелины, что прах их попадет в бак на стирку грязного белья!

Как много заботились эти люди о своем теле и вот каковая участь этих тел — святые же, как и все наши оптинские старцы, умерщвляли тело свое, и оно оставалось нетленно.

Наша святая обитель привлекает к себе многих богомольцев, и часто слышится такое мнение, что побывав раз в Оптиной, стремятся туда всей душой. Не имеет наша обитель ни чудотворных икон, ни прославленных мощей, но здесь кажется, вся земля полита кровью и потом святых старцев, и молитвы

их низводят благодать на души верующих. Нигде в другом месте этого нет. Даже наш Владыка, посещающий как епископ многие обители, всегда выражался, что в Оптиной что-то особенное.

В России немного скитов, но скитов десять будет, и у нас единственный скит, где, например, в храме очень редко бывает кто-либо из посторонних и то лишь за обедней, утреню мы всегда совершаем только своей скитской братией (семьей).

Сильное впечатление производит наш скитский храм на посетителя: тихое пение старинного напева, умирительная служба, безлюдье, иноки — каждый имеет свое определенное место, на котором стоит постоянно.

Особенный и звон скитских колоколов — тихий, пустынный. Один благочестивый человек пожертвовал нам однажды колокол в 150 пудов, но он не подошел к скиту и был снят. У нас самый большой в 39 пудов.

Слава Господу, что и в нынешний век, век неверия и полной разнузданности нравов, есть еще на Руси святые места, тихие пристанища для желающих спастись. Трудно спастись в мире среди соблазнов и обычаев мира сего, идущих вразрез со святою Церковью. ... Трудно спастись, живя среди развращенного общества.

В Св. Писании говорится: „С преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши, и со избранным избран будеши, и со строптивым развратишася”.

Греховные страсти губительно действуют и на душу и тела. Читая св. отцов, я, уже находясь в монастыре, впервые узнал, что страсти так же заразительны, как заразные болезни, и как последние,

могут передаваться через предметы, так и первые. Когда св. Спиридон, епископ Тримифунский, ехал на Вселенский Собор, то на пути остановился в одной гостинице. Сопровождавший святого инок, войдя к нему, сказал: „Отче, не могу понять, отчего это наша лошадь не ест капусты, которую я купил ей у нашего хозяина, капуста хорошая, свежая, хоть бы человеку есть, а лошадь не ест”. — „Оттого, — ответил св. Спиридон, — что животное чувствует нестерпимый смрад, исходящий от капусты, который происходит от того, что хозяин наш заражен страстью скупости”.

Человек, не просвещенный духом Божиим, этого не замечает, но святые имеют дар Божий распознавать страсти. От вещей человека страстного можно заразиться его страстью.

Удивительно, конечно, что животные ощущают смрад страстей, не все, а только по особому промыслу Божию, но многие животные обладают так называемым двойным зрением, видят духов, что из людей видят обыкновенно только святые люди.

У одного богатого помещика случился большой пожар в доме. Накануне его, когда помещик отдыхал в своем кабинете, вдруг вбежал в комнату его отец, умерший незадолго перед тем, одетый как в гробу, и воскликнул: „Пожар!” Собака, спавшая тут же, бросилась на покойника с отчаянным лаем. Проснулся хозяин и ничего не мог понять, отчего лает собака, так как покойного отца своего не видел, видел его только слуга, рассказавший потом об этом, да собака.

В Св. Писании рассказывается, как ослица видела ангела, заградившего ей путь, а пророк Валаам его

не видел. Такое особенное видение у животных бывает, конечно, для нашего вразумления.

Много назидательного дает нам и окружающая нас природа. Все знают растение подсолнечник. Свою желтую головку он всегда обращает к солнцу, тянется к нему, откуда и получил свое название. Но случается, что подсолнечник перестает поворачиваться к солнцу, тогда опытные в этом деле люди говорят — он начал портиться, в нем завелся червь, надо скорее срезать его.

Душа, алчущая оправдания Божия, подобно подсолнечнику, стремится, тянется к Богу, Источнику света, если же она перестала искать Его, следовательно, такая душа гибнет. Необходимо в этой жизни ощутить Христа, кто не узрел Его здесь, тот никогда не увидит и там, в будущей жизни.

Но как увидеть Христа? — Путь к этому — возможно непрерывная молитва Иисусова, которая способна вселить Христа в души наши.

У преп. Иоанна Лествичника спросили: „Есть ли верные признаки, по которым можно узнать, приближается ли душа к Богу или удаляется от Него?“ Ведь относительно обыденных предметов есть ясные признаки, хороши они или нет, когда, например, начинает гнить капуста, мясо, рыба, то легко это заметить, ибо испорченные предметы начинают издавать дурной запах, изменяют цвет и вкус, и весь внешний вид их свидетельствует о порче.

Ну а душа? Ведь она бестелесна и не может издавать дурного запаха или изменить свой вид. На этот вопрос св. отец ответил: „Верный признак омертвения души есть уклонение от церковных служб. Человек, который охладевает к Богу, прежде всего начинает избегать ходить в Церковь, снача-

ла старается прийти к службе попозже, а затем и совсем перестает посещать храм Божий.

Для иноков оттого обязательно посещение церковной службы. Правда, по неотложным делам иногда разрешается не ходить ко всем службам, но при возможности это вменяется в необходимую обязанность.

У нас в скиту по праздникам даже обходят все кельи, чтобы никто не уклонился от церковной службы. Впрочем, это делается еще и по другой причине. Страшные явления бывают иногда в келиях иноков. У нас живут в отдельных келиях, но обязательно не менее 2-х в отдельном помещении. Это для того, чтобы в случае каких-либо бесовских наваждений можно было бы постучать в келию соседа и попросить помощи.

Был у нас флигелек, где жил один инок, но и там не позволяют жить одному. С ним однажды был такой случай. После вечернего правила он увидел, что в его келье сидит какой-то человек преклонных лет и говорит ему: „Что ты здесь только небо коптишь, вернись к прежним занятиям своим, ты там принесешь гораздо больше пользы и будешь, получая хорошее содержание, жить в свое удовольствие”. — „Но как отсюда уйти? Двери скита крепко заперты”. — „Ты об этом не беспокойся, только пожелай, и я мгновенно перенесу тебя. У ворот уже стоит тройка”. — „Но кто же ты? Верно, демон?” — „Да”. — „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!” — воскликнул пришедший в ужас инок, и злой дух исчез. Было около 12 часов ночи, когда он прибежал к батюшке о. Амвросию и рассказал ему о случившемся.

„Да, страшное видение ты имел, — сказал старец,

— у тебя был восьмилегсионный бес, и кому он является, почти всегда того убивает”. — „Что же я-то спасся?” — „Господь известил меня, что ты в опасности, — ответил о. Амвросий, — и я встал на молитву, и тебе Господь напомнил о страшном и славном Имени Своем, от которого трепещут адские силы”.

Да, страшные бывают вещи у нас иногда, но в монастыре легче победить дьявола, в миру же несравненно труднее, и восьмилегсионный бес, явившись, убивает. А является он людям, которые еще не начали жить, но только думают об исправлении жизни.

Когда я был еще в миру, то имел товарища, относящегося скептически к монастырям: „Не понимаю я, для чего это люди, особенно иноки, сидят по одиночке в келии, удаляются от людских взоров?” А между тем, этот человек был монахом в душе. Душа его была чистая, возвышенная. Поэт и музыкант, он имел особенную способность произносить стихи, как никто другой. Музыка была его страстью. Бывало, рассказывает нам что-нибудь и вдруг воскликнет: „Нет, я не сумею объяснить этого словами, а вот это что!” И сядет к роялю, закинет голову и сыграет импровизацию. „Поняли?” — спросит потом. Часто и не поймешь его, но он не изменял своей системы объяснения. Самая квартира его была обставлена со вкусом и не банально, не было в ней диванов со столом перед ним и креслами по бокам, но все было красиво, изящно и оригинально, как незауряден был ее обитатель. Душа его всегда питалась высокими идеалами и далека была от всякой житейской прозы. Отвергая сначала монашество, он нашел полное удовлетворение своих высоких стремлений именно в монастыре, на Афо-

не, куда он ушел, оставив все в мире. А счастлив был в миру тем, что сближался с людьми, действительно заслуживающими глубокого уважения.

Случалось мне бывать и в больших собраниях. Другие играют в карты, танцуют, а я с несколькими лицами с одинаковым душевным складом уйдем куда-нибудь подальше в самую отдаленную гостиную и ведем беседу.

Я, бывало, и в миру не любил говорить глупостей, иногда нечего говорить и молчу, а иногда что берется откуда. Это многие замечали. Конечно, мое удаление от соблазнов мира сего многих смущало, и когда я перестал посещать шумные собрания и полюбил ходить в монастырь, обо мне начали отзываться как о сумасшедшем, или, по крайней мере, не вполне нормальном.

„Слышали ли вы, Павел-то Иванович с монахами сошелся?“ — „Неужели. Вот несчастный человек!“ Таково было мнение обо мне людей мирских.

Да, тяжело спастись в миру, но все-таки возможно.

Есть разные пути ко спасению. Одних Господь спасает в монастыре, других в миру. Святитель Николай Мирликийский ушел в пустыню, чтобы подвизаться там в посте и молитве, но Господь приказал идти в мир: „Это не та нива, на которой ты принесешь Мне плод“, — сказал Спаситель. Таисия, Мария Египетская, Евдокия также не жили в монастырях. Везде спастись можно, только не оставляйте Спасителя. Цепляйтесь за ризу Христову, и Христос не оставит вас.

Нынче дни Св. Пасхи, самого великого Праздника в христианской Церкви, праздников праздник и торжество из торжеств. Каждый день Церковь огла-

шается радостными пениями пасхального канона. Помню, как восхищалась каноном матушка Ефросиния. „Вот, — говорила она, — прошла моя жизнь, ничего не знаю за собой хорошего, с чем предстать пред Престолом Божиим, а услышу пение „Воскресения день, просветимся людие” — и радостно и спокойно становится на душе”. „От смерти бо к жизни, и от земли к небеси, Христос Бог нас приведе”.

Господь исполнил желание матушки Ефросинии и скончалась она на Пасхе. Когда подняли гроб с ее иссохшим тельцем 80-летней старицы, хор запел „Воскресения день”, вместо „Святой Боже”, широко раскрылись двери Церкви, с улицы волною хлынул свет и ушла она к вечному, незаходящему Свету. Да сподобит и нас Господь такой блаженной кончины. Молитесь об этом, и когда диакон возглашает: „Христианской кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны”, не забывайте положить поклончик, да упокоит вас Господь со святыми Своими. Аминь.

Беседа на Пасху, 13 апреля 1911 года

„Житие наше на небесах есть” — это всегдашняя тема моих бесед, эту мысль отрываю я себя и моих слушателей от привязанностей к земному, тварному.

„Житие наше на небесах есть!” — Неудовлетворенность земным чувствуется и у наших великих светских писателей, например, у Тургенева, Пушкина и у иностранных — Шиллера, Шекспира, Гейне.

Лет пятьдесят тому назад, когда я еще ходил по стогнам мира сего, я читал Гейне, но он всегда про-

изводил на меня тяжелое впечатление. Это был великий талант, но не просвещенный духом Христовой веры, родом еврей, он хотя и принял христианство, но только для получения привилегий, душой он был атеист, не веря ни в христианство, ни в иудейство.

И древние языческие философы, например, Аристотель, Платон, Сократ, не удовлетворялись землею, но вот печальное явление — чем выше старались они взлететь от земли, тем глубже падали. С христианином этого не бывает, напротив, возносясь от земли, отрывая свое сердце от житейских привязанностей, возносясь горé, к Богу, он изменяется, перерождается и бывает способен ощущать высокие радости.

Тоска о потерянном блаженстве сквозит в произведениях великих писателей и художников, но нигде эта скорбь, растворенная, впрочем, утешением, не выражается так сильно, как в наших церковных песнопениях и молитвах. В них слышится то рыдание о потерянном рае, то глубокое сокрушение о грехах, то радостная и победоносная песнь о нашем Искупителе.

Например, хоть взять наш пасхальный канон, как он величественен и сладостен, как умиляет и утешает души, еще не потерявшие вкус к духовному. „Ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя, да празднует, убо весь мир видимый же всем и невидимый!”

Да, великие наши дни. И в миру радуются в эти дни, но не по-духовному — один радуется, что получил деньги, другой — чины и ордена, третий — по другим причинам. Некоторые радуются, что пост прошел и наступило разрешение на вся, — это, пожа-

луй, законная радость, если только в пище не полагать главного счастья. Но в святых обителях радость о воскресшем Иисусе. Не оставляйте посещать, особенно в праздники, святых обителей, когда и меня не будет — здесь таится духовная жизнь, которая согревает душу человека. Правда, есть и земные радости, облагораживающие душу. Нет греха, например, наслаждаться красотами мира сего. Есть на земле необыкновенно красивые местности. Прекрасны Альпы, освещенные солнцем, великолепны многие места в Италии, например, про Неаполь сложилась поговорка: „Посмотри на Неаполь и умри”, ни про Париж, ни про Рим этого не говорится, а про Неаполь, который действительно дивно хорош со своим голубым морем и горами. Хороша и наша северная природа. Тургенев ярко и живо описал ее в своих произведениях, он, между прочим, был и в Оптиной и восхищался красотой нашей обители.

Но нынешний мир есть только слабое подобие некогда бывшего мира до грехопадения. Есть мир горний, о красотах которого мы не имеем понятия, а понимают и наслаждаются им только люди святые, этот мир остался неповрежденным, но мир земной после грехопадения резко изменился. Это все равно, как если бы кто лучшее музыкальное произведение, например, Бетховена разделил на отдельные тона, тогда впечатления целого не получилось бы. Или картину, например, Рафаэля разорвать на клочки и рассматривать отдельные кусочки — что увидели бы мы? — ну, какой-нибудь пальчик, на другом лоскуточке — часть одежды и т. д., но величественное впечатление, которое дает произведение Рафаэля, конечно, не получилось бы. Разбейте великолепную статую на части и впечатление

прекрасного не получится. Так и нынешний мир. Некоторые подвижники даже отвращали от него свои взоры. Известен один подвижник, который загородил иконой единственное окно своей келии, а из него открывался восхитительный вид. Его спросили: „Как это ты, отец, не хочешь даже взглянуть, а мы не могли налюбоваться и на небо, и на горы, и на Эгейское море с его островками?“

„Отчего я закрываю окно, — вам не понять, но созерцать красоты мира сего я не имею желания“. Это оттого, что подвижник, созерцая красоту горного мира, не хотел отвлечь от него своего внимания. Действительно, кто познал высшее блаженство, тот нечувствителен к земным утешениям. Но для сего познания надо иметь высокую душу.

Мне вспоминается такой случай. В одном богатом семействе был вечер. На нем одна талантливая девушка исполнила удивительно хорошо лучшее произведение Моцарта. Все были в восхищении, а у притолоки стоял лакей, подававший папиросы и вообще прислуживавший гостям, и позевывал: „И что это господа слушают такую скучнейшую музыку, вот если бы поиграли на балалаечке!“ Он был прав в своем суждении, так как серьезная музыка была для него совершенно непонятна. Чтобы понимать произведения даже земного искусства, надо иметь художественный вкус. Возьмем, например, пение. Теперь даже в церковь проникают театральные напевы и мелодии, вытесняя старинное пение, а между тем это последнее часто бывает высоко художественное, но его не понимают.

Однажды я был в одном монастыре у обедни и в первый раз слушал там так называемое: стол-

бовое пение. „Херувимская” и „Милость мира” и т. д. произвели на меня сильное впечатление. Народу было мало, я стоял в уголке один и плакал, как ребенок. После обедни я зашел к игумену и рассказал о своем впечатлении. „А вы, верно, никогда не слушали столбового пения?” — спросил меня игумен. „Нет, — отвечаю, — даже названия не знал”. — „А что такое столбовой дворянин?” — „Ну, это значит имеющий древний род”. — „Так и столбовое пение, это — древнее пение, мы заимствовали его от отцов, а те — от греков. Теперь оно редко где встречается, забывают его, много появилось новых напевов Алябьева, Львова и др. Правда, и из новых есть необычайно талантливые, например, Турчанинов. Его напевы известны не только в России, но и за границей, даже в Америке, англичане оценили его тоже по достоинству. Недавно регент спрашивает меня: „Благословите запричастное спеть „Воскресения день”. — „Бог благословит, — отвечаю, — это и нужно”. — „Только новым напевом”. — „Каким же? Пропойте хотя бы на один голос”. Он пропел. „Ну, — говорю, — такой напев может вызвать только слезы уныния, а совсем не радостное настроение. Нет уж, пойте по-старинному”. Так и спели.

Напев пасхального канона составлен Иоанном Дамаскиным и так дивно величественно составлен, он только возвышает душу и исполняет духовной радости по мере восприимлемости каждого. Но является вопрос — где ключ для открытия радостей духовных? На это ответ один — в молитве Иисусовой.

Великую силу имеет эта молитва. Она имеет разные степени: самая первая — это простое произнесение слов: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий,

помилуй мя, грешного”, на высших же ступенях она достигает такой силы, что может и горы переставлять: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную”, — каждому не трудно, а польза громадная. Это сильнейшее оружие для борьбы со страстями.

Одна, например, горда, а другую одолевают блудные помыслы, кажется, и мужчин не видит, а все мысль блудит; третья — завистлива, а бороться сил нет. Где взять их? Единственно в Иисусовой молитве. Враг всячески отвлекает от нее — „ну что за бессмыслица повторять одно и то же, когда ни ум ни сердце не участвуют в молитве, лучше заменить ее чем-нибудь другим”. Не слушайте его, лжет. Продолжайте упражняться в молитве, и она не останется бесплодной. Все святые держались этой молитвы, и она так становилась для них дорога, что они ее ни на что не променяли бы. Когда их ум бывал отвлекаем чем-либо другим, то они томились и стремились опять начать молитву. Их стремление было похоже на желание жаждущего, например, после соленой пищи удовлетворить свою жажду. Иногда такому некоторое время не удается удовлетворить свое желание за неимением воды, но его желание тогда еще более усиливается, и найдя источник, он пьет ненасытно, — так и святые жаждали начать молитву, и начинали с пламенной любовью.

Иисусова молитва приближает нас ко Христу.

В Задонске подвизался известный в свое время подвижник Георгий. Рано постиг он всю суету мирской жизни и ушел в монастырь, но и этим не удовольствовался, а избрал себе совершенное уединение — затвор. Здесь в посте, молитве, богомыслии

проводил он время, но искушения не оставляли его.

Когда он был еще в миру, то любил чистою любовью одну девушку, и образ ее часто вставал перед ним, смущая его душевный покой. Однажды, чувствуя свое бессилие в борьбе, он воскликнул: „Господи! Если это мой крест, то дай силы понести его, а если нет, то изгладь из всей памяти самое воспоминание о ней!”

Господь услышал его, и вот той же ночью он видит во сне девушку необычайной красоты, облаченную в золотые одежды. В ее взоре светилось столько неземного величия и ангельской чистоты, что Георгий не мог оторвать от нее глаз и с благоговением спросил: „Кто ты? Как твое имя?” — „Мое имя — целомудрие”, — ответила девица и видение кончилось. Придя в себя, подвижник возблагодарил Господа за вразумление. Образ, виденный им во сне, так запечатлелся в уме его, что совершенно изгнал все другие образы.

И я прошу вас — изгоните все образы из головы и сердца вашего, чтобы там был только один образ Христа. Но как этого достигнуть? Опять же молитвой Иисусовой.

На днях приходил ко мне один скитянин-схимник. „В уныние прихожу я, авва, так как не вижу в себе перемены к лучшему, а между тем ношу высокий ангельский чин. Ведь Господь строго взыщет с того, кто инок или схимник только по одежде. Но как измениться? Как умереть для греха? Чувствую свое полное бессилие”.

„Да, — отвечаю, — мы совершенные банкроты, и если Господь будет судить по делам, то мы, конечно, не имеем ничего доброго”. — „Но есть ли надеж-

да на спасение?” — „Конечно, есть. Произносите всегда молитву Иисусову и все предоставьте воле Божией”. — „Но какая же польза от этой молитвы, если в ней не участвует ум и сердце?” — „Громадная польза. Разумеется, эта молитва имеет много подразделений от простого произношения этой молитвы до молитвы творческой, но нам хоть и на последней-то ступеньке быть и то спасительно. От произносящего эту молитву бегут вражеские силы и такой рано или поздно, а все-таки спасется”. — „Воскрешен! — воскликнул схимник, — больше не буду унывать”.

И вот, повторяю, произносите молитву, хотя бы только устами, и Господь никогда вас не оставит.

Для произношения этой молитвы не требуется изучения каких-либо наук. Вот граф Толстой был человек всесторонне образованный, но не имел Христа и погиб. Земные знания не помогли ему. Отверг он Святую Церковь — и был отвергнут.

Нынче радостное время — Пасха. „Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав”. Кто это — „сущие во гробех”? Это — все люди грешники, раньше мертвые для Бога, но воскрешенные к новой жизни смертью Христа Спасителя. Да утешит вас Господь! Аминь.

Беседа 25 июля 1911 года

Сегодня был я утром в монастыре по делам. Богу угодно было, чтобы выходя оттуда, я встретил одну девицу, ищущую спасения своей души, и еще одну монахиню. Зашла у нас речь о том, как строится жизнь человеческая. Епископ Игнатий Брянчани-

нов, с творениями которого некоторые из вас, может быть, уже знакомы, говорит, что жизнь всякой человеческой души строится по заранее намеченному Божественному плану. Иные спросят: „Что же это за план? И одинаков ли он для всех людей, или каждая отдельная жизнь идет по плану, ей одной присущему?” Придется сказать, что у всех людей, ищущих спасения, жизнь располагается по одному плану, но пути, по которым идут они, бывают различны.

Представьте себе круг. От разных точек окружности идут линии, которые все сходятся в одной точке у центра. Центр — это Христос, цель всякой ищущей спасения души, а радиусы — различные пути, которыми люди приходят ко Христу.

План спасения человеческой души, по мнению епископа Игнатия, изложен в Библии и именно в истории древнего Израиля. Еврейский народ жил в Египте под властью фараонов. Не довольствуясь господством над Израилем, фараоны начинают притеснять его, заставляют исполнять тяжелые работы, участвовать в постройке пирамид, которые сохранились и до настоящего времени. Мало того, фараоны издают приказ, убивать еврейских новорожденных младенцев мужского пола, так как евреи очень быстро размножались.

Стонет народ под чуждым игом и ждет избавителя от Бога. В лице Моисея, „взятого из воды” (заметьте это себе: „взятого из воды”), посылается им Избавитель. Он совершает много чудес, наводя различные казни на египтян, и наконец, фараон отпускает евреев. Моисей выводит их из Египта.

Такова история древнего Израиля, но она служит прообразом того, что совершается до наших дней с

новым Израилем, с каждой христианской душой, ищущей спасения. Каждая душа томится под игом мысленного фараона — сатаны, каждая стонет и ждет себе Избавителя, и является Избавитель — Господь Иисус Христос, Которого прообразовал собою древний Моисей.

Знал ли он сам, что прообразует собою Спасителя? Думаю, что знал. Господь избавляет душу от гнета фараонова, но что происходит дальше? Едва Израиль ушел из Египта, а уж фараон пожалел, что отпустил его, и погнался вслед за ним. Так бывает и с человеческой душой.

Иные думают — оставили прежнюю нерадивую жизнь, вступили на добрый путь и уже твердо и неуклонно пойдут по нему. Ошибаются они. Сатана, выпустивший из-под своей власти, непременно пожалеет о том и устремится вслед им.

Бегут израильтяне, и вот они у Чермного моря. Сзади — погоня, справа — разбойники, слева — пустыня, перед ними — вода. Куда деваться? Где искать спасения? Казалось бы, положение безвыходное. Что же Моисей? — Помолится он Богу, ударил жезлом по воде, и она расступилась.

В длинный водяной коридор вступили евреи, идут по сухому дну моря, а за ними втягиваются полчища египтян. Не маленький был этот водяной коридор (по исследованию ученых, на 40 верст длиной простирался он). Вышли евреи на берег, а фараон с войском уже на середине моря. Что же делает Моисей? — Снова молится, и новое движение посохом, которое вместе с прежним движением составило к р е с т — и волны смыкаются над египтянами: все войско погибло, ни один не спасся, по слову Писания. Нет больше опасности, нет боль-

ше погони, и Израиль спокойно продолжает путь, направляясь к земле обетованной.

Подобное состояние переживает и всякая душа человеческая. Сатана не оставляет ее в покое — отовсюду надвигаются скорби и искушения, кругом наступает мрак, кажется, положение безвыходное, кажется, неоткуда ждать помощи. Но тут-то и является Бог со Своей помощью. Крест спас древний Израиль, крест Христов спасает новый Израиль, и часто близкая к отчаянию душа не знает, что стоит уже на грани, за которой начнется новый путь.

Итак, Чермное море пройдено. Но далеко еще до земли, текущей медом и млеко, не сразу попадают туда евреи. 40 лет кружит Моисей с ними по пустыне. Иной человек, узнав о спасительном пути и став на него, думает, что все уже сделано, что он достиг святости и готов чуть ли не на небо взлететь. Ошибаются люди, так думающие. Мало начать спасительный путь, мало обратиться к Богу, еще не здесь начинается страна, где текут мед и млеко. 40 лет ходят израильтяне с Моисеем по пустыне, стремясь к земле обетованной. Бесплодна пустыня, ничего нет кругом, не раз нападают сомнения на евреев, но не попускает им погибнуть Господь. Так и душа, избравшая путь Богоугождения, высвободившись из-под ига страстей, оторвавшись от всего, что прежде составляло содержание ее жизни, часто устрашается, увидев себя сразу в пустыне. „Господи, что теперь делать, чем жить?“ Напрасно смущаются люди, Бог, пославший Моисея, чтобы вывести ее (так!) из Египта, пошлет и манну, как послал ее древним евреям.

Кончается 40-летнее странствование евреев, образовавшее странствование каждой души, ищущей горнего Иерусалима. Понимали ли евреи, что

служили таким прообразом? — думаю, не понимали. Кто же вводит евреев в землю обетованную? Моисей ли? Нет. За то, что усумнился он в Божественном Промысле, умирает он, не достигши Ханаана, и вводит туда евреев Иисус Навин.

Обратите внимание на это имя! Иисус вводит в обетованную землю — и Иисус Христос отворяет нам двери рая, Крестом Своим вводит он нас туда.

Крест Христов — вот величайшее таинство! И заметьте все подробности спасительных страданий Христовых — распинается Он посреди двух разбойников. Почему между разбойниками? Здесь тоже глубокий смысл. — Распятием Своим Господь спасает от проклятия и смерти людей, и все мы, грешные, отпавшие от Бога, являемся разбойниками перед Ним. Разбойники висят справа и слева от Христа тоже не случайно — здесь история всего последующего человечества. Висящий слева изрыгает хулы, а справа слышится голос „Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!”

И ныне видим разделение среди людей, и ныне знаем и правых и левых, — сами последние, приняв это название, изрекают свой приговор, не устрашает их пример повешенного по левую сторону. В различной участи этих двух разбойников — судьбы всего человечества: одна часть его с хулителем низвергается во ад, другая слышит глас Самого Господа: „Днесь со Мною будещи в рай”.

Одни идут в гибель, другие в жизнь вечную. И вот цель всей земной жизни — наследовать жизнь вечную, ту жизнь, где не будет труда, не будет дыхания и никакой скорби.

Для достижения этой вечной жизни идут в монастыри. Впрочем, я никого не зову в монастырь и

не говорю, чтобы спасение не было возможным в мире. Только не могу не заметить, что взоры всех лучших людей устремлялись именно к монашеству. Не буду приводить мнения учителей Церкви, воспитавшихся в монастырях. Обращу ваше внимание на творение великанов светской литературы. Возьмем представителя протестантского народа, гиганта человеческой мысли Шекспира, и посмотрим, что говорит он о жизни в мире. Устами героя одного из лучших своих произведений Гамлета так аттестует он мир: „Мир — это старый сад, заросший сорной травой”. Согласитесь, не очень лестная характеристика мира. А затем прибавляет: обращаясь к Офелии: „Офелия, иди в монастырь”.

Вот как отнесся Шекспир к миру и монастырю. Но иные говорят, что монашество не установлено Господом, что в Евангелии нет указаний на него. „Могий вместити, да вместит”, — говорит Господь именно о жаждущих высшей духовной жизни.

Спастись можно и в миру, но высшее совершенство достигается в монастырях. И в Писании сказано: „Не женившийся печется, како угодити Господу, а женившийся печется, како угодить жене”. Вот и разница между миром и монастырем. И снова повторяю — я не зову в монастырь, и в миру много путей, которые ведут к Богу. Вот, например, достойнейшая Ел. Андр. (Воронова), всю жизнь свою посвятила служению несчастным, отверженным людям, ездит по тюрьмам, утешает арестантов, служит им, беседует с ними и старается разбудить в них заглохшее чувство любви к Богу и ближнему. Святое это дело, несомненно, и спасая других, и сама она спасается.

Иные посвятили свою жизнь служению больным

— и это великое дело. Иные учительствуют — тоже великое дело быть при детях, сеять в их сердцах семена Божьей истины, насколько это в их силах, насколько они сами поняли и усвоили ее. А иные, может быть, не удовлетворяясь этим своим служением, захотят достичь высшего совершенства, порвать связи с миром и вступить в святую обитель — и исполнят это, если только их желание угодно Господу. Аминь.

Беседа батюшки 30 июля 1911 года

„Там, за далью непогоды, есть блаженная страна”.

Когда я ехал по Сибири к Муцилину, смотрел в окно вагона и думал, что вот там к востоку начинаются неведомые страны: Китай, Корея — страны, чуждые нам, со своими обычаями, со своими нравами. Прежде эти страны коснели во тьме язычества, теперь просвещаются светом Христовым, и в столице Японии — Токио, где раньше поклонялись дракону, возвышается великолепный православный собор.

А потом от этих неведомых стран мысль неслась дальше, в ту страну, где блаженствуют небожители, где нет ни печали, ни воздыхания. О ней хочется говорить, туда вознестись мыслью от земли.

Земля — это место изгнания, ссылка. За уголовные преступления людей осуждают на каторгу, кого на 12, кого на 15 лет, а кого и навсегда, до смерти. Вот и мы провинились, согрешили перед Господом и осуждены на изгнание, на каторгу.

Но так бесконечно любвеобилен Господь, что даже в этом месте изгнания оставил Он нам много красот, много отрады и утешения, которые особен-

но понимаются натурами, обладающими так называемой художественной чуткостью. Эти красоты здешнего мира только намек на ту красоту, которой был исполнен мир первоизданный, каким его видели Адам и Ева. Та красота была нарушена грехом первых людей.

Представьте себе чудную статую великого мастера и вдруг ее хватили обухом. Что от нее останется? — Осколки. Мы можем подобрать их, можем отыскать отдельно шею, часть руки или лица, признаки красоты линий сохранятся и в этих отдельных осколках, но уже не получить нам прежней гармонии, прежней цельности, красоты еще не разрушенной статуи.

Так и грехопадение первых людей разрушило красоту Божьего мира и остались нам только осколки ее, по которым мы можем судить, как прекрасно все было раньше, до грехопадения. Но придет время всемирной катастрофы, и весь мир запыхает в огне. Загорится земля, и солнце, и луна — все сгорит, все исчезнет, и восстанет новый мир, гораздо прекраснее того, который видели первые люди. И тогда настанет вечная радостная жизнь, полная блаженства во Христе. По этой-то блаженной жизни и тоскует теперь на земле человеческая душа.

Есть предание, что раньше, чем человеку родиться в мир, душа его видит те небесные красоты и, вселившись в тело земного человека, продолжает тосковать по этим красотам.

Так Лермонтов объяснял присущую многим людям непонятную тоску. Он говорил, что за красотой земной душе снился лучший, прекраснейший мир, иной. И эта тоска по Богу — удел большинства людей.

Так называемые неверы сами себе не верят, и не желая в этом признаться, тоскуют по Боге. Только у немногих несчастных так загрязнилась душа, так осуетилась она, что потеряла способность стремиться к небу, тосковать по нем. Остальные ищут. А ищущие Христа обретают Его, по неложному Евангельскому слову: „Толцые и отверзетя вам, ищите и обряцете”, „в Дому Отца Моего обители многи есть”.

И заметьте, что здесь Господь говорит не только о небесных, но и земных обителях, и не только о внутренних, но и о внешних.

Каждую душу ставит Господь в такое положение, окружает такой обстановкой, которая наиболее способствует ее преуспеянию. Это и есть внешняя обитель, исполняет же душу покой мира и радования — внутренняя обитель, которую готовит Господь любящим и ищущим Его (брат Григорий приходит сказать, что через 10 минут надо начинать всеобщую. „Ну вот, ты через десять минут и приходи”, — говорит батюшка. Вскоре начинается благовест.) Что это? Благовест? А знаете, что он собой изображает? Архангельский глас, который прозвучит при конце мира. Об этом конце и напоминает нам благовест. Когда-нибудь и мы услышим тот страшный глас. Но сейчас раньше звона нас предупредили о нем и мы уже ожидали его. Тогда с тем гласом будет не так — внезапно, без всякого предупреждения раздастся он, а за ним суд, страшный суд, который будет длиться не год, не месяц, даже не день, а один миг, одно слово решит участь всего человечества. Только слова „приидите” или „отыдите” — и все кончено! Блаженны, кто услышат „приидите” — для них начнется радостная жизнь в раю,

и это уже навеки. Хорошо в раю! Достоевский, который бывал здесь и сживал на этом кресле, говорил о Макарию, что раньше он ни во что не верил. „Что же заставило вас повернуть к вере?“ — спрашивал его батюшка о Макарий. — „Я видел рай. Ах, как там хорошо, как светло и радостно! И насельники его так прекрасны, так полны любви. Они встретили меня с необычайной лаской. Не могу забыть я того, что пережил там — и с тех пор повернул к Богу!“

И действительно, повернул он круто вправо, и мы веруем, что Достоевский спасен.

В Апокалипсисе ап. Иоанн тоже изображает рай в виде великолепного храма на 12 основаниях. Одно основание — яхонт, другое — сапфир, третье — тоже драгоценный камень. В этот храм ведут тоже 12 ворот, и каждые состоят из одной цельной жемчужины.

Так рисует св. Иоанн Богослов град Господень, новый Иерусалим. Но, конечно, ничего в том описании нельзя понять чувственно, и эти 12 ворот вовсе не похожи, вот хотя бы на святые ворота скита Оптинской церкви.

Объясняющие Откровение, говорят, что под 12 воротами надо разумать 12 апостолов, просветивших Христовым учением вселенную. В своем стремлении к этому граду Господню душа иной раз находит утешение в музыке. Я в миру любил серьезную музыку — Бетховена, Шуберта. И как-то с концерта, встречается мне знакомый и спрашивает: „Откуда вы идете и отчего вы такой радостный и торжественный?“ — „В концерте был. Что за чудная музыка! В какой восторг приводит она душу!“

„Ну, есть еще иные, высшие восторги, чем вос-

торг от музыки. Сходили бы вот к такому-то, он вас введет в иную область, в область восторга молитвы". И он не солгал мне. Любил я бывать в Церкви, особенно за всенощной в нашем Воскресенском соборе, любил полумрак, тихий мерцающий свет лампад. Особенно хорошо там молилось.

Вот и вы сейчас пойдете ко всенощной, помолитесь там, постарайтесь помолиться хорошенько, постарайтесь войти и углубиться в себя. Ведь в каждой из вас есть мир неизреченной красоты, в котором таится много чистых восторгов, неизглаголенных радостей. Войдите в себя — и они откроются вам. Впрочем, не ждите от молитвы одних восторгов, не унывайте, когда не ощутите радости. Ведь и так бывает, что стоишь, стоишь в Церкви, будто внутри не сердце, а так, деревяшка, да и деревяшка-то неоструганная. Ну что ж, и деревяшку спаси Господи. Значит, надо так было. Ведь иная душа, пережив высокие восторги, и возомнить о себе может, а такое состояние „окамененного нечувствия" смиряет ее. И вообще мы не можем требовать от Бога молитвенных восторгов, от нас требуется молитвенный труд, а радости посылаются от Бога, когда это Богу угодно, и нам на пользу.

Итак будем молиться Ему и положимся во всем на Его святую волю!

Когда я еще жил в миру, товарищи называли меня идеалистом. Бывало, придут звать меня куда-нибудь: „Устраивается пикник, целой компанией едем за Волгу с самоваром и закуской. Будет очень весело!" — „Сколько же это стоит?" — „По 10 рублей с человека". Вынимаю деньги и отдаю за себя, чтобы не получить упрека, что уклоняюсь из корыстных побуждений, а потом, в день пикника,

заболеваю некоей политической болезнью и остаюсь дома. Вечером иду на берег Волги. В городском саду гремит музыка. Я хожу один, люблюсь красотой ночи и хорошо мне! А наутро товарищи говорят: „Был он?“ — „Нет, не был“. — „Ну, конечно, — рукой махнул, — ведь он у нас идеалист!“

Идеалист-то этот и привел меня в конце концов сюда, в скит. Аминь.

Беседа 22 октября 1911 года

Праздник Казанской Божией Матери.

Сколько верст от Петербурга до Козельска? Пожалуй, больше 1000. И это расстояние в настоящее время поезд проезжает в одни сутки! Может быть, впоследствии удастся и на воде устраивать железные дороги, укрепив рельсы на особого рода площадке, понесутся тогда любители путешествовать в Африку, Америку, Австралию.

Наука идет вперед большими шагами, если бы нашим отцам или дедам сказать, что люди научатся по телеграфной проволоке говорить на огромное расстояние или, например, переговариваться по телефону, то они не поверили бы и, пожалуй, сочли бы человека, рассказывающего им о таких чудесах, за сумасшедшего.

Да, действительно, в областях разных изобретений мы далеко ушли вперед, но стало ли лучше жить людям? — Увы, нет, наоборот, стало еще гораздо хуже.

В 1884—85 году была в Париже Всемирная выставка. Посетил ее один профессор Оксфордского университета. Возвратясь домой, он говорил студен-

там: „Видел я всевозможные машины, машины на все, только одной, притом простой машины, я не видел, и на мои вопросы, будет ли таковая изобретена, даю отрицательный ответ”. — „Какая же это машина, профессор?” — удивленно спросили студенты. — „Машина, делающая счастье”, — ответил он.

Действительно, счастья нет, так как хотят его создать без Христа и горько ошибаются.

Вот вы занимаете и скромное положение, но имеете ведь и любовь ко Господу, а потому и обладаете миром душевным. Теперь многие неверы кричат: „Не нужно нам неба, мы и на земле устроим счастье!” — „А болезни?” — „На это доктора”. Но хорошие доктора говорят, что медицина отстала, болезни прогрессируют с удивительной силой, появляются все новые и новые, и доктора положительно не знают, как лечить их.

Например, недавно появилась новая болезнь — в костях образуется песок, кость становится хрупкой, в ней делается отверстие, и песок высыпается. Отчего это происходит — трудно сказать, стирается ли кость от движения — неизвестно, только больной испытывает просто адские муки, а медицина бессильна облегчить его страдания. Если приглашать доктора, то не может же он сказать больному: „Я не понимаю вашей болезни” или „вы все равно должны умереть”, а начинает лечить как ему Бог поможет.

Не прочно земное счастье, и благо для человека, который за ним не гонится, но возлагает свое упование на Христа Спасителя. Он не будет посрамлен.

Сегодня как раз у меня был человек, которого сильно обмануло счастье. Это Евгений Николаевич Погожев, пишущий под псевдонимом „Поселянин”.

Евгений Николаевич происходит из старинного дворянского рода, получил хорошее образование, но сначала был неверующим. Привел его к Господу такой случай.

Однажды он с теткой собирался в Крым, а та перед этим путешествием захотела сначала побывать у батюшки о. Амвросия. „Нет уж, матушка, вы езжайте, а я вас в Калуге подожду”, — решительно заявил Евгений Николаевич. — „Да почему же? поедем вместе, мне веселее будет, а к старцу ты можешь и не ходить”. Он согласился. Приехали. Тетка предлагает ему, не сходит ли он хоть разок к о. Амвросию, но племянник решительно объявляет: „Нет уж, не просите, к о. Амвросию я ни за что не пойду, он замучает меня текстами”. Так и не пошел. Тетка же была и рассказала о нем батюшке. — „А нужно бы ему ко мне зайти, — сказал батюшка, — передайте ему, что грешный Амвросий просит его зайти к нему минут на пять-десять”. Он пошел и вышел от о. Амвросия другим человеком. С тех пор он начал посещать Оптину и просился в монастырь, но батюшка возразил: „Нет, сначала окончите университет, а там я скажу вам, что делать”.

По окончании университета Евгений Николаевич приехал к о. Амвросию и спрашивает, что же ему теперь делать? „А теперь, — сказал батюшка, — пишите в защиту веры, Церкви и народности”.

Погожев — художник в душе и это отражается и в его литературных произведениях. Прошло несколько лет, о. Амвросий умер, и Евгений Николаевич осиротел. Приезжал он по привычке в Оптину, но ни к кому из старцев не обращался, так как, по его словам, никто не мог ему заменить батюшку о. Амвросия.

Гребцов было много и хорошие гребцы, но кормчего нет. Правда, был кормчий, который поджидал его к себе, и наверное беседа с ним принесла бы Евгению Николаевичу большую пользу. Это покойный батюшка о. Анатолий — великий старец и преемник о. Амвросия, но Погожев не пожелал к нему обратиться.

Однажды он зашел ко мне, я был тогда еще послушником. Разговорились мы с ним. „Вы идеалист, Евгений Николаевич, — сказал я ему, — в миру вам не место, ступайте в монастырь, где хранятся заветы старцев. Пять лет пробьете вы послушником, десять лет монахом, пять — иеродиаконом...” — „Ну, а потом?” — „А потом вы были бы старцем, как о. Амвросий. Вы теперь внешний художник, а тогда сделаетесь внутренним. Вспомните слова Пушкина: Не для житейского волнения, не для корысти, не для битв — мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв. Хотя Пушкин говорил это про поэтов, но эти слова больше относятся к монахам, — поступайте в монастырь и найдете мир и радость души”. Не согласился. „И в миру можно приносить пользу”, — ответил он. — „Да, конечно, можно, но в миру множество соблазнов. А знаете ли вы историю про индийского царевича Иоасафа? Царь Авенир, отец его, устроил сыну великолепный замок и хотел, чтобы тот жил в неге и роскоши беззаботной и веселой жизнью. Но старец Варлаам обратил юношу ко Христу, и тогда тот совершенно изменился. Отец, желая вернуть сына к язычеству, выписал ему красавицу Роялью, на которой хотел его женить, но Иоасаф не соблазнился красотой невесты, отверг все удовольствия мира сего и насле-

давал Царствие Божие. Как бы и вас не соблазнила Ройяля во дворце”.

Не знаю, отчего я сказал ему это, но через несколько лет узнаю, что Евгений Николаевич женился на дочери одного известного сановника, и великий князь Константин Константинович устроил им свадьбу во дворце. Выбор невесты был очень неудачен: через полгода они разошлись и развод скоро кончится. Она была женщина практическая и не поняла его. Вскоре они прямо возненавидели друг друга. Я не видел Евгения Николаевича 20 лет, сегодня он приехал ко мне. Я говорю ему: „Кончится развод, поступайте в монастырь. Я дам вам келью, успокоится душа ваша после всех житейских треволнений”. — Он головой качает: „Поздно!” — „Ко Христу никогда не поздно, Евгений Николаевич, вспомните разбойника, кажется, и жить-то осталось ему несколько минут, а он завопил: „Господи, помяни мя во Царствии Твоем” — и спасен”. Задумался. Не знаю, решил ли, а жаль мне его.

Полагайтесь во всем на волю Божию, кто жаждет спасения и вопиет ко Христу: „Спаси меня, Господи, как Ты Сам знаешь!” — того Господь спасет.

Расскажу вам страничку из моей жизни.

У меня всегда было желание спасения, но окружающие меня люди были глубоко равнодушны к вере, опоры найти было не в ком, а между тем мысль говорила мне, что так жить нельзя. Я не знал, на что решиться. Один знакомый инок утешил меня: „Предайтесь в волю Божию, когда молитесь утром и вечером, всегда говорите: „ими же веси судьбами спаси меня, Господи!” — и спасет. Так и молился и всегда ходил ко всенощной в церковь св. Иоанна

Крестителя при монастыре и молился: „Св. Пророче, Предтече Господень, спаси меня”.

У обедни часто бывал в Спасо-Преображенском соборе и там, у раки св. Варсонофия, молился: „Святый отче Варсонофие, помози мне!” Не знал я, что выбрать, идти в монастырь боялся, там поклоны, да посты — редька, квас, а я избалован, затем — командовать все станут, а я привык к некоторой власти, не выдержать мне... Но Господь все устроил, и я теперь, хоть недостойный, но инок. На вид случайно, но, конечно, по промыслу Божию узнал об Оптиной пустыни и о старце о. Амвросии, взял отпуск на 28 дней и приехал к нему для решения вопроса, как мне жить. Батюшка Амвросий сказал: „Надо в монастырь идти, но не сейчас, а через два года”. И дал мне некоторое послушание. А через два года я и поступил в скит Оптиной пустыни.

Так и вам поможет Господь на вашем жизненном пути. Молитесь Матери Божией, Она будет ходатайствовать за вас и в этой жизни, а по смерти поможет пройти мытарства и достигнуть Царствия Небесного. Да поможет вам Господь. Аминь.

Беседа 27 декабря 1912 года

„Днесь благодать Святого Духа нас собра”. Эта священная песнь поется обыкновенно, когда бывают собрания по особо важным духовным вопросам.

Днесь благодать, скажем и мы, собравшись для духовной беседы. Бывало, так же беседовали мы и в моей маленькой Оптинской молельной, только теперь круг слушателей расширился.

В Оптиной сидят, бывало, 3—4 на диванчике, ос-

тальные на креслах и скамеечках. О чем же поведем мы речь? Из разных городов съехались вы, кто из Питера, кто из Москвы, кто из дальнего Тамбова, съехались в нашу смиренную обитель, под крылышко преп. Сергия, и знайте все, что примет преподобный эту жертву вашу и помолится за вас.

Для чего вы приехали сюда? Конечно, не материальные соображения руководили вами, нет, вы ехали сюда отдохнуть душой, провести святые дни в тихой обители. Святые дни — какие чудные слова! А как проводят их в миру? Маскарады, балы, театры так закружат человека, что ему некогда вспомнить о чем-либо духовном, а после всего этого останется в душе одна пустота. Вспоминаются страстные разговоры, вольное обращение, увлечения мужчинами, а мужчин женщинами. Такая пустота остается не только от самых низких удовольствий, но и от менее греховных.

А что если среди таких удовольствий Господь призовет к Себе такую душу? Может ли она рассчитывать на райские блаженства, по слову Спасителя: „В чем застану, в том и сужу”. Страшно подумать, куда пойдет такая душа.

Мне вспоминается один страшный случай, когда я был еще в миру. В одном аристократическом доме был маскарад, я на нем не присутствовал, мне рассказывали потом товарищи. Царицей бала была одна замечательная красавица, единственная дочь родителей, богатая, прекрасно образованная, по-светски воспитанная. Родители ничего для нее не жалели. Ее костюм, изображающий языческую богиню, стоил не одну сотню рублей.

Бал начался полькой, затем следовали другие танцы, наконец, французская кадрили. Во время ка-

дрили красавица вдруг упала в предсмертной агонии. Когда сдернули с нее маску, ужаснулись ее видом: челюсти ее скривились, лицо почернело, глаза выражали ужас и просьбу о помощи, но никто не мог ей оказать помощь, так и умерла она среди бала. Поехали, погоревали, особенно родители, похоронили ее и поставили великолепный памятник и все земное для нее кончилось.

А что стало с ее душой? — страшно и подумать.

Конечно, пути Божии неисповедимы, но по нашему убогому человеческому разумению не быть ей в Царстве Света, предстанет она Престолу Божию и Господь, сказавший: „в чем застану...”, заставший ее посреди игрища, в одежде богини разврата, пошлет ее в мрачные затворы ада.

Вот как кончается служение миру. Работающие миру считают служение Богу неудобноисполнимым и не замечают того, какие цепи накладывает мир на своих последователей.

Вот взять хотя бы праздничные визиты. Вместо того, чтобы отправиться в храм, люди с утра до вечера ездят по визитам, часто бывая у лиц, им несимпатичных, да и люди эти вовсе не желали бы их видеть у себя. А попробуй-ка, например, подчиненный не побывать у начальства, ну сейчас и неприятность, а то и вовсе лишение места.

Возвращается человек домой вечером усталый, разбитый, проклиная суровый обычай века сего. Как же христианину в подобных случаях? Апостол Павел говорит: „Творите все, что не против нашей совести, а что противоречит, от того отвращайтесь”. Совсем же не сноситься с миром невозможно, иначе пришлось бы уйти из него. Мир сильно не любит противящихся ему и награждает их разными назва-

ниями — монашек ненормальными, отсталыми, и в устах мира — это позорное название.

„Знаете ли, — говорит один другому про такую-то, — что с ней сделалось? Еще в прошлом году она была так мила на маскараде, столько заинтриговала, изображала Диану, преследуемую охотниками, а теперь? Нигде не бывает, только ходит в церковь, читает святые книги, вообразите! Она ненормальна!” — вот приговор мира. Пока она служила врагу, то считалась умной и интересной, перешла на сторону Христа — стала ненормальна. И осуждает мир такую, смеется над ней. Положим, что считать за норму, — если отречение от Христа, то, действительно, она ненормальна.

Но надо все перенести, все терпеть и остаться верной Христу. Таковы были первые христиане. Они, невзирая на муки, твердо держались за Христа. Привели, например, Феодора Тирона к правителю. „Кто ты и какого звания?” — спросил мучитель. „Я — христианин, прежде был рабом такого-то, теперь — раб Христа”. — „Но почему же ты от такого богача перешел ко Христу?” — „Потому что я познал истину”. — „Но ведь если ты не отречешься от Христа, я буду тебя мучить”. — „Мучь, Господь даст мне силы перенести муки, тело ты можешь замучить, но не коснешься души”. И он перенес все муки, но остался верен Спасителю.

Правда, и тогда отрекались иные, видя кипящие котлы с оловом, куда бросали живых людей, обрщавшихся в пепел. Или, например, забивались гвозди под ногти, обрубались пальцы, вытягивались из рук жилы и на этих жилах подвешивали мученика на дерево, подпалая медленно огнем и строгая тело железными когтями.

Нынче христиан не мучают на площадях, не сжигают на кострах, храмы открыты, в них совершается богослужение, но вот грустное явление — многие и без мук отрекаются от Христа. Преследует мир рабов Христовых насмешками и презрением, и они не переносят сего. „А ты стала что-то часто в церковь ходить?“ — язвительно задают вопрос. Молчит. „Конечно, отчего не сходить в праздник, но ты, кажется, чуть не каждый день ходишь да и посты начала соблюдать“. Снова молчит. А иная начнет приставать: „Ты вот все читаешь святые книги, а читала ли ты Ницше и т. д., вот почитай только и сама увидишь, что они говорят“, да так и засыплет неопытную именами своих богов (у них ведь тоже свои боги). „Если ты религиозна, то должна рассмотреть вопрос со всех сторон, а не бояться услышать противоположное мнение“.

Не надо слушать их. Не читайте безбожных книг, оставайтесь верными Христу, если спросят о вере, отвечайте смело. „Ты, кажется, зачастила в церковь?“ — „Да, потому что нахожу в этом удовлетворение“. — „Уж не в святые ли хочешь?“ — „Каждому этого хочется, но не от нас это зависит, а от Господа“. Таким образом вы отразите врага. Конечно, тяжело бывает от скорбей со всех сторон, унывают даже, особенно это известно монахам. Кажется, что и Господь оставил. Действительно, может быть, Он временно отступил, но зорко следит за каждой душой и не дает ей погибнуть.

Многие, начавшие жить во Христе, бывают очень требовательны в молитвах: „Господи, сделай меня святой“. Конечно, это законная просьба, но недостижимая сразу. Это показывает, как ненавидит враг монастыри. Помню, когда я был в миру, то представ-

лял себе монастырь скукой — все молись да молись, редька да постное масло, да поклоны. Но и бывая в аристократических домах, я испытывал скуку. Придешь, бывало, где собираются умные, ученые люди, думаешь услышать что-либо полезное, а на самом деле не то — передают городские сплетни, а начнет кто говорить что-либо серьезное, со всех сторон раздастся: „Ну начали, вот пророк выискался!” Даже музыки не услышишь серьезной, а смотришь, стоит рояль в несколько тысяч, и есть хорошо играющие, но никто до него не касается. Так постепенно в течение десяти лет и отходил я от мира. Труднее всего было мне оставить оперу серьезную, но случилось нечто, и я оставил и театр. Теперь я совсем, слава Богу, отошел от мира и стал иноком, хотя отошел быть может только внешне. Блаженны отошедшие внутренне.

Говоря о мире, считаю долгом сказать, что под этим словом я подразумеваю служение страстям, где бы оно ни совершалось — можно и в монастыре жить по-мирски. Стены и черные одежды сами по себе не спасут. Я не зову вас в монастырь, живите в миру, но вне мира — и благо вам будет. Но не удовлетворяется миром тот, у кого в сердце „дрожат струны жизни”.

Нужно помнить, что Господь всех любит и о всех печется, но, если по-людски, нельзя нищему дать 1.000.000, потому что он и сам погибнет и других погубит, а рублей сто могут его поставить на ноги. И Господь лучше знает, кому что на пользу.

Нельзя научиться исполнять заповеди Божии без труда, и труд этот трехчастичный — молитва, пост и трезвение. Спаситель сказал ученикам на вопрос, почему они не могли изгнать беса: „По неверию ва-

шему... сей род изгоняется только молитвою и постом...". Итак, три эти вещи делают нас победителями врагов нашего спасения.

Самое трудное — молитва. Всякая добродетель от прохождения обращается в навык, а в молитве нужно понуждение до самой смерти. Ей противится наш ветхий человек, и враг особенно восстает на молящегося. Молитва — вкушение смерти для дьявола, хотя духовно он умер давно, но молитва как бы снова поражает его. Даже святые, как, например, преп. Серафим, и те должны были понуждать себя, не то что мы, грешные.

Наш поэт Лермонтов, окончивший так печально жизнь свою на дуэли, и тот испытывал сладость молитвы, что выражено в стихотворении „В минуту жизни трудную". К сожалению, молитва не спасла его, потому что он ждал только восторгов и не хотел понести труда молитвенного.

Сильно нападает враг, внушая отчаяние, уныние, страх. „Тамо убоишься страха, идеже не бе страх". Иногда человек опускает руки, но такая печаль незаконна, нужно молитвой и крестным знаменем, в котором скрыта непостижимая сила, противиться врагу.

Второе средство — пост. Пост бывает двоякий: внешний — воздержание от скоромной пищи и второй — внутренний — воздержание всех чувств, особенно зрения, от всякого нечистого и скверного. Тот и другой неразрывно связаны друг с другом. Некоторые понимают только пост внешний. Например, приходит такой человек в общество, начинаются разговоры, осуждение ближних — он принимает в них деятельное участие. Но вот наступает время ужина — гостю предлагают скушать котлетку, кусо-

чек поросеночка, он решительно заявляет, что не ест скоромного. „Ну, полноте, — уговаривают хозяева, — скушайте, ведь не то, что в уста, а то, что из уст”. — „Нет, я на этот счет строг”. И не понимает такой человек, что он уже нарушил внутренний пост, похитив многое у ближнего. Вот почему так важно трезвение.

Трудясь для своего спасения, человек мало-помалу очищает свое сердце от зависти, ненависти, клеветы и в нем насаждается любовь. Древние христиане жили в полном согласии и любви и все у них было общее. У апостолов ничего не было своего, а достаточные приносили снедь, рыбу и клали к ногам апостолов, а те — раздавали неимущим. Часто они собирались на вечерю любви.

Так у меня нет ничего своего, а приносят добрые души, я же только раздаю и мирянам, и братии. Случается, что отец Григорий таинственно стучится к какому-нибудь иноку, и когда тот отпирает, сует ему утешение. „А кого поминать-то?” — „Имена же их Ты веши, Господи!”

Когда Господь послал апостолов на проповедь, Он заповедал им не думать, что отвечать мучителям, потому что Дух Святой будет говорить за них. Тот же Дух Святой действует и теперь в Священном Писании и священных книгах, в частности, в житиях святых, оттого это чтение так и действует на душу, что оно животворится Духом Святым. В нем слово жизни, а в сочинениях неверов — слово смерти. Оттого неграмотные рыбаки покорили всю вселенную, что ученые неверы не могли противостоять Святому Духу.

Известен такой факт. Грозный завоеватель — Атила — с огромными полчищами, опустошая все на

пути, двинулся и подступил к самому Риму. Рим чувствовал, что не может противостоять Аттиле, он возбуждал желание Аттилы взять его с несметными сокровищами и громкой славой. Римляне стали умолять папу Льва, признанного Церковью святым, идти к Аттиле и убедить его отступить от города. Папа Лев пошел и начал его убеждать. Аттила молча слушал и мысль его колебалась. Сподвижники Аттилы советовали ему не слушать уговоров, и он было хотел идти на город, но папа снова стал убеждать его, и Аттила решительно воскликнул: „Назад! Теперь, когда Рим с его несметными сокровищами в виду у всех, назад!” — решительно повторил Аттила, и миллионное войско тронулось обратно. Позднее воины спрашивали Аттилу, почему он послушал какого-то старика. „Потому, что я и не мог противиться неотразимой силе его слов”.

Так Святой Дух говорил через папу, и человек не мог устоять. Подобное нечто было с нашим великим полувером поэтом Пушкиным. Он был в полной славе, вызывал восторг не только в России, но и за границей, и кажется, по музыкальности стиха не было ему равного. Но стихи эти были о земном, как сам он говорит: „Лире я моей вверял изнеженные звуки безумства, лени иль страстей”. Но на него имели большое влияние речи митрополита Филарета, заставляя его вдумываться в свою жизнь и раскаиваться в пустом времяпрепровождении.

Однажды митрополит Филарет служил в Успенском соборе. Пушкин зашел туда и, скрестив по обычаю руки, простоял всю длинную проповедь, как вкопанный, боясь проронить малейшее слово. После обедни возвращается домой. „Где ты был так долго?” — спрашивает его жена. — „В Успен-

ском”. — „Кого там видел?” — „Ах, оставь, — отвечает он и, положив свою могучую голову на руки, зарыдал. „Что с тобой?” — встревожилась жена. — „Ничего, дай мне скорее бумаги и чернил”. И вот под влиянием проповеди митрополита Филарета Пушкин написал свое дивное стихотворение, за которое много, верно, простил ему Господь: „В часы забав”, особенно замечательно последнее четверостишие: „... и внемлет арфе Серафима в священном ужасе поэт”.

Пушкин, конечно, никогда не слышал пения Серафима, но, очевидно, подразумевал под ним нечто великое, что сравнил с проповедью митрополита Филарета. Мы благодарны Пушкину за то, что он оставил нам такой памятник о митрополите Филарете.

Итак, детки мои духовные, читайте Св. Писание и творения св. отцов, потому что через них говорит Сам Святой Дух, и не будем читать произведения таких учителей, которые стремятся отторгнуть нас от Христа.

Да спасет всех нас от этого Господь. Будем следовать учению только Христа и спасемся. (У Хомякова есть прекрасное стихотворение, в котором он сравнивает ясный небесный свод с учением галилейских рыбаков. Есть еще хорошее стихотворение мало известного поэта Страхова.)

Да поможет всем нам Господь! Аминь.

Б е с е д а

Вчера беседа наша вышла какой-то незаконченной, неожиданно прервал я ее. Сделать это пришлось, так как стало замечаться среди некоторых

утомление, были вновь прибывшие, которые устали с дороги.

Кто сидит на Гоголевском кресле? М. А.? Я потому спросил, что с Гоголя хочу начать сегодня речь.

Гоголя называли помещанным. За что? — за тот духовный перелом, который в нем произошел, и после которого Гоголь твердо и неуклонно пошел по пути богоугождения, богослужения. Как же это случилось? В душе Гоголя, насколько мы можем судить по сохранившимся его письмам, а еще больше по сохранившимся рассказам об его устных беседах, всегда жила неудовлетворенность жизнью, хотелось ему лучшей жизни, а найти ее он не мог. „Бедному сыну пустыни снился сон...” — так начинается одна из статей Гоголя.. и сам он и все человечество представлялись ему в образе этого бедного сына пустыни. Это состояние человечества изображено и в Псалтири, там народ Божий, алча и жаждая, блуждал по пустыне, ища града обительного и не находил.

Так и все мы алчем и жаждем этого града обительного и ищем его и блуждаем в пустыне. Это состояние духа знакомо было и Лермонтову, который в одном из своих стихотворений жаловался, что не может найти твердый утес, чтобы опереться на него ногой и твердо знать, что ему любить и что петь. Но Лермонтов так и не нашел града обительного, т. е. Царства Небесного, и кончил плохо.

Иной была судьба Гоголя. Мы знаем из его жизнеописания, что он удостоился мирной христианской кончины. Как же он достиг этого? Был в Москве один дом, где собирался весь цвет, все сливки, так сказать, общества того времени, но не аристократического общества, а общества интеллигент-

ного. Это был дом историка Погодина. Речи там велись чаще всего на тему о Богоугодии. В те времена интересы интеллигентного человека, общества были несколько иные, чем теперь. Безбожников почти не было, были сомневающиеся, и о Боге и о Царстве Небесном много говорили.

Случилось и Гоголю быть у Погодина. Со свойственной ему экзальтированностью Гоголь много говорил о своих исканиях, о том, что жить так, как он живет, невозможно, а как надо жить, он не знает. „Читайте Евангелие”. — „Читал, оно-то и сказало мне, что так жить нельзя, но как перестроить жизнь, как сделать ее святой — я не знаю”. — „Однако было много людей, угодивших Богу, читайте жития святых, особенно жития преподобных”. (Преподобный — это человек, исполнивший заповедь: „Будьте совершенны, якоже Отец ваш Небесный совершен есть”. Они очистили свою душу и осветили ее так, что она по своим свойствам стала подобна Богу. Понятие о подобии предметов мы встречаем в математике. Один треугольник маленький, другой большой, но по свойствам этот маленький совсем похож или подобен большому, подобен, но не равен. В природе мы часто наталкиваемся на случаи подобия предметов. Люди, по свойствам души своей уподобившиеся Богу, называются преподобными. Раньше их жизнеописаниями интересовались, теперь эти книги основательно забыты, к великому нашему несчастью.) — „Читал и жития”. И вот на что натолкнулся, много было святых, все они устремлялись к Богу, но шли к Нему разными путями. Представьте себе круг. В середине его, в центре, сходится множество радиусов, идут они все к одной точке, но с разных сторон, один сверху, другие снизу,

справа, слева. Центр — Христос, радиусы — люди святые, идущие к Нему разными путями: один — спасался путем смирения, другой — терпения, третий — рассуждения и все этими разными путями пришли к Богу. И я хочу идти к Богу, не могу найти пути к Нему и „человека не имам”.

Гоголь здесь разумел Евангельское сказание о расслабленном при Силоамской купели. Вспомните это сказание. При купели лежит много больных, жаждущих исцеления. По временам сходит Ангел Господень и возмущает воду, и тот больной, который погрузится первый в возмущенную воду, получает исцеление. Лежит при купели расслабленный, долгие годы ждет он себе исцеления и не получает. Отчего? „Человека не имам...” — человека не имеет, который опустил бы его в целительную воду. Лежит расслабленный, а Бог смотрит на него.

Под образом этого расслабленного можно разуметь все больное, расслабленное, бедное человечество, зараженное первородным грехом и ждавшее себе исцеления.

Томилось человечество, а Бог смотрел на него. Конечно, Своей всемогущей силой Бог мог в одну минуту переродить человечество, сделать его из грешного святым. Силен был это сделать Господь, но не допустила того Правда Божия. Нельзя было дать повод сатане упрекнуть Бога в несправедливости, для спасения человечества нужен был человек же. И долгие века люди ждали Этого Человека и томились, подобно Силоамскому расслабленному. Но вот пришел Богочеловек и искупил человечество, очистил его от первородного греха. А между тем мы опять заблудились, опять ждем человека,

который властно повел бы нас на источники воды живой.

Так томился и Гоголь и высказал это свое томление у Погодина. „Теперь-то я понял, чего вам надобно, Николай Васильевич, — говорит хозяин, — человека вам надобно, так ли?” — „Поняли, только теперь поняли? Не можете ли вы мне помочь? Можете ли указать такого человека?” — „Да! Такой человек есть!” — „Где же искать его?” — „Надо ехать в один монастырь...”

При этом слове Гоголь сразу нахохлился. „В монастырь? Да что можно услышать в монастыре? Бывал я в Италии у католических монахов, нет, не дали они мне удовлетворения”. — „И все-таки я вам повторяю — съездите в этот монастырь!” — „В монастырь, в монастырь... Ну хорошо, в какой же?” — „Он называется „Оптина пустынь” и находится в Калужской губернии. Это не так уж далеко от Москвы. Вы человек холостой, семьи у вас нет (известно, что Гоголь не женился) и при выдаваемой вам по приказанию Государя пятитысячной пенсии эта поездка не будет для вас непосильной. В Оптиной есть один старец, иеросхимонах Макарий, вот с ним-то вы и поговорите. Это и есть тот человек, которого вы ищете”. — „Макарий? Что-то я никогда этого имени не слышал”. — „Вот то-то и горе, что вы не знаете этого человека. Мало ли лиц вы видели, мало ли представителей искусства и науки встречали, сколькими художественными произведениями любовались...” — „Да, да, я был в Риме, был по совету своих знакомых в Дрездене, и что за чудные минуты пережил, рассматривая произведения старинных мастеров... стоял перед Мадонной Рафаэля”. — „Да и мало ли еще пришлось вам видеть, а гения иску-

ства из искусств, жизни по Боге, старца отца Макария не знаете!” — „Хорошо, слушаюсь вас, слышите? Поеду, положившись не на вашу ученость, а доверяя вашей искренности”. И поехал. И прибыл в Оптину.

Позже другой гениальный русский писатель, Толстой, тоже приезжал сюда, подходил к двери моей и другого старца — Иосифа — и ушел. Отчего? Что помешало ему войти в ту или другую дверь? Не гордыня ли его? Что может сказать какой-то старец — кому же? Льву Толстому, перед которым преклоняется весь мир? О чем ему говорить с этими старцами? Не мог он сломить своей гордости и ушел. Конечно, это только мое предположение, но кто знает, не близко ли оно к истине? Ушел. Куда? В вечность. Какую? Страшно сказать! Ах! И все это произошло, так сказать, почти на моих глазах...

Иначе было с Гоголем. Есть предание, что старец о. Макарий предчувствовал приход Гоголя. Говорят, он был в то время в своей келье (кто знает, не в этой ли самой, так как пришел-то Гоголь прямо сюда) и быстро, ходя взад и вперед, говорил бывшему с ним иноку: „Волнуется у меня что-то сердце. Точно что-то необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то”. — „Отче, что же может случиться такого необыкновенного?” В это время докладывают, что пришел Николай Васильевич Гоголь.

В Евангелии рассказывается, что при приходе эллинов к Иисусу Христу Он возрадовался духом и произнес: „ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем”. Так, вероятно, и старец Макарий предчувствовал великое прославление, но

не себя, а гениального писателя Николая Васильевича Гоголя.

„Проси!” — и Гоголь у старца, и начинается беседа. Без свидетелей проходила она, никем не записана, но Бог присутствовал здесь невидимо во время ее и Божественная благодать преобразила душу Гоголя.

Как бы желал я, да и вы, я думаю, не отказались бы послушать эту замечательную беседу великого старца с великим писателем. Вероятно, была она весьма содержательна и представляла величайший интерес. Старец Макарий обладал в высшей степени даром властного слова, и речи его оказывали громадное влияние на душу слушателя.

Выйдя от старца, Гоголь говорит: „Да, мне сказали правду, это единственный из всех до сих пор известных мне людей, кто имеет власть и силу повести на источники воды живой”. И Гоголь переродился, он сам говорил: „Пошел я к старцу одним, вышел другим”.

Гоголь хотел изобразить русскую жизнь во всей ее разносторонней полноте. С этой целью он начал свою поэму „Мертвые души” и написал уже первую часть. Мы знаем, в каком свете там отразилась русская жизнь: Плюшкины, Собакевичи, Ноздревы, Чичиковы, и вся книга представляет из себя душный и темный погреб пошлости и низменности интересов. Гоголь сам испугался того, что написал, но утешал себя тем, что это только накипь, только пена, снятая им с волн житейского моря. Он надеялся, что во втором томе ему удастся нарисовать русского православного человека во всей красоте, во всей чистоте.

Как это сделать? — Гоголь не знал. Около этого

времени произошло его знакомство с батюшкой Макарием. С обновленной душой уехал Гоголь из Оптиной, но не оставил мысли написать 2-й том „Мертвых душ” и работал над ним. Но потом, чувствуя, что ему не по силам воплотить в образах, во всей полноте тот идеал христианина, который жил в его душе, он разочаровался в своем произведении — и вот причина сожжения второго тома „Мертвых душ”.

Друзья и современники не поняли, что произошло с ним. Такой великий ум, как Белинский, только обругал Гоголя. Белинский тоже плохо кончил — вряд ли он спасен, так как был совсем неверующим, хоть и умер не в таком полном разрыве с Церковью, как Толстой. Умер Гоголь истинным христианином. Есть предание, что незадолго до смерти он говорил своему близкому другу: „Ах, как я много потерял, как ужасно много потерял...” — „Чего? Чего потеряли вы?” — „Оттого, что не поступил в монахи... Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит...”

Неизвестно, заходил ли раньше у Гоголя с о. Макарием разговор о монашестве, неизвестно, предлагал ли ему старец вступить в монастырь. Очень возможно, что батюшка Макарий и не звал его, видя, что он не понесет трудностей нашей скитской жизни... Монашество, сколько раз у нас заходила речь о нем, и всегда я советую, если уж самим не поступать в монастырь, то по крайней мере читать описания жизни святых монахов, преподобных. Они могут многому научить нас.

Когда-то раньше я говорил вам о своем гимназическом товарище. Учился он прескверно. Как-то гляжу, запустил он свои ручонки в волосы и весь

погрузился в чтение. Со свойственным мальчикам любопытством я стал заглядывать, что он читает. Запись с одной стороны, а оглавление с другой — не видно. Наконец, спрашиваю: „Что ты читаешь?“. — „А тебе что!“ — „Да интересно. Редкое это желание“ (он никогда ничего не читал). — „Отойди“. Ну, пришлось отойти. Позже, смотрю, кончил он читать, отложил книгу и задумался. Я подошел. „Что ты читал? скажи теперь?“ Он показал мне лист с заглавием. Гляжу — жизнеописания знаменитых ученых и художников. „Интересно?“ — спрашиваю. — „Очень! И знаешь, что? Я буду знаменитым ученым!“ — „Ну, брат, много захотел. Ты вот лучше уроки алгебры поаккуратнее учил бы, а то у тебя все двойки и единицы!“ — „Нет, это кончено, буду ученым!“

И что же? Начал хорошо учиться, кончил прекрасно, а потом, как я слышал, был, если и не великим, то одним из значительных наших ученых. Вот какое действие может оказать прочитанная книга — прочитал и переменился.

Так и на нас жития святых могут подействовать благотворно. В Прологе рассказывается следующее. В пустыне жил один подвижник. К нему пришли представители языческой школы стойков и стали спрашивать, что он делает в пустыне и в чем, по его мнению, заключается преимущество его жизни над жизнью людей их секты: „Ты постишься — постимся и мы, ты бодрствуешь — и мы не спим, ты нищ — и мы ничего не имеем, но мы занимаемся наукой, мы изыскиваем новые пути для человеческой мысли, а ты что делаешь? Какую ты приносишь пользу человечеству?“ — „Что я делаю? Ничего. Я охраняю свою душу от губельных помыслов“.

Не сказано в Прологе, как отнеслись к этому

ответу стойки, но старец в этих словах выразил всю сущность монашеского делания.

Охранить свою душу от помыслов — это трудное дело, значение которого даже непонятно людям мирским. Нередко говорят: „Да зачем охранять душу от помыслов? Ну, пришла мысль и ушла, чего же бороться с нею?” Очень они ошибаются. Мысль не просто приходит и уходит. Иная мысль может погубить душу человека, иной помысел заставляет человека вовсе повернуть на жизненном пути и пойти в совсем другом направлении, чем он раньше жил. Святые отцы говорят, что помыслы есть от Бога, помыслы от себя, то есть от своего естества, и помыслы от бесов. Для того, чтобы различать, откуда приходят помыслы, внушаются ли они Богом или враждебной силой или происходят от естества, требуется великая мудрость.

Часто принимая людей не на этой половине, а там, у мужчин, живущих вообще больше умом (женщина живет больше сердцем, чувством), мне приходится слышать жалобы на то, что мы переживаем теперь трудные времена, что теперь дана полная свобода всяким еретическим и безбожным учениям, что Церковь со всех сторон подвергается нападкам врагов и страшно за нее становится, что одолеют ее эти мутные волны неверия и ересей. Я всегда отвечаю: „Не беспокойтесь! За Церковь не бойтесь! Она не погибнет: врата адовы не одолеют ее до самого Страшного Суда. За нее не бойтесь, а вот за себя бояться надо, и правда, что наше время очень трудное. Отчего? Да оттого, что теперь особенно легко отпасть от Христа, а тогда — гибель”.

Те, кто последовали за Христом, преподобные Его, те и воцарятся с Ним. Но мы знаем других пре-

подобных, уподобившихся не Христу, а врагу Его, сатане. Вы, вероятно, знаете этих преподобных, если и не по произведениям их, то хоть по именам: все эти Ницше, Ренаны и прочие развратители нравственности, какая их участь? Да по всему уподобившись виновнику всякой мерзости, всякой нечистоты — дьяволу, они по смерти попадают в его власть, в силу русской поговорки: „Свой своему поневоле брат”, а послужившие Христу воцарятся с Ним: „Свой своему!” И теперь особенно легко отпасть от Христа и подпасть под власть темной силы. Идешь по улице — в окно выставлена книга, трактующая, ну хотя бы о Божественности Иисуса Христа. Помысел говорит: „зайди, купи книгу, прочти”. Хорошо, если человек не поверит этому помыслу, если сообразит, что внушается ему эта мысль сатаной, что книга эта ясно враждебна учению св. Церкви. А другой, смотришь, зашел, купил книгу, прочел да и повернул в другую сторону, отпал от Христа.

Где начало его падения? — в помысле лукавом. Да и Толстой не от помысла ли погиб? Ведь мог бы быть праведником. Известно, что он иногда спрашивал свою жену: „А что, Сонечка, ты бы сказала, если бы я вдруг поступил в монастырь?” Неизвестно, что ему отвечала Софья Андреевна, да и Толстой, вероятно, говорил это наполовину шутя.

Помните, у Гоголя в „Старосветских помещиках” Афанасий Иванович любит иногда попугать Пульхерию Ивановну и говорил ей, что он возьмет, соберется и пойдет с турками воевать. Пульхерия Ивановна отмахивалась от таких „страшных слов” мужа.

Как относилась к речам Льва Николаевича Софья Андреевна, мы не знаем, но жизнь Льва Николаевича

ча могла бы пойти совсем иначе, не послушайся он гибельного помысла. Явилась у него мысль, что Господь Иисус Христос не Бог, и он поверил ей: потом пришло в голову, что Евангелие написано неправильно — и этой мысли он поверил и перекроил по-своему все Евангелие, отпал от Церкви, уходил все дальше и дальше от Бога и кончил плохо. И он приходил когда-то сюда, был у батюшки Амвросия, вероятно, пришел под видом жаждущего спасения. Но батюшка Амвросий очень хорошо понял его, а Толстой заговорил с ним о своем евангелии. Когда Толстой ушел от батюшки, тот сказал про него только: „Горд он!” — и поверьте, этим словом охарактеризовал весь его душевный недуг. Толстой вернулся в гостиницу, а там жил в то время известный писатель Леонтьев. Они были между собой знакомы, и Толстой стал рассказывать Леонтьеву о своем посещении скита. Тот человек горячий, пришел в негодование и воскликнул: „Как могли вы осмелиться, граф, говорить со старцем о вашем евангелии?” — „А, так вы хотите на меня донести обер-прокурору? Ну что же, доносите! Посмотрим, что из этого выйдет!” Вот как его Толстой понял и в чем заподозрил.

Да и мало ли других случаев, когда с помысла начинается гибель человеческая. Вот, например, молодой человек любит девушку и начинает размышлять: „Мне она по душе, да и она, кажется, любит меня. Она рассчитывает выйти за меня замуж. Что же мне, жениться? Но тогда она мне будет в тягость. Я получаю такое-то содержание, теперь оно идет на меня одного, а тогда, после женитьбы, придется делиться с ней. Я лучше обману ее, возьму от нее все, а ее брошу, как выжатый лимон”. И если он еще

усомнится в своем замысле, тут какой-нибудь советчик найдется, который скажет, что понятия в нравственности условны, церковные заповеди не обязательны, что жизнь дана для наслаждения и надо брать у нее все, что она может дать. Жизнь — борьба за существование, надо жить для наслаждения и шагать через слабейших, не задумываясь, приносить их в жертву ради своего удовольствия. Вот и кончено. Удобная философия найдена — и человек бессовестно пользуется ею, доверчивостью другого лица, не задумываясь о предстоящих жертве страданиях.

Английский философ Дарвин создал целую систему, по которой жизнь — борьба за существование, борьба сильных со слабыми, где побежденные обрекаются на гибель, победители торжествуют. Это уже начало звериной философии, а уверовавшие в нее люди не задумываются убить человека, оскорбить женщину, обокрасть самого близкого друга — и все это совершенно спокойно, с полным сознанием своего права на все эти преступления. И начало всего этого опять в помысле, которому поверили люди, в помысле, что нет ничего запретного, что Божественные заповеди не обязательны, а церковные постановления стеснительны. Нельзя доверяться этим помыслам. Надо раз навсегда покорно подчиниться требованиям Церкви, как бы ни были они стеснительны. Да вовсе они и не так трудны. Чего требует Церковь? Молись, когда надо постись — это надо исполнять. Про Свои заповеди Господь говорит, что они не тяжки. Какие же это заповеди: — „Блажени милостивии...” ну, это еще мы, пожалуй, исполним: умягчится сердце наше и мы окажем милость, поможем бедным людям. „Блажени кротцыи...” — вот тут стоит высокая стена — наша

раздражительность, которая мешает нам быть кроткими. „Блажени есте, егда поносят вам...” — тут уж в нашем самолюбии и гордости почти непреодолимая преграда к исполнению этой заповеди — милость мы оказываем, пожалуй, даже справимся со своей раздражительностью, но снести поношение, еще добром заплатить за него — это уж вовсе невозможно нам. И вот преграда, которая отделяет нас от Бога и которую мы и перешагнуть не стараемся, а перешагнуть надо.

Где искать силы для этого? В молитве. Есть прекрасная книга, описывающая действие молитвы. Происхождение ее таково. В Старом Афоне жил один старец по имени о. Дезидорий. Когда там поднялись волнения, и жизнь русских иноков стала слишком тяжела и им грозили выселением с Афона, тогда произошло совещание русских афонцев о том, что делать. Голоса разделились. Некоторые предлагали обратиться в Лондон, к английской королеве с просьбой продать им земли в Австрии для устройства там новой обители. Но это предложение было отвергнуто, а остановились на другом, а именно переселиться на Кавказ. Здесь император Александр II пожертвовал безвозвратно участок земли и здесь основан был Новый Афон. В числе других иноков, переселившихся сюда, был о. Дезидорий. Но скоро шум общежития стал его тяготить и он удалился в горы Кавказа для безмолвия, удалился не самочинно, а с благословения старцев. Здесь он проводил поистине равноангельскую жизнь. Чем он питался, трудно сказать, был, кажется, у него огород, значит, овощи и вода служили ему пищей и питьем. Здесь познал он истинное счастье, которое состоит в общении души человека с Богом и кото-

рого напрасно ищут люди, гоняясь за скоропреходящими радостями мира сего.

Отец Дезидорий имел одного ученика, с которым и вел беседы о внутреннем делании, то есть об Иисусовой молитве. Когда о. Дезидорий умер, ученик похоронил его святое тело. Беседы их он постепенно записывал, и когда к нему пришел третий афонец, о. Венедикт, то нашел все эти беседы в рукописях. Ему пришлось в голову издать их, и с этим предложением приезжал он к нам в скит.

Не имея средств, достаточных для этого предприятия, я направил его к великой княгине Елизавете Федоровне, которая и доставила ему возможность издать эту прекрасную книгу. Несколько экземпляров ее есть у меня, и я могу дать кое-кому. Эту книгу надо прочесть несколько раз, чтобы вполне воспринять всю глубину ее содержания. Она должна доставить громадное наслаждение людям, имеющим склонность к созерцательной жизни. Дай Бог, чтобы чтение это принесло вам не только высокое духовное наслаждение, но также и помощь в деле спасения своей души. Аминь.

Б е с е д а

Когда Бог хотел дать людям законы, Он избрал между Собою и людьми праведного Моисея. И Моисей, чтобы беседовать с Богом, поднялся на гору Синай. Не с народом остался Моисей, но, покинув его у подошвы горы, поднялся один вверх. Зачем же сделал он это? Почему было не беседовать ему с Богом, оставаясь среди народа? — Думаю, что мешал ему сосредоточиться народ. Где народ — там

суета, а суета заглушает голос души человеческой, и трудно быть с Богом, оставаясь среди людей.

И мы, по примеру праведного Моисея, оторвемся от суеты и молвы людской, пойдём на Синай. Хорошо там! Хорошо быть с Господом! А на Фаворе со Христом Спасителем, пожалуй, ещё лучше. Так хорошо там было, что Апостолу Петру захотелось остаться там навсегда. „Господи, добро есть нам zde быти! Сотвори zde три сени...”

Хорошо на Фаворе. Вот и пойдём туда. И идут и шли туда многие люди. Кто до полу-горы добрался в этой жизни, кто немного поднялся, а кого смерть застала при начале подъёма. И все они Божии. Есть и такие, что тянутся к Фавору, хотят начать восходить на него, да так у них выходит, что шаг они делают вперед, да два назад, так и не хватает у них силы по-настоящему идти вперед. Но и этих спасает Господь. Силен Он покрыть немощь стремящихся к Нему людей. Силен Он перенести их не на два шага, а доведет человека до горы. Только бы двигаться, а не топтаться на месте, как топчутся рассердившиеся гуси. Бывает, что птицы эти, что-то по-своему болтая, топчутся на одном месте, не сходя с него. Так и люди некоторые. Так многие писатели, например, Пушкин. Бывали у него минуты просветления, рвался он к небу: и фантазия его приподнимала несколько над толпой, но привычка повиноваться своим страстям, жить для своего удовольствия притягивала его к земле. И как орел с перебитым крылом, рвался он к небу, но полз по земле... Страшно так жить! Нужно идти на Фавор. Но помнить надо, что один путь на Фавор — через ГОЛГОФУ, другой дороги нет. И, устремляясь к жизни с Богом, надо приготовиться ко многим скорбям... Аминь.

НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ МИТРОПОЛИТА ТРИФОНА*

Помню я, дорогой брат, батюшка, как вошел я в твою убогую келию в скиту. Вся обстановка ее состояла из деревянного стола, деревянного ложа без всякой подстилки, иконы и книги составляли единственное ее украшение.

Помню, как смиренно склонился передо мною на колени этот почтенный, седовласый послушник, принимая мое благословение, — я тогда был иеромонахом.

Помню, с какой радостью говорил ты о ските: „Мне здесь так нравится, так здесь хорошо и одного бы я желал, чтобы никогда отсюда никуда меня не переводили...” Прошли годы — и вот тебя посылают в японскую войну священником при отряде Красного Креста. Проездом через Москву ты был у меня в Богоявленском монастыре и просил благословить тебя иконой св. Пантелеймона. И снова склонил ты передо мной свою седую голову, принимая благословение.

Ты жалел, что уезжаешь из скита, но покорно подчинился воле Божией. „Что же, в скиту нам приходится бороться с врагами, которые во сто крат коварнее, хитрее и злее всяких японцев”, — говорил ты, понимая врагов нашего спасения.

Прошли годы войны и последовавших за нею событий 1905-го—1906-го годов. Измученный тем, что пришлось пережить за это время, я уехал в Оптинский скит на отдых и здесь снова встретился с тобою.

Сколько чудных вечеров провели мы в беседах!

* Митрополит Трифон (Туркестанов).

Какие ценные наставления ты мне делал, какие возвышенные речи вел! Драгоценна была для меня твоя дружба, дорогой брат батюшка.

И еще прошло время, проведенное тобою в неусыпных трудах на благо порученных тебе Богом душ — и вот в конце своей жизни пережил ты последнее испытание. Бог, испытав тебя, как некогда Авраама, и как от него Он потребовал принесения в жертву Себе единственного сына его, так и у тебя Богу было угодно взять любимейшее твое чадо, твой чудный благоуханный скит, который ты так благолепно украсил.

И поднялось против тебя целое море коварства, низкой злобы, клеветы и лжи — ты нес все терпеливо, безропотно, отдавая себя в волю Божию, и в конце всего оторвали тебя от возлюбленного тобою скита, перевели в новое место.

Недешевой ценой досталась тебе эта перемена. Надорвались силы, перегорели нервы, устало измученное сердце и ты ушел от нас, ушел туда — к Богу. А мы... мы остались одни.

Вспоминается мне, как на огненной колеснице возносился к Богу пророк Илия, а ученик его Елисей смотрел на небо и взывал: „Отец мой! Отец мой!“

Так и нам сегодня хочется воскликнуть: „Отец наш! Отец наш! На кого ты нас оставил? Что же мы будем теперь делать? Что ты нас оставил сиротами?“ (Владыка замолчал и заплакал. Вся Церковь рыдала и не сразу можно было продолжать.)

Низкий тебе поклон, дорогой брат батюшка, за твою любовь ко мне, за твои чудные беседы, за драгоценные наставления... А еще тебе земной поклон (Владыка поклонился в землю гробу) за

твоих духовных детей. Как пастырю мне прекрасно известно, какое море скорбей, сомнений и греха окружает современное человечество, знаю я, что часто люди доходят до бездны отчаяния, до самоубийства и потому-то знаю я, как драгоценны в наше время именно старцы — руководители, подобные почившему батюшке. В момент конечной гибели отчаявшемуся человеку является такой старец и говорит: „Погоди, не бойся, не приходи в отчаяние, еще не все потеряно, давай мне руку, я выведу тебя на дорогу, обопришь на меня, я поведу тебя, подниму твои скорби, помогу снова начать жизнь” — таким старцем был батюшка, он жил скорбями своих детей и сгорел в скорбях.

К вам обращаюсь, братие этой обители, может быть, подчас он казался вам суровым, может быть, вы встречали с его стороны суровый взгляд, неласковое слово и считали его недобрый и суровым, но верьте мне, архипастырским словом своим я вас заверяю, что искренно любил он вас и все делал, ища одного, — вашего блага и спасения наших душ.

Помолимся же об усопшем, да вселит его Господь во дворцы Свои, а его молитвами и нас помилует!”

+

*ПОСМЕРТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ**

Отлагая, наконец, все попечения мира сего, так угнетавшие и томившие дух мой, кратко скажу

* Старец Варсонофий скончался 1 апреля 1913 г.

мое последнее слово и мой последний завет дорогим бывшим моим духовным чадам.

И, во-первых, смиренно прошу: простите мне все мои вольные и невольные согрешения, которыми согрешил я против вас, и вас взаимно всех прощаю за все скорби и огорчения, которые подъял я через некоторых, по наущению исконного врага спасения нашего.

Веру мне имайте, святые отцы и братия, что все мои действия и желания сводились к одному — охранить святые заветы и установления древних отцов-подвижников и великих наших старцев, во всей Божественной и чудной их красоте, от разных глетворных влияний века сего, которых начало — гордыня сатанинская, а конец — огонь неугасимый и мука бесконечная!

Может быть, плохо исполнил я это — каюсь в том и повергаю себя пред благостью Божией, умоляя о помиловании. А вас всех, возлюбивших меня о Господе, прошу и молю — соблюдайте мои смиренные глаголы. Не угашайте духа, но паче возгревайте его терпеливо молитвою и прилежным чтением святоотеческих и священных писаний, очищая сердце от страстей.

Лучше соглашайтесь подъять тысячу смертей, чем уклониться от Божественных заповедей Евангельских и дивных установлений иноческих. Мужайтесь в подвиге, не отступайте от него, хотя бы *весь ад восстал на вас* и весь мир кипел на вас злобой и прещением и веруйте: „Близ Господь всем, призывающим Его, всем призывающим Его во истине”. Аминь.

ПИСЬМА НЕИЗВЕСТНОГО СВЯЩЕННИКА ИЗ ССЫЛКИ СВОИМ ДУХОВНЫМ ЧАДАМ

Нам не удалось доподлинно узнать фамилию автора этих писем, не удалось и узнать, в каком храме он служил. По всей вероятности, он погиб, как многие сосланные и арестованные священники, в 20–30-е годы. Высота его духовного устроения, запечатленная в этих замечательных посланиях к своей пастве, внушает нам надежду, что Господь не оставит его Своей милостью и вселит его душу в селения праведных. Будем же молиться о рабе Божиим иерее Сергии, как молимся мы о новомучениках Российских.

ПИСЬМО 1-е

Слава Богу за все! В день Казанской иконы Пр. Богородицы, в конце ранней литургии начался наш первый осмотр в больнице. В день преподобного Феодора Студита нас отправили на курорт. Вижу в этом великое знамение Божие на всех нас: Мать Божия благословила начатие нашего дела: преподобный удостоверил правильность нашего пути. Не скорбите, а радуйтесь, ибо в испытаниях мы не оставлены небесной помощью. Тем более не скорбите за меня: Господь из сутолоки великой призывает меня на служение „единого Единому”. Это в равной мере необходимо мне и вам, ибо вся моя жизнь в вас, без вас нет в ней смысла. Не скорбите и о себе,

ибо у вас еще остается величайшее, чего лишены многие, в том числе и я: богослужение храмовое; берегите его. Вот вам моя заповедь, вам, не только моим детям, но и друзьям: берегите богослужение, берегите священнослужителей ваших, родных по духу, связанных с батюшкой крепкими узами преемственности. Не ищите нормального духовного руководства, не такое сейчас время. И не найдете, если и найдете, то на мгновение. Переключайтесь друг на друга, назидайтесь друг от друга, укрепляйтесь друг другом, утешайте друг друга. „Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов”. Помните, что можете остаться совсем без иереев Божиих. Исключительность данного положения (сохранение священнослужителей и подготовка к дальнейшим испытаниям) заставляет меня, отца вашего, поставить вас временно на путь сокращения подхода к исповеди и Святому Причащению. Иного выхода нет, примите это как волю Божию. Обычно причащались 2 раза в месяц и праздники, теперь один раз в месяц и праздники великие. Готовьтесь тщательно к тем дням, когда будете приступать к Святой Чаше. Это даст вам новую, еще не ощущавшуюся вами радость. Пишу вам, „другом своим”. Богомольцы не вместят пищевого, вы же поймете меня, ибо я пишу вам рукою отца, жалея вас и понимая, чего я вас лишаю. Доверьтесь мне, исповедуйтесь у любого служащего у нас священника, помните, какое сейчас время. Молитесь за меня. Как ни радостно принимаю я свое изгнание, но и я — человек, и часто без слез и душевного волнения не могу переживать здесь праздники и особенно вечера пятницы и воскресения. Молитесь за меня в эти „мои дни”, как молились вы до сего времени. Я чувствовал

ваши молитвы. Молитесь за меня, чтобы дал мне Господь силы для нового служения Ему, ради вас и от вас. Вы же все в моем сердце, и стали еще ближе, еще дороже. Простите меня за все злое, содеянное мною в мимошедшее десятилетие совместной с вами жизни. Поручаю вас всех Божией Матери, нашим святым угодникам Божиим и друг другу. От всего сердца поздравляю вас с наступающим великим праздником Рождества Христова. Храни вас Господи, молитвами Пречистыя Своея Матери, предстательством св. Ангелов, иже во святых отец наших Николая, архиепископа Мирликийского чудотворца, святителей московских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, преп. Сергия Радонежского, Феодосия Тотемского, Феодора Студита, Алексия человека Божия. Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПИСЬМО 2-е

Уже не я, отец ваш, а ныне иереи Божии совершают с вами, детьми моими, вхождение во святой Великий Пост. „Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, и что не во власти идущего давать направление стопам своим”, но по-человечески хотелось именно этот пост, пост обновления моего иерейства, когда Минея сочетается с Триодью, как в год посвящения, провести в родной моей покаяльной семье. Чувствуете ли вы, мои милые, как утренюет дух мой ко храму нашему, и как вечер и завтра, и полудне устремляется душа моя к каждому из вас? С вами соединил меня Господь. Я не-

достойный, паче всех грешнейший, но я пастырь, и сердце мое истощается, истощается до основания в разлуке с вами. Вы мое дыхание, вы моя жизнь, вы мое радование. Вы не заслоняете мне Господа, а показываете; вы не отдаляете Его, а приближаете. Через вас познал Господа, в вас Он открылся мне; с вами и от вас возносил молитву Ему; служа вам, служил Ему, видел по образу Божию созданную вашу красоту, возносился к Его неизреченной доброте; знал ваши грехи, оплакивал свои согрешения, видел ваше исправление, посрамлялся перед Ним и просил Его помощи в исправлении моей грешной жизни. Словом, многими годами через вас и вами шел к Нему. Вы мой путь ко Христу. Как же теперь пойду без вас? С глазами, полными слез, шепчу молитву: „Да будет, Господи, воля Твоя и на мне грешнем”. Не забывайте меня! Помните, чему учил вас, хотя и недостойно. Главное, пребывайте в единении духа, в союзе мира. Помните, что и вам, пока еще входящим, предстоят исходные песни. Вернитесь каждый к своему делу, забудьте, что разделяло, объединитесь в исходе. Мало ли что с вами — конец венчает дело. Изойдите, как один, измывшись и очистившись. Облегчите мой крест радостью вашего покаяния. Как мог, учил ему, хотя и недостойно, и самый радостный день для меня всегда вхождение в пост, день падения Адамова. Вот когда особенно видел я в вас Господа. Помолитесь за меня в этот великий день, попросите за меня и у батюшки прощения. Верю, что нет на земле пространственной дальности. Христос силен и расстояние собрать в соединение. В этот день будем духом вместе, и вы, уходя из дома Божия, припадите к моим преподобным, земному моему Ангелу и его помощнику и

моему покровителю, прося их принять ваше покаяние. Господь же обновит мою память, и я отсюда благословляю каждого. Вы же простите тогда припадающего к вашим стопам, просящего у вас прощения отца вашего, грешного и недостойного иерея Сергия.

Молитвами Пречистыя, преблагословенныя, славныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии и предстательством отца нашего Николая архиепископа Мирликийского чудотворца, святителей московских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ерогена, преподобных Сергия игумена Радонежского чудотворца, преп. Феодосия Тотемского чудотворца, преп. Серафима Саровского чудотворца, пр. Пимена Великого, пр. Феодора Студита и св. ангелов хранителей ваших да пребудет на вас благословение Господне.

ПИСЬМО 3-е

Вместе со всей тварью в эту спасительную ночь веселюсь я и радуюсь, яко Христос воскрес и ад пленился. В духовном восторге, обратившись в сторону родного нашего храма, украшенного теперь цветами, сияющего светом, наполненного ликующим пением вашим, осеняю, как бывало раньше, вас, родных моих, милых сирот святым крестом всем существом своим: „Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес!“

По-новому встречаю великий праздник: в одиночестве как грешник величайший, глубже чувствую радость Воскресения, но нет во мне обычной пастырской полноты, всегда ощущавшейся мною в этот день. Поэтому стонет сердце, слезят вежды! Хрис-

тос Пасха прииде, вас же, детей моих, нет со мной. Не все поймут меня в этом, но вы поймете. Чувствую, что и у многих из вас сейчас на глазах слезы. Да и как не плакать нам в нарочитый сей день друг о друге? Мы не только покающаяся, но и богослужebная семья. Я не только отец ваш, но и предстоятель церкви нашей, вы не только дети мои, но и сослужители. В нас редчайшая полнота, почти не встречающаяся — полнота покаяльно-богослужebной семьи. Я не нахожу ни в себе, ни в богослужении моего и вашего, — все переплелось, все составило новый организм, соборно совершающий служение духовной семьи. Я жил вами, вы мной, все вместе — через Божию Матерь, святых угодников наших и приснопамятного батюшку — во Христе. Разве можно нас поделить? Скажите, где мои уста, где ваши, где мое сердце, где ваше, что в храме делалось мною, что вами? Чем я был для вас, пусть скажет сердце каждого. Я же скажу о вас: вы мои уста, вами возносил я за богослужением свои грешные молитвы, вы мое сердце: вы годами складывали в меня „своя тайная”, и я все знаю, что недостойно слагал в своем сердце. Теперь оно расширено вашими сердцами, и невозможно определить, что мое, что ваше. Вы моя душа: давно живу вашими радостями, вашими скорбями; в лучшие свои минуты чувствую, что иной жизни во мне нет. Теперь взяли у меня мои уста, мое сердце, вынули мою душу. Как же не сознавать мне, что по грехам нашим и прежде всего моим, естественнейший наш Союз Божиим велением пространственно рассекается. Скорбя о вас, плачу в сей день величайший о грехах своих и по-новому раскрывается для меня богослужение Пасхи. До сих пор оно было богослужением рая; теперь это — бо-

гослужение рая, в котором еще возможно покаяние. Детство и юность и первые годы священства прошли у меня с батюшкой. Через него воспринимал я святую Пасху. Богослужение батюшки, вообще особенное, не укладывающееся в обычные формы пения и чтения, на Пасхе становилось исключительным. Оно, при всей своей простоте, достигало такой высоты и выразительности, что зажигало, потрясало, умиляло до предела. Приемы нашего теперешнего богослужения — лишь слабый отблеск его пламенной души. Помните, как он христосовался, помните, как он читал Евангелие, помните, как он произносил слово Иоанна Златоуста? Еще ребенком, присутствуя при батюшкином богослужении, я поражался тем, как поет он икос Пасхи. Сам не понимая отчего, я дождался икоса с таким же трепетом душевным, как первого „Христос Воскресе”, как слова Иоанна Златоуста, как пасхального Евангелия. Батюшка пел его особенно, в самом напеве своем раскрывающем смысл и подчеркивающим значение тех или других выражений. Ликующий и радующийся в эту ночь, он вдруг как бы уходил глубоко в себя, и я чувствовал, что вся внутренняя его рыдает и оплакивает при словах: „О Владыко, восстани, падшим подай воскресение”. Кого оплакивает — Спасителя? Нет, нет теперь я знаю кого — себя падшего... Икос — замечательная покаянная песнь среди ликующего пасхального канона. Важнейшая песнь канона, кондак, раскрывает наивысший смысл праздника. Икос всегда дополняет и углубляет кондак. И вдруг: кондак утверждает воскресение Христово, как победу над смертью: „Аще и во гроб сошел еси Бессмертне, но адову разрушил еси силу и воскресл еси яко победитель, Христе Боже, женам мироноси-

цам вещавый радуйтесь, и Твоим Апостолом мир даруяй, падшим подай воскресение”. А икос, вместо углубления радости воскресения, возвращает нас к оплакиванию тридневного Мертвеца: „О другини! приидите вонями помажем тело живоносное и погребенное, плоть Воскресившаго падшаго Адама, лежащую во гробе. Идем, потщимся якоже волсви, и поклонимся, и принесем мира яко дары, не в пеленах, но в плащанице Обвитому, и плачим, и возопиим: о Владыко! восстани, падшим подай воскресение”. Разве место такому песнопению в центральной части пасхальной утрени? Это вне обычных законов богослужения. Как же можно плакать, когда уже изречено Ангелом: „Престаните от слез”? Как же молить Его „восстани”, когда Он уже воскрес из мертвых? Только душа истинно кающегося постигает это странное и преславное песнопение. Ликует и веселится ныне Сион, и все, в брачных одеждах, входят в него вместе с Иоанном Дамаскиным и прочими святыми встречать Жениха-Христа, восставшего из гроба. И у меня внутри начинается радость, и у меня воссиявает свет, но одежда моя черна и раздрана. Господи, я еще не связан, я еще не извержен от Ангел, я еще с ними, я еще в раю. Но я вижу сам раздранную одежду мою первую. Я могу еще здесь покаяться, я вижу блаженство праведных, я вижу, что воскрес для них Христос. Вот я и плачу и взываю вместе с мироносицами: „Владыка, восстань и для меня и мне падшему подай воскресение”. Наивысшая точка торжества годового круга — кондак Пасхи — переходит в наивысшую точку покаяния годового круга — икос Пасхи. Икос Пасхи — это фокус, собравший среди ликования горнего Иерусалима все покаяние поста и освещающий в

свою очередь покаянным светом отсюда, с Сиона, весь дальнейший богослужебный круг. Покаянным воплем прерываются пасхальные гимны, воплем, доходящим до глубины кающегося сердца, и открывается в нем, в сердце, рай. Как новое, слышу теперь, сейчас же: „...прощения и оставления грехов и прегрешений наших у Господа просим... прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати... добраго ответа на страшном судищи Христове просим...” Слезы, покаянные слезы душат меня, а в душе растет, растет радость воскресения не только Его, но и меня падшего.

ПИСЬМО 4-е

Отцы мои! Господа ради друг от друга не разлучайтесь, поелику ныне, в предбедственное время, мало найти можно, дабы с кем по совести и слово-то сказать.

Федор Свирский

Детям моим, вкупе пребывающим и в рассеянии находящимся, в день преподобного Сергия, семейного праздника нашего, шлю благословение Господне. Никогда не забыть мне проводимых с вами дней памяти моего угодника Божия. Они, положенные в основу моего устройства, останутся навсегда для меня, как дни исключительной пастырской радости и сугубо переживаемой пастырской скорби. Маленький ручеек любви моего тесного, не изведенного на широту сердца едва струился в течение года вам навстречу; вы же, родные мои, в эти дни буквально

заливали меня могучим потоком сердечной теплоты. Бережно охраняемая, она и сейчас согревает мое охлаждающееся в одиночестве сердце. Как благодарю теперь Господа, пославшего вас на пути моем! Помню, как смотрел на вас, отовсюду ко мне собравшихся, — сколько среди вас людей, одаренных дарованиями духовными, сколько преуспевающих в своем делании. Все вы несете совершенно исключительный подвиг открытого служения Христу, в труднейших жизненных условиях, с непрерывным пребыванием в храме Божиим. А я, последний из иереев Божиих, живших, живущих и имеющих когда-либо жить, и я оказываюсь пастырем вашим, ко мне приходите вы с таким благоговением и такою любовью. Чувствовали ли вы, что мне, всегда за счастье считавшему пребывание с вами, в этот день хотелось убежать от вас, скрыться от всех полных любви взоров, отовсюду на меня направленных. Обличаемый каждым вашим благодарным словом, каждой приносимой просфорой, стоял я, бывало, в великом смущении и сознании своего ничтожества. Это была моя, внутри переживаемая, глубоко покаянная скорбь. Вместе с ней и радость наполняла мою душу: я видел свою семью, несущую единые уста и единое сердце к отцу своему, хотя и не начинавшему пути покаяния, хотя по лености души и многосуетности жизни не вступившему еще как должно на обновление своего сердца, но все же к отцу своему родному, в котором дети нашли близкое, дорогое, к отцу, которого они понимают и который старается их понять. Это был праздник семьи. В душе по-особенному звучали слова степенна пр. Феодора Студита: „Се ныне что добро или что красно, но еже жити братии вкупе, в сем бо Гос-

подь обеща живот вечный”. Наступают часы, которые обыкновенно проводили вместе. Осиротела семья; остался один отец! Сегодня не придете ко мне, не увижу вас, не преподам вам отеческого благословения. Земно вам кланяюсь и благодарю за ту полноту пастырства, которую дали вы мне вашей любовью. Знаю, что исполняя заповедь Господню, вы относились так к моему убожеству духовному, покрывая терпением недостатки мои. Да исполнится над вами ее обетование: да благо вам будет и да долголетны будете на земле. В дни душевной тоски моей по храму и сослужившим мне в нем детям моим, попали мне на глаза строки старца Амвросия о кресте в жизни человеческой. Большое утешение дали они моему скорбящему сердцу. Хочу передать их вам, родные мои: креста для человека (т. е. очистительных страданий душевных и телесных) Бог не творит. И как ни тяжок бывает у иного человека крест, который он несет, а все же дерево, из которого он сделан, всегда вырастает на почве сердца его. Указывая себе на сердце, батюшка прибавлял: „дерево при исходищах вод, — бурлят там воды (страсти)”. — „Когда человек, — говорил еще старец, — идет прямым путем, для него и креста нет, но когда отступит от него и начнет бросаться то в ту, то другую сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его опять на прямой путь. Эти толчки и составляют для человека крест. Они бывают, конечно, разные, кому какие нужны”. Эти золотые слова хочется начертать на скрижалях сердца каждого из вас, родные мои. Носите их в себе, чаще заключайте в них свой ум, перейдут тогда они в вашу совесть, и увидите в ней, в домашнем судилище вашем, по-

чему поднялся на почве сердец ваших личный ваш крест, каковы исходища вод, произрастившие страдания в нашей покаяльной семье. Вот уж скоро год, как отец ваш не совершает божественной литургии, вот скоро год, как отдален от душ ваших. Верую и исповедую, что на грехах моего сердца вырос этот крест. Стараюсь теперь найти, при исходищах каких вод израсло сие спасительное для меня древо. Пересматриваю всю свою жизнь от юности до настоящего дня и часа и особенно дни священнического служения. Прошу вас, окажите любовь, помогите мне в этом великом для меня деле переоценки моей жизни: вы совершаете каждодневно вместе с иереями вашими божественную литургию, прошу вас, каждый со своего места за проскомидией не забудьте поминать и мое имя. Скоро год, как я и вы не имеете в среде своей предстоятеля и отца духовного, а это для многих из вас не малый крест. Умоляю вас, последуйте отцу вашему. Войдите во внутреннюю клеть и при свете старческих слов разберите каждый жизнь свою. Найдите в ней источник нечистоты, вызвавшей необходимость очистительных страданий, вам ниспосланных; пересмотрите и отношение к покаяльной семье своей. Не вы ли грехами своими привели ее к разделению? понимали ли по-настоящему, что такое покаяльно-богослужebная семья? сознавали ли, как добро и красно жить в ней вкупе? исполняли ли свои обязанности по отношению к ней и отдельным ее членам? Или связанные с отцом, вы зачастую отделяли себя от семьи, не служили ей, осуждали ее, поносили ее, забывая, что это наша общая семья. Пусть самая последняя из семей Господних, но наша. Господь сочетал в ней нас воедино; в ней мы родились духовно, в ней

воспитались, в ней купно живем, с ней, не иначе, пойдём и туда, к Богу. Зачем мне обличать вас в чем-нибудь в день, когда душа полна вами, когда хочется вам, стремящимся ко мне, дать слова утешения. Пойдемте лучше к великим и Величайшему и поучимся у них отношению к духовной семье. Прислушайтесь, родные, к словам моим, которые говорю от лица Господня. Господь наш Иисус Христос, пришедший на спасение всех, Сам имел на земле покаяльно-богослужебную семью — апостолов Своих. С ними молится, их поучает, с ними входит в Иерусалим на страдание, с ними совершает величайшее новозаветное таинство, Свою Тайную Вечерю. Апостолы, призванные Господом, связанные с Ним лично, были сразу и в отношении друг к другу. Что же преподал Он им в установление взаимных отношений? — *Принимать семью как Божию*, от руки Божией им посылаемую: „Не о всем мире молю, но о тех, их же дал еси Мне, яко Твои суть”.

Пребывать с ней в единении: „Отче Святыи, соблюди их во имя Твое, их же дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы” (Ио. 17, 11).

В любви: „Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, якоже возлюбих вы, да и вы любите себе. О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою” (Ио. 13, 34—35).

В служении: „Вы глашатаете Мя учителя и Господа и добре глаголете, есмь бо. Аще убо Аз умых ваши нозе, Господь и Учитель, и вы должни есте друг другу умывати нозе. Образ бо дах вам, якоже Аз сотворих вам и вы творите” (Ио. 13, 13—15). „Болий в вас да будет яко мний, и старей яко служай” (Лук. 22, 26).

В желании непрестанного с ней пребывания в сем

веке и грядущем: „Отче, их же дал еси Мне, хочу, да идеже есмь Аз и тии будут” (Ио. 17, 24).

Принятие семьи своей от руки Господней, пребывание с ней в единении, в любви, в смирении, как следствие этого — венец отношения к ней — желание непрестанного купножития с ней в сем веке и в грядущем — вот основы заповеданного нам пути Христом Спасителем. Так шли и великие. Моисей получил семью свою, народ израильский, от руки Господа. Он не оставляет его и в тот момент, когда карающая десница Господня поднялась для уничтожения Израиля за поклонение золотому тельцу. Пребывая до конца в служении народу своему, он чувствовал, что не может быть с Богом без него. „Прости им грехи их, а если нет, то изгладь и меня из книги жизни, в которую Ты меня вписал”.

Павел, призванный для устройства новой Господней семьи „народов языков”, держит в своем сердце и первую, данную ему Богом от рождения, — Израиля. Страдая за него, апостол достигает такой высоты служения ему, что готов ради его спасения сам быть отлученным от Христа: „Истину глаголю о Христе, не лгу, послушествующей ми совести моей Духом святым, яко скорбь ми есть велия и непрестающая болезнь сердцу моему. Молил бых ся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти, иже суть Израилите” (Римл. 9, 1—4).

Преподобный Феодор Студит в служении семье, непрестанном купножитии с ней видит путь приобретения к вечной жизни: „се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе. В сем бо (т. е. в этом житии вкупе) Господь обеща живот вечный”. Там у Господа прекратится всякое отшельничество, там

вместе в братстве Господнем соберутся служившие Ему во всякое время и во всяком месте на земле нашей. Для того, чтобы пребывать вкупе там, надо поучиться жить вкупе тут. Единение с семьей, любовь к ней, служение ей и желание непрестанного купножития с ней звучат в последнем тропаре 9-й песни канона, воспетого преп. Феофаном мученику Феодору начертанному: „Пение Владыце принося отче и мольбы не престай о моей немощи, о сообитании и братстве, яко да вкупе поживши, улучим вкупе и обожение!” Не обо мне, не о моей немощи только молись, но и о сообитании (с кем на земле непосредственно вместе живу: наставник, ближайшие сподвижники), и о всем братстве, ибо неполнота будет там, если у Господа будем только с тобою без сообитания, даже если будем с сообитанием, но без всего братства.

Дети мои! ведь и наша семья от Господа, принимаем ли мы ее от руки Всевышнего? Находимся ли с ней в единении, в любви, пребываем ли в служении ей? Молитесь Господу, просите Его чтобы снял Он с вас тесноту замыкания в себе, чтобы получили вы расширенное сердце. Он изведет вас на широту и даст вам пространство.

Тогда не глазами плоти, а очами сердца увидите вы собранных Господом вокруг вас чад Его, вашу семью, а в ней наиболее близких — ваше сообитание. И запоется в вашем сердце, как бывало в день преподобного Сергия в моем: „Се ныне что добро или что красно, но еже жити братии вкупе”.

Любите семью, служите ей, как учил нас батюшка.

Пресвятая Владычице Богородице, св. отче Николае, святой отче Алексие, преп. отче Феодосие,

преп. отче Пимене, преп. отче Феодоре, преп. отче Сергие, св. Алексие человеце Божий, пение приносяще Владыще, не престайте о моей немощи, о сообщении и братстве. Яко да вкупе поживше, улучшим вкупе обожение. Благословение Господне да пребудет над всеми вами.

ПИСЬМО 5-е*

На закрытие храма

Страдальцам моим бездомным шлю благословение на вхождение в Великий пост.

Чувствую, что давно уже ждете от меня слов утешения, но уста мои сомкнулись и во мне самом уныл дух и смутилось сердце. Небо наше земное заключилось для нас. Как же не плакать, как не сетовать, как не скорбеть?

„Препояшьтеся в ретищем и плачьте, священники! рыдайте, служители алтаря! войдите, ночуйте во ретищах, служители Бога моего! ибо не стало в доме Бога вашего хлебного приношения и возлияния” (прор. Иоиль 1, 13).

Созданная по образу Божию человеческая природа в радости и особенно страданиях стремится быть вместе с подобными себе. „Не добро быти человеку единому на земле, сотворим ему помощника по нему”, сказано Творцом еще в начале человеческой истории. Сам Господь наш Иисус Христос в скорби Своей смертельной, молясь в саду Гефсиманском до пота кровавого Отцу Своему и укрепляемый ангелом, по-человеческому ищет подкрепления у близ-

* Это письмо в некоторых списках приписывается священнику о. Сергию Мечеву.

ких, любимых, с которыми совершал путь Своего земного служения: „Прискорбна есть душа Моя до смерти! пождите здесь и бдите со Мною”.

Грешный и малодушный, подкрепляемый постоянно вашими молитвами, вашим горением, вашим сослужением в храме, ныне одинокий и оторванный особенно чувствую свое ничтожество и тесноту. К тоске по храму прибавилась бесконечная тоска по вас и сознание своей великой вины перед каждым. Страдания ваши и лишения стояли неотступно перед глазами моими. Я не находил ни в чем успокоения себе подобно Езекии: „Как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал, как голубь; уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! тесно мне, спаси меня” (пророк Исаия 38, 14).

Знаю, что молитесь за меня вы, и молитвы ваши, в такой скорби возносимые, дошли до Господа, и явил Он мне грешному Свою милость. Покаянные песнопения коснулись и моего унывающего сердца, а слова великого подвижника дали надлежащее направление моим страданиям.

„Кто без молитвы и терпения хочет победить искушения, тот не отразит их, а более в них запутается” (Марк подв. 1—189).

Вся внутренняя потянулась к Господу. Он, только Он может помочь мне, ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает; Он наказует и Он врачует (Иов 5, 18).

„Твой есмь аз, спаси мя”. „Исцели душу мою, яко согреших Тебе”. И в ответ опытно открылись в сердце моем слова древнего мудреца:

„Не предавайся печали душею своею и не мучь себя мнительностью, ибо печаль многих убила и пользы в ней нет” (Премуд. сына Сирах. 30, 22—25).

„И управь сердце твое и будь тверд во время по-

сещения, все, что ни приключается тебе, принимай охотно, и в превратности твоего уничтожения будь долготерпелив” (Премудр. сына Сирах. 11, 24).

При умножении страданий моих в сердце моем, утешения Твои, Господи, стали веселить душу мою. По молитвам вашим исполнились на мне слова Псалмопевца: „При умножении страданий моих в сердце моем, утешения Господни стали веселить душу мою” (Пс. 93, 19). Теперь с Его помощью могу и для вас написать слова утешения и этим хоть немного умерить ваши страдания.

Суд Божий совершается над Церковью русской. Не случайно отнимается от нас видимая сторона христианства. Господь наказует нас за грехи наши и этим ведет к очищению. Совершающееся неожиданно и непонятно для живущих в миру. Они и теперь еще стараются свести все к внешним, вне Церкви лежащим причинам. Живущим же по Богу давно все было открыто. Многие русские подвижники не только предвидели это страшное время, но и свидетельствовали о нем.

Не во внешнем усмотрели они опасность для Церкви. Они видели, что истинное благочестие оставляет даже иноческие обители, что уходит дух христианства неприметным образом, что наступил уже самый ужасный глад — глад слова Божия, что имеющие ключи разума и сами не входят и возбраняют вход другим, что при кажущемся внешнем благоденствии монашество, а затем христианство при последнем издыхании. Оставлен путь опытного делания, путь по которому прошли отцы древности и который запечатлен ими в их писаниях. Тайны сокровенной жизни нет, и научиться ей негде, ибо „оскуде преподобный и умалися истина от сынов

человеческих”. Извне уже началось гонение на Церковь, и нынешнее время напоминает первые века христианства. Святитель Филарет московский неоднократно в беседах с близкими ему по духу указывал, что давно уже в России наступило время, подобное гонению первых веков, и плакал о детях, которым, по его словам, придется испытать худшее. Предвидение нашего времени особенно ярко сказалось у двух святителей, особенно много потрудившихся в изъяснении слова Божия — у святителя Тихона Задонского и у епископа Игнатия Брянчанинова. „Ныне почти нет истинного благочестия, а одно лицемерство”, — определяет святитель Тихон современное ему состояние Церкви и предсказывает удаление христианства неприметным образом от равнодушных к нему людей, чтобы христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось неприметным образом от того человечества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий. Столетием позже святитель Игнатий Брянчанинов говорит о монашестве и Церкви, и так определяет их положение:

„Живем в трудное время — оскуде преподобный от земли, умалися правда от сынов человеческих, наста глад слова Божия, ключи разумения у книжников и фарисеев, сами не входят, возбраняют вход другим. Христианство и монашество при последнем издыхании. Образ христианского благочестия кое-как, наиболее лицемерно поддерживается, от силы благочестия отреклись, отверглись люди; надо плакать и молчать” (Пис. с. 15).

Видя в монашестве барометр духовной жизни всей Церкви, он так свидетельствует о его состоянии:

„Дело православной веры можно признать приближающимся к решительной развязке. Падение монашества значительно, совершившееся неминуемо. Одна особенная милость Божия может остановить нравственную всегубящую эпидемию — остановить на некоторое время, потому что надо исполниться предреченному Писанием” (Пис. с. 245).

„С сердечным сокрушением смотрю на неминуемое падение монашества, что служит признаком падения христианства” (Пис. с. 251).

„Времена, чем далее, тем тяжелее, христианство как дух, неприметным образом для суевающейся и служащей миру толпы, — очень приметным образом для внимающего себе, удаляется из среды человечества, предоставляя его падению его. — Сущие во Иудее да бегут в горы” (Пис. с. 118).

Многие из подвижников XVIII—XIX веков смотрели на время своей жизни, как на предбедственное для Церкви Христовой. Не нужно забывать, что все это говорилось во времена полного внешнего благополучия. Не только существовали, но и благоустроились монастыри, основывались даже новые обители, строились новые храмы, расширялись, украшались прежние, открывались мощи святых угодников. Народ русский прославлялся как хранитель чистоты православия и истинного благочестия. Никому и в голову не приходило, что Церковь тяжело страдает и развязка не за горами. Иначе смотрели познавшие Царство Божие, имевшие Его в сердце своем. С сокрушением сердечным смотрели они на окружающую их среду и, не находя в ней жизни Христовой, предрекали грядущую катастрофу. „Одна особенная милость Божия может оста-

новить ее на некоторое время”, — говорил епископ Игнатий Брянчанинов.

И милость Божия остановила. Перед угасанием светильник вспыхнул ярче. Так произошло и с русской Церковью. В последний век истинный свет Христова делания возжегся в некоторых обителях иноческих и из них, как раньше, во времена Антония и Феодосия Печерских и преп. Сергия Радонежского, перекинулся в мир. Снова обратились к забытому уже давно пути опытного Богопознания, которым шли великие и величайшие.

Некоторые обители с Оптиной пустынью во главе не только собирают, переводят, изучают, издают святоотеческие требования, но на их опыте строят почти наново монашеское делание. Епископы Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник не только „деяньми” читают древних подвижников, но вносят сами великий вклад в духовную отеческую литературу, опытно познанным ими изложением основ христианского делания. Непонимаемые, осмеиваемые, обвиняемые за якобы новшества, идут иноки на борьбу за святоотеческий опыт против обмирщения христианства. Монашество снова получает дух, огонь возжигается там, где недавно тлела искра. Заброшенные творения Отцов делаются настольными книгами. Учителями жизни становятся иноки древних Египетских, Фиваидских, Палестинских, Сирийских пустынь. Пламя деятельного христианства новой твари перебрасывается от иноков в мир. Многие тянутся к обновленным обителям с введенным в них старчеством и через них приобщаются к опытному подвижническому пути. Пастыри-иереи приходят к инокам, и от них получив святоотеческий огонек, приносят его в свои храмы. Изменяется ха-

ракти церковной проповеди. Творения Отцов звучат с церковной кафедры как жизнь, а не как назидательное прошлое. Мир приближается к монастырю, разрушается между ними средостение. В храмах в основу кладется уставное богослужение с широким участием в нем способных к этому верующих. Покаяние делается основой жизни. Возникают покаяльные семьи с непрерывным освящением в таинствах. В корне изменяется строй приходского прежнего бытового христианства с хождением в храм и ежегодным причащением.

Со времени преподобного Сергия не было еще такого оживотворяющего сдвига. Казалось, делание духовное, начавшись так дружно, расширится по всей земле нашей.

Но иными путями повел Невесту Свою Жених церковный — Сам испивший чашу смерти, Он и ей предлагает очистительные крестные муки.

Вот она, оплеванная, заушенная, поруганная, возводится на Голгофу и обнаженная пригвождается ко кресту. Для верных чад ее открывается путь исповедничества, мученичества, а главное, величайших скорбей и величайших лишений.

Спросили однажды скитские отцы авву Исхириона: „Что сделали мы?“ и он ответил: „Мы соблюдали заповеди Божии“. Отцы спросили: „Что сделают те, которые непосредственно последуют за нами?“ Он ответил: „Они будут иметь делание вполнину против нашего“. Отцы опять спросили: „А те, которые будут после них?“ — „Эти, — ответил авва, — отнюдь не будут иметь монашеского делания, но их постигнут напасти, и они, подвергшись напастям и искушениям, окажутся больше нас и отцов наших“.

Особые скорби, небывалые нашествия — удел наших дней. В покаянии и преодолении их — смысл нашей жизни. Отъятие видимой стороны христианства — главнейшее из всех лишений; изгнание, заточение, горькие работы — ничто по сравнению с ним. Это отъятие храмов, по слову Божию, можно было бы предотвратить покаянием.

„Обратитесь ко Мне сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь ко Господу Богу вашему, ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив и сожалеет о бедствии. Кто знает, не сжалится ли Он и не оставит ли благословения, хлебного приношения и возлияния Господу Богу вашему?“ (Иоиль 2, 12–14).

Но где мы слышали всеобщий призыв к покаянию? где видели архипастырей и пастырей неотступно у жертвенников проливающих реки слез и подвижающих к тому же народ свой? (Иоиль 2, 17).

Дипломатические таланты архиереев поставили выше слова Божия, на них возложили надежду, в них положили свое спасение. Ложно хотели сохранить царство истины.

И посмеялся Господь над ними и до конца изливает гнев Свой. Не перед нашими ли глазами отнимается „от дома Бога нашего веселие и радость“ (Иоиль 1, 16). Истощают, истощают до основания видимую сторону Церкви.

Дети мои, суд Божий совершается. Покаянно припадем ко Господу и найдем в себе силы сказать с пророком:

„Гнев Господень я буду нести, потому что согрешил перед Ним, доколе Он не решит дела моего и не совершит суда надо мною; тогда Он выведет

меня на свет, и я увижу правду Его” (Прор. Михей 7, 9).

К принятию нового образа спасения призывает нас Господь. Множество храмов рукотворенных, благолепно украшенных было открыто столетиями. И в то же время множество храмов нерукотворенных в мерзости запустения пребывали заключенными. Ныне храмы, воздвигнутые руками человеческими, разрушаются, но в покаянной тоске по ним поднимаются храмы, созданные руками Божиими. Огоньки смиренного мученичества вслыхивают повсеместно, особенно на далеких окраинах. Голодные, оборванные, дрожащие от холода, изолированные от мира, на голой земле, на снегу или в случайных избах, без гробов и священнического напутствия умирают иереи, иноки и верные. В покаяльных храмах отходящих душ их возносится ими молитва за грехи всей Церкви, возлюбившей внешнее паче внутреннего и обряд больше духа Церкви, не нашедшей в себе даже в годину исключительных бедствий целительных слез покаяния.

Искорки терпеливого исповедничества мерцают всюду, от Ледяного океана до раскаленной пустыни. В покаянном плаче молятся открывшие терпением обстоятельств свои сердечные храмы, изгнанные за служение в храмах Божиих! Войдем, родные, и мы в клеть душ наших, войдем в храм наш душевный, посвященный Господу еще в момент крещения и освященный Им в момент первого причащения. Храм этот наш, никто никогда не сможет его разрушить, кроме нас самих. В нем мы каждый — иерей и кающийся. Жертвенник его — сердце наше, и на нем мы можем приносить всегда на слезах наших великое таинство покаяния. Трудно нам, запустившим наш

храм невидимый, жившим храмом видимым принять от Господа новый путь спасения. Восплачем и возрыдаем, но не слезами отчаяния, а слезами покаяния, примем все как заслуженное. Разве не Господь посылает это? Разве лучшие из нас не вступили давно на этот путь? Надолго или совсем — Одному Господу известно — уходит от нас видимая сторона христианства.

Станем добре, станем со страхом Божиим.

Маленький родной дом Божий! сколько радости чистой, неземной получали мы через тебя. Иерусалиме наш земной, возводящий нас непрестанно к горнему Сиону! Много раз навернутся на глазах наших слезы при воспоминании о нашем земном рае.

„Если я забуду тебя, Иерусалиме, да будет забвенна десница моя. Прильпни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю тебя как время веселия”.

Большая чуткость духовная дана вам от Господа. Сердце ваше привело вас не туда, где блистало великолепие службы, где звучали изысканные мелодии, где раздавались искусные проповеди. В маленький убогий храм вошел в свое время каждый из вас, в нем почувствовал правду святоотеческого пути. В наступившую было весну Церкви русской вы явились делателями в ее винограднике. С каким самоотвержением отдали вы свою молодость, свои зрелые годы, свои старческие силы на устройство храмов жизни покаяльной семьи нашей.

Вы не только живые свидетели, но и участники последнего озарения угасающего по Воле Божией светильника Церкви русской.

В грядущем страшном испытании Церкви Христовой молю Господа, Его Пречистую Матерь и свя-

тых угольников наших, чтобы они явили вас истинными делателями виноградника Христова.

Родные мои, явим себя во всем как служители Божии, в великом терпении, в нуждах, в тесном обстоянии, под ударами, в немощах, в изгнании, в трудах, во бдении (2 Кор. 6, 5).

Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собой.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

„Блюдите, да не презрите единого от малых сих”.

Помните ли вы эти слова Христовы, думали ли вы, что они относятся прямо и непосредственно к вам?

Разве мало у вас этих „малых сих”, которых надлежит вам блюсти?

Разве мало у вас сыновей, дочерей, от которых вы льете горькие слезы?

Разве мало развратных дочерей ваших и сыновей воров и хулиганов?

Много, много вы льете слез над ними. Отчего же это? Оттого, что не помните этих слов Христовых: „Блюдите, да не презрите единого от малых сих”.

Когда тяжело вам становится от того, что творят ваши дети, тогда вы плачете, тогда вы Богу молитесь, чтобы Он помог вам.

А молитва ваша остается бесплодной. Почему же бесплодной?

Потому что нельзя на Бога возлагать своих собственных обязанностей, потому что вы сами должны были заботиться о детях ваших и воспитывать их, а не ждать, что за вашим нерадением за вас исполнит это Бог.

Если слуга ваш не радеет о своем долге и ждет, чтобы вы сами исполнили его, то разве вы станете

работать за него, разве не разгневаются на нерадивого слугу?

Что же вы хотите от Бога, если сами не радуете о детях ваших?

Св. Иоанн Златоустый сказал страшные слова о тех, которые не воспитывают детей своих:

„Родители, которые пренебрегают воспитывать детей своих по-христиански, незаконнее детоубийц, ибо детоубийцы тело от души разлучили, а они душу и тело ввергают в геенну огненную”.

Тяжкий, тяжкий ответ даст перед Богом каждый из вас, кто не заботится о воспитании детей, такой тяжкий ответ, какой изображен в Библии, в Первой Книге Царств, где рассказывается о благочестивом первосвященнике еврейском Илие, который пятьдесят лет был судьей народа израильского. При нем находился, ему служил св. пророк Самуил, тогда еще только отрок. И однажды, во сне, этому святому отроку Господь повелел возвестить первосвященнику Илие, что его ждет страшная кара Божия за то, что не радует он о детях своих.

А дети его были священниками и нечестием своим озлобляли народ и отвращали его от Бога.

Когда приносили евреи мясо животных для принесения в жертву Богу, тогда слуги этих нечестивых священников выбирали лучшие куски мяса из котла, в котором оно варилось для жертвоприношения, и отдавали этим нечестивым священникам. Даже сырое мясо отбирали они, а на требование принесших сперва сжечь тук на жертвеннике, отвечали: если не отдашь, силой возьму.

Видя это и народ отвращался от жертвоприношений.

За такое нечестие Господь покарал не только

этих священников, но и самого первосвященника Илию.

Было нашествие филистимлян на землю израильскую, и во время ожесточенного боя этот 98-летний старец сидел на седалище у храма в ожидании известий с поля битвы.

И прибежал к нему взволнованный, покрытый пылью вестник и сказал ему:

„Сыновей твоих убили, а Ковчег Божий взят в плен”.

Услышав эту весть, первосвященник упал навзничь, сломал позвоночник и умер тяжелой смертью.

А Господь возвестил, что наказание будет продолжаться над всем родом его.

Вот видите, как это страшно, — весь род его подпал под наказание за то, что первосвященник Илий не удерживал сыновей своих от тяжких грехов.

Это грозит каждому из вас, кто будет нерадеть о воспитании детей своих.

А о тех, кто всем сердцем стремится воспитывать детей в благочестии, вы слышите на каждой утрени в Псалме 102-м такие благочестивые слова:

„Милость же Господня от века и до века на боящихся Его и правда Его на сынах сынов, хранящих завет Его и помнящих заповеди Его творити я”.

Во веки веков благословение Божие на тех, кто воспитывает детей своих в благочестии. Скажите, что будет с несчастною дочерью вашей, которая в юности предается разврату и потом выйдет замуж и родит детей? Будет ли благословение Божие на ней и на всей земле ее?

Нет, нет. Это вырастет неблагочестивый богопротивный род. Во веки веков будет тяготеть проклятие Божие над теми, кого не воспитали вы в духе

христианского благочестия. Подумайте, как это страшно, какую тяжкую ответственность несете вы перед Богом, если не воспитываете детей своих в нравах христианских.

Как же должно их воспитывать? Так, как воспитывали своих детей древние христиане, христиане первых веков. Они с самого раннего детства приучали детей к молитве, храму, постам, к таинствам церковным. *Когда учили их грамоте, то учили по книгам святого Писания.* Они никогда не позволяли ребенку сесть за стол и начать еду без молитвы. Они внушали детям то, что каждое дело, каждый шаг христианина должны начинаться крестным знаменем и молитвой. Когда учили они детей своих, то заботились не только об образовании общем, о мудрости языческой, об обучении философии, музыке, искусствам. Нет, совсем другому учили они их. Научая детей своих, они руководствовались глубоким, святым правилом:

„Того почитали несчастным, кто знает все и не знает Бога. Того блаженным, кто знает Бога, хотя бы и не знал ничего другого”.

Не думайте, что этим запрещается вам учить детей ваших всем светским наукам. Нисколько. Величайшие отцы наши и учителя Церкви сами в молодости очень усердно предавались изучению всей мудрости научной, философской. Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоустый были высокообразованными людьми своего времени. И вашим детям надлежит быть образованными, учеными. Но только важно, чтобы их обучение и воспитание не ограничивались только одной мудростью светской, мудростью мира сего. Чрезвычайно важно, чтобы наряду с этим они познавали высшую правду и

истину, чтобы научались они закону Божию и заповедям Христовым, чтобы приучались к постоянному благочестию, чтобы они, изучая науки, всегда помнили о Боге, о заповедях Божиих, о пути Христовом. Тогда, и *только* тогда они не заблудятся на пути мудрости человеческой, только тогда будут ставить выше всего мудрость христианскую, познание Бога.

Так надлежит вам учить детей ваших.

А как же должны вы воспитывать их, насаждать в них высшую нравственность христианскую?

Прежде всего, *вашим примером*, ибо дети воспитываются именно примером родителей своих. Скажите, вырастут ли людьми чистыми и хорошими дети, которые в лице родителей своих видят самые дурные примеры безнравственности? Будут ли чисты и целомудренны дочери ваши, если вы сами подаете пример прелюбодеяния? Будут ли чисты, неспособны к воровству дети ваши, если вы не будете останавливать их от этого с самых юных лет?

Когда сыновья ваши воруют и опустошают огороды, рвут чужое, не оставляют созреть плоды в садах, и когда приходят жаловаться на них, то матери спокойно отвечают, — ну что же, дети малые, что же с них спрашивать? Господь спросит с вас! Спросит грозно, зачем позволяли детям вашим воровать с самого юного возраста, зачем не учили заповедям Божиим, зачем не внушили отвращения и презрения к воровству и хулиганству?

Тяжкий ответ дадите вы перед Богом за всякий соблазн, который видят в вас дети ваши, за все ссоры, ругательства, пустословие, драки, которые

происходят на их глазах. Если сами так поступаете, то чему научите детей ваших?

Великий учитель вселенский, величайший из церковных ораторов, Иоанн Златоустый, вот какие чудные слова сказал о родителях, которые не учат детей своих добру, а поощряют дурные свойства их, страсти и нечестие:

„Ведь вы как будто намеренно стараясь погубить детей, приказываете им делать только то, что делая, невозможно спастись. Вот посмотри прежде всего:

„*Горе*, сказано, *смеющимся*”, и вы подаете детям множество поводов к смеху. „*Горе богатым*”, а вы только о том и стараетесь, чтобы они разбогатели; „*горе егда добре рекут вам вси человецы*”, а вы часто тратите все свое имущество из-за славы людской; „*поносящий брата своего повинен есть геенне*”, а вы считаете слабыми и трусливыми тех, кто молчаливо сносит обидные речи от других. Христос повелевает отвращаться брани и распри, а вы постоянно занимаете детей своих этими злыми делами. „*Любяй душу свою*, сказал Господь, *погубит ю*”, а вы всячески вовлекаете их в эту любовь; „*аще не отпускаете*, говорит Он, *человеком согрешений их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам*”, а вы даже попрекаете детей, когда они не захотят мстить обидевшим. Христос сказал что любящие славу, постятся ли, молятся ли, подают ли милостыню, все это делают без пользы; а вы только и стараетесь о том, чтобы ваши дети получили славу.

И худо не это одно, что вы внушаете детям противное заповедям Христовым, но и то еще, что доброе хулите, называя скромность необразованностью, кротость — трусостью, справедливость —

слабостью, смирение — раболепством, незлобие — бессилием.

Вы склоняете их к таким делам, за которые Иисус Христос определил неизбежную гибель; вы о их душе, как о чем-то ненужном, небрежете, а о том, что действительно излишне, заботитесь как о необходимом и важнейшем.

Вы все делаете, чтобы был у сына слуга, конь и самая лучшая одежда, а чтобы он сам был хорош, об этом подумать не хотите; нет, — простирая до такой степени заботливость о древе и камнях, души не удостаиваете и малейшей части такого попечения. Все делаете, только бы на доме стояла чудная статуя и кровля была золотая, а чтобы драгоценнейшее изваяние — душа — была золотая, об этом и помыслить не хотите”.

Как говорил св. Иоанн Златоустый в древние времена, 1500 лет назад, так нужно сказать вам и теперь, ибо разве и теперь не воспитываете вы детей своих так же плохо, не внушая им страха Божия? Разве не прилагаете все заботы к тому, чтобы детям своим дать как можно лучшее положение в жизни, чтобы поставить их в ряды власть имущих, богатых и сильных? Разве не внушаете детям вашим, что в деньгах сила, что нужно приобретать большие знания ради богатства и обеспеченной привольной жизни?

А разве *это* нужно? Нужно как раз обратное. Нужно детям вашим внушать презрение ко всему этому — к деньгам, богатству, славе, высокому положению в обществе. Нужно привить им любовь к чистоте, святости, благочестию. А об этом как раз всего меньше вы заботитесь.

Маленьких детей надо начинать воспитывать с

самых пеленок, ибо только в самом юном возрасте дети легко поддаются всякому научению. Их душа мягка, как воск, на ней отпечатывается все, что хотите отпечатать на ней — как ваши дурные примеры, так и благочестивые слова и всякий светлый и чистый пример.

Древние христиане с самого юного возраста приучали детей к молитве и чтению Св. Писания. А теперь говорят — разве это детское дело, заниматься псалмами? Это дело монахов и стариков, а детям нужно веселье и радость. Забываете вы, что св. Тихон Задонский сказал так просто:

„Малое деревце, куда наклонишь его, туда и будет расти; новый сосуд будет издавать тот запах, каким напитаete вы его, вливая в него или смрадную жидкость или ароматную и чистую”.

Вот, если в душу малого ребенка вы будете вливать всякий смрад, она будет всегда смрадной. Если будете вливать аромат Христова благоухания, то всегда будут ваши дети благоухать перед людьми, будут радостью и утехой для вас.

Примером вашим воспитывайте детей. Об этом прекрасно сказал славный проповедник русский, архиепископ Харьковский Амвросий. Послушайте, какие простые, проникающие в душу слова сказал он:

„Когда ни один член семейства не может остаться без вечерней и утренней молитвы, — когда отец не выходит из дома на свое дело, не помолившись перед св. иконами, и мать ничего не начинает без крестного знамения, — когда и малому дитяти не позволяют дотронуться до пищи, пока оно не перекрестится, не приучаются ли этим дети просить во всем помощи Божией и призывать на все благословение Божие, и веровать, что без помощи Бога нет безо-

пасности в жизни, а без Его благословения нет успеха в делах человеческих?

Не может остаться бесплодною для детей вера родителей, когда они, при нужде и бедности, со слезами на глазах говорят: что делать? буди воля Божия; при опасности: Бог милостив; при трудных обстоятельствах: Бог поможет; при успехе и радости: слава Богу, Бог послал.

Здесь всегда и во всем исповедуется Божья благодать, Божие промышление, Божие правосудие.

Мать, предмет всей любви и нежности дитяти, стоит с благоговейным выражением лица и молится перед иконой Спасителя: дитя смотрит то на нее, то на образ — и не нуждается в длинных объяснениях того, что это значит.

Вот первый безмолвный урок богопознания. Вот первый и самый важный урок благочестия. Такие уроки можете и должны вы всегда и во всем подавать детям вашим.

Вы должны беречь детей от всего, что нечисто, дурно. Вы должны дочерей удерживать от чтения нецеломудренных, сладострастных романов, должны требовать от них, чтобы они читали с разбором, должны удерживать их от пустых зрелищ, не позволять всегда развлекаться и постоянно бегать по кино и театрам. Вы должны приучить их к тихому и трудовому домашнему житью.

А еще не должны вы забывать о том, что нельзя воспитать малого ребенка, никогда его не наказывая. Должны вы помнить о том, что величайшую ошибку делают те родители, которые влюблены в своих маленьких детей, любят ими, все прощают, никогда не наказывают. О таких сказал премудрый Сирах: „Лелей дитя и оно утрашит тебя”.

А вот что говорит наш великий святитель Тихон Задонский:

„Юнии ненаказанные и в возраст пришедшие суть как кони необученные и свирепеющие. Посему, христиане, любите детей своих и наказуйте их. Пусть они ныне болезнуют телом, пока молоды, дабы и по себе ты не болезновал о них сердцем. Пусть они плачут от тебя, чтобы не плакал ты от них и о них. Впрочем, умеренность во всем похвальна и потребна”.

Нужна умеренность в наказании, по слову святителя. Нельзя наказывать детей с раздражением, со злобой, с ненавистью. Нужно наказывать спокойно, любя, тогда дети почувствуют эту любовь, они почувствуют, что заслуживают наказания, и тогда наказание будет с пользой и их исправит.

О таком наказании детей многие из вас не думают и оставляют ненаказанными не только маленькие, но и тяжкие проступки — даже воровство, хулиганство, даже распутную жизнь молодых девушек.

Видите, какие огромные задачи перед вами стоят в деле воспитания детей, видите, как святы обязанности матерей. Нет более важной обязанности, нет более тяжелой ответственности перед Богом для матери, чем доброе воспитание детей. Перед Богом дадите тяжкий ответ, и на все потомство навлекете гнев Божий, если не будете радеть о воспитании детей своих. И будете мучиться и плакать, плакать, глядя на них.

Итак: „Блюдайте, да не презрите единого от малых сил”. Всегда заботьтесь о них, всегда подавайте им чистые святые примеры благочестия, и тогда Господне благословение будет от века и до века на детях ваших и на вас самих.

В ПОИСКАХ СВЯТОЙ РУСИ

*Из писем А. Н. Руднева к В. И. Леоновой**

Два тома писем Алексея Николаевича Руднева к Вере Ивановне Леоновой, написанных в течение шести лет, с 1913 по 1919, составляют более четырехсот страниц.

Кто отыскал, кто собрал эти письма, как попали они в Самиздат, нам неизвестно. Но нам понятно, почему они привлекли внимание того, кто стал их добровольным „издателем”.

Эти два тома, бережно перепечатанные и переплетенные, являют собой поразительное свидетельство о религиозной жизни русского интеллигента на переломе двух эпох.

Алексей Николаевич Руднев (рождения 1880 г.) в отличие от своих современников — авторов „Вех” — не пережил ни того трагического разрыва с Церковью, ни благодатного возвращения к ней. Он не отпадал от Церкви, вера была ему дарована с детства. Среди его родственников были священники и дьяконы, среди предков — пономари, псаломщики, звонари. Отец его, которого он очень рано лишился и не помнил, работал корректором в Синодальной типографии.

* В „Надежде” публикуется та часть писем, которая представляется нам наиболее существенной для характеристики отдельных сторон церковной жизни начала XX века.

Это была семья, жизнь которой текла в русле православного традиционного благочестия.

Однако же русская религиозность в ее традиционных формах знает и другие типы благочестия. И неслучайно в этой части „Надежды” соединены два свидетельства о русской религиозности — письма игумении Усть-Медведицкого женского монастыря матери Арсения (помещенные в разделе „Жизнь во Христе”) и письма А. Н. Руднева.

Мать Арсения и Алексей Николаевич были людьми образованными. Жили они в одно время. И оба сумели, по всей вероятности, неведомо для себя оставить нам память о двух направлениях, двух типах православного благочестия, которые в своем роде характерны не только для их времени, но и в целом для русской религиозной идеи. Матушка Арсения являет собой пример высокой духовности, молитвенного подвига, Алексей Николаевич представляет собой тип мирянина, воспитанного русской православной Церковью, жизнь которого, в отличие от матушки Арсения, несет на себе явное „разделение Христом”.

В Алексее Николаевиче было больше внешнего, больше развита связь с внешним. Он и показал это внешнее, окружавшее его, приметы своего времени. И показал, как были связаны меж собой на „переломе времен” русский „средний интеллигент” и православная Церковь. Здесь, как мы увидим, духовное подчас подменялось душевным, реальность Христа — религиозными экзотикой и эстетикой. Поэтому, если письма матери Арсения нам представляются сочинениями духовного плана, то письма А. Руднева являются скорее историческим (и ценнейшим для нас!) документом. Ценность его со-

стоит в том, что у автора был собственный, не навязанный большинством, модой, поветрием угол зрения. Письма его чрезвычайно достоверны. Да и как им не быть таковыми? Ведь писались они по свежим, только что прожитым впечатлениям. А Руднев к тому же человек редкостной искренности. И читая его письма, невольно вспоминаешь Макара Девушкина из „Бедных людей” Достоевского...

Руднев не разыгрывает роль ни умудренного житейскими передрягами учителя, ни разочарованного страдальца. Он пишет о себе Вере Ивановне: „Я скуп”. Не хвалясь, не огорчаясь, просто констатирует такой факт. Он не скрывает своей непрактичности, неумения справиться с житейскими осложнениями, рассказывает о случаях невыполнения им различных просьб (по неумелости), о том, что когда в Москве стреляли, за хлебом ему с мамой и другим соседкам „сбегала” полковничья дочка, а не он, Алексей Николаевич, человек 37 лет, мужеска пола. У него и мысли, видно, никогда не появляется, что о чем-то можно умолчать, а что-то приукрасить. Не щадя в письмах себя, неужели он будет щадить события.

Он показал свою эпоху, маленький отрезок времени — с 1913 по 1919 год.

Торжества, посвященные прославлению Святителя Ермогена, похороны В. Ф. Эрна, „знаменитая пятница” в октябре 1917 г. и следующая за ней неделя, посещение монастырей и кладбищ, описание известных и неизвестных могил, мысли о единении интеллигенции с народом, о „неиспорченных” и так называемых сознательных представителях народа, о незнании людьми подлинного церковного мировоззрения, о необходимости духовного общения, о

прежней душевной цельности и нынешней дробности, о благотворном влиянии на человеческую личность церковной службы, о противоположности культурной и христианской жизни, мечта написать историю Святой Руси „позднейшего времени” (это, так сказать, круг интересов, то, что волновало Руднева и его друзей в те баснословные времена) — обо всем этом пишет Алексей Николаевич. И о многом другом: о странниках и странницах, иконах, настенной живописи, быте духовенства прошлых времен, семейных преданиях, беспоповцах, о замыслах П. Мансурова, юродивых, о Леонтьеве, Розанове, теософии, декадентстве, футуризме и т. д. и т. п.

Ренессансом были религиозным те годы, о которых писал Руднев, или упадком? Если смотреть с „высоты” нашего времени, то не то что ренессансом, а прямо-таки расцветом.

Ну, а если без „высот”, то все же, наверно, упадком. Все уже сдвинулось в известном направлении. Усталость сквозит во многом. И в храмах — Руднев пишет — народу стало заметно меньше.

Временем углубляющегося разделения были эти годы. Обилие кружков, наверно, свидетельствует и об этом — о разделении. Общество Вл. Соловьева, Кружок ищущих христианского просвещения, Златоустовский, Иоанно-Богословский, кружки Попова, Саломатина — иные из 4-х членов.

Руднев мечтает о будущем Общества Ортодоксофилов. Его воображению рисуется шествие немногих адептов. Откуда же взять многих! — восклицает он с сожалением. И тихо добавляет сокровенное: да и как-то интимнее так. Наверное, главное для него — это свое, личное, можно даже сказать ревнивое отношение ко Христу, к Церкви, к ее святым, к

подвижникам. У него были свои любимые храмы, и даже не храмы, а любимая служба в этом храме, и даже не служба, а — к любимому образу подойти. К обряду он относится эстетически, хочется даже сказать эстетски: пришел специально к выносу плащаницы, был на омовении ног, идет на архиерейскую службу. Себя и таких, как он, называет празднoлюбцами, то есть, конечно, не любителями праздности, но любителями праздников.

Его симпатии и антипатии порой необъяснимы. Он не мог побороть в себе предубеждения против Дурылина и — большой консерватор в канонической области — явно благоволил к такому обуреваемому духом реформаторства епископу, как Антонин Грановский. Или, может быть, „умеренному республиканцу” (или „консервативному либералу”?) Рудневу епископ стал близок после своих выступлений против цензуры? Впрочем, политика Алексея Николаевича совсем не интересовала.

У него свой взгляд на историческую „ценность” исторических событий. Для него ничто — роспуск Государственной думы, в его письмах нет мгновенного отклика на начало первой мировой войны. Он продолжает писать так, словно ничего не изменилось. Реакция возникает постепенно и постепенно обостряется, когда возникает „угроза” призыва в армию для его друзей и для него самого. Он, понятно, не пораженец, но и патриотический взрыв — явление для него чуждое.

„Забывает” Руднев откликнуться на февральский переворот и на октябрьский. Правда, не исключено и то, что виной этому — его свехосторожность. Он ведь с опаской подходит к телефону, называет в письмах февральскую революцию „событием”,

намекает на что-то с помощью упоминания суриковской картины „Меньшиков в Березове” и т. д. В общем гипотеза о сверхосторожности вполне основательна. Впрочем, основательна ли?

Умирает внезапно его мать. Это для Алексея Руднева не только потеря самого близкого на земле человека, это и жизненная катастрофа. Он ведь был очень болен, болезнен и слаб физически (ужас перед призывом — не проявление трусости, но реальная самооценка), ему нянька была нужна, сам за собой ухаживать он не мог — просто не умел.

И вот об этом-то — по смерти мамы — Алексей Николаевич тоже пишет не сразу, заметно спустя, когда и эта смерть стала уже прошедшей, прошедшим. Может, роковые события ему надо было пережить в себе, о д н о м у, прежде чем он мог обрести способность описывать их?

Не нужны были ему грандиозные катаклизмы. Он не искал бури, потому что в бурях для него не было покоя. Ему нужно было, чтоб ничего не изменялось, чтобы все было, как в детстве, так же благовестили церкви, так же ходить с крестным ходом вокруг Кремля, так же бывать на омовении мощей... Ах, ну конечно, какие-то изменения необходимы. Вот, скажем, идет старец-митрополит с преднесением креста (новость для Москвы) — это славно.

И уже в декабре 1917 г., как будто ничего не произошло, не изменилось, ортодоксофилы собираются у Алексея Руднева почитать Полигения, интересный папирус, Георгия Плифона, Виссариона Никейского.

Но как же много все-таки увидел этот странный человек с длинными черными волосами и бородкой, украшавшими его одухотворенное лицо, скромный

библиотекарь семинарской (на филфаке), а потом фундаментальной университетской библиотеки, знаток (и преподаватель) греческого языка, изучавший его под руководством Сергея Ивановича Соболевского, почитатель неоплатоников, православный человек, возлагавший надежды на республику, поклонник русской старины и Чаадаева (в наше время это кажется несовместимым) в своих письмах к самоотверженной, добронравной и интеллигентной (высшие женские курсы Герье) дочери владельца кондитерского предприятия — Вере Ивановне Леоновой.

Последнее из имеющихся у нас писем Алексея Николаевича к Вере Ивановне помечено 1919 годом. А 16/29 января 1920 г. сорока лет от роду он умер. Говорят, от чахотки. Но говорят еще и так: жизнь без маминых забот была для него непосильной. Вера Ивановна похоронила Алексея Николаевича Руднева. Она пережила его на 20 лет и скончалась в день высоко чтимого ею Преподобного Серафима Саровского 2/15 января 1940 года. Она никогда не выходила замуж.

1913 год

19 апреля 1913 г.

Вас беспокоит моя холодность, глубокоуважаемая Вера Ивановна: очень признателен Вам за Ваше сочувствие. Но не беспокойтесь очень об этом; я ведь сам не огорчаюсь и не унываю. От чего происходит эта холодность. Думаю, что, главным образом, от той суеты, от которой я не могу освобо-

даться даже в великие дни, — прежде всего по той причине не могу, что занятия у нас в библиотеке бывают и на Страстной неделе, в понедельник и во вторник, так что я прямо от обедни прохожу туда и домой возвращаюсь только часам к трем. А посетителей за два дня было не мало: наши студенты любят заниматься и часто посещают библиотеку; отсюда — разговоры и лишние впечатления, тогда как в эти дни и часы следовало бы уединиться и углубиться в себя. Остается одна великая среда; да и в этот день, придя от обедни, я застал у себя двух студентов, а третьего приняла еще до меня мама. Опять лишние впечатления. Дурного в этом приеме студентов, конечно, ничего нет, — как нет, собственно, ничего дурного и в моей университетской „веселости”: но... старец о. Амвросий Оптинский мог шутить безопасно для своего „устроения”, которое у него было уже твердо, а я терплю урон от „молвы житейской”. Мало я борюсь со своей впечатлительностью, неуравновешенностью и этим не даю укорениться тому настроению, которое нужно для возникновения и поддержания религиозного чувства. В скит какой-нибудь уехать на Страстную неделю я не могу, во-первых, вследствие университетских занятий, во-вторых, — не выдержу долгого скитского богослужения, в-третьих — еще хуже себя расстрою поездкой по железной дороге: при моем беспокойном характере я и на Сокольническое шоссе к о. Кедрову не решусь ехать в *такие дни*. А вот летом это можно бы делать, уже после всех занятий, когда „утишатся вся чувства”, как сказано в молитвослове. Но, пока что, углубляться в себя и следить за движением своей души все же нужно; такого рода внутреннее делание, мне думается, укрепит и

наше мирозерцание. А ведь оно прекрасное у нас, мирозерцание нашей святой Православной Церкви, глубокое, широкое, разнообразное — в меру, не в ущерб единству и цельности! Когда подумаешь о ее — *собственно ее* писателях — святых отцах и учителях, о ее поборниках и защитниках в новое время — славянофилах: Киреевском, Хомякове, Самарине, Аксаковых, К. Н. Леонтьеве, В. С. Соловьеве (оставляя в стороне его сочувствие католицизму), да если еще к ним присоединить Кохановскую, Апполона Григорьева, Н. Н. Страхова... как радостно становится на душе, как расширяется сердце! А на наших глазах — их преемники: С. Н. Булгаков. Вл. А. Кожевников, Н. А. Бердяев, М. А. Новоселов... Но как их, все-таки, мало, и будут ли, в свою очередь, у них сотрудники, продолжатели, преемники? Конечно, неложен „божественный, любезный, сладчайший глас” Жениха Церкви: „Аз с вами во вся дни до скончания века”; но как жаль, что в наши дни слишком многие уходят из (или — от) ограды церковной и устраиваются самостоятельно: ведь, думается, без Церкви — жизнь не жизненна, как выражались греки, — а тем не менее что-то отвлекает многих от нее, хочется многим на какой-то будто бы простор... А наше церковное направление им кажется отчасти узким, отчасти устарелым... Но не следует вспоминать об этом в радостные дни Пасхи; лучше — еще несколько слов о жизненности и полноте церковного мировоззрения. Помоему, единение с народом, — желанное для всех (с неиспорченной частью народа, конечно, а не с „сознательными” элементами!), возможно именно только на почве Церкви (если это единение должно быть глубоким, внутренним, а не механическим;

ведь на этой почве все одинаково дорого и любезно и нам, образованным людям, и им, „простым“: и истины веры, и церковная внешность, и юродивые, и странники, и крестные ходы, и колокольный звон... Помню, однажды летом провожал я какой-то крестный ход по Никольской: день был солнечный, впереди — лес кремлевских хоругвей, за ними — духовенство с архиереем, — а с колоколен Богоявленского, Заиконоспасского и Греческого монастырей¹*, столь близко друг к другу расположенных, — веселый, громкий звон... Шла подле меня простая старушка; сперва взглянула на меня несколько раз, должно быть, хотела узнать, могу ли я сочувственно отнестись к тому, что ей хотелось высказать, — и, наконец, с умилением сказала: „Уж если здесь так хорошо, то что же на том свете будет?“ Этим светлым воспоминанием и закончу нынешнее письмо...

5 мая 1913 г.

/.../ Думаю, что неясно выразился, противопоставляя „неиспорченных“ „сознательным“. Что я разумею под этими наименованиями, будет видно из наглядных примеров. Всю Пасху в нашей Музейной церкви² появлялись два мужичка, по внешнему виду — дальние, из таких, про которых один мой знакомый выразился так, что их, мол, взяли прямо от земли, отряхнули — да и то лишь слегка, — и — вот они перед вами! Я не знаю, каковы они душою, но что-то хорошее, глубоко-симпатичное в них было, — в их взгляде, в их смирении... Обратный при-

* См. комментарии в конце текста.

мер. Шел я однажды Ермолаевской Садовой³; есть там автомобильный гараж: у ворот его, на траве, между двумя палисадниками сидели и лежали шоферы; один читал вслух другому какую-то книжку... То, что я ощутил в себе, когда посмотрел на них, я не могу не назвать иначе, как страхом, — страхом за будущее, за судьбу России (да не покажется Вам, что это слишком громко сказано!)... Опять-таки: душ их я не знаю. Но мои думы и чувства объяснит одно сравнение, заимствованное из истории литературы. Разбойник Василий Буслаев в былине рассуждает так: „Много смолоду бито-граблено — под старость надо и душу спасти!” Страх законного возмездия удерживает (хотя и не всегда) наших „сознательных” рабочих или людей, подобных этим шоферам (тоже несомненно сознательных!), от крупных преступлений; но, вот, мысль о душе, о ее спасении, разве возникает у них? Души, ведь, никакой нет, — это один из догматов их „сознательности”! А дело идет к тому, что тип этого рода становится все более и более преобладающим в народной среде, вытесняя „смирного мужичка”, хотя бы пьяньенького, и ругающегося, но и с пьяными слезами прибегающего к Богу (видел я раз перед церковью св. Иоанна Предтечи в Серебряниках⁴ такую картину). Мирозерцание „сознательных” рабочих ведет их по пути, прямо противоположному тому, который указывает Церковь (так что здесь совершенно неприменимо положение, по которому „все дороги ведут в Рим”, как Вы писали!). После получения Вашего письма я беседовал об этой печальной смене типов с моим другом, *русским историком*, готовящимся к професс. званию, тут же был и его товарищ, тоже *русский историк*, и тоже оставленный при Уни-

верситете; их мнение, как русских историков, в данном случае могло быть авторитетно. И оба они вполне согласились со мною, что симпатичный тип вытесняется противоположным; по их словам, Россия и в этом отношении (как, например, в отношении развития капитализма и т. п.) вступает на общеевропейский путь, — как ни прискорбно это в данном случае. Должен сказать, что друг мой гораздо либеральнее меня и не столь восхищается славянофилами и К. Н. Леонтьевым, как я. (Кстати, если Вам будет угодно, я напишу Вам как-нибудь о моих друзьях, а также о Новоселовском⁵ „Кружке ищущих Христианского просвещения”). Если к сказанному прибавить еще то, что я слышал нынешней зимой у Новоселова, когда „главы” его кружка — Вл. Ал. Кожевников и С. Н. Булгаков — единогласно признали, что в наше время и православие, и католичество, и протестантство отступают перед все расширяющимся атеизмом, — если вспомнить, что атеизм находит себе верноподданных последователей среди социалистически-сознательных рабочих, готовых — при первой крупной ошибке теперешних правителей — весь мир перевернуть по-своему, — то, надеюсь, мои страхи и мои стремления вполне будут понятны.

Очень Вам благодарен за обильные выдержки из писем Маронко: по себе знаю, что дать столько выписок из чужих писем — дело не легкое. Не обижайтесь на мое долгое молчание.

Искренне уваж. Вас *А. Руднев*

5 июня 1913 г.

Давно не писал я Вам, Вера Ивановна! То занимался, то писал длинное письмо моему другу Владимиру Анатолиевичу Панову^б в Тарусу, где он каждое лето живет у своего дяди-врача. О нем и Вам напишу: я ведь обещал однажды рассказать Вам о своих друзьях. Вы высказали в одном письме предположение, что у меня нет братьев, и что оттого именно я так ценю дружбу. Да, у меня ни братьев, ни сестер нет. Я рос совершенно одиноко, окруженный только старшими, пожалуй даже почти исключительно старшими людьми.

/.../ С 1908 г. я познакомился в своей библиотеке с одним из наших студентов, русским историком В. А. Пановым. Я сразу очень к нему привязался, и сразу же наши беседы приняли характер полной откровенности с обеих сторон... Владимир Анатолевич — сын умершего уже преподавателя духовного училища из Тулы, но с 1-го же курса его семья переехала в Москву. Он — человек чрезвычайно умный, разносторонне начитанный, но утративший веру детских лет. Это ужасно тяготит его; под влиянием своих мыслей он доходит иногда до какого-то изнеможения даже физически или, по крайней мере, нервного... Если бы он мог вернуть себе веру, он был бы вполне „церковным” христианином. По-моему вся беда его в том, что он мало-помалу вывел себя из той атмосферы религиозности, какую дышал раньше, а потом, заметив свои возникшие тогда сомнения, понадеялся на то, что умом своим, с помощью книг, наук — он найдет для себя разрешение религиозных вопросов... Теперь на книги и науки он совсем оставил надежду; теперь ему хо-

чется найти человека, обладающего личным религиозным опытом, который испытал бы в своей внутренней жизни „прикосновение к мирам иным”; его интересуют „старцы”. С. Н. Булгаков, о. П. Флоренский, Новоселов и другие верующие интеллигенты ездят в Зосимову пустынь близ Лавры к о. Алексию. В-ру А-чу хотелось, чтобы сначала съездил туда я, а потом и он. Но я не поеду, да если бы и поехал, то мое отношение к старцу ограничилось бы принятием от него благословения: исповедываться я не стал бы, а беседовать мне с ним — не о чем, что я говорил и В. А-чу. Кроме того, ему нужно бы побеседовать со старцами подольше, даже не в один раз, как, напр., беседовал Леонтьев с о. Амвросием; но для этого о. Алексей слишком занят: он выходит к посетителям только с вечера пятницы до вечера воскресенья, а остальные дни проводит в затворе. А народу к нему приходит множество, и беседовать подолгу с каждым ему поэтому невозможно: так я слышал от некоторых студентов, бывающих у него.

/.../ А у меня самого нет и не было тех переживаний общения со Христом, каких он ищет. Хотелось ему сблизиться с С. Н. Булгаковым, давал я ему его адрес, но — С. Н., должно быть нередко получает такие письма и — быть может, вполне основательно, — не всегда им доверяет, да и пишет мой друг довольно суховаато, лаконично; как бы то ни было, но ответа он не получил. Я уже брался лично, на вечерах у Новоселова, переговорить с С. Н., — хотя я так „благоговею” перед Булгаковым, что, кроме рукопожатий, ничем не решаюсь обнаружить своего отношения к нему! — рассказать ему о Панове и просить назначить ему время для беседы, но как раз в это время вечера у Новоселова прекратились

— как говорили, из какого-то опасения недоразумений с полицией. А публичные рефераты новоселовского „Кружка ищущих христианского просвещения“, читаемые в доме б. Корнилова на Кисловке, бывают чрезвычайно редко; нынешний год — особенно редко, т. к. Новоселов был сильно болен какой-то сердечной болезнью. Впрочем, по моей просьбе, Новоселов прислал В. А. билет на последний в этом году реферат (в январе, кажется), и мой друг очень интересовался посмотреть всех деятелей кружка — Новоселова, В. А. Кожевникова, Мансурова, о. Флоренского, Н. Д. Кузнецова, Н. М. Соловьева, Великанова, но в тот же вечер назначено было педагогическое заседание в VI гим., где он преподает, и побывать в Кружке ему так и не удалось!..

/.../ Для образца его рассуждений выпишу Вам заключение его последнего письма ко мне: „Самое главное несчастье в моей жизни, дорогой А. Н., — отсутствие веры, *не имея веры, не зная путей, ведущих к ней*, поневоле делаешься крайним пессимистом, поневоле начинаешь считать себя какой-то игрушкой в руках не ведающих ни добра, ни зла стихийных сил. Если бы откуда-нибудь явилась помощь из безвыходного положения!“ /.../

20 авг. 1913 г.

/.../ Наша поездка в Лавру не была удачна: погода была дождлива, а кроме того — многое неприятно действует на меня в частных номерах, где мы останавливаемся... Впрочем, посещение Киновии приподняло несколько мой дух. Мне нравится этот монастырь, не столь безлюдный, как Гефсиманский

скит, но и не так наполняемый посетителями, как церковь Черниговской иконы Б. М. От дождя мы с мамой укрылись в глубоком крыльце какой-то кельи: старое деревянное крыльцо, кругом — зелень, дальше — простенькая церковь — все наваяло на мою душу мир. На кладбище позади церкви Черниговской иконы я поклонился могиле о. Климента Леонтьева, — а в Лавре, около Успенского собора — могиле Ив. С. Аксакова. Когда-то я мечтал об издании не отдельных сочинений, книжками, как у Новоселова, а — о целом журнале, хотя бы и не ежемесячном, а, напр., трехмесячном. Конечно, не мне бы мечтать о срочной работе, надолго ли бы хватило первого напряжения! Но появилась мысль: издать — в виде приложения к журналу — альбом с изображениями могил наших религиозных мыслителей — писателей: Киреевского, Хомякова, Чаадаева, Самарина, Леонтьева, Гилярова-Платонова, Соловьева... Пишу об этой мечте потому, что мысль эта, вообще говоря, все же осуществима, хотя и не в виде „премии”...

Перехожу к более свежим воспоминаниям. Я тяжел на подъем и нескоро осуществляю свои намерения побывать где-либо, хотя бы мне и хотелось туда. Давно я собирался съездить в Никольский единоверческий мужской монастырь (за Преображенской заставой)⁷ и не знаю, скоро ли собрался бы туда. Но однажды я сказал о своих планах моему добровольному помощнику по библиотеке, студенту Георгию Ивановичу Фомину⁸; мы с ним иногда беседуем о древнем религиозном искусстве, которое он знает и исторически, по книгам, а я — только как любитель. Он просил меня, чтобы я непременно сказал ему, когда поеду. И вот мы 8 августа побывали там и оба остались чрезвычайно довольны.

Монастырь этот имеет очень уединенный вид — настоящее убежище для любителей созерцательной жизни. Красивый, как будто готической архитектуры храм темно-красного цвета с желтыми украшениями, довольно стройная кирпичная колокольня, вдали кельи, тоже в готическом стиле, одноэтажный белый домик настоятеля, пятиглавая зимняя церковь над святыми воротами с знаменитой Хлудовской библиотекой⁹ при ней (эта церковь, ворота и здание библиотеки — желтоватого цвета) ... Всюду — трава, по местам — деревья, яблочный сад, маленькое братское кладбище — и тишина, тишина! Тишина такая, что она мне напомнила Параклит, скит Лавры во Владим. губернии¹⁰. Монахи там носят особые куколи — старинного образца: низкие, с выпуклым верхом, в каких изображаются древние преподобные или, например, святитель Митрофан Воронежский. Видел я и молодого их архимандрита о. Никанора: о нем я слышал от его товарища по семинарии, еще и сейчас учащегося у нас на философском отделении. По отзыву другого студента — старообрядца, о. Никанор — человек очень строгий, но строгий по любви к аскетизму. Как любезно нас приняли там! Иеромонах, по-видимому, научно знакомый с древним искусством, показал нам подробно всю старину летнего храма; побывали мы с ним и в общих алтарях (главный — Успения, придельный — св. Николая). Мой Георгий Иванович был чрезвычайно доволен: „Это — настоящий музей!” — говорил он. Особенно восхитил его образ Богоматери в главном алтаре: изображение это там называют „Голубицей”: на руках Богоматери — младенец Христос в белой одежде держит на руках *белого голубка*. Старинная и прекрасная икона!

Замечательно тут вот что: когда на Западе еще не появлялось столь излюбленных впоследствии изображений Богородицы с какими-нибудь „сентиментальными” атрибутами (вроде яблочка, например) — в Восточной нашей иконописи подобное изображение, значит, уже существовало! Интересно бы также узнать, когда *впервые* появились такие иконы Божией Матери, как афонские: Млекопитаельница и Милующая (она же — „Достоинство есть”): в них ведь тоже проявилось и нечто, возбуждающее нежное чувство, нечто „сентиментальное” что ли, а в то же время — обнаружилась и известная смелость, пожалуй даже — дерзновение художника. То же самое мы находим и в церковной поэзии. Возьмите, например, „сентиментальную” службу Сретения Господня: канон и особенно — нежные припевы из 9-й песни его. Там же, кстати, Божия Мать именуется „чистой голубицей”; в других канонах поэты („поэты канонов” так они и называются по-гречески) называют ее „голубицей Соломоновой”, „розой долины”; правда, оба эти нежные наименования заимствованы из „Песни Песней” (по-видимому); но самая мысль — применить их к лицу Богоматери — несомненно, была довольно смелой. А что мысль и чувство христиан далеких веков были довольно смелы — для нас, привыкших к шаблону, к „принятому”, — этому я знаю много примеров из христианской древней литературы: тогдашние люди выражались подчас куда дерзновеннее нас! А в дерзновении этом, в свободе этой была сама жизнь, ключом бившая религиозная жизнь во всей ее полноте! Вот почему, между прочим, когда говорят о Церкви, будто ее учение, ее идеи устарели, будто рамки церковной жизни тесны для современного

человека, — мне приходит в голову: да знаем ли мы, в чем, собственно, состоит учение Церкви, *каково церковное мировоззрение?* И не из деликатности включаю я и себя в число незнающих, говоря „мы”, — нет, и я хорошенько не знаю всех сторон этого мирозерцания, а только (отчасти, м. б., просто по своей специальности — классика) я имею больше данных, чем другие, для того, чтобы догадываться о широте и жизненности этого мировоззрения.

Возвращусь к иконе „Голубицы”. Как жаль, что по вине нашей косности и рутинности это единственное (думаю, что единственное; помнится, так и иеромонах говорил) изображение не имеет списков, хотя хранится в мало доступном месте — в алтаре мало кому известного монастыря! Как было бы хорошо отпечатать этот образ — с изяществом, конечно, хотя и без роскоши, в красках или хотя бы так! /.../ Вообще, все иконы в монастыре — XIV, XV, XVI и XVII веков. Даже вверху стены украшены не живописью, а вставленными в скульптурные рамы иконами. В приделе св. Николая все иконы — из иконостаса бывшей домашней моленной предков семьи Гучковых, перешедших в единоверие во время каких-то притеснений раскольников со стороны правительства — причем один из предков не переменял своих убеждений и предпочел уйти в Сибирь?¹¹ „По этому иконостасу вы можете составить себе понятие о том, какие бывали в свое время моленные”, — сказал наш проводник. И в приделе весь алтарь уставлен старинными иконами; теснота помещения и плохое освещение препятствуют их осмотру.

Монастырь был в свое время отнят нами у беспоповцев; хотя многие иконы были раньше просто

выкрадены ими из наших церквей, — но все же сколько, думаю, было у них горя, сколько слез, когда у них отнимали такие сокровища милой им старины! Да и вообще в тех местах в прежнее время много было внутренних трагедий. Религиозные сомнения, порождавшие искание *истинной* Церкви Христовой, смущение, вызываемое отсутствием священства, самое, наконец, безбрачие, часто мнимое, лицемерное... сколько душевных страданий причиняло все это людям!

Я угостил Георгия Ивановича просфорой, и мы с ним отдохнули на скамьях, употребляемых, должно быть, во время угощения странников по большим праздникам; затем мы простились с гостеприимной обителью и направились на расположенное за ее стенами беспоповское кладбище^{1 2}. Там мне пришлось увидеть нечто необычайное. До нас несколько раз доносилось какое-то странное — не то пение, не то — причитание, подобное пению слепцов. Наконец, ту дорожку, по которой мы шли, перешла группа женщин, одетых в черное; впереди одна из них неслла икону на такой длинной и широкой пелене с позументами, что сама казалась облаченной в какую-то ризу. Это беспоповцы ходили с панихидами по своим могилам. Мы поровнялись с тем местом, где они стояли, и я услышал тихие слова: „Ну, вот уж когда пройдут!“ — очевидно, относившиеся к нам. Мы прошли, и они затянули песнопения — странным напевом, сильно гнусава. Главенствовал мужчина с медной кадильницей на ручке. Когда мы повернули к выходу с кладбища, навстречу нам из-за ограды монастыря двигалось другое подобное же шествие: впереди — мужчина в поддевке с кадильницей, за ним — женщина с большой иконой Бо-

жией Матери на золотой пелене, далее ряд женщин — в черных одеждах и черных платках на голове, не сложенных треугольником, а распущенных целым квадратом; между ними были и девочки; за ними шли „мирские” женщины и девочки, очевидно, — заказавшие панихиду. Эти все пели, так же гнусавя и уже не стесняясь нашего присутствия... По дороге к кладбищу сидела на земле старушка; она, очевидно, ходит только с помощью костылей, которые лежали около нее: перед ней на коленях лежала старая славянская книга (Псалтирь?), которую старушка потихоньку читала. От левой руки ее тянулась по земле лестовка из тесемочек. У нас она ничего не просила, но „свои”, вероятно, ей подают... — Вот где живая старина, вот где истинный консерватизм, подумал я! Века протекли, не касаясь этого!

... Вот Вам еще несколько выписок из последнего письма ко мне Андрея Андреевича¹³, не могу ими не поделиться, очень уж хороши! Я их и Вл. Ан-чу читал. „Я пишу Вам в несколько необычной обстановке: на зеленом лугу, в церковной ограде; предо мною высится красивый храм. День сегодня чудный, тихий. Я удалился от своей шумной компании, чтобы побеседовать с Вами наедине. Представьте, Ал. Н., после Москвы я сегодня в первый раз побывал в церкви. Зато как мне было приятно услышать службу сегодня, хотя не было ни стройного пения, ни молящегося народа: священник, псаломщик, сторож и я, — вот все, кто присутствовал в храме. Удивительная все-таки красота и величие в церковной службе, и как жаль, что для многих не дано понимать ее духовной красоты! Даже непонятна их психология, и никак не можешь понять, как же можно представлять иначе то, что для тебя так

кажется ясным, очевидным. Да, Ал. Н., так вот живешь среди людей, и действительно, начинаешь ценить втрое тех людей, с которыми сходишься в мировоззрении. Действительно, необходимо общение между единомысленниками, иначе трудно становится жить среди чуждых по мысли людей. Как приятно бывает сказать хоть несколько малых слов с человеком, который может тебя понять. Вот я пишу Вам, и мне с Вами хорошо, тихо, я смотрю на голубое небо, смотрю на летающих в вышине птичек, и моя мысль летит в те края, ищет тех мест, что дают „покой душам нашим”. И мне хочется отряхнуть с себя всю суетливую жизнь, полную компромиссов с жизнью духа, и забыть ее, забыть хоть на время. Вот побыл сегодня в церкви, и на душе хорошо. Посещение церкви для души есть своего рода духовная баня: побыл, и чувствуешь облегчение, свежесть. Побеседовал с Вами, и тоже чувствуешь облегчение, силу снова мыслить, ощущаешь единство душ... Общением единомысленники укрепляют друг друга в житейской борьбе с сомнением и суетой...”

1 октября 1913 г.

Ваш „молчаливый” листочек, Вера Ивановна, я давно уже собирался послать Вам уже исписанным, но все меня отвлекали посетители, иногда совсем неожиданные. Как здоровье Вашей сестрицы? напишите мне о ней. Если теперь почему-нибудь не можете писать большое письмо, то, пожалуйста, не беспокойтесь: правда мне очень бы хотелось прочесть Ваши воспоминания о странниках, которых Вы знали...

/.../ Недавно посетил меня оставленный при Уни-

верситете Александр Петрович Рудаков¹⁴; был он решительным отрицателем всего религиозного, ревностным проповедником того направления в истории религии, которое объясняло происхождение христианства, приравнивая его к религиям страдающих, умирающих и воскресающих божеств, — олицетворяющих умирающую зимою и возрождающуюся весной природу; но, под влиянием прискорбных жизненных обстоятельств — неудач, разочарований в людях и т. п., в нем произошла большая перемена. Через Спинозу, Шопенгауэра и Платона он пришел к твердым убеждениям; сущность их такова. Тело — само по себе, а душа — сама по себе; она откуда-то в него приходит („или Кто-то ее посылает“) как бы для того, чтобы отразить в себе добро или зло: сообразно с тем, что она отразит, она и по смерти тела будет жить в злом или добром настроении; выходя из тела и из мира, где она дробится под влиянием внешних вещей, душа возвращается в себя, и это ее состояние — более сильное, более живое, чем пребывание в теле. Высказал он еще такую, очень мне понравившуюся мысль: обильное чтение, иногда с самых юных лет, наполняет нашу душу непережитыми, извне только усвоенными впечатлениями; от этого душа дробится и не живет настоящей жизнью. До изобретения книгопечатания, принесшего этим большой вред человечеству, человек вчитывался в небольшое сравнительно количество рукописей, знал немногих писателей, но основательно, вдумчиво, благодаря этому душа читателя как бы углублялась, усвоение чужого было глубже и самостоятельнее, а оттого и личность являлась более цельной и самостоятельной. Как развито в наши дни естествознание, но как слабо понимание природы

вообще! А вот Леонардо да Винчи — у него для изучения природы были только древние сочинения — Плиния, Сенеки; но, вчитываясь в них, вдумываясь в природу, он дошел до такого понимания ее, какого нет теперь! Прежний естествоиспытатель рисовал — и тем самым всматривался, вдумывался в произведение природы, оно как бы проходило через его душу; теперь он фотографирует — и получается новое явление природы — от действия солнца на пластинку, но не прошедшее через душу наблюдателя.

Ваш А. Руднев

30 октября 1913 г.

Вероятно, Вы давно уже ожидаете моего письма, Вера Ивановна, но я не сказал Вам, что мой Николай Семенович, принеся мне вырезку со статьей преосв. Антонина и Вашим письмом, а также и свое послание к Вам (здесь прилагаемое), забыл дома послание св. Синода; поэтому я решил ждать, пока он вернет и его, чтобы отправить Вам все вместе. Сей час он был у меня и возвратил послание. Я надеюсь, Вы простите мне, что я без Вашего разрешения прочел ему и Сергею Георгиевичу (одновременно) Ваши прекраснейшие воспоминания: меня может оправдать в этом случае свидетельство самого Николая Семеновича о том чувстве, которое возбудило в нем это чтение; дай Бог почаще слышать и читать что-либо подобное, хотя бы *собственных* подобных переживаний и встреч и мало было в жизни!

/.../ В мои студенческие годы в Андроньевом монастыре¹⁵ появлялся одно время странник, высокий ростом, хотя уже согбенный, глубокий старец — лет 80-ти, никак не меньше. Он становился всегда

при входе в храм (зимний), у самого порога, и все время непрерывно творил крестное знамение медленным движением сильно дрожащей руки; в эту же руку клали ему и деньги (другая была чем-то занята: может быть, он держал ею палку); он поклонится дающему — и продолжает креститься и шевелить губами (м. б., это был делатель „молитвы Иисусовой”, как автор „Откровенных рассказов”). Лицо у него было какое-то особенно одухотворенное: думаю, что это был один из так наз. „духовных” людей. Однажды, встретившись со мною на Никольской, он мне поклонился (я тогда постоянно посещал Андроньев, и он, очевидно, запомнил меня, и я был и тронут, и смущен поклоном *такого* человека: Он довольно долго (м. б., не один месяц — не помню даже приблизительно) посещал монастырь, потом перестал показываться, но много времени спустя я видел его однажды (и это уже в последний раз) у Иверской¹⁶: он стоял посреди часовни на коленях и молился, и опять меня поразило его лицо — светлое и благостное — даже трудно сказать, впрочем, какое именно: и давно это было, и видел я его недолго, да и все обстоятельства, при которых я видел его — и даже самое мое почтение к нему исключали возможность наблюдения над ним... Ивана Трифоновича я помню (хотя в то время не знал его имени) — помню его наружность и особенно глаза, помню, с каким уважением кланялись ему почтенные купцы, становившиеся в Успенском соборе за своими ящиками. Слышал я от кого-то и о его веригах. Когда я бываю в Новодевичьем монастыре, я всегда захожу на его могилку; рядом с ним — два других странника: Симеон Иванович Бутаев „Христа ради юродивый”, 70-ти лет, „50 лет

странствовал” † 90 г., и — Феодосий Павлович, † 66 г., 51-го года, „странствовал, имел ко всем любовь”. Сведения о них списаны у меня с их памятников в книжку: все „собираю материалы” по истории Святой Руси позднейшего времени, для оживления религиозного чувства и в своем сердце, и — быть может — в сердцах других людей!..

1914 год

22 февраля 1-й час ночи.

Когда Вы получите это мое письмо, Вы уже будете причастницей Божественных Тайн. Заранее поздравляю Вас, Вера Ивановна! Да будет Вам „Святая сия” во освящение и укрепление души и тела!

/.../ во вторник на этой неделе у меня было маленькое событие: у меня в первый раз побывал Алексей Владимирович Шенрок¹⁷, мой ученик (по Гомеру) и сын моего гимназического учителя¹⁸... На Рождестве он побывал в Ярославле, Ростове и Костроме и недели две тому назад подарил мне фотографический снимок со стенкой живописи храма св. Иоанна Предтечи в Ярославле¹⁹; снимок изображает корабль Церкви, окормляемый Господом: гребут апостолы и преподобные, а с берега еретики баграми стараются притянуть корабль каждый к себе (наша, мол, Церковь, и святые — наши!); изображены и враги Церкви, мечущие стрелы в нее (впрочем, далеко не все на этой картине мне понятно). Этот подарок его меня очень тронул.

/.../ Вчера я рассказал моему Георгию Ивановичу Фомину содержание той сказки, которую читал

В. М. Васнецов²⁰, она ему очень понравилась, „какой, должно быть, милый этот рассказ!“ — сказал он. Такой он сам милый, наш Георгий Иванович, и как я его жалею: через месяц после госэкзаменов ему предстоит поступить на военную службу на 1 год и 8 мес., — а он такой худенький, с тонкой, нежной, поэтической душой! Помимо прочих привлекательных душевных его качеств, мне нравится в нем чрезвычайно одна черта: хранение преданий, или лучше сказать, как и он выражается — традиций, например: на 1-ой неделе поста идти к мефимонам непременно („по традиции“) в Успенский собор, а возвращаясь оттуда (опять-таки по традиции) — покупать сушки; и он с таким хорошим чувством говорит всегда об этом! Мама моя даже мысленно представила себе, как он возвращается от повечерия к себе за Москва-реку, как он с сестрами садится пить чай с сушками... „Счастлив тот, у кого что-нибудь хоть по традиции сохраняется!“ — сказал о нем мой печальный Владимир Анатольевич. В Георгии Ивановиче — традиция хорошей купеческой семьи; по собственным наблюдениям я знаю хорошие традиции духовных семей (мой Николай Семенович)²¹; есть такие же традиции, без сомнения, и в дворянских или вообще в чисто интеллигентских семьях (богомольный Шенрок). Какая была бы благодарная задача — оживить в сознании и чувстве наших современников добрые предания, очень многие оставляемые и забываемые...

5 апреля

Христос Воскресе! И, в ответ на Ваше еще не читанное письмо — воистину воскресе! Это письмо, Ве-

ра Ивановна, Вы получите, конечно, уже тогда, когда пасхальный привет не будет преждевременным. Итак, поздравляю Вас с великим Праздником и желаю и Вам, и всему Вашему семейству провести его в радости и добром здоровье. — Сегодня я побывал-таки, где хотел: в Успенском соборе за часами и на омовении мощей, а за вечерней — в Заиконоспасском монастыре, у преосв. Евфимия. /.../ Вечерни с выносом плащаницы у преосв. Евфимия мне нравятся потому, что многое там напоминает мне, как я ставил эту службу в прежние годы в Новоспасском монастыре²² — сперва при преосв. Несторе (пока он еще не был викарным), затем — при Анатолии, — да и после, при о. Борисе (ныне тоже уже епископе). При владыке Несторе в зимней церкви ставился старинный одр, покрытый темной материей; по низу вокруг была нашита какая-то надпись вязью; и плащаница употреблялась старинная, не бархатная. Я, любя старинные вещи, очень жалею их, но думается, для *таких* дней я не жалел бы выносить старинную плащаницу, перед которой уже сколько поколений вспоминало страдания Христовы! /.../ Низкие, пестрые своды церкви, вереницы исповедников после вечерни, а из окон — вид на Симонов²³, а иногда и на разлив Москва-реки — все как-то гармонировало с Великой пятницей... Конечно, при владыке Нафанаиле я посещал в этот день предпочтительнее Андроньев (только там было как-то шумнее). Вот и в Заиконоспасском теперь много сходного с Новоспасским: служба простая, но архиерейская: старец архиерей, благоговейный, со слезами произносящий проповедь над плащаницей, истово всех благословляющий, как видно, очень простой и доступный... И хорошо посмотреть,

как выносятся в монастыре плащаница „руками архиерейскими” и собором священно-инок; тут есть и торжественность и простота /.../

19 апреля

/.../ Замечательные два сна видел на Страстной неделе и на Пасхе мой Владимир Анатольевич. Ему снилось, будто на него нападает какая-то ведьма (были тут и еще какие-то призраки), а он, стоя на столе, защищался тем, что пел „Христос воскрес”; страха он не чувствовал, так как было сознание того, что есть у него средство против этих нападений — слова Пасхального тропаря. Другой сон — более выразительный. Он, будто, стоит в своем приходском храме — св. Николая в Клениках, на Маросейке²⁴ (церковь эта совсем напротив их крыльца), где священствует известный своей благочестивой жизнью о. Алексей Мечев. К нему многие ходят на исповедь (и не в посты), за советом и т. п.; сам он находится в близких отношениях к Оптинским старцам. Но мой Влад. Ан. никогда в церкви этой не был и о. Мечева ни разу не видел; если он когда ходит в церковь — послушать пение — то к Троице на Грязи²⁵, к „Трем Радостям”²⁶. И вот будто бы о. Мечев говорит ему в храме: „Уходите, вам здесь не место!” Так ему и пришлось уйти. Дальше он видит, что будто бы о. Мечев уже у них на квартире, а Влад. Ан. решил тут же объяснить с ним: „Я, мол, человек ищущий, не так уже далекий от Церкви...” Но о. Мечев возразил: „Полноте, будет вам Достоевского-то разыгрывать!” Тем сон и кончился. Влад. Ан. смиренно признает глубокую справедли-

вость всего сказанного ему о. Алексием... По-моему, ему непременно нужно было сходить в свою церковь, на служение своего батюшки. Мама моя думает, что, быть может, мамаша Влад. Ан., исповедуясь у о. Алексия, говорила ему о сыне, не приступающем уже несколько лет к Таинствам...

18 мая

Давно не писал я Вам, Вера Ивановна! А пора уже поделиться впечатлениями от недавнего торжества. ...Всенощную я стоял у Чудова монастыря²⁷, перед иконой Святителя с частью его мощей. Служили прекрасно: неспешно и достаточно уставно, поскольку позволила соблюсти устав необычность места богослужения и смешанный состав певцов: пели все желающие (и я в том числе) и несколько человек послушников. Великолепный звон дважды заставлял прерывать службу и довольно надолго, особенно третий звон, сопровождающийся освещением соборной площади бенгальским огнем. Впрочем, видеть обхождение с мощами вокруг собора совершенно не пришлось: мы только многократно спели величание, обратившись к собору. В это время стало у Чудова очень тесно; народ колыхался, как трава от ветра: движение одного человека передавалось целой толпе, стоявшей вплотную. Особенно это было заметно на тех, кто стоял (большинство со свечами) на чудовской лестнице. После третьего звона гудел еще благовест к „Величит душа моя“, бывающий накануне крестных ходов. Затем я отстоял там же молебен, дождался и последнего звона — при окончании всенощной в соборе, про-

водил до Спасских ворот чей-то крестный ход с иконою св. Гермогена (причем со мною вступил в разговор какой-то молодой человек, знавший меня, как оказалось, еще по Андроньеву монастырю, под влиянием „толстовских книжек” отпадавший от веры, а теперь вновь к ней возвратившийся), — а у Чудова все не умолкало и до самого Архангельского собора раздавалось громкое, многоголосное „Христос воскрес из мертвых”... А Николай Семенович (он был в Успенском соборе) рассказывал, что народное пение врывалось по временам с площади и в собор, когда открывали двери. Ночью этой я, пожалуй, остался более доволен, чем прошлогодней ночью под 12 мая²⁸.

На другой день мы пошли с мамой к обедне к Нечаянной Радости (к Благовещенью), после обедни поднялись к дворцу и там дождались крестного хода. Вопреки моим ожиданиям, народу было очень немного (для всех работающих и служащих это были будни; я сам накануне предупредил студентов объявлением о том, что 12-го библиотека откроется не ранее часа дня). Трогательно было видеть открытый гроб и покровец на главе Святителя; нельзя было удержаться от сильного волнения, слез и коленопреклонений, — хотя я соблюдаю правило — не делать земных поклонов до Троицына дня. За гробом — блестящий собор наших архипастырей, а за ними, с преднесением креста (новость для Москвы!) старец-митрополит; этим же крестом он осенил народ на три стороны около Благовещенского собора. Мы с мамой проводили ход до этой именно остановки: дальше было тесно, да и в Университет мне пора было уже идти. Но долго еще был виден гроб с голубым покрывалом и белым

покрывцем (или „воздухом”?) на главе, осененный рипидами... Я сказал: может быть, это последнее шествие его тела до дня общего воскресения! Теперь, в связи с этим торжеством, мне вспоминаются стихиры на возвращение мощей св. Иоанна Златоуста и те трогательные речи, которые в этих стихирах вложены в уста самого Константинополя, встречающего мощи своего Архиепископа; вспоминается, как у поэта Пруденция (конца IV века) в одном стихотворении изображается шествие людей на страшный суд, „когда, потрясая блещущей десницей, придет Бог на багряном облаке”, причем жители отдаленных городов „принесут как драгоценные дары” Христу — останки своих угодников: Карфаген — кости св. Киприана, Кордова — Зоила, Нарбон — Павла, Арль — Генесия и т. д. (цикл стихотворений „О мученических венцах”, стих. IV-е).

Еще несколько мыслей. Перед всеобщей у Чудова ходил какой-то сборщик и наизусть читал довольно длинное воззвание: „Св. Григорий Богослов говорит”, — возглашал, между прочим, этот сборщик, приводя какое-то изречение св. Григория, — и мне подумалось: вот какую судьбу имели творения этого мужа, некогда — афинского студента, который и после „никогда не мог забыть Университета”: благодаря его святости, его слова приводит простой русский мужичок, собирающий на „дерковное строение”! — Посмотрел я на верх Успенского собора: там, в правом полукружии алтарной стены, восседает огненная св. София — какой далекий от нас — по времени возникновения в сознании верующих — и какой философски глубокий, для многих даже таинственный образ! Но он, тем не менее, и *наш* в то же время! Вот как в Церкви истори-

ческое и современное прекрасно совпадают в общем для того и другого — вечно-ценном! Да иначе и быть не может: и в церковном прошлом, и в церковном современном самое существенное — именно вечно-ценное! /.../

9 августа

Когда я писал Вам, Вера Ивановна, о своем знакомстве с служителем Успенского собора, я вспоминал — все живее и живее — все то, что слышал от мамы о моих предках. Дело в том, что один из них — мой пра-прадед (с маминой стороны), Николай Лукич, был пономарем „Большого Успенского собора”, как сказано на его памятнике на Даниловском кладбище. Еще кто-то из того же отдаленного — по времени — родства был звонарем при Ивановской колокольне, следовательно, тоже служил Успенскому собору. Вспомнил я об этом и подумал: мне надо с большим вниманием отзывать, когда слышу в Успенском соборе моление о „служивших в святом храме сем”... Думаю, что и в теперешнее военное время воспоминания мамы о ее предках будут до некоторой степени кстати: некоторые из них касаются событий 1812-го года. Кроме того, так как московская жизнь — даже жизнь духовенства — с тех пор ужасно изменилась, и скоро об этой жизни будут черпать сведения только в печатных и письменных памятниках, то живое предание, дошедшее до нас, вообще, я думаю, не безынтересно, а в некоторых отношениях и поучительно. Итак, вот что я слышал от мамы. Мамину бабушку, а мою прабабушку, Анну Матвеевну, воспитывала *ее* бабуш-

ка, Елена Леонтьевна, просвирня церкви св. Иоанна Предтечи на Пресне²⁹. Это были далекие времена: Елена Леонтьевна, как видно из надписи на ее памятнике (указан год ее смерти и число ее лет), родилась еще до основания Моск. Университета, едва ли не при Анне Иоанновне; замужем она была, должно быть, за каким-нибудь дьячком. Жизнь тогда вообще была чрезвычайно патриархальная, а семьи членов причта жили между собою к тому же в самом радушном единении. Пекли, например, у кого-нибудь из причта каравай: несли кусок его семье соседа — другого члена причта и говорили: „Покушайте нашего каравай!“ — а те, в свою очередь, когда готовили что-нибудь менее обычное, также делились с остальными. Настал 1812 год; все, кто имел возможность, покинули Москву, остались только те, кто были победнее. Несколько таких оставшихся семей обыкновенно соединялись и жили вместе: и не так страшно и, быть может, сообща легче находили средства к жизни. Так же вместе с другими жила тогда и Елена Леонтьевна. Однажды пришел к ним больной солдатик, попросился ночевать; его положили в одной комнате, а сами легли в другой. На утро дверь в ту комнату, где он спал, никак не могли отворить, а когда, наконец, с большим трудом все-таки отворили, то оказалось, что он уже мертв, и его труп мешал отворить дверь. Так его и схоронили одни, без священника; общими силами вырыли могилу около церкви.

/.../ Елена Леонтьевна выдала свою воспитанницу-внучку за Степана Николаевича Покровского, сына того Николая Лукича, пономаря Успенского собора, о котором я упоминал вначале. Степан Николаевич был дьяком у Всех Святых на Солянке³⁰,

впоследствии он сдал место зятю, моему крестному папаше, которого и Вы знаете. Все: и священники, и дьякон, и псаломщик — жили тогда под церковью, в полуподвале, и думаю, очень тесно: ведь церковь Всех Святых невелика! В этом подвале родилась моя бабушка и ее сестры, кроме двух младших, которые родились уже по переходе причта в церковный дом, существующий и теперь. В том же самом подвале семья моей прабабушки однажды, в Тихвинскую, подверглась большой опасности. И теперь местность от Ильинских ворот до Всехсвятской церкви представляет собою склон, кое-где (от Спаса на Глинищах³¹, например) довольно значительный, но теперь почва более выровнена, а в то время склон был еще круче. И вот шел страшный ливень, потоки воды неслись к церкви, какое-то плывшее бревно вышибло стекло в окне их квартиры, и вода хлынула в комнаты. Все было так неожиданно; прабабушка была дома одна со своими детьми и мальчиками-учениками; тогда еще был обычай отдавать детей учиться к кому-нибудь из духовных; я сам в детстве еще видел таких учеников и учениц у моего крестного папаша. Прабабушка велела всем маленьким влезть на стол, а сама, стоя на этом же столе, уперлась руками в потолок, чтобы напор воды не опрокинул стол; ученики тоже забрались кто куда мог повыше; один даже висел, уцепившись за что-то! Наконец, вода из их квартиры нашла доступ в квартиру дьякона, и напор ее от этого ослабел. Опасность миновала, маленьких переодели кое во что и повезли к Воздвиженью на Воздвиженку³², к дедушке, соборному пономарю. — К церкви Всех Святых была тогда приписана церковь св. Кира и Иоанна³³; летом и службу совер-

шали там, а не у Всех Святых: мама помнит еще у Кира и Иоанна царское место, сохранившееся, вероятно, с самого основания этой церкви, она сооружена была в память восшествия на престол имп. Екатерины Великой (28 июня). Всехсвятской же церкви принадлежала и чудотворная Боголюбская икона Божьей Матери, которая тогда постоянно находилась на стене башни и снималась накануне ее праздника на три дня, и то на ночь ее уносили в башню (часовни тогда еще не было).

Теперь передам Вам кое-что из рассказов бабушки, маминого отца (я-то, конечно, слышал все это уже не от него, а от мамы, я его помню только больным, в параличе). Раньше духовное сословие было свободно от воинской повинности, но потом, во время какой-то войны (Севастопольской?), была призвана к отбыванию воинской службы и духовная молодежь; и вот когда только что взятые в солдаты молодые люди духовного звания шли куда-то мимо Иверской, они остановились перед часовней и спели хором „Всемирную Славу”... Вероятно, они избрали именно эту песню в честь Богоматери, а не другую какую, ради ее заключительных слов: „держайте убо, держайте, людие Божии, ибо Той победит враги, яко всемогущ!” Говорят, без слез нельзя было слушать их пения... Еще — одно предание, слышанное мамой тоже от бабушки. Приурочивается оно к церкви св. Николая в Подкопаях³⁴, — значит, местом действия является опять та же Солянка, столь хорошо знакомая и Вам, и мне. Шел народ ко всеобщей; мимо церкви проходила одна старушка, зайти в церковь ей почему-то нельзя было, и она попросила какого-то купца, направлявшегося к церкви, поставить за нее свечку и дала ему монету,

самую ничтожную, за какую тогда можно было купить свечку (тогда, может быть, были свечи и по копейке, когда в ходу были гроши и полушки). Купец взял монету, а потом и подумал, что неловко ему, человеку богатому и в храме известному, покупать свечу в такую цену; он и бросил монету в траву, когда стал подходить к паперти (если теперь у паперти Подкопаевской церкви нет травы, то из этого нельзя заключить, что и тогда травы не было: даже мама моя помнит, что около церкви, со стороны паперти, было огороженное решеткой пространство земли, поросшее травой). Служба кончилась, богомольцы стали выходить из храма, и тут некоторые заметили, что в траве горит маленькая свечка; народ столпился, все удивлялись, недоумевали — кто бы это мог ее здесь поставить? Выходил из церкви и купец; когда он узнал, в чем дело, он сразу понял, откуда взялась свечка, и раскаялся в своем поступке. /.../

7 сент. 1914 г.

В свободное от вечерних экзаменов время писал я Вам, Вера Ивановна, это письмо, а дописываю на праздниках. 2-го числа у меня состоялось первое за эту осень „собрание” моих друзей: у меня были Николай Семенович и Алексей Владимирович Шенрок. Главным предметом разговора был вопрос о том, что можем мы — т. е. русские или вообще не преклоняющиеся перед европейской культурой люди — выставить со своей стороны в противовес этой культуре. Оказалось, что этот вопрос очень трудно решить так, чтобы решение было ясно и всех нас удовлетворяло. А. В. находит, что у нас хорошо уже

самое „неприятие” европейской культуры; это-то и отличает нас от западных народов; другой чертой, свойственной нам, русским, он признает стремление к „всеединству”, в противоположность узким, эгоистическим целям, преследуемым современными европейцами. Это все было как-то неясно, не выразительно, или же было только отрицательным свойством, как „неприятие” западной культуры. Я сказал, что изучение творений Отцов Церкви и писателей-славянофилов и родственников им по духу (как К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, Чаадаев, Федоров, преосв. Никанор) поможет нам уяснить себе наши культурные идеалы. У нас есть — думал я, но уже расставшись с ними, и им сказать не успел, — несомненные для нас, глубокие, устойчивые симпатии к известным явлениям и формам религиозной жизни, общественного быта, к некоторым направлениям философии и литературы; симпатии эти для нас несомненны, они именно (после личных симпатий) объединяют нас; им мы и должны следовать. Нужды нет, если один из нас больше сочувствует одному явлению в духовной жизни или в жизни, другой — другому: такая разница неизбежна, — пожалуй, даже полезна: неужели было бы лучше, если бы один был точной копией другого? — Николай Семенович рассказал мне потом, что, когда они возвращались вместе в Замоскворечье, А. В. высказал такой взгляд, что культура как бы совсем отрицается христианством, подобно тому как монашество есть отрицание мира: „мне бы так не хотелось!” — сказал Н. С.: „Да, и мне тоже хотелось бы, чтобы было иначе”, говорю я ему. Мне всегда кажется, что нужно проще смотреть на вещи, не мудрствуя много; так и здесь: творения св. Василия Вел. или

блаж. Августина что собою представляют? Не только ведь, плоды их христианской настроенности, благодатного озарения их душ, но в то же время их глубокой веры, и — плоды проникновения их духа лучшими началами культуры, — той же культуры, какою пользовались и лучшие представители современного им язычества; кроме того, и св. Василий Вел., и бл. Августин ничего не писали (за исключением разве каких-либо случайных писем), так сказать, от нечего делать, только ради проявления своего таланта: напротив, писали только то, что они признавали крайне нужным, необходимым для блага всех христиан или известной части их, — и все-таки пользовались всем тем, что давала им современная культура. И если бы их писания были свободны от всего того, что в них можно приписать влиянию культуры, то, несомненно, они были бы неприемлемы (или, по крайней мере, мало приемлемы) для образованных людей, для которых многие из их писаний предназначались. И великие Отцы не были в этом отношении новаторами: еще до них зародилась в Церкви литература, в которой чисто религиозные начала объединялись с культурными. Какая же причина *теперь* отказываться от этого направления, освященного веками и великими примерами? Правда, человеку, достигшему духовной высоты, становится ненужным все то, что может быть определено как „внешнее“: но, во-первых, много ли таких людей? — а, во-вторых, известно, что такие люди, обращаясь к менее совершенным, не пренебрегали тем хорошим, чистым, возвышающим душу, что они могли извлечь из этого „внешнего“ часто столь милого для менее совершенных...

Алексей Владимирович, между прочим, проро-

нил такое слово: „В такое прекрасное время, как наше”... Я не согласен с тем, что наше время прекрасно: хоть и не думаем мы с Н. С. „раздираться” при мысли об ужасах войны, как мой пессимистичный Владимир Анатолиевич, но — во-первых, ужасные события действительно совершаются, а, во-вторых, — я не очень надеюсь на наше духовное обновление, которого ожидает С. Н. Булгаков и другие.

/.../ А 31 августа мы с Н. С. побывали в Симоновом монастыре, где я не был лет шесть. Отстояли там архиерейскую обедню (служил владыка Мисаил, который в мое детство был московским викарием), потом молебен перед Казанскою иконой Божией Матери, осмотрели храм, помолились над могилами о. Алексия, его келейника о. Ионы и о. Марка, а после нашли могилу восстановителя монастыря³⁵, архимандрита Игнатия, близкого к знаменитому старцу Паисию Величковскому (мне хотелось поклониться о. Игнатию, и я был рад, что мы нашли его старинный памятник); затем были на могилах поэта Веневитинова и Сергея Тимофеевича и Константина Сергеевича Аксаковых. Эта обитель, которую я люблю с детства, всякий раз производит на меня сильное впечатление, да и Николаю Семеновичу там очень понравилось: новая, но в старинном стиле живопись собора (особенно — картины из славного средневекового прошлого обители), изящный — начала XIX в. — придел в честь Казанской иконы, широкая паперть с св. Софией над входом, которую рассматривал Н. С., густые, узкие аллейки от собора к кельям — старым и как бы запущенным (что тоже почему-то очень хорошо гармонирует с общим духом Симонова!), старинное, заброшенное с 1812 года здание на заднем дворе,

башни с блестящей черепичной кровлей, штук пять пушек на одной стене, — и всюду какая-то особенная тишина и уединение... Как хорош вид от собора — несколько вниз — на пеструю трапезную (зимнюю) церковь, и обратно — от трапезной на собор! Мы долго пробыли в монастыре; я угостил Н. С. просфорой и яблочком, с ним было старое описание Симонова: и мы вместе прочли его. Ходили и на Старое Симоново³⁶, через окно смотрели в церковь и поклонились до земли видной в окне гробнице Пересвета и Осляби и опять рассматривали образ св. Софии над алтарем. Дорогой из Симонова заходили в Новоспасский, осмотрели паперть (почему-то была отперта, хотя было уже три часа), поклонились могиле о. Филарета, духовника И. В. Киреевского, а на другом кладбище — могиле инокини Досифеи, княжны Таракановой (в часовне над ее памятником хорошо нарисован ее портрет). У колокольни на лавочке сидел знакомый Н. С. и всему его семейству странник (не знаю, можно ли его так назвать), „гражданин Задонска“, как его называет Н. С., Иван Матвеевич Суриков, добродушнейший человек лет 50-ти с лишком. Помнится, я говорил Вам о нем, рассказывая, как он одобрял Ник. Семен. в начале войны. Мы сели с ним рядом и поговорили. Он показывал новое свое издание — изображение свят. Тихона, окруженное картинками из его жизни, исполненное очень недурно, в красках. Кажется (и по его беседе, и по отзывам Н. С.), что он большой знаток новой истории нашего подвижничества, истории вообще пока более известной подобным ему людям, чем образованным и ученым. Он составил и издавал (раза три, кажется) жизнеописание Серпуховской подвижницы, бывшей фрейлины Екатери-

ны II, блаженной Евфросинии, — и еще другой подвижницы Евфросинии „из простых”. Деньги на издания ему дают благотворители. Кроме изданий, он же строил не то часовню, не то — колодец на месте подвигов первой Евфросинии. Изображения свят. Тихона он хочет задаром раздать всем крестьянам того села, откуда был родом святитель.

1915 год

9 января

Наконец-то я удосужился приняться за письмо к Вам, Вера Ивановна! Предполагаю, что начался уже третий год со дня получения мною первого Вашего письма... Да будет благословен тот день, и да благословит Господь начинающийся третий год нашего общения!

Только было я поправился от моей предпраздничной простуды, как получил вторую, — правда, более легкую. Первую простуду я получил при довольно „поэтических” обстоятельствах; о них и расскажу Вам в первую очередь. Не знаю, писал ли я Вам, что перед Рождеством, на квартире у М. А. Новоселова С. Н. Дурьлин³⁷ читал — в продолжении нескольких вечеров — нечто вроде лекций по истории и археологии Кремля, главным образом, соборов; чтения эти он предпринял до поручению братства четырех Святителей; цель чтений была — подготовка опытных руководителей для сопровождения приезжающих в Москву экскурсантов, а в наше время — раненых. Слушатели были преимущественно из молодежи Златоустовского кружка³⁸

слушал и мой Николай Семенович... бывал и Андрей Андреевич, был С. Н. Булгаков, В. А. Кожевников³⁹, один раз ходил и я... Дурылин устроил посещение соборов всем обществом. Благовещенский собор взялся показать его настоятель — протоиерей. Это был самый интересный осмотр. В соборе собрались все: С. Н. Булгаков (должно быть с супругой), В. А. Кожевников, мои — Николай Семенович и Андрей Андреевич, три студента-филолога и другие молодые люди из Златоустовского кружка; видеть всю эту милую компанию в хорошо знакомом мне соборе было как-то необычно и очень приятно; от радно было видеть, например, как впереди меня подходил прикладываться к чудотворной Донской иконе Божией Матери С. Н. Булгаков. Мы были и в алтаре; при виде алтаря, некоторые, по выражению Н. С., „пришли в исступление” — и было отчего: узкие окна пропускают так мало света, стены во всех трех отделениях алтаря высоких и, кроме главного, тоже узких, сплошь покрыты живописью, но что она изображает — за отсутствием света и темнотою самих изображений — совершенно нельзя понять; два старинных одинаковых запрестольных креста — металлические, темные, покрытые эмалью. Голубь над престолом — в этом таинственном полумраке, кажется, будто действительно парит в воздухе, ничем не поддерживаемый... Это — настоящее „адютон”, как называли греки-язычники самые священные места своих храмов, — т. е. „непроницаемое”, „куда не следует проникать”, „недоступное”. Странно было видеть там наших ученых, странно слышать речи о Бердяеве... в алтаре Благовещенского собора! — Я впервые имел счастье приложиться к чудотворной иконе Божией Матери

„Блаженное Чрево”, ко кресту с реликвиями страстей Христовых (частью тернового венца, „столпа бичевания” и т. п.), к одному из запрестольных крестов. Потом протоиерей водил нас в ризницу; люблю я старинные вещи, но, чтобы с пониманием осматривать их, нужно многое знать, а простой осмотр, без знания, дает мало /.../ Осмотревши ризницу, мы по узкой, темной, витой лестнице поднялись на хоры; на хорах сделаны какие-то впадины в стенах, отражающие звуки („в старину и церковные стены пели!” — говорил Вл. Ал. Кож.) /.../ Протоиерей предложил нам испробовать, как там раздаются звуки, и спеть „Царю Небесный”; спели хором „Царю Небесный”, потом по предложению С. Н. Дурьлина — тропарь Благовещению: „Днесь спасения нашего главизна”, наконец, по предложению батюшки („Вы — в *царском* храме!”) — „Спаси, Господи, люди Твоя!” Трогательно и хорошо было это пение нашего неуверенного хора! С. Н. Булгаков все время стоял, опершись на решетку, — тоже как бы погруженный в какие-то особые чувства! „Здесь петь — одно удовольствие!” — сказал, обратившись ко мне, какой-то красивый юноша. И этот интеллигентный хор пел у них новогодний молебен — после всенощной под 1-е января., только не наверху. В верхние приделы, со старинными, превосходной живописи иконами, нас, к крайнему моему сожалению, все-таки не повели: „очень холодно!” Много восторгов дал мне этот день; зато после, перед праздником и на празднике, мама моя должна была обратиться в сестру милосердия, делая мне „обязания” (как это говорится по-славянски) горчицниками, и мне пришлось ограничиться посещением очень сокращенных служб Румянцевского храма;

не пришлось послушать в Чудовом, на повечерии, под сочельник канона с ирмосами, видоизмененными из ирмосов Великой субботы („Волною морскою”), а канон читал, по обычаю, владыка Арсений; будничные вечерни в Чудовом вообще хороши, а эта — в особенности; она произвела самое хорошее впечатление на Н. С., который ходил туда по моему совету. Скажу еще Вам, как мы с Н. С. провели новогоднюю ночь. После того молебна в Благовещенском соборе, который пел „интеллигентный” хор, он зашел за мной в Чудов, потом мы пили чай, а ему пришла благая мысль: прочесть что-нибудь из творений св. Василия Великого; взяли пятый, аскетический том, начали читать „Правила пространно изложенные в вопросах и ответах”; сразу встретилось нам прекрасное рассуждение о „красоте Божией” и всеобщем стремлении к Богу как к высшему Благу; дядя уже поужинал и лег спать, а мы все сидели за чтением и за чаем: он собирался идти на молебен к о. Иосифу, я — ждал молебна в музейской церкви. Потом мы расстались — со взаимными новогодними пожеланиями: никогда, кажется, не проводил я так хорошо этого вечера...

11 марта

/.../ Вы, я думаю, знаете — по наружности, если не по имени —нашего лаборанта Владимира Сергеевича Зернова, „главу московских католиков”, как назвал его, думаю, шутя, один из посетителей Новоселовского кружка. Он выступает оппонентом на собраниях Соловьевского общества⁴⁰. Небольшой ростом, уже за средние годы; он всегда имеет ка-

кой-то сонный вид; говорит довольно звонким и тонким голосом; часто произносит „Господи, помилуй!” До 1905 года он был далек от Церкви, потом изменился: я видел его в Чудовом, в Никитском⁴¹. Одно время он посещал меня, но я с ним разошелся — из-за его явного пристрастия к католичеству, против которого я не настроен враждебно, но выхваленные новых католических догматов и подыскивание для них подтверждений в наших богослужениях мне очень не нравились. Но человек он искренний, настоящий искатель; он любил беседы с сектантами, нарочно разыскивал, где происходят такие беседы. Утверждали, что он за последние годы совсем перешел в католичество, по крайней мере, нигде в церквях я его уже не встречаю... Беседа с ним бывает интересна; последний раз мы с ним встречались 20 февраля, в канцелярии, при получении жалованья. Долго стояли в коридоре и говорили; он начал разговор с лекции Здеховского⁴² и высказался так: „Я скажу мысль еретическую: в Евангелии сказано: „познася има в преломлении хлеба”; пока хлеб цельный, Христос не познавался учениками, а когда Он преломил хлеб, тогда показался им; так и теперь: при разделении видно: вот в этом — у них Христос, а в этом — на нашей стороне Христос... А когда наступает полное единение, не о чем становится спорить, и люди как-то успокаиваются, как бы духовно засыпают, все, мол, идет по-хорошему, как следует, заботиться не о чем”. — „Значит, Вы думаете, что разделениям попущено быть, так сказать, провиденциально?” — спрашиваю я. — „Да”. Единение с Польшей, по его мнению, у нас может быть только политическое, но не церковное; воссоеди-

нение церквей возможно только в самые последние времена мира, — как в „Повести об Антихристе”...

23 июня 1915 г.

Да, Вера Ивановна, и впечатлений, и переживаний у меня накопилось немало; только не знаю, смогу ли я хорошо передать более важное: нередко я чувствую себя сильно уставшим, а тогда и пишется не так хорошо. — Еще 17 мая я получил письмо от Сергея Сергеевича Покровского⁴³ с просьбой написать ему... Вот это-то письмо С-гею С-чу задержало меня, а то я давно бы рассказал Вам о Симонове.

Поехали мы с Алексеем Владимировичем не рано, однако еще успели подать просфоры: у него был приготовлен длинный список имен (не знаю, живых или усопших); мне приятно видеть подобные черты в нем, юноше столь интеллигентном, бывшем декаденте. Достояли до конца обедню в соборе, в приделе Казанской иконы Божией Матери стояли молебен, осмотрели всю церковь, причем А. В. особенно долго стоял перед изображением Христа в темнице и читал апокрифические суждения членов синедрона. Из церкви пошли в часовню, воздвигнутую над могилами о. Алексия, о. Ионы и о. Марка; там тоже долго пробыли; А. В. поцеловал изображение о. Алексия, я показал ему отверстие, где берут песок от его могилы. За часовней поклонились могиле подвизавшегося здесь духовным подвигом генерала Михаила Зиновьевича Дурасова: он был учеником старца Алексия и даже — преп. Серафима Саровского. У алтаря соборного храма посетили могилы восстановителей монасты-

ря после его временного упразднения — архимандрита Игнатия и третьего после него настоятеля — архимандрита Герасима. /.../ Потом мы искали — но, к сожалению, безуспешно — могилу Максима Ивановича Невзорова⁴⁴, издателя нравственного (несколько масонского) „Друга юношества“: его трогательная биография, где он изображен подвижником, бессребреником, человеком не от мира сего, любителем побеседовать с простым народом, помещена была в славянофильской „Русской Беседе“ 1856 г., этот журнал (из семинарской библиотеки) сейчас гостит у меня; может быть, Вы когда-нибудь захотите посмотреть? Очень понравился А. В. задний двор: и есть чему понравиться! Низенькие старые ворота соединяют теперешнюю церковь с каким-то не вполне, как будто обитаемым старинным же зданием; впрочем, под нижними окнами его разведен садик, цветочки высажены, и сидела „кысанька“ — животное, столь любимое и мною и А. В-чем (но не Н. С-чем!); но самое оригинальное — дальше! Это — совсем уже заброшенное трехэтажное здание с заколоченными окнами, с целыми кустами и высокой травой на втором этаже, над арками нижнего этажа. Если бы кто-нибудь это здание привел в порядок — было бы жалко! Вообще этот монастырь хорош своей уединенностью, запущенностью некоторой; взять хотя бы низенькие кельи с глубокими, густо заросшими аллеями акации к ним... Благодаря мужеству А. В-ча, я побывал в подвале под трапезной церковью. Там усыпальница. Я как-то безотчетно, панически боюсь не только таких полуподземных усыпальниц, но и вообще старинных памятников (особенно сложных, больших, да еще под навесами). Я не чувствую особенного страха перед

покойниками, но пройти между старинными памятниками не могу без содрогания. Усыпальница разделяется на три части (сообразно с тремя алтарями над нею); в каждом отделении стоит распятие. Доступны для обхода только два первых отделения, т. е. под главным алтарем и под алтарем левого придела. Когда мы взойшли туда, из средней части слышались рыдания. Там, в полумраке, мы увидели пожилую женщину, просто одетую, стоявшую на коленях перед распятием и со слезами молившуюся. А. В-ч, говоря со мною, понизил голос, чтобы не нарушать ее молитвы. Какое горе побудило ее искать такого мрачного места для уединенной молитвы? Может быть, что-нибудь связанное с войной? Под главным алтарем есть памятник в виде невысокой, лежащей на земле гробницы — как будто мраморный; он покрыт желтым покрывалом с бахромой, думаю (судя по месту), что это — надгробие схимонаха Павла, постриженника знаменитого Молдавского старца Паисия Величковского; подойти близко мы не решились: в этом месте каменный пол оседает, камни торчат вверх и приближаться туда опасно. Были мы и на Старом Симонове; заглядывали в окна церкви, желая увидеть гробницу Пересвета и Осляби. С нами вступил в разговор какой-то юноша, думаю, сын какого-либо из тамошних духовных; говорил, что нигде там нельзя разрыть землю, не потревожив костей, находят целые скелеты, и немудрено: более трехсот лет (до 1700-х гг.) там хоронили братьев Симоновой обители. На церковном дворе стоят низенькие сооружения, вроде башен; юноша объяснил, что ближайшая к воротам указывает место молитв (он даже сказал: „место пещеры”) преп. Кирилла Белозерского

(ему в этот день и была память: в Старом Симонове есть его придел, была поздняя обедня, — вот единственный удобный случай поклониться могиле иноков-героев Куликовских!). — Долго стояли мы с А. В. у задних ворот монастыря, любуясь на вид и размышляя о том, как в Москве все „существует” — древнее с новым — соборы, монастыри — с фабриками, железными дорогами, цистернами для нефти...

14 авг. 1915 г. начато, окончено — 17-го

/.../ 31 июля была 15-я годовщина со дня смерти Вл. С. Соловьева. Я с мамой и Н. С. был в Новодевичьем /.../ панихиду служил молодой вдовый батюшка, всеми уважаемый за религиозность и чистоту жизни⁴⁵, мы стояли в отдалении /.../ Потом мы обошли могилы более или менее известных лиц⁴⁶: Н. П. Гилярова-Платонова, Загоскина, А. П. Чехова, Плещеева, Льва Поливанова, проф. Буслаева и А. Богданова (родителя о. Владимира)⁴⁷, почитаемых древних, как будто даже первоначальных, насельниц обители: схимонахини Елены, игумении Домникии и послушницы Феофании (некоторым они являлись во сне, — сказала нам одна словоохотливая монахиня, разговорившаяся с нами у могил странников и юродивых), монахини Сарры, спасшей здания монастыря от взрыва в 1812 г. Когда мы остановились у могил блаженных: Ивана Трифоновича (которого Вы так хорошо знали и так хорошо мне описали, да и я сам припоминаю его наружность с „Соловьевскими” чертами), Симеона Ивановича Бутаева († 1890) и Феодосия

Павловича, умершего еще в 1866 г., к нам подошла монахиня, худенькая, еще не старая, в домашней шапочке, и разговорилась; сказала нам, что Ивана Трифоновича не забывают до сих пор, дают ей на масло для надмогильной лампы; помнит она и „Семенушку“: „Этот все сны какие-то видал“; но главным образом она хорошо знала неизвестного мне до тех пор Ивана Федоровича, погребенного влево от Ивана Трифоновича; умер он в 1906 г., на 72-ом году жизни. И зиму, и лето он жил в вырытой им на огородах, за монастырем, пещере: „там горушка такая есть“ — рассказывала монахиня (мы бы сказали: пригорок, возвышение); „вот он эту горушку-то и прокопал“; прокопал почти насквозь: на противоположной от входа стороне даже стекло (в виде окна) вставил: так тонка была, значит, задняя стенка пещеры. Монахиня и длину ее старалась нам определить: „вот как отсюда да до того белого креста“, но я не понял, какой крест (из многих) имела она в виду; заметно только, что она показывала немалое пространство. Она сама вместе с другими монахинями бывала в этой пещере; летом там было очень душно, а зимою Иван Федорович согревал себя только тем, что зарывался в сено: печи никакой там не было. Случалось, однако, что у него оттуда кое-что крали. С Иваном Федоровичем жил в этой пещере еще один искатель подвигов: раньше он был в числе братьев кинонии, основанной схимонахом Филиппом: на „Филиппушку“ воздвиглось гонение; киновия была закрыта, и братия принуждена была разойтись. Вот какие явления были еще возможны в недавнее время: под Новодевичьим монастырем спасались двое в пещерах! — Помянула

монахиня и женщин-юродивых. Натальюшку, которая, как сказано на ее памятнике, с 14-ти лет была Христа ради юродивая, а скончалась 68-ти лет, 12 августа 1895 г., и теперь еще здравствующую и посещающую их обитель Варварушку⁴⁸, которую наша монахиня называла прозорливой. Не хочу выкидывать слов из песни: не постесняюсь передать Вам слышанное; странное и смущающее нас очень часто бывает присуще *таким* людям и для них характерно. Натальюшка иной раз бранилась „черным словом”: наша рассказчица заметила ей однажды, зачем она разбросала собранные было монахинями церковные коврики-половички; та назвала ее за это „чертовкой”. А Варварушка не желает, чтобы сбрасывали с нее насекомых, ползающих даже около ее лица (монахиня провела рукой по шапочке, около лба); если кто снимет, — она говорит, что ее обокрали! Хорошо, что при этом разговоре не было А. В-ча, в противоположность мне, он подобными чертами смущается, находя, что трудно подходить к таким явлениям с умом, обнаженным от общепринятых понятий (как советовал для таких случаев я); ему не нравится и книжка: „26 московских лжеюродивых, дур и дураков”, произведение 60-х годов, написанное в отрицательном и обличительном духе, но очень литературно и с ценными бытовыми подробностями; а я, вослед за А. В. Хованским, люблю эти подробности. — Натальюшка погребена вместе с сестрами обители: место их погребения, если смотреть от могилы Чехова — будет ближе к ограде и кельям в углу. Места для погребения всех этих блаженных людей давала безвозмездно покойная игуменья Антония, оставившая по себе светлую память, между прочим —

своей нестяжательностью. О ней и об ее тетушке, жившей здесь в монастыре, много хорошего рассказывала монахиня. Тетушка игуменьи отличалась большой щедростью (при скудости средств): все, что получше, раздавала, а себе оставляла что похуже: в день ее ангела одни являлись к ней с подарками, другие, чтобы получить что-нибудь из этих подарков. Жаль, что всего не мог я запомнить! — Это все *факты*; правда, факты — хорошие; даже и Н. С. сказал, узнавши, что я передаю Вам речи монахини, что такую беседу стоит закрепить в письме /.../

15 сентября 1915 г.

Поздравляю Вас, Вера Ивановна, с наступающим днем памяти св. мученицы Веры. Много получите Вы в этот день приветствий, много пожеланий! Не знаю, чего мне пожелать Вам? Желая, чтобы этот строй Вашей жизни — под кровом родительским — продолжал существовать долгие и долгие годы; думаю, что и Вы себе прежде всего желаете именно этого. Устал я сегодня сильно, и голова плохо работает; вероятно, сказываются и волнения недавно минувших дней. За все, за все — слава многомилостивому Богу! — А что свободы — по службе — у меня уже не будет, что я вступаю в учреждение, где служащие живут между собой не мирно, где отношения между начальником и подчиненными натянуты, — что же делать. Мое положение до сих пор было исключительное: фактически я был сам хозяин, сослуживец мой (врач по образованию) — близкий мой знакомый с первого курса, отношения наши — самые приятельские; кругом — милая и —

в большинстве случаев — за все благодарная студенческая среда... Да, там будет мне холоднее, труднее, там будет больше житейской прозы... Зато — мама будет спокойна, собрания наши смогут продолжаться по-прежнему, на той же квартире. — Ну, довольно о себе, поговорю о чем-нибудь, имеющем более общий интерес. 30 авг. я был (один на этот раз) в Даниловом монастыре⁴⁹ на празднике св. кн. Даниила; много потратил времени на то, чтобы найти могилу философа Памфила Даниловича Юркевича⁵⁰ — и не даром: нашел-таки! Это для меня было событием (говорил Алексею Владимировичу), гораздо более важным, чем роспуск Гос. Думы; три памятника в оградке — самого Юркевича, его супруги и дочери — густо обросли крапивой. Невдалеке от Юркевича похоронен славянофил А. И. Кошелев, а на пути к их могилам — Дм. Фед. Самарин. Я так усердно (хотя и несколько тенденциозно) разыскиваю могилы деятелей минувшего времени, что, пожалуй, и для меня в некотором отношении Москва является „городом мертвых” (necropolis), как называл ее Чаадаев...

/.../ В Рождество Богородицы у меня было собрание „тройственной коллегии”, — и кто знает? — может быть это собрание будет иметь историческое значение? — говорю это полушутя, но — кто знает, кто знает? Дело вот в чем: на этом собрании наш милый „прапорщик” А. В. Шенрок (у него и эполетцы — прапорщика!) предложил для нас, для людей нашего направления, новый термин: *ортодоксофилы*, любители или читатели Православия. Началось с того, что я стал говорить (не помню, по какому поводу), что в нас есть нечто своеобразное /.../ „Но в чем же наше своеобразие, вот что следует выяснить!” —

сказал, ходя взад и вперед по комнате, Н. С. — „Да, это важно, — говорю я, — в общем, мы, конечно, примыкаем к славянофилам”. Оба согласились со мною, но тут-то А. В. и сказал, что термин этот — и в прежнее-то время не вполне выражавший то, что им определялось, — пора оставить, и предложил новый, именно *ортодоксофилы*. Он, помнится, исходил из той мысли, что раз признается Православие, тем самым признается ценность всего того, что мы любим, — например, в старом быту, в культуре, науке, философии... Суждена ли будущность этому направлению? Бог знает... А воображение уже рисовало мне картину: какой-нибудь владыка, с колокольным звоном, сопровождаемый маленьким (да, конечно, маленьким! и надежды нет на большее, да интимнее так!) — маленьким кружком московских ортодоксофилов, идет совершать панихиду, например, по Юркевиче... „Опять Некрополь? Может быть, вы и сами отжили свой век?” — спросят ортодоксофилов их противники... — Ну, тогда посмотрим, что-нибудь ответим, а лучше всего — ответим не словами, а самой жизнью своей, своим настроением, — а если и трудами письменными, то — положительного, а не полемического характера. — На днях за обедней в Казанском соборе^{5 1} я заметил одного, уже кончившего курс филолога, в военной одежде, с повязкой красного креста на рукаве; в тот же день вечером вижу его в Чудовом монастыре за всеобщей (по распоряжению вл. митрополита в Чудовом ежедневно служитя всеобщая и будет служитья до окончания войны); тут я уже поздоровался с ним. На другой день я пошел в Чудов к обедне — он опять там. После обедни мы поздоровались, и он спросил меня, не знаю ли я, когда от-

правляются поезда на ст. Арсаки (т. е. в Зосимову пустынь); я решил использовать кое-какие чудовские свои знакомства и этим путем услужить ему, но увы! никто не знал времени отхода поездов. Мы с ним потолкались — то по церкви, то в лавке, но безуспешно! Прощаясь, я спросил его, был ли он на войне; он ответил, что 20 сентября исполнится год, как он находится в действующей армии, а теперь приехал только поговорить; я спросил его фамилию, извинившись за свою забывчивость; „Милорадович“, — сказал он... Так и веет от этой фамилии 12-м годом, подумалось мне... Мой Николай Семенович с восхищением выслушал мой рассказ и сказал: „Дай ему Бог возвратиться невредимым, а то после-то войны у нас будет плохо, и такие люди будут очень нужны...“

Еще один факт, о котором „поведати подобает“. Подходит ко мне недавно одна наша барышня, держащая магистерский экзамен, и спрашивает об одном оставленном при Унив., у которого все отцовское владение погибло от войны: как он устроился? По-видимому, устроился, — отвечаю ей; м. б., ему нужны деньги, — говорит она, я бы могла дать ему рублей сто — до весны, но так, чтобы он не знал, от кого это идет; переговорите с ним, и тогда я Вам передам деньги. Я говорил ему, сказавши, что приходил *один господин*, справлялся, как он устроился и т. д. В ответ на это он выразил желание получить только 50 р. — „иначе, боюсь, не смогу уплатить!“ Я сообщил ей по телефону, и сегодня 50 р. в моих руках, и все это без всяких расписок, без определенного срока и, главное, тайно! „Да не увести щуйца десницы дело, да не расточит тщеславие плод милостыни, но в тайне тайная Ведущему...“

и т. д. И это — в наше для всех трудное в материальном отношении время!..

1916 год

14 сентября

/.../ Мне хотелось кое-что сказать по поводу тех четырех белых *астр*, которые Вы возложили — по числу нас, ортодоксофилов, почитателей Соловьева, — на его крест. *Астрон* — по гречески, аструм — по латыни значит „звезда”; и вот мне вспомнилось стихотворение Вл. С. С. — „Умные звезды”, — где сопоставляется судьба *цветов*, жемчужин и — *звезд*: о первых он говорит: „Цветы мы и любим — и мы же их губим”; о жемчужинах: „Томиться в неволе — Их горькая доля: Хоть нити, а те же оковы!” А о звездах: „Всех звезды умнее: Вверху пламеня, на землю глядят без тревоги. Лампады вселенной. В красе неизменной Блаженны и вечны как боги” (Текст выписываю из Аксаковской „Руси” 1888 г. № 2, где это стихотворение, по-видимому, появилось впервые, за подписью „В. С.”). — Несмотря на то, что и мы с мамой, и мой сотрудник по семинарской биб-ке с своей мамашей много лет знали почившую старицу Любовь, все-таки мы неверно называли ее отчество: ее звали не „Архиповна”, а „Антиповна”. /.../ Впервые правильно ее отчество я увидел на ее кресте в Донском монастыре; затем — Путилины дали мне вырезку из „Раннего Утра”, которую и выписываю: „Сегодня на кладбище Донского мон. состоятся похороны скончавшейся в Зачатьевском жен. мон.⁵² на 71-м году жизни ста-

рицы Любви Антиповны Григорьевой. Она — дочь полковника, имевшего крупное состояние и давшего ей домашнее светское образование. После смерти матери она проводит свою жизнь в богомолье в Зачат. мон. В течение 32-х лет она не пропускала в мон. ни одной службы, а последние 9 лет она ежедневно в монастыре имела ночлег, где она и умерла. У гроба почившей в церкви утром, в присутствии всех сестер монастыря, при двух хорах певчих, была совершена панихида, а вечером была отслужена заупокойная всенощная...” /.../ Как сейчас вижу эту проворную старушку, с длинным носом, нежным цветом лица, в беленьком платочке, из-под которого иногда выбивались седые волосы, в черной длинной тальме, с двумя узлами — в белых платках — на левой руке и с таким же узлом, поддетым на правую руку; узлы эти казались наполненными большим числом просфор — и я помню, действительно, как у Нечаянной Радости (у Благовещения), она стояла на коленях у амвона, а через решетку трапезник опускал к ней такой же узел с просфорами; но, конечно, странно, почему *всегда* она ходила с просфорами? Я видел ее с такими же узлами за *вечерней* у св. Илии Обыденного⁵³. От этих ли узлов или от лет она гнулась вперед, но не горбилась и, как я сказал, была проворна в движениях, легка на ходьбе, речь и взор у нее были строгие: я не видал на ее лице улыбки... Да помилует вас Господь ее молитвами! — Еще по поводу „людей Божиих” (кого, как не их следует вспоминать мне в наше время?) В том замечательном письме, где Вы мне передавали свои мнения и заимствованные сведения о таких людях, Вы пишете о Петре Федоровиче: „Жил он в сторожке дома Уткина *близ храма Успе-*

ния Б. М. на Покровке⁵⁴. Дом переходил уже к третьему владельцу, а в сторожке был пожизненным обитателем Петр Федорович". В двойном — 9-10 № „Русского Архива" за 1915 г. есть статья М. Мариной /.../ заглавие статьи — „Головино"; описывается имение Головиных, близ Петр.—Раз. в 2-х в. от полустанка Ховрино Никол. ж. д., где теперь Казанский Головинский женский мон.⁵⁵. На стр. 46 говорится: „Благочестивая В/арвара/ И. Головина... давала у себя приют сирым и убогим и раздавала щедро милостыню. Она предоставила подвальный этаж своего дома (на Покровке, в Большом Успенском переулке, рядом с таким же домом С. И. Головина /брата ее мужа?/) в распоряжение дворника Тихона для помещения странников⁵⁶ /.../ В памяти моей возникает воспоминание о целом сонме виденных мною (в усадьбе Головиных) старцев, юродивых, странниц, черничек, богомолков, исходивших из конца в конец, с котомкой, обширную матушку—Русь. Все они были какие-то особенные или казались мне такими, потому что я видел их не издали, не мельком, не случайно, а близко, продолжительно, в особенных, исключительных условиях. В Головино все они заходили мимоходом: по пути в Новый Иерусалим, к Троице, к Савве Звенигородскому. Главным образом, собирались они в особняке на Покровке, там всегда они находили себе приют и пропитание. В летние месяцы, за отсутствием хозяев, радушно принимал их почтенный, благочестивый, престарелый Тихон, питавший, подобно своим господам, особенное расположение ко всем этим „Божиим людям" за то угодное Богу подвижничество, которое имело большую цену в глазах богобоязненного старца. Из числа этих Божиих людей более

всего запомнил я фигуру прозорливого юродивого старца Серафима, пользовавшегося особенным уважением как Головиных, так и духовных сестер общины (тогда уже возникавшей). Он был иеродиаконом Московского Данилова монастыря, пользовался большой популярностью и уважением среди московского купечества. Он был суров, угрюм, говорил иносказательно, отрывисто, низко опустив голову, не глядя на того, к кому обращал свою речь. Не был ли Петр Федорович в числе обитателей этого, еще Головинского в то время, убежища, а доживал свой век уже при новом (третьем, по Вашим словам) владельце — Уткине? Может быть, в этой самой сторожке помещался раньше и упоминаемый в статье благочестивый Тихон?..

1917 год

10 марта

/.../ В прошлую пятницу у меня было собрание „ортодоксофилов” — большое собрание, все, посещающие меня, были в сборе, кроме, конечно, Сергея Владимировича⁵⁷, который в военной форме только что побывал у меня. Были: Н. С., А. В., Борис Васильевич Холчев⁵⁸; и что же оказалось? А. В. повторяет теперь мои слова о возможности у нас Православной республики и вообще — доволен переворотом! Но остальные с тревогой смотрят на будущее. Особенно, кажется, Б. В. Холчев. То есть, на будущее Русской Церкви, я хочу сказать. А. В. говорит, что зато она теперь свободна; но я учитываю ее (чисто человеческие, конечно, не касаясь благо-

датных) силы — и боюсь! Боюсь за монастыри, боюсь за материальное положение духовенства (правда, тут помогут церковные дома; и замечательно! Давно мне приходили в голову такие мысли: теперь, пока можно, Церкви следует запастись материальными средствами: неравно — такое придет время, когда этого нельзя будет делать!); субсидий на какие-нибудь издания давать не будут; даже восстановление церковных древностей, пожалуй, будет затруднено. Я уже не говорю о том, что не будут запрещать книг, направленных против Веры и Церкви, что поднимут голову секты, что дозволены будут гражданские браки, что, пожалуй, и крещение младенцев будет не обязательно, что будет убавлено число праздничных дней и т. п.! /.../ Вы как относитесь ко всему, Вера Ивановна, как Ваши родители переживают совершающееся? Даже и мама моя интересуется узнать это. Как принял события владыка Антонин?⁵⁹ Ему бы теперь действовать да действовать, если бы здоров был; как нужны теперь такие церковные деятели! Теперь вообще необходима будет самостоятельность с нашей стороны — самостоятельность и объединенность — это, кажется, все признают. У Мих. Ал. Новоселова на собрании Богословского кружка⁶⁰ настроение было еще хуже, еще с большими опасениями смотрят на дело, чем мои „ортодоксофилы“; придя от него, я даже напугал, кажется, маму, передавая ей, что слышал там о возможности отобрания денег и земли, о том, что все должно кончиться военной диктатурой и т. д. Среди священников, говорил М. Ал., есть стремление отодвинуть епископов на задний план, — а, по газетным сведениям, дьяконы объединились с псаломщиками для борьбы со священниками...

Остается объединиться просвирням с трапезниками, богоделенкам с церковными сторожами! На днях виделся я с лаборантом Вл. Серг. Зерновым; уважаю я этого человека! Он без боязни смотрит на будущее, говорит только, что мы теперь предоставлены самим себе, нам придется защищаться, особенно против протестантствующих; но не нужно перед ними слишком защищать все церковное, достаточно веры в Господа Иисуса Христа как в Бога; против же специально-церковного у таких людей бывает какая-то инстинктивная неприязнь; „я сам, — говорил он, — с какой-то инстинктивной ненавистью относился к просфорам, например”. Однако, знакомые ему „правоверные католики”, как он их назвал (русские, не поляки), опасаются в будущем гонения на Церковь /.../

30 марта 1917 г.

/.../ Я очень Вам благодарен, Вера Ивановна, за Ваше большое письмо по поводу событий: очень оно мне и всем моим пришлось по сердцу, — кроме, разве, одного Алексея Владимировича: он у нас едва ли не единственный „приветствующий” переворот, — так же, как и его брат (как раз сегодня окончивший курс в Александр. Учил.). Я и Николай Семенович не противимся перевороту, но „приветствовать” новизну „авансом” я не хочу... Дай Бог, дай Бог, чтобы все текло мирно, чтобы Церковь, лишаясь внешнего, приобретала внутреннее! Большой я скептик только, да к тому же, когда заходит речь о том, что такое-то лицо должно пострадать за свои убеждения, но не уступить, — я всегда ставлю себя

на место этого лица — и нахожу, что я-то во всяком случае уступил бы, не устоял; а в будущем, пожалуй, именно такой выбор и предстоит сделать (или даже делать, неоднократно, — не по одному поводу) представителям Русской Церкви. Конечно, благодатию Божией пример Хилона (из „Камо грядеши?“) может быть и в жизни, не только в литературе, но я — нет, боюсь писать об этом, думая, что грешу!...

21 мая 1917 г. Троицын день.

/.../ Я хотел рассказать Вам, как я был на квартире Эрн⁶¹ за всеобщей накануне его погребения. Лишь только я вошел в переднюю, о. Павел сделал первый возглас. Пел, мне показалось, какой-то академик. Мне и кое-кому, кто пришел еще позже (например, приват-доцент Н. Д. Виноградов, пришлось так и остаться в передней. Служили очень хорошо: о. Павел и о. Сергей Соловьев⁶² попеременно прочли весь 118-й псалом и заупокойный канон; о. Сергей, по-видимому, не облачался: все ектении и возгласы произносил один о. Флоренский; читали и пели тихо, но внятно. Служили ровно час. После отпуска о. Павел троекратно возгласил: Христос воскрес! Кое-кто стал уходить из залы, а я старался протесниться туда. Вышел оттуда доцент Академии Андреев, посещавший собрания М. А. Новоселова, а в зале я увидел Рачинского⁶³, Н. И. Прейса⁶⁴ и моего бывшего сослуживца (теперь — на воен. службе) — Нилендера. Отца Сергея я увидал уже выходящим в другую комнату, а то я бы поздоровался с ним и благословился бы у него. Поздоровавшись со знакомыми, я подошел к Владимиру

Францевичу; он почти — на мой взгляд — не изменился. На гробе лежало много пестрых цветов и вокруг одра, на полу, стояли баночки с левкоем. В руках у покойного лежала икона с изображением нескольких святых, не знаю, каких именно. В переднем углу, низко, на столике, что ли, каком, стоял какой-то большой старинный складень, как будто литой, тонкой работы; перед ним — лампада. Монахиня подошла читать псалтирь; в ногах опять стоял о. Павел, вообще собравшиеся не спешили расходиться. Я обошел вокруг гроба, ища, с какой стороны удобнее проститься; но гроб стоял так высоко, что я мог только прикоснуться губами к плечу покойного. В передней какая-то пожилая дама рассказывала какому-то господину и нашему Нилендеру о том, что Вл. Фед. сильно страдал, желал даже, чтобы прекратили его страдания, то есть, не поддерживали жизни, что ли, — т. к. все равно на выздоровление он не надеялся; не ручаюсь, что последнее передано верно. А в день отпевания я помянул его в Архангельском соборе, куда часто забегаю подать просфору: там их очень быстро вынимают, и я мчусь с просфорой в кармане через соборную площадь, чтобы до начальника успеть придти на службу. В Университете же я помянул в этот день Эрн тем, что просмотрел его книгу „Борьба за Логос” и нашел там много для себя ценного, так что думаю когда-либо взять ее почитать. Поступил он к нам молоденьким студентом, лет 18-ти; помню, тогда даже говорили, что рано в такие годы приступать к изучению философии. Потом — революционный период. „Христианское братство борьбы” (нет, скорее: „братство христианской борьбы”!) — Эрн, Флоренский, Свенцицкий, Ельча-

нинов; странная квартира на Остоженке (коллективная?), которая никогда не запиралась... Подвижническая жизнь, издательская деятельность, переписка (чуть ли не ежедневная!) Эрна с его невестой... Потом все (кроме Свенцицкого) — так сказать — вошли каждый в свое русло. Эрна женился, и стали уже тогда говорить, что он болен, лежит целыми днями. На первый период своей жизни он сам смотрел как на такой, с которым все покончено, и что начинается нечто новое, иное. Никогда у меня с ним не было особенно продолжительных и откровенных бесед, — да я стал знать его (во втором-то периоде) уже доцентом, известным доцентом, и это меня немножко держало в отдалении, — но он очень мне нравился. Помню я, что мне прошлой весной пришлось принимать от него массу библиотечных книг, возвращаемых им по окончании диссертации о Джоберти⁶⁵: мы с ним, разбираясь в них, даже сидели и вкладывали в них расписки (обычно же, когда книг не много, это делается „походя”), и в это время я кое-что спрашивал у него по поводу этих книг; он тогда, между прочим, хвалил старинный перевод русский Платона, вышедший в первых годах XIX в.; ему он казался самым лучшим из русских переводов. Да, много он мог бы дать еще нашему образованному обществу! — Жаль, что никто из нас не был на его погребении: теперь не так легко найти его могилу, совершенно не зная, в какой она стороне кладбища; скорее, вероятно, на новом кладбище, а там не так трудно найти...

/.../ выборы митрополита не произвели на меня возбуждающего, вдохновляющего впечатления⁶⁶ — первые, свободные выборы Московской церковью своего епископа! При страшном ветре, ломавшем хоругви, вынесли из храма Христа Спасителя⁶⁷ Владимирскую икону Божией Матери⁶⁸ — и все то же чувство безнадежности ощущал я в душе... По этому поводу у нас зашла речь о том, на что вообще можно надеяться (конечно, Вл. Ан. мрачно смотрит на все, это нужно иметь в виду). Я говорил, что не прекратится деятельность С. Н. Булгакова, кн. Е. Н. Трубецкого, Бердяева, о. Флоренского... „Это все — одни и те же лица)” — „Ну и что ж из этого? А мы можем стать — по мере сил и *способностей* — их продолжателями; для кого? — да хотя бы для таких юных, как Сергей Всеволодович⁶⁹. А наш долг — питать свою душу чем-нибудь хорошим, чтобы быть в состоянии им приносить духовную пользу; научная деятельность теперь, когда не уверен, что останешься жив *после всего*, конечно, в этой неуверенности находит для себя большое препятствие; но и тут, быть может, следует действовать по псаломскому слову: „Пою Богу моему, дондеже есмь!” Но есть и еще выход: читать не научные книги, а чисто-духовные, как теперь я читаю письма странника Ивана Ивановича Троицкого, изданные Шамординской обителью; то, что оттуда можно извлечь, — ведь это — „единое на потребу”! Сохранятся ли такими же те юноши, которых мы ценим теперь, — если, например, монастыри будут закрыты? — Едва ли будут закрыты *все* монастыри; потом — крутые меры естественно вызывают и сильную обратную

реакцию, хотя бы в виде любви к прошлому и его идеализации... Нет, будем надеяться на Господа, — и преемство религиозной мысли сохранится, и будет, кому передать наследие этой мысли! /.../

14 сент. 1917 г.

/.../ А теперь вспомню день Успения Владычицы, день открытия Собора. — Несмотря на то, что наутро мне предстояло явиться в Покровские казармы, день 15 августа произвел на меня сильное, отрадное впечатление. Накануне я был за всенощной в Благовещенском соборе; народу было не много; служил архип. Арсений Новгородский, строгий преемник доброго к студентам владыки Антония⁷⁰ на посту ректора нашей Академии. А напротив, в Архангельском соборе, служил добрый владыка — и по характеру, и по имени: Агафангел⁷¹, „добрый вестник“; там я застал еще конец канона и после службы благословлялся у владыки. Когда в Благовещенском пели величание, в Успенском начали литию с обхождением собора; я не утерпел, прослушал первое величание и вышел на паперть, а с нее перешел на Красное крыльцо и смотрел крестный ход. Литию совершал наш митрополит, только что получивший и этот титул, и белый клобук. — Отстояв еще конец всенощной в Архангельском, я решил пойти поближе к главной паперти Успенского собора; какова же была моя радость, когда мне удалось, без всякой очереди, без тесноты — попасть в самый храм, в этот всегда великий для него день, а в этом году — прямо исключительный, „нарочитый день“! Увидав там Николая Семеновича и пожимая его руку, я с вос-

торгом говорил ему, что я первый раз в жизни за этой службой в Успенском соборе (у вечерни я был однажды, но давно: трудность доступа заставила меня отказаться от этой вечерни)! Это было время чтения Евангелия; потом начинался канон — „Преукрашенная Божественною славою“; я особенно люблю каноны: это самая лирическая часть Богослужения, — и я вспоминал, как лет 9 тому назад, с душевным волнением слушал я этот канон в этот день, стоя у дверей собора, а потом, в следующие годы, ведь и близко-то к нему не стали пускать! — а на этот раз я был в самом соборе! Хорошо там было в этот день, даже правая — стесненная лесами и не освещенная паникадилами — сторона собора — при блеске паникадил левой стороны и сплошь покрытой коврами середины — не нарушила впечатления! — К обедне я уже заранее решил идти в Ваш приходский храм⁷², — там было назначено ближайшее к нам архиерейское служение, и тоже остался очень доволен. Служил Смоленский владыка Феодосий, бывший ректор Киевской Академии, автор несколько известного мне сочинения о Палестинском монашестве V века. Все мне понравилось, даже перерыв между литургией и крестным ходом, когда духовенство с епископом ходили подкрепиться чаем; это безмолвное ожидание хода, когда постепенно увеличивался перед храмом ряд хоругвей из соседних приходов, тоже создавал какое-то особое впечатление. Видел я за этой службой и бывшего Вашего старичка-диакона, ослепшего, и порадовался за своего крестного, за его бодрость душевную и телесную. — Крестный ход наш шел Знаменкой и около храма св. Николая Стрелецкого⁷³ сошелся с крестным ходом из храма Христа Спасителя: его

сопровождали, кажется, четыре архиерея. Около Боровицких ворот вышло какое-то недоразумение с милицией, пропускавшей святыни и духовенство, но не желавшей пустить в Кремль богомольцев. Часть их отправилась к Троицким воротам, но и там была встречена так же — по рассказу Николая Семеновича. Накануне, в те же Боровицкие ворота шел огромный крестный ход из Замоскворечья, с преосв. Иннокентием Донским во главе; тут как-то всадники „отступили” и „крепость была взята”. Кстати, позже, уже на Красной площади, был такой же „соблазн”: своими глазами я видел всадника, размахивавшего над головами богомольцев нагайкой (не на „старозаветной” картине Репина⁷⁴, а в действительности, в „новой свободной” России! Печальная это страна, безнадежная!) Но — слава Господу Богу! моя душа, столь всегда отзывчивая на подобные явления, посмотрела в этот великий день мирными очами на эти проявления „немирности”! Проходя за толпою мимо соборной площади, я видел, как прошел из Арханг. собора в Успенский преосв. Агафангел с духовенством в золотых ризах. Далее — все встречались крестные ходы: из Вознесенского⁷⁵, с иконой преп. Евфросинии, осеняемой очень мне понравившимися *пестрыми* крупными рипидами, с каким-то средних лет преосвященным, с „светским” типом лица; тут же, на углу, около Николаевского дворца, шел один — с диаконом — какой-то высокий, молодой епископ, — типичный „молодой ученый монах” — термин, столь привлекательный для меня в последние гимназические мои годы! Мне так приятно было видеть так просто, без охраны, идущего в полном облачении — и так одиноко идущего преосвященного! В самых Спас-

ских воротах встретился крестный ход, во главе которого был преосв. Модест. А по обеим сторонам пути от ворот к Лобному месту стояли раньше пришедшие иконы и хоругви разных приходов; сколько тут было святынь! Помню чудотворную икону „Утоли моя печали” — от св. Николая в Пупышах⁷⁶, (вероятно, я не видал ее лет девять), потом видел более знакомую мне Грузинскую икону (с Воронцова поля), в старинном складне⁷⁷, икону 40-ка мучеников (что близ Новоспасского)⁷⁸, я радовался, что вижу те иконы и священные знамена, которые прежде, до переезда в центр, более или менее часто видал; видел хоругви ото Всех Святых на Солянке, большой образ Преображения от Спаса на Глинищах; хотелось мне увидеть Николаямские хоругви⁷⁹, но что-то не заметил. Прибывали все новые и новые приходские ходы, и длинный ряд их протянулся по обеим же сторонам площади от Лобного места до Историч. Музея. Солнце палило ужасно, но долго пришлось дожидаться, прежде чем показался большой крестный ход из Соборов. Хоругвеносцы, по-видимому, выставили все свои наличные силы, — увы, столь заметно для „коренных москвичей” опустошенные войной! — и соборных хоругвей было много (хотя, думается, в прежние, мирные годы, в самом любимом моем ходе — вокруг Кремля — их было еще больше!); много было и святынь: иконы Иверская, Казанская, художественно написанная икона „Взыскания погибших”⁸⁰, Спас Нерукотворный из Новоспасского. Впрочем, *большой* крестный ход, из-за ряда *стоявших на месте* перед нами хоругвей и толпы народа, я видел уже хуже, а длинный ряд архиереев — лишь постольку, поскольку мог бросить взгляд на них из-за стоявших впереди меня,

и то — поднявшись на цыпочки. Выход всего хода из Кремля, вследствие длины процессии, занял очень много времени. Наконец, отслужили молебен на Лобном месте, митрополит Владимир⁸¹ осенил „град и людей” крестом, — и одновременно с возвращавшимся через Никольские ворота соборным крестным ходом двинулись и приходские; в некоторых местах, например, у Казанского собора, было даже тесновато и неудобно, то сбоку, то сзади оказываются хоругви, и следовательно, мы им мешаем; потом как-то уставился ряд ходов, возвращавшихся на Тверскую, с иконою „Взыскания погибших” во главе, — она была на высоких носилках; сюда примкнул пока ход от Воздвижения на Воздвиженке, потом отделившийся от прочих у Иверской; с ним — а потом с Борисоглебским⁸² ходом — я дошел до Арбатской площади, а при повороте на Знаменку встретил ход Вашего храма, с которым я начал свое путешествие в этот день. Думаю, никогда еще я не был столько времени с непокрытой головой, как в этот день! После такого торжества особенно ясно чувствуется, что Москва — столица всего Православия!

29 ноября 1917 г.⁸³

/.../ В субботу у нас праздник мученицы Параскевы, но ко всенощной идти не решился. А наутро, после стрельбы, анархисты сдались; из окна⁸⁴ мы видели сцены как бы времен французской революции — мужчины в шляпах и партикулярной одежде, с ружьями в руках, — видел я, как на носилках пронесли раненого; их было человек семь, да двое

убитых. Сильный плач в коридоре удивил нас: мама вышла — и узнала, что убита Нина⁸⁵; она лежала в глубине своей комнаты, около кровати. А я пошел на службу, думая, что этим *все* кончено. Я страшно удивился, слыша с разных сторон стрельбу. На Моховую меня не пустили: пошел Шереметьевским пер.⁸⁶, в задние ворота Университета, но они оказались закрытыми, а на углу, где наша унив. лавка, неумолкаемо трещал пулемет. Я возвратился от самых ворот Унив. и, так как у нас шла обедня в день храмового праздника, зашел туда, но стоял тревожно, и мало было молитвенного настроения. Однако, с паспортом и пропуском коменданта я пошел ко всеобщей к священномуч. Антипе⁸⁷; меня ловили два раза юнкера, а на обратном пути — 4 раза! Да еще около Румянцевского музея я едва не наткнулся на их пулемет. В воскресенье ни в Музее, ни у Воздвиженья обеден не было — ни ранней, ни поздней... Я прочел дома часы и „последование изобразительных“, а дальше началась странная жизнь под звуки разнообразных выстрелов. Особенный страх испытали мы от слуха, будто будут артиллерией громить с Ходынки Алекс. училище⁸⁸; предлагали спрятаться в подвальный этаж, но наши опасным: ну как на нас обрушатся верхние этажи! /.../ Наша прислуга с своей двоюродной сестрой (которая теперь живет у нас) сбежала в первый же день — в знаменитую пятницу⁸⁹, и нам с мамой пришлось самим ходить за дровами. Сперва я не представлял себе опасности хождения по двору, однажды мы с мамой выходили даже за ворота, — но когда я увидал, как председатель нашего домового комитета подбирает на дворе пули, — я стал бояться за свою драгоценнейшую жизнь и ходил с

опаской. Картофеля у нас было много, было соленое и постное масло, грибы, несколько кочешков капусты, а у прислуги нашей — две селетки, из которых мы сварили однажды суп, наскучив грибами. За хлебом от комитета, конечно, ходить по очереди перестали: боялись, только дважды ходили две прислуги, да однажды беженка, проживающая у Климушиных, смелая дочь полковника, ходила себе, нам, своим хозяевам и еще кое-кому за хлебом /.../ Я очень много занимался — днем (окна мы ничем не закрывали), а вечером сперва сидели за плотно занавешенными окнами, а потом переселились в мою комнату, она выходит окном на задний двор, на самую типографию⁹⁰ (велено было перейти в задние помещения); но там — у нас ли, на соседней ли крыше поселился кто-то и не переставая палил; как иронически сказал про него один наш сосед, — он прекращал стрельбу только тогда, когда пил чай и обедал: будто он даже при таких обстоятельствах жил так буржуазно! Но я боялся, как бы в него не стали стрелять — и не попали бы в мое окно: спал я всегда в своей комнате, и окно мы заставляли корытом и пирожной доской, — преграды смешные для современного оружия, — но тогда я надеялся на них, и только увидя библиотечные разрушения, подумал о их ненадежности! Все же я боялся, когда становился в своей комнате на молитву: нарочно даже становился на колени, меньше риска, что попадет пуля! Итак, только молиться и спать я ходил в свою комнату потом, а вечер мы проводить стали в кухне (благо прислуги не было). /.../ Вечерами я с увлечением читал маме „Масонов” Писемского: ах, какая это превосходная вещь! Впрочем, всего лучше и лаконичнее выразился о нем — в похвалу

ему, конечно, — один студент, которому я тоже расхваливал его: „*Старый роман!*” — сказал он. Да, верно, потому так и хорош, что старый! В один из этих вечеров из окна моей квартиры видели мы зарево пожара в Гагаринском доме⁹¹. Я считаю этот пожар самым ужасным из всего, что произошло за время этого восстания, включая и „раны” Кремлевских⁹² и вообще московских святынь. Хочу сказать, как другие отнеслись к этим „ранам”. Недавно прислал мне письмо с фронта Сергей Владимирович: там сперва прошел слух о *разрушении* Успенского собора и собора Василия Блаженного, но потом они узнали правду о происшедшем; вот что он пишет: „Скажу без колебания, что получить сообщение о гибели всех родных было бы, конечно, легче, чем узнать о разрушении Успенского собора”; мама была изумлена этими словами. Еще — из письма нашего студента-старообрядца Ксенофонтова (легочный больной, он проводит зиму в Алушке): „О, как хотел бы я быть в тот момент в Москве и погибнуть от того кощунственного снаряда (направленного на Усп. собор), чем пережить этот и грядущий позор России!... В пятницу утром⁹³ мы узнали печальную новость, что „юнкера сдались”; маму особенно огорчила мысль: неужели они сдавались так же — с поднятыми вверх обеими руками, — как перед нашими окнами сдавались анархисты юнкерам! Со следующего дня я уже стал ходить на службу. /.../ В это воскресенье я нарочно ходил в Храм Христа Спасителя посмотреть „своего” владыку Антония Храповицкого в белом клобуке: слышал его проповедь, получил его благословение. В проповеди он указывал на вред стадности, приводил поговорку о человеке, который „за компанию даже

не прочь повеситься”, и того прокаженного, который отделился от товарищей, чтобы возблагодарить Господа, ставил в пример русским людям: о, хоть бы один из десяти отделялся так!.. /.../

1 янв. 1918 г.

/.../ 19-го числа мы схоронили нашего дядю, двоюродного брата мамы, Алексея Константиновича Соболевского, который был священником при церкви Воздвижения „на-вражках” на Плющихе⁹⁴; Вы видели его, и помнится, обратили внимание на его монашеский вид; в гробу он, в своей камилавке, исхудалый, имел вид старца Амвросия, как он иногда изображается лежащим на кровати в клубочке. Положен он был в белом шелковом облачении, им самим заранее приготовленном, с прекрасным резным Распятием в руках — чрезвычайно хорошей работы; не знаю, где он его приобрел. Похороны вообще были хороши; священники, принимавшие участие в отпевании, все очень хорошо, внятно читали — а это много значит. Умилил нас всех своим прощанием с покойным дядей вдовый священник Новодев. мон. о. Лебедев: он долго целовал его руку, потом, зайдя с другой стороны, приоткрыл воздух, посмотрел на него и сделал земной поклон, отойдя со слезами на глазах; недаром и дядя очень его уважал, уважал за честно проводимую — с самых молодых лет, при сильном телесном организме — вдовую жизнь. Был и еще многими уважаемый священник — от церкви VII Вселенского Собора⁹⁵, отличающийся, между прочим, необыкновенно тонким голосом; к нему я то-

же всегда чувствую симпатию. — А в самый первый день Рождества Христова скончался родитель моего дорогого Николая Семеновича, о. Симеон Поспелов. Ему становилось все хуже, перестал говорить, трудно дышал, хотя все был в сознании. Боря, младший брат Н. С-ча, известил нас на второй день, а на третий, после обедни, я ходил к панихиде; был там и Алексей Владимирович, а 28-го мы оба были на похоронах, т. е. на обедне и отпевании, которое совершил давно знакомый с о. Симеоном владыка Арсений. Был также С. Н. Дурьлин, председатель Златоустовского кружка Занков⁹⁶ и, кажется, Педашенко⁹⁷. Хоронили о. Симеона на Пятницком кладбище, и я, за дальностью расстояния и холодом, не провожал его, расставшись с процессией на Каменном мосту. /.../ Итак, вот скольких мы „предпослали” на тот свет в этом году (по выражению св. Павлина Ноланского: умерших мы „не потеряли, но предпослали” — т. е. предпослали себе, вперед себя послали!) Дядя Василий Николаевич, мамина „Дунечка”, мой „дядя Алеша”, мой дорогой Сергей Сергеевич, наконец, о. Симеон, мало знавший меня лично, но, видно, часто слыхавший обо мне и относившийся ко мне с чрезвычайным радушием... Нет на этот раз кроткого, утешительного, религиозным духом проникнутого письма от Сергея Сергеевича, не нужно мне было идти сегодня — по обычаю — к Введению в Барыши⁹⁸, не придет к нам в Крещение — тоже по обычаю — Евдокия Александровна! А у Николая Семеновича, помимо грусти на душе, — забота об устройстве семьи, о приискании квартиры (что мне кажется самым трудным делом!).

Господи, воздвигни силу Твою (если мы сами ослабили и опустили) и приди во еже спасти нас!..

КОММЕНТАРИИ

1. *Законоспасский монастырь*. Основан в 1660 г. Среди каменных палат монастыря, составляющих ныне нижний этаж более позднего по времени корпуса (ул. 25 октября, б. Никольская, д. 79), стоит обескращенное здание собора. Строили его в несколько приемов — в 1660–1661, 1711–1720, 1742 гг. В нижнем этаже его была церковь Всемиловитового Спаса, в верхнем — Пресвятая Богородицы Всех Скорбящих Радосте. Ныне в этом здании помещается дирекция Московского областного драматического театра.

Греческий Никольский монастырь (Никола Большая глава). Основан в 1556 г. Ныне — д. № 11 по ул. 25 октября. В его помещениях расположены разные организации: Союзпромонтаж, Союзэлектроремонт, магазин „Цветы“.

Богоявленский монастырь. 1292 г. Куйбышевский пр. (б. Богоявленский пер.) д. 6/2. В поврежденном здании собора (построен 1624–1693) находится учреждение под названием Главнииполиграф. Рядом выросшее на территории монастыря мрачное, пустынное, необозначенное здание. Во дворе (если войти с Никольской) — келья XVII века. Различные объекты: конференцзал ЦНИОИ-Уголь, мастерская Цапина (художник?), Ремонт обуви и пр.

2. *Музейная* (музейская) церковь Никола в Старом Ваганькове. 1759 г. Ул. Маркса-Энгельса д. № 14, во дворе (б. Ваганьковский или Староваганьковский пер.) Крест снят. Склад. В этой церкви любил молиться Гоголь.

3. Имеется в виду участок Б. Садовой ул., названной так по выходящей на эту улицу церкви Св. Ермолая. Она располагалась еще сравнительно недавно на углу Б. Садовой и Б. Козихинского пер. (теперь ул. Остужева). Переулок, идущий позади места, где была церковь, назывался Ермолаевским (ныне ул. Жолтовского).

4. В начале Серебрянического переулка находится здание не действующей ныне *Троицкой церкви*. В народе

Комментарии так же, как и письма А. Н. Руднева, найдены в Самиздате.

она была больше известна по одному из приделов – Иоанна Предтечи – как Предтеченская. Сейчас занята студией „Диафильм”.

5. *Новоселов Михаил Александрович*. Профессор классической филологии Моск. ун-та. Был толстовцем. Вернулся к Церкви. Издавал Религиозно-философскую библиотеку (с 1903 г.). Занимал вместе с Новгородцевым – братом профессора права – 4-х комнатную квартиру в доме Ковригиной, около храма Христа Спасителя. В одной из комнат квартиры (общей) собирался кружок Ищущих христианского просвещения. В 1928 г. Новоселов был арестован. Он просидел в Ярославской тюрьме 10 лет. По отбытии этого срока был сослан в Сибирь, где вскоре и умер в 1938 г.

6. *Панов Владимир Анатольевич*. Знакомый А. Н. Руднева. Историк. Занимался в частности эпохой Петра I. Служил в университете, в том числе и в послереволюционное время. Кажется, был доцентом. В его квартире, в Хлебном пер., куда он переселился с Маросейки собирался маленький кружок. Там выступали с докладами, читали Апокалипсис. Конец его жизни (между 30-м и 35-м годами) был печален. Его мучила бессонница, он злоупотреблял люминалом, вероналом и т. п. Погрузился в состояние безнадежности. Ждал репрессий, доходил до состояния невменяемости от какого-то панического ужаса. Кое-как пробавлялся писанием мелких статей в Советской энциклопедии.

7. Был основан в середине XIX века на месте Преображенской мужской старообрядческой обители. (Адрес сохранившихся сооружений монастыря – Преображенский вал 25.) Никольская церковь (1790) пока действует. Воздвиженскую надвратную церковь (конец XVIII века) заняло учреждение – Росдорстройматериалы, сохранилась также колокольня (1830 г.). По словам одного из старообрядцев, занимающих ныне часть Никольской церкви, единоверцев из нее „выгнали” в 1930 г.

8. *Фомин Г. И.* О нем удалось только узнать, что в советское время он работал учителем в школе. Дата смерти неизвестна.

9. *Хлудов Алексей Иванович*. 1818–1882. Владелец бумагопрядильных фабрик. Собрал богатую библиотеку.

ку русских рукописных и старопечатных книг. Завещал ее Никольскому единоверческому монастырю. Сейчас собрание Хлудова находится в Историческом музее в Москве.

10. *Общежительная мужская пустынь Св. Параклита*. Находилась в 8 верстах от Лавры и в 5 верстах от Гефсиманского скита, вблизи станции Сергиев Посад (Загорск), справа от железной дороги, если ехать из Москвы.

11. Какого-то Гучкова, сосланного Московским генерал-губернатором Закревским в Соловецкий монастырь, упоминает герценский „Колокол” (11, с. 447, М. 1962).

12. *Преображенское кладбище*. Доныне сохранились могилы старообрядцев, в том числе и основателя староверческой обители Ковылина. В память Алексея Николаевича Руднева, любившего списывать могильные надписи, спишем одну и мы: „Под сим памятником погребено тело раба Божіа досточтимого отца Антония Семеновича, скончавшегося 20 июля 1902 года в час ночи. Жития его было 80 лет, поступившего в сию Преображенскую обитель из детства своего”.

13. *Штейнман Андрей Андреевич*. Знакомый А. Н. Руднева. Студент Сельскохозяйственного института в Петровском-Разумовском (ныне ВАСХНИЛ). Перед этим окончил университет. „Сын швейцарского гражданина”, как его аттестует Руднев, он был, по словам Алексея Николаевича, „чисто русским и по духу, и по наружности... верным сыном и послушником Церкви”. Судьба его нам неизвестна.

14. *Приват-доцент*. Преподавал историю средних веков. Вел семинар, где читались доклады с религиозной тематикой (например, доклад о папе Григории VII, прочитанный потом студентом Н. С. Педашенко и в Златоустовском кружке. Магистерская диссертация *Рудакова* „Очерки византийской агиографии”. В 1927 г. работал директором краеведческого музея в Туле с заметным антирелигиозным уклоном. Был неустроен, одинок.

15. *Спасо-Андроньевский монастырь*. Пл. Прямикова (б. Андроньевская), д. 10. Основан около 1360 г. Из бывших в монастыре храмов: Нерукотворного Спаса, Архан-

гела Михаила, Рождества Пресвятой Богородицы и Св. Симеона, сродника Господня, Алексия-митрополита и муч. Евграфа – сохранились два первых.

16. *Часовня Иверской Божией Матери* была ликвидирована в 1920 г. (Думается, что это – ошибка. Часовня была закрыта в 1923 г., а разрушена позже – 1926 г.[?] – Р е д.)

17. Знакомый А. Н. Руднева. Алексей Николаевич сыграл роль в его церковном воспитании. А. В. – человек, по словам знавших его, большой внутренней красоты, исполненный истинно православного духа. Люди встречавшие *Алексея Владимировича Шенрока*, пользуются для передачи своего впечатления о нем словом „всемирность”. Упоминают также его физическую неловкость, некоторую как будто скованность движений. А. В. Шенрок закончил Историко-филологический факультет Моск. университета. Некоторое время работал библиотекарем фундаментальной университетской биб-ки. В начале 30-х годов его знали уже диаконом (целибатным). „За благочестие” сослан в Среднюю Азию. Воздерживался от участия в голосовании по поводу приговоров „вредителям”. Был близок к владыке Гермогену (Голубеву). Жил в Оше и Самарканде, в семье племянницы. Умер 10/23 февраля 1968 г. В последние годы страдал ослаблением памяти вследствие развившегося склероза. Не мог служить.

18. Отец А. В. Шенрока – *Шенрок Владимир Иванович* (1853–1910) – историк русской литературы, знаток жизни и творчества Гоголя. Опубликовал материалы к его биографии в 4-х томах.

19. *Церковь Иоанна Предтечи* в Толчкове. Которосльская наб., 69. Построена в 1671–1687 гг.

20. Сочиненная художником сказка нравоучительного содержания и прочитанная на одном из собраний Новоселовского кружка.

21. *Н. С. Поспелов*. Знакомый А. Н. Руднева. Род. 29 ноября /12 декабря 1890 г. Сын священника 1-й Градской больницы в Москве о. Симеона Поспелова. Окончил Историко-филологический фак-т Моск. ун-та (занимался на кафедре истории и философии) и Шеллапутинские курсы. Преподавал, работал на кафедре русского языка в университете. Научная специальность – синтаксис.

22. Переведен на нынешнее место (Крестьянская – быв. Новоспасская площ. д. 10) от Спаса на Бору в Кремле ок.

1488 г. Сейчас на воротах надпись: Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат. Внутри всякие производства, например, мебельная фабрика. Стены неодинаковой сохранности. Колокольня, в 2-м ярусе которой была прежде церковь преп. Сергия Радонежского, и Преображенский собор, величественны, но недостаточно ухожены. На одной из башен надпись: опорный пункт ДНД (наверное, бывший). В церкви Знамения некоторое время назад находились санпропускник и вытрезвитель. Неподалеку еще несколько месяцев назад висело заржавленное уведомление: „Пост охраняется, не подходить!“ У стен — свалка.

23. *Симонов монастырь*. Основан в 1370 г. Взорван в ночь на 21 января 1930 г. (П. Н. Миллер и П. В. Сытин в книге „Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы, 1938 г. пишут „около 1931“). Уцелели часть стены, три башни, в том числе „Дуло“, производственное здание „Солодежня“ или „Сушильня“ и (не вполне) трапезная.

24. *Церковь Св. Николая Чудотворца в Клениках* (по-другому в Блинниках). Теперешний адрес: ул. Богдана Хмельницкого (б. Маросейка), д. 5. Церковь стоит на этом месте с 1657 г. Закрыта в начале 1930-х годов и превращена в склад. Теперь здесь конторские помещения. Первоначальный (собственно церковный) облик несколько искажен.

25. *Церковь Живоначальной Троицы, что на Грязях*, ул. Чернышевского (бывш. Покровка), д. 13. Построена в 1861 г. архитектором М. Д. Быковским. Сейчас в ее здании с упраздненным верхом разместился Дом самодеятельности Московского областного совета профсоюзов.

26. Главный престол Троицкой церкви, что на Грязях, был в честь иконы Божией Матери „Три радости“.

27. Основан в 1365 г. св. Алексием Митрополитом. В 30-х годах XX в., как сообщает БСЭ (изд. 2-е, т. 47, с. 462), был разобран. Однако в книге В. Иванова „Московский Кремль“ читаем: что белокаменный собор Чудова монастыря был разобран „без достаточного исследования“ в 1929 г. (см. также прим. 75).

28. Речь в этом письме идет о первой годовщине со дня прославления (1913) свщмч. Ермогена.

29. *Церковь Иоанна Предтечи на Пресне* существует с 1693 г. (колокольня – 1810 г., трапезная – 1823 г.). Адрес: М. Предтеченский пер. 2, П. Н. Миллер и П. Б. Сытин в 1938 г. назвали ее „бывшей церковью”. Ныне действующая.

30. *Церковь Всех Святых на Кулишках*. Построена в честь победы в Куликовской битве. В XVI в. значительно перестроена. В последние годы в ней располагались различные учреждения. В результате проводившейся к 600-летию Куликовской битвы реставрации церковь приобрела праздничный вид. Находится на углу Солянского пр. и пл. Ногина (бывш. Варварской).

31. *Спасопреображенская церковь*. Находилась на углу Спасоглинищевского пер. и Лубянского проезда (нынешний пр. Серова). Раньше это был д. 2/17. Теперь на месте церкви стоит монументальный жилой дом (тоже № 17) с аркой, образующей вход в пустынный М. Спасоглинищевский пер. В нижнем этаже дома магазин „Мясо”.

32. Церковь упраздненной после великого московского пожара 1812 г. Крестовоздвиженского монастыря, ставшая приходской. Пока существовала, стояла у угла Крестовоздвиженского пер. (ул. Янышева) и Воздвиженки (Калининский просп.).

33. Прежний адрес *церкви Кира и Иоанна*: Солянка, Сербское подворье, д. 8. Сейчас вся часть улицы от д. 6 до д. 14 превратилась в огромную строительную площадку с надписью на заборе: Строительство производственного здания УФС (?). Знатки, впрочем, говорят, что храм, построенный в 1765–1768 гг., до этого строительства все равно не дожил, и какое-то время на месте, которое раньше занимала церковь, находилась пивная. В этой церкви служил о. Серафим Батюгов (до ухода в затвор).

34. *Церковь Св. Николая Чудотворца в Подкопаях*, построена в 1657 г., перестраивалась в 1700 и 1858 гг. Колокольня воздвигнута в 1750 г. Адрес: Подкопаевский пер. 13 (колокольня) и д. 15 (церковь). Колокольня сохранила крест, церковь – нет. В здании какой-то цех или мастерская.

35. В 1771 г. во время эпидемии чумы Симонов монастырь был превращен в больницу. В 1795 г. восстановлен как монастырь.

36. *Монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы* основан около 1370 г. св. Федором Ростовским (+1394). В 1379 г. монахи переселились к построенной в полуверсте церкви Успения Божией Матери, чем было положено начало основанию нового Симонова монастыря. Старый Симонов монастырь существовал до 1645 г. С этого времени храм Рождества Пресвятой Богородицы стал приходской церковью.

37. *С. Н. Дурьлин* был секретарем Религиозного общества Вл. Соловьева. Выступал там с докладами. Вскоре после революции стал священником (целибатным). Служил в церкви у о. Алексея Мечева. После смерти о. Алексея был сослан (т. е. после 1928 г.). Сана с себя не снимал, но причиной прекращения его дальнейшего служения была женитьба на приезжавшей к нему в ссылку Ирине Дмитриевне (из мечевской общины). Был историком литературы, театра, живописи, театральным критиком. Доктор филологических наук, профессор. Писал о Малом театре, Островском, Нестерове. Род. 14/27 сентября 1887 г., умер 14 декабря н. ст. 1954 г.

38. Кружок, в основном молодежный и в то же время более официальный, чем Новоселовский. Был зарегистрирован. Возглавляли его московские викарии: сначала Анастасий Грибановский, после него Арсений Жадановский. Практическим руководителем был протоиерей Николай Гаврилович Соколов — настоятель храма Никиты Мученика на Старой Басманной (ныне ул. Карла Маркса). Кружок собирался (иногда в количестве до трехсот человек) в находившемся напротив церкви Александровском (в честь Александра III) коммерческом училище.

39. *В. А. Кожевников* 1850—1917).

40. *Религиозное общество Вл. Соловьева* было создано в 1906 г. Мнение о том, что оно существовало только до 1-ой войны (см. сборник „Русская религиозно-философская мысль XX века” Питтсбург, 1975, с. 63), опровергается письмом А. Н. Руднева от 11 марта 1915 г., который пишет об этом обществе, как о еще существующем.

41. *Никитский монастырь* основан приблиз. в 1520 г., снесен в 1933 г. На его месте теперь здание электростанции метрополитена (ул. Герцена — б. Большая Никитская — д. 7). Если заглянуть во дворы со стороны Б. Кисловского

пер. (ул. Семашко), то там можно еще обнаружить следы монастыря.

42. О *Здеховском* и его лекциях сведений нет.

43. Об *С. С. Покровском* почти ничего неизвестно. Все знавшие его называют его человеком необыкновенным. Он был очень болен, совершенно отрешен от мирских привязанностей. Был почитателем праведной отроковицы Мумы.

44. *М. И. Невзоров* (1762–1827). Писатель. Своими взглядами обязан влиянию новиковского кружка и И. В. Лопухина. Журнал „Друг юношества” издавал с 1807 г. Цель журнала – просвещение в духе мисических начал масонства. Невзоров с презрением относился к науке, основанной на логике, а не на мистике. Ему принадлежат: книга стихов, сочинение „Наполеонова политика, или царство гибели народной”, перевод с лат. – „Притчи и изречения Секстия Пифагорейца”.

45. о. *Сергий Лебедев*. Умер в лагере между 1942 и 1943 г.

46. Упоминаемые здесь могилы почти все сохранились. Этого нельзя сказать о местах погребения старцев, странников и др. блаженных людей на Новодевичьем кладбище. От их могил не осталось и следа. Впрочем, сохранилось несколько могил, утративших в последнее время надписи и ставших, таким образом, безымянными. По некоторым (неофициальным) сведениям монастырь был закрыт в 1922 г.

47. На старом кладбище монастыря сохранилась могила известного зоолога проф. Моск. ун-та Анатолия Петровича Богданова. Его ли сын о. Владимир, пока установить не удалось.

48. Приходила *Варварушка* (та ли? – Бог весть) в Казанский Головинский женский монастырь, бывший тогда близ Ховрина. Называли ее и Варенькой. Носила разные ботинки, была во вшах. Говорила (это было в 1910 г.): „Все так будут ходить”. В монастыре появлялась и исчезала периодически. В конце 1918 г. – начале 1919 г. по ботинкам будто опознали ее труп (не при закрытии ли Страстного монастыря в 1919 г.?).

49. *Даниловский монастырь* основан ок. 1272 г. Нынешний адрес: Даниловский вал (б. Даниловский Камер-Кол-

лежский вал), д. 22. Сейчас здесь приемник для малолетних правонарушителей и завод холодильников. Вид очень запущенный.

50. *П. Д. Юркевич* (1827–1874). Педагог и философ. Окончил Киевскую Духовную академию. Автор трудов „Идея”, „Из науки о человеческом духе”, „Сердце и его значение в жизни человека”, „Разум по учению Платона и опыт по учению Канта”, „Курс общей педагогики” и др.

51. *Казанский собор* стоял на углу Никольской ул. и Красной пл. Построен в 1630 г. кн. Дм. Пожарским, победившим поляков. Снесен в 1928 г. На его месте пустырь, огражденный внушительной стеной автоматов с газированной водой.

52. *Зачатьевский женский монастырь* основан в 1584 г. Нынешний адрес сохранившейся надвратной церкви Спаса – 2-й Зачатьевский пер. 2. Монастырская стена в общем сохранилась со стороны 2-го Зачатьевского пер. В других местах сильно разрушена или совсем сходит на нет. На территории монастыря рядом со старыми постройками новые, напр. школа № 36. Кроме того, здесь действует ПТУ, институт Оргтрансстрой, Советский Комитет международного совета по охране достопримечательностей и памятных мест, клуб ЖЭКа, „Искра”, агитпункт, какое-то учреждение с объявлением, видным через стекло: „Предъявляйте пропуск в развернутом виде”. Говорят, что в 1925 г. монахинь здесь уже не было.

53. Ныне действующая церковь (1702) с колокольней и трапезной XIX в.

54. *Церковь Успения Божией Матери*. Построена в 1696 г. Снесена в начале 30-х годов XX в. Место ее на углу Покровки (ул. Чернышевского) и Б. Успенского пер. В 1922 г. переулок был переименован в Потаповский, чтобы увековечить имя строителя этого снесенного вскоре храма.

55. Разрушалась обитель постепенно. На месте ее строе- ний воздвигали бараки. Единственное, что сохранилось от прежнего монастыря – колокольня, вернее, ее скелет. Там был склад. Рассказывают, что в 1929 г. на Пасху был слышен праздничный звон. А к следующей Пасхе колокола уже умолкли, монастыря больше не было.

56. Эта усадьба сохранилась: д. № 8 по Потаповскому пер.

57. Старший брат Алексея Владимировича Шенрока. Человек вполне православный, но более светский, изысканный, чем его брат А. В. Увлекался поэзией, был своим человеком в кругу поэтов-декадентов.

58. Студент университета. Посещал психологический семинар. Воспитанник старца Нектария Оптинского. Когда появился в Новоселовском кружке, ему было около 20 лет, а его речь уже тогда казалась речью 80-летнего старца, настолько он сжился с творениями св. отцов, аскетической литературой. Попал в ссылку в Среднюю Азию, жил в Ташкенте, Самарканде, в 1951 г. находился в Феџгане. В ссылке принял постриг. При патриархе Алексии его, уже в сане архимандрита, вызвали в Москву, прочили в епископы. Но, как говорят, отпугнул его „оптинский дух”. Был клириком Успенского собора, духовником Ташкентской епархии. Умер архимандрит Борис 29 октября (11 ноября) 1971 г. Ему был посвящен некролог в Журнале Московской патриархии № 1 за 1972 г.

59. *Грановский*. Родился в 1860 г. Окончил Киевскую Духовную академию. В 1903 г. епископ Нарвский, в 1913 г. — Владикавказский. Однако уже через два года живет в Москве на покое („по болезни”). Примкнул к „Живой церкви”, быстро разошелся с ней и основал группу „Возрождение”. Служил без алтаря, без иконостаса. Его портрет есть как будто у П. Корина. В описываемое А. Н. Рудневым время В. И. Леонова принимала в больном епископе Антонине участие.

60. Точнее, *Иоанно-Богословский*. Возникший в годы 1-ой мировой войны кружок, члены которого должны были с целью духовной поддержки раненых войнов, находившихся на излечении в Москве, водить их по московским святыням.

61. В другом месте А. Н. Руднев пишет, что собирается посетить Новодевичий монастырь в 40-й день смерти Эрна, 7-го июня. Значит дата смерти 28 апреля 1917 г.

62. *Сергей Михайлович Соловьев*. Род. в 1885 г. Поэт, литературный критик. Стал православным священником. Автор многочисленных статей, многие из кот. посвящены объединению (его необходимости) церковью. Перешел в ка-

толичество (восточного обряда). Подвергался репрессиям. Был оставлен женой. Имеются письма, посланные из Столбовой, в кот. он пишет о своей болезни. Одно из сильнейших переживаний – невозможность быть рядом с дочерью. В 8-м т. собр. соч. А. Блока (М.–Л., 1963, с. 728) приведена дата его смерти – 1941 г. В брюсовском томе „Литературного наследия” (т. 85, М., 1976, с. 352) называется другой год – 1943. Но есть и третий вариант, вероятно, самый правильный: год смерти 1942, место – Казанская психиатрическая больница.

63. *Рашинский Григорий Алексеевич* (1859–1939). Литературный деятель, переводчик, философ. Председатель Общества Вл. Соловьева, собиравшегося в особняке М. К. Морозовой. Человек он был рассеянный, абсолютно аполитичный. Перевел на русский язык написанную Вл. Соловьевым по-французски книгу „Россия и Вселенская Церковь”, „Разговоры о Гете” Пуккермана с немецкого и т. д.

64. *Прейс Н. Н.* Старший из членов Новоселовского кружка, был в описываемое время 40 лет. Обладал необыкновенной памятью, мог, например, продолжать любые русские стихи с любой строки. Сохранил непосредственное отношение к жизни, был простодушен, всегда находил нечто такое, чем мог наслаждаться в любой, казалось бы, самой обычной проповеди. О нем см. в воспоминаниях Сергия Иосифовича Фуделя („Надежда”, вып. 2). Умер в конце 20-х годов в доме для умалишенных в Ветневе Тульской обл., том городе, где он родился.

65. *Джоберти Винченцо* (1801–1852). Священник-либерал, теолог, философ, итальянский государственный деятель. Был противником идеи о светской власти пап.

66. 23 июня произошло поставление Св. Синодом на Московскую кафедру архиепископа Литовского Тихона (будущего Патриарха Московского и всея Руси), избранного свободным голосованием клира и мирян Московской епархии („Церковные ведомости” № 28, 1917, с. 11). Возведение же архиепископа Тихона в сан митрополита произошло 13 августа („Церковные ведомости” № 35, 1917, с. 295).

67. Взорван в 1932 г.

68. Теперь находится в Третьяковской галерее.

69. *С. В. Штурм*. Родился по всей вероятности в семье врача. Член кружков Ищущих христианского просвещения и Златоустовского. Человек искреннего православия. Был приятен в общении, ласков, совершенно лишен суровости. Учился на историко-филологическом фак-те. Преподавал немецкий яз. в школе. Жил все время в Дурновском пер. (Композиторская ул.). После же переселения в Хорошево очень тосковал, ездил в центр Москвы – в свою церковь и в арбатские магазины. Через три месяца умер. Это произошло, как свидетельствуют его друзья, в промежутке между 1967 и 1972 гг. Брат его Б. В. Штурм был иподиаконом.

70. Храповицкий (1863–1936).

71. *Преображенский*, митрополит Ярославский и Ростовский († 3/16 октября 1928 г.).

72. *Храм Николая Явленного* с шатровой колокольней. Построен в 1659 г. Когда разрушен, узнать не удалось, но в 1937 г. его уже не было. В том году впервые начались занятия в новой школе, построенной на месте церкви. Примерную дату ее разрушения можно вывести из расчета: один год на строительство и один год на отделку. Значит можно предположить, что церковь была разрушена около 1935 г. Сейчас в здании школы – Московский городской отдел народного образования и учреждение под названием „Юный турист“.

73. *Пятиглавая церковь Николая Стрелецкого* стояла на Знаменке (ул. Фрунзе) против боковой части библиотеки им. В. И. Ленина (Румянцевского музея). После 250-летнего существования была сломана в 1932 г. Это место, засаженное деревцами, закрыто со стороны пл. Боровицких ворот шеренгой щитов с лозунгами.

74. Всадник с плеткой на картине „Крестный ход в Курской губернии“.

75. В 1923–1932 гг. – пишет П. В. Сытин в книге „Из истории московских улиц“ (М., 1958), на месте, где ранее (?) стояли Чудов и Вознесенский монастыри, инженер И. И. Рерберг построил здание с колоннами, в котором работает Президиум Верховного совета СССР. Известно, что Вознесенская церковь и церковь св. Екатерины Вознесенского монастыря разобраны в 1929 г.

76. Каменная церковь стояла здесь с 1731 г. Прежний адрес: Пупышевский пер. 1. Нового адреса нет, поскольку

переулок со всем, что его составляло, исчез. Его заместил серый, холодный, тяжелый дом в котором – поликлиническое отделение Бассейновой больницы. Еще в 1938 г. П. И. Миллер и П. В. Сытин упоминали этот переулок, как тогда существовавший.

77. *Церковь Грузинской Божией Матери* находилась на ответвлявшемся от Воронцова поля (ул. Обуха) Грузинском пер. (потом стал Кривогрузинским, теперь пер. Обуха), как раз на его изломе. Сейчас там какое-то предприятие.

78. Из *церкви 40 мучеников* (1645, колокольня 1801, трапезная второй половины XIX века). Динамовская (бывш. Сорокосвятская) ул. 28, угол Крестьянской (б. Новоспасской) пл. Сейчас в здании, которое стало жалким, располагается Центральное проектно-конструкторское технологическое бюро „Системпроект“.

79. На *Николаямской* (ныне Ульяновской) ул. стояли храмы: Симеона Столпника (1798), см. д. № 10, закрыта в 1930 г., теперь – учебный комбинат; Сергия, „что в Рогожской“ (1796–1838, колокольня 1864 г.) см. д. № 59, закрыта в 1938 г., на ней какая-то заброшенная надпись: „Проектно-сметное бюро управления торговли“; Алексея Митрополита (1748–1751), см. д. № 60, закрыта в 1930 г., процесс разрушения становится все заметнее, „Союзвторцветмет“; Николая „что в Ямах“ (1697, перестроена в 1868 г.). Не поворачивается язык вымолвить, что первые три (особенно вторая и третья) сохранились. О храме же Св. Николая Чудотворца П. В. Сытин еще в 1958 г. писал, что церковь „дошла до настоящего времени“ и что в ней находится часть Московского областного исторического архива. Ничего этого сейчас здесь нет. Лет уже 18 (по словам старожилов) на месте стоит кирпичный дом с лоджиями. Значит ее исчезновение можно приблизительно отнести к промежутку истории между 1958 и 1962 годами.

80. Хранилась в Храме Рождества Христова, „что в Палашах“ – 1692 г. (на том месте теперь здание школы № 122 и Московской капеллы мальчиков). После ликвидации церкви, икона была перенесена в храм Воскресения Слоущего – 1629 г. в Брюсовском пер. (ул. Неждановой).

81. *Богоявленский*, митрополит Киевский. Родился в 1848 г. Убит в Киеве „неизвестными лицами“ 25 января / 7 февраля 1918 г.

82. *Храм Святых благоверных князей Бориса и Глеба* стоял на Арбатской пл. против Воздвиженки.

83. В этом письме А. Н. Руднев вспоминает о начале октябрьско-ноябрьских боев в Москве.

84. Адрес А. Н. Руднева был: Знаменка, Ваганьковский пер., дом Пастухова, кв. 11. Ныне это д. 17 по ул. Маркса-Энгельса. Руднев жил, если стать лицом ко двору, – в строении направо.

85. Жена швейцара в пастуховском доме, находившегося в это время в немецком плену.

86. Теперь ул. Грановского.

87. Церковь Св. Антипы (16 в.). Ул. Маршала Шапошникова (б. Антипьевский пер.), д. 4. В ней располагались мастерские, жилье, была „резиденция” слесаря ЖЭКа. Сейчас, после реставрации, впрочем, не вполне качественной, ее пока никто не занимает. Среди верующих есть слух, будто на ее помещение претендует расположенный рядом Музей изобразительных искусств им. Пушкина.

88. Конечно, не Алексеевское, а Александровское, находившееся вблизи – на Знаменке (стоит и сейчас, перестроенное, достроенное, громадное). Естественно, слухи о предстоящем обстреле училища беспокоили население.

89. 27 октября 1917 г.

90. Находившаяся тут же при доме типография газеты „Московский листок”, основанный Н. И. Пастуховым (ум. в 1911 г.). Типография здесь и сейчас – без вывески.

91. На месте сгоревшего в 1917 г. *дома кн. Гагарина* с 1923 г. стоит памятник Тимирязеву.

92. См. в книге В. Иванова „Московский Кремль” (1971, с. 204): „Во время боев с белогвардейцами от арт-обстрела пострадали некоторые башни Кремля, особенно Никольская, барабаны и купола Успенского собора. Снарядами были повреждены церковь Двенадцати Апостолов, крыльцо Благовещенского собора, фриз и главы теремных церквей”.

93. 3 ноября 1917 (ст. стиль).

94. Угол 2-го Вражского и 1-го Труженикова (б. 1-го Воздвиженского) переулков, 1701 г., трапезная и колокольня перестроены в 1846–52 гг., в 1895 г. переделана алтарная часть. В результате самой последней „перестройки” колокольня исчезла, храм лишился верха, надстроен

нелепой надстройкой в формах сарастроения и т. д. Памятник архитектуры. В здании расположен цех.

95. *Церковь Святых Отец 7-го Вселенского собора.* 1816–1833. Находилась в самом конце Большой Царицынской (ныне Б. Пироговской) ул. в виду Новодевичьего монастыря. В 1944–1947 гг. можно было видеть на этом месте огороженные забором развалины, груды кирпича. Теперь здесь очень большой дом с кинотеатром „Спорт”.

96. *Вячеслав Сергеевич Занков.* Вскоре (около 1920 г.) рукоположен во священники. Служил в Троицкой церкви то ли на Пречистенке, то ли на Остоженке. Человек, как вспоминают о нем, правых взглядов. Законник. Не любил всякого рода новаций. Когда был председателем кружка, звонок в его руках не безмолвствовал. Человек энергичный, хороший организатор. На своем священническом поприще был чрезвычайно активен, так что знавшие его люди предполагают, что он был репрессирован.

97. *Педашенко Николай Степанович.* Член Новоселовского (Ищущих христианского просвещения) и Златоустовского кружков. Окончил историческое отделение Историко-филологического фак-та Моск. ун-та. Историком работать не пришлось – четырежды был вынужден увольняться из учебных заведений по собственному желанию. С 1929 г. – библиотекарь. После воссоздания Московской Духовной академии был в ней некоторое время воспитателем. В возрасте 50 с лишним лет рукоположен. Был священником одного и того же прихода в Сарапуле с 1949 по 1968 г., пока не ушел по болезни (после инфаркта) в заштат.

98. Угол Введенского и Барашевского переулков, д. 4/8. *Церковь Введения* освящена в 1647 г. Ныне в ее поврежденном здании находится мастерская художественной лепки Научно-реставрационного комбината Министерства культуры СССР.

Комментарии Б. Селиверстова.

Сергей Бычков

Из цикла „Цвета любимой”

КРАСНЫЙ

„Потому что душа тела в крови, и Я назначил ее Вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, и бо кровь сия душу очищает”.

Левит гл. 17, ст. 11

Полусумрак храма, за дверями плачется весна.
Царские врата открыты. Риз голубизна.
Трепет сослужащих ангелов. Престол.
Белизна цветов и устланный коврами пол.
Тишина. Как обморок, в горний мир полет.
Литургия в храме в ранний час идет.
Где ты бродишь, глупая, в мартовскую рань?
Мир открыт невидимый — стерта смерти грань.
Георгины красные над престолом в ряд.
Свечи пред иконами, как сердца, горят.
Слышен возглас ангельский. (А в лесу весна.)
Чаша серафимами ввысь вознесена.
Что в лесу? Лишь иглы, пухлый снег, туман.
Водит тебя, гордую, бесовской дурман.
К Чаше друг за дружкою приступает люд.

Стихи взяты из самиздатского сборника „Время скорбей”, третья книга стихов.

Где ты бродишь, где ты? Серафимы ждут.
Двери в храм распахнуты. Белизна одежд.
А над храмом сосны не сомкнули вежд.
Каплет кровь Христова, освящая нас.
Где ты бродишь? С кем ты в этот ранний час?

Март — 10 сентября 1976 г.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

*„Мы стоя спим в густой ночи...”
О. Мандельштам*

Последний час морозной зимней ночи.
Душа поет, предчувствуя восход
Могучего светила. Вторит кочет.
И скоро, скоро солнце разольет
Лучи любви и благостного мира
Над страждущей отчизною моей.
Дыханье пробужденного эфира
Доносится с заснеженных полей.
И движутся блистающие рати —
Огнепалящих ангелов полки.
Редет мгла, встает, встает Распятый,
И всем земным законам вопреки
В который раз отвален камень гроба,
И слышен глас: Восстань, изыди вон!
Разверзлись сибирские сугробы —
И Русь встает, забыв могильный стон,
И крепнет торжествующее пенье,
Уходит тьма, но доживем ли мы
До радостного дня освобождения,
До Пасхи, до скончания чумы?

Весна 1976 г.

*

Князь мира, святость понося,
Кружит над полем черной птицей,
Лежит под небом в ранах вся
Россия воином-девицей.

Все ниже с мертвою водой
Проклятый ворон вьется,
Издали с водой живой
Когда же сокол наш вернется?

22 февраля 1976 г.

ПОСЛЕ СМЕРТИ

Пустовато, праздновато
Вся в делах и маяте
Как-то скомкано и смято.
И бесцветно, словно вата,
Жизнь проходит в суете.

У меня отняли краски,
У меня украли звуки,
Обрубили ноги, руки
И швырнули без огласки
В дальний угол Мироздания,
Истекающего кровью,
Незнакомого с любовью,
Потерявшего сознание.

Кто вернет меня оттуда?
Из червивого болота.
Из кровавой лужи пота?
Как преступник с эшафота,
Я молюсь и верю в чудо,
Что в негаснувший огонь,
Обреченному на муку
Мне протянет кто-то руку
И поставит на ладонь,
И от радости, как солнце,
Вспыхну, золотом искрясь,
И тогда от беззаконца,
От меня землелоклонца
Отпадет земная грязь.

Но как страшно, если руку,
Обреченному на муку
Не протянет мне Господь.

В РАЗБИТОМ КОЛОКОЛЕ

На колокольне колокол разбит,
Но все звончей трезвон капли.
В разбитом колоколе ветер спит,
Укрывшись в медной колыбели.

Над колокольней синева весны,
И ветер, над землей качаясь,
В разбитом колоколе смотрит сны,
Во сне земле и небу улыбаясь.

Капель весны все радостней звенит,
И ветру надо в небо отправляться,

Но он в разбитом колоколе спит
И ни за что не хочет просыпаться.

Владимир Перов

*

Сникла суতোлка дня.
Стихла темная улица.
Ночь крестом осень,
Человек молча молится.
Скрыт во мраке угла,
Скрыт в беззвучной тиши.
Таёт черная мгла,
Хлынул свет из души.
Пол исчез, потолок,
Вдруг раздвинулись стены.
И сияющий слог
Миром стал постепенно.
Миром славящих слов
И ликующих песен.
Мир тот ясен и нов
И всегда интересен.
Сникла суতোлка дня.
Стихла темная улица.
Ночь крестом осень,
Бог в душе моей молится.

28 декабря 1971 г.

ПРОЗРЕНЬЕ

Прозренья миг – столетьям равен

Косые пряди облаков,
И голоса лесов живые.
Над ними в небе глубоко
Сияли звезды голубые.

Лучи небесного огня
Холодным светом растекались,
Беззвучно трогали меня,
Глазами ясными ласкались.

И диск луны желтел вдали,
Плыл в фиолетовых глубинах.
И росы бледные легли
На травах в сумрачных низинах.

Ночь безучастно на меня
Глазами темными взглянула,
Ни одобряя, ни виня,
И в отрешенность окунула.

И чувство чуждое земли
В моей душе зашевелилось.
И что-то Вечное родилось.
И мысли странные текли.

Все стало чем-то по-иному:
И ночь, и небо, и луна. —
Сквозь мир проглянула *основа*
Земного сумрачного сна.

29 мая 1977 г.

МОЛИТВА

(Переложение „Молитвы оптинских старцев”)

Господи, дай мне покоем душевным
Встретить рассвет наступающего дня,
Руководи моим словом, движеньем,
В мыслях и чувствах настави меня,
Дай разуменья на всякое дело,
Дух укрепи, от скорбей разреши,
Дай Твоей воле предаться всецело,
В час испытанья меня поддержи,
Дай мне согласия в друзьях и семействе,
Дай не запомнить обиды и зла,
Беды лихие, горькие вести —
Все претерпеть, что Ты ниспослал.
Дня преходящего утомленья
Дай перенести, как Твою благодать.
Дай научиться любви и смиренью,
Краткой молитве, большому терпенью,
Дай мне надеяться, верить, прощать.

2 сентября 1979 г.

З. Крахмальникова

КРИЗИС КРАСОТЫ

Заметки о современной русской культуре

1. Нищета мысли

Стиль и язык советской письменности не столь просты, как порой представляется их критикам. Перемещаясь меж молотом и наковальней десятки лет, они выковались в такое удивительное образование, что сегодня только диву даешься, как виртуозны они и подвижны, как легко и быстро отвечают на потребности времени и на самый неожиданный спрос. Правда, на эту подвижность основ письменности ее потребители отвечают странным образом: вчерашние властители дум, классики, боги довольно скоро становятся для них утиль-сырьем, их книги или держат дома для интерьера или сдают на килограммы, чтобы сменить на „Королеву Марго”.

В чем дело, почему так переменчивы эстетические и интеллектуальные идеалы советской литературы? Почему-то, над чем плакали отцы, у детей вызывает или оскомину или смех, а внуки те уж просто

Эта статья завершает цикл статей о современной русской культуре. Две первых статьи имели общее название „Возвращение блудного сына” и были напечатаны в Христианском Чтении „Надежда” №№ 2 и 4.

надрывают животики над той самой классикой, почитая ее за „советский кич“? И можно ли надеяться нашим сегодняшним властителям дум, имеющим шумный успех на родине, на Западе, на Востоке и друг у друга, что завтра их не понесут в утильную лавку?

Что это — только русская проблема или это — некий мировой процесс девальвации культуры?

Говорят, что там, за кордоном, бывают „книги года“, „книги месяца“, а то и „книги дня“. И не исключено, по-видимому, что „книга дня“ может принести барыша больше, чем книга года...

Но это — т а м, где нас нет, и мы не знаем, так ли это. Наша жизнь разворачивается здесь и наши книги при нас. И мы замечаем, что иные из них сегодня вспыхивают, как ракеты во время салюта, а завтра их несут в утиль-сырье.

Что ж, выходит, мы и в самом деле „слишком быстро живем“, как было замечено одним писателем? И потому слишком быстро стареют наши миры? Но ведь быстрота жизни не может быть бесцельной, куда-то же влечет нашу быструю жизнь, но куда? И зачем?

То явление, которое я хочу здесь описать, не так загадочно, оно — следствие н и щ е т ы м ы с л и, нищеты идеи и, следовательно, нищеты языка, как способа воплощения мысли. Это новое, и до сих пор мало изученное, явление в нашей отечественной литературе, которая всегда была движима идеей и оплодотворяема мыслью.

Мысль созидала русскую культуру, мысль творила ее идеалы, ее язык, ее стиль и ее эстетику. И главным пафосом русской мысли и русской судьбы, запечатленной в нашей культуре — искусстве и словесности, — была мысль о Боге и о человеке,

их благодатной связи и мучительных разрывах, о поисках Царствия Божия и о бунте против него. Русская идея, русская мысль, естественно, не была монолитной, единообразной и неподвижной, верность идеалам благодатной жизни человека и его отечества сменялась изменами, бунтом против Бога, Церкви, бунт влек к иным идеалам, к стремлениям создать Царствие Божие на земле, мысль металась, мучалась, путалась, гибла и вновь возрождалась. Этой мучительной напряженностью поисков выхода из истории, которые в то же самое время творили историю, русская литература донныне изумляет мир, изумляет своей главной темой поисков судьбы для человека и человечества на земле, темой жизни и смерти, рабства и свободы, гордыни и покаяния, греха и святости.

Мучаясь над сокровеннейшими идеями бытия, русская словесность создала свои самобытные традиции, движимые преемственностью мысли, именно в том направлении, которое я уже обозначила. Свобода мысли в служении Истине сложила и язык русской словесности для выражения и воплощения тех смыслов бытия, поисками которых была захвачена русская мысль со времен Крещения Руси.

Язык, как средство, как инструмент, но ни в коем случае не как самоцель словесности, был в подчинении у мысли, стремление к художественной адекватности при воплощении смысла создали то поразительное уважение к слову, которое Гоголь определил в одной из своих статей: „слово есть высший дар Бога человеку”, и поэтому писатель должен благоговеть перед словом.

Благоговение перед словом, как высшим даром,

и презрение к лжи тоже стало незыблемой традицией, ее усваивали, развивали разные писатели по-разному, совершенствуя язык словесности, как вместители смыслов, идей, упований.

Я не буду дальше развивать эту тему, она и так ясна: мысль и язык едины в служении Истине, слово обладает неограниченными возможностями для выражения правды. Меня интересует здесь другая тема, тесно связанная с только что обозначенной, но именно другая. Тема нищеты мысли и девальвации слова в словесности. Тема гибели традиции и воскрешения традиции.

Усталость русской мысли, стремительно развивающейся в XIX веке, а в XX-м упершейся в тупик, сегодня обернулась утилизацией культуры. Порабощенность слова идеологией сообщила ему неожиданные для русской словесности качества: подобострастное слово стало двурушническим, лживым и изворотливым. Изворотливость мысли и слова достигли, пожалуй, сегодня своего апогея, породив высокий техницизм формы для выражения этой самой изворотливости. Холод и скептицизм стали глубинной атмосферой искусства и словесности при видимой поверхностной активности их языка. Холод авангардистских схем, выдаваемых за новые смыслы, сменивший романтические течения, только внешне изменили лицо культуры. Печальная и холодная расчерченность стилистики, способной, якобы, вернуть смыслы словесности и искусству, обращаются все той же схемой. Схема перекраивается еще раз и еще, пока не устаревает и не становится годной для утиль-сырья.

И все же утилизация современной культуры в сегодняшней России — явление не однозначное, а мно-

гоаспектное. Да, оно — следствие утраты истинных традиций и порождение ложных мертвых традиций, да, оно результат нищеты мысли и девальвации ложных смыслов, создающих с в о й язык. Да, оно стимулирует новую эстетику, ущербную в своей изощренности, служащей защитой, прикрытием лживых порочных смыслов.

Все это так. Но в этой цепи констатаций нет еще главного звена. Имитация в культуре приучает сознание творца и потребителя культуры к подмене. Подмена корневых смыслов человеческой жизни лишает человека жизни. Так, культура имитации смыслов, имитации языка становится смертоносной силой, не зная и не желая этого. Потому что подмена лишает культуру подлинного самосознания.

Утрата культурной памяти для России оказалась совершенно неожиданной. В России началось и расцвело сегодня то, чего не могли предвидеть ее пророки и мыслители во все времена, — ни славянофилы и западники, ни народники и революционеры, ни шовинисты и интернационалисты, ни коммунисты и антикоммунисты. А именно — мещанство. Мещанство во всех так называемых „классах” — в пролетариате, крестьянстве и интеллигенции. И не то, которое обличали Чехов и Горький, а мещанство как тип устройства жизни, а мещанство как тип сознания, принципом которого становится р а в н о д у ш и е к м ы с л и, к истокам бытия, равнодушие, которое порождает невиданные проявления жестокости.

Этот трагический процесс утраты культурной памяти в России мог бы стать тотальным, если бы случилось невозможное и атеизм мог победить в

России. То есть, если бы Господь оставил нас, как обещал некогда оставить Израиль за то, что он извратил слово Его. „Сера и соль, пожарище — вся земля; не засевадается и не произрастает она, и не выходит на ней никакой травы, как по истреблении Содомы, Гоморры, Адмы и Севоима, которые ниспроверг Господь во гневе Своем и в ярости Своей’. И скажут все народы: ’за что Господь так поступил с сею землею? Какая великая ярость гнева Его!’ И скажут: ’за то, что они оставили завет Господа, Бога отцов своих, который Он поставил с ними, когда вывел их из земли Египетской’, и пошли и стали служить иным богам и поклоняться им, богам, которых они не знали и *которых* Он не назначал им; *за то* возгорелся гнев Господа на землю сию и навел Он на нее все проклятия *завета*, написанные в сей книге” (Втор. 29, 23—39).

2. Катакомбы культуры

Да, Бог не оставил нас и, по всей вероятности, не все еще „проклятия завета, написанные в сей книге” — в Библии — навел на „землю сию”. В Апокалипсисе, среди казней Господних, постигших Вавилон, упоенный „кровию святых и кровию свидетелей Иисусовых” (Откр. 17, 6), есть казнь нището́й художества: „не будет уже в тебе никакого художника, никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе” (18, 22).

Не будет хлеба как пищи телесной, ибо не будет жерновов, и не будет хлеба как пищи душевной, ибо не будет художников. Как это понимать? По-видимому Господь лишит своего дара художников

за то, что они служили „Вавилону, великой блуднице”, „ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы” (Откр. 18, 2).

Это проклятие всегда тяготеет над художником и неизменно сбывается: талант, брошенный в землю лжи, страстей и корысти, отбирается. Каждый художник, испытавший трепет перед искусством как Божиим даром, знает, что это такое, знает сознательно или подсознательно. Поэтому абсолютно поработить искусство и художника очень трудно, „опоенный яростным вином блудодеяния”, он время от времени отрезвляется и в минуты трезвости обдумывает план п о б е г а.

Куда же он бежит? Сначала в катакомбы.

Катакомбная культура в России существует давно. Уже в наше время ей дали точное и емкое название — Самиздат. Тиражи Самиздата не поддаются статистике, здесь нет ни у кого копирайта. Самиздат бескорыстен по сути своей — как только на нем кто-то захочет нажиться, так тотчас он теряет свою подлинную ценность. Произведения Самиздата принадлежат всем и никому, он адресован всем, кто хочет его читать и абсолютно неизвестен тем, кто не ищет его. Бывает, что Самиздат продается, но стоит он ровно столько, сколько было затрачено на его производство. Бывает, что деньги, полученные за него, идут на заключенных, больных, бедных.

Так, катакомбная культура в России в век невиданного порабощения культуры коммерцией является пример высшего бескорыстия и благотворительности.

Я, естественно, не могу здесь описывать историю развития катакомбной культуры в России, это дело будущего глубокого изучения. Когда-нибудь, верю

я, будет написана и эта история и ее будут изучать не только в России. Впрочем, надо надеяться, что она и пишется уже, пишется в тайне, в катакомбах, как писались некогда русские летописи. Я же могу коснуться только некоторых примет этой культуры, причем примет часто внешнего характера, но важных для моих дальнейших суждений.

Герой „Подростка” Версилов высказал одну важную для Достоевского мысль, как бы продемонстрировав тот чисто русский образ мыслей и образ действий, которые поддерживали непрерывную, богатую и в то же время слишком нервную жизнь русской идеи. „У нас, — говорит Версилов Аркадию, — созданся веками какой-то еще нигде невиданный высший культурный тип, которого нет в целом мире — тип всемирного боления за всех. Это — тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России. Нет, может быть всего только тысяча человек, — может, более, может, менее — но вся Россия жила лишь для того, чтобы произвести эту тысячу*.

Версилов говорит о цвете нации и, конечно же, этот „высший культурный слой народа” не исчислить. Он и „производил”, как говорят теперь, идеи. Идеи эти жили, казалось бы, вне истории, вне ее эмпирического поля. Они принадлежали, как правило, метаистории, и поэтому, оставшись пока неосуществленными в истории, они остались в истории мысли. Но вот что важно: оставаясь вне истории,

* Ф. М. Достоевский, Собр. соч. в 10-ти томах, т. 8 „Подросток”. Госизд-во „Худ. лит-ра”, М. 1957, с. 45.

они формировали русское общество, развивая тот самый „высший культурный слой народа”, храня в себе будущее России. Так, метаистория, история идей реальнейшим образом пересекалась с фактической историей России.

Метаистория не может прекратиться, как и не могут иссякнуть, исчезнуть и смыслы российского бытия, дарованные России Творцом всего сущего. Убитые, они воскресают и будут воскресать, доколе жива Россия. Как они „размещаются” в истории, эти смыслы, какое обретают выражение, воплощение, какая жизнь даруется им и в какие сроки — об этом рано еще судить, мысль наша не созрела, чтоб делать подобные выводы.

Ясно только одно: русское общество, тот „нигде невиданный высший культурный тип, которого нет в целом мире”, не может быть никем уничтожен.

Он всегда себя проявляет в творческом, культурном делании и возникает, как правило, в катакомбах культуры, там созревают идеи высшего порядка и созревают тогда, когда рутина мысли грозит реальной гибелью России.

Художники, прежде всего, индивидуалисты, и в этих катакомбах каждый из них выискивает свою „пещеру”. И все же при известном индивидуализме творцы катакомбной культуры довольно быстро создали или, лучше сказать, выделили некий, до сих не явленный в действии слой русского общества. Этот слой, вероятно, еще далек от „цвета нации”, от той т я с я ч и, к которой причислял себя Версилов, но в нем неизбежно возникает завязь этого самого „цвета”. Она возникает медленно, если измерить ее историческим временем, и развитие ее тормозят множество причин. Сре-

ди этих причин я укажу на две, во-первых, на зависимость катакомбной культуры и сознания, формируемого и формирующего ее, от Запада и Тамиздата. Эта зависимость усилилась в связи с эмиграцией, роковым образом изменившей существование катакомбной культуры.

Вторая причина связана с тем, что в катакомбах культуры довольно скоро возникло два „лабиринта“, два направления. Одно из них — „временные катакомбы“, служащие некоторым стартом для перехода в культуру эмиграции или в официальную культуру. И второе — тяготеющее к максималистической позиции, отвергающей и тот и другой компромиссы.

Что же касается первого направления, то здесь можно найти много либеральных ответвлений различного толка, индивидуализм художника рождает и индивидуальные модели поведения в нонконформистской ситуации катакомб. Но наиболее распространены два типа: эмигрант (вчера потенциальный, а сегодня реальный) и „полукатакомбный художник“. К последнему типу принадлежат те, для которых позавчера еще не пришло время публиковаться или выставляться в официальных изданиях и выставках, но вчера и сегодня их время наступило, и стараниями „полукатакомбных меценатов“ (есть и такие среди надзирателей, любителей, оценщиков культуры) их переводят из числа „гонимых“ — из Самиздата в „издат“. Так, чтобы была понятна моя мысль, приведу пример: большинство авторов альманаха „Метрополь“ явно хотели бы остаться и „там“ и „там“, и за это, собственно, шла борьба с руководителями „писательского дела“. Альманах был составлен, как не раз сообщали его составите-

ли, из того, что „не прошло”, причем не по идейным соображениям, не из-за крамольной мысли, а в силу несовпадения художественных вкусов авторов и редакторов. И надо думать, что если редакторы и авторы чуть-чуть изменили бы свои эстетические вкусы, они вполне могли бы сойтись...

Такая способность катакомбной культуры к „миграциям” не может быть осуждаема: художник полагает себя свободным, даже выбирая несвободу...

3. *„Мы узнаём, наконец, кто есть кто”...*

Эта фраза была сказана одним из наших недавних эмигрантов. Писателем, не удовлетворившимся „катакомбной свободой” творчества.

Фраза характерна и важна для понимания одной из причин разделения между той частью (довольно большой) катакомбных художников, которые оставили Россию, и той, которая ищет путей для творческой свободы или несвободы в России.

Мы узнаём „кто есть кто”, переехав на Запад, — сказал наш писатель. Узнаём тогда, когда нас начнут там печатать. Сбылась ли его надежда, трудно сказать, хотя он все сделал, чтобы выяснилось, наконец, „кто есть кто”. И главное, чтобы нам стало ясно, кто есть он сам ...

Здесь, в этом порыве получить положенное „по способностям” или „по таланту”, нет ничего экстраординарного. Художнику свойственно искать признания, награды, аплодисментов и прочих удовольствий. И ему совсем не хочется попасть в тюрьму за свои сочинения. Что ж ему остается делать? Тем более он видит, как положенное ему „по спо-

собностям” отдают другому — и награды, и аплодисменты и прочие удовольствия...

Сгорающий от жажды справедливости, гонимый властями художник, покидает катакомбы и отправляется на Запад. Получить по способностям. Но, увы, проходят год, два, три и оказывается, что именно там и невозможно получить по таланту и совсем уж невозможно понять „кто есть кто”.

„Культура в эмиграции мертва”, „нас многих зачеркнули с самого начала”, — свидетельствует Н. Боков, один из редакторов эмигрантского журнала „Ковчег” в послесловии к своей книге „Бестселлер”, вышедшей в Париже. Послесловие, названное „На Западе (Мысленный разговор с друзьями)”, достаточно откровенно, можно сказать, по-домашнему, раскрывает „кухню” эмиграции.

Оказывается, и там, на Западе, есть группы (например, группу Максимова часто называют „мафией”), а есть одиночки. „Будучи одиночкой, я не понимал, что любая группа в силу своей природы меня оттолкнет, — пишет Н. Боков, — „независимость” и „член группы” несовместимы”.

Значит — „из огня да в полымя?”

„Собственно литературные критерии отсутствуют, и потому текст как таковой не рассматривается и не может быть оценен”.

Значит, и там невозможно получить по таланту?

Н. Боков рассказывает, как чуть не погиб: „Привыкнув искать причины в себе, я их не находил, несмотря на многие усилия. Увы, увы, я допустил и опасную гипотезу: возможна ошибочность моих литературных принципов вообще, следовательно, мой путь ведет в тупик. Это переживалось как ка-

тастрофа. Комический аспект жизненных ситуаций стал ускользать. Началось обычное убийство писателя эмиграцией (не столько фактом отъезда, сколько средой). В преддверии пришла и болезнь, ибо катастрофа мыслилась немотивированной, — в отличие от жизни в совдепе, где смерть любого рода мотивирована просто: нарушение стандартного поведения уже чревато риском, и так далее, по возрастающей. Страх стал овладевать моим существом, и уже в пригородной электричке, увозившей меня на работу газетным сапожником, я старался не смотреть и не видеть: лица толпы все грозили обернуться рылами и харями”*

Исповедь эта печальна и ничего, кроме сострадания, вызвать не может. Вряд ли кто-либо из друзей, с которыми ведет „мысленный разговор” автор, упрекает его: мол, нечего было уезжать, сидел бы себе здесь — свои „рыла и хари” все же ближе и понятней!

Оценивать так откровенности Н. Бокова было бы проще всего, но в таком суде не было бы никакого смысла ни для автора, ни для его критиков. К тому же мысленный разговор с друзьями не нуждается ни в суде, ни в оценке. Это — документ, свидетельствующий об отчаянии и о преодолении отчаяния. И в этом смысле он очень интересен. „Другие тяготеют к свободе, — говорит о себе Н. Боков, завершая мысленный разговор, — и у них есть шанс создать чистое место, — этого шанса на родине нет”.

Круг завершился. Отъезд все-таки был необходим.

* Н. Боков. „Бестселлер”. — Париж: Издание журнала „Ковчег”.

Из этих откровенных признаний, порой кажущихся противоречивыми, возникает одно ценнейшее свидетельство. Свидетельство о самопознании советского человека, ощутившего себя художником.

Что же это такое? Чем интересна эта исповедь?

Дело в том, что в России и в русской культуре тема интеллигенции уже в XIX веке стала роковой. История возникновения и формирования русской интеллигенции теснейшим образом связана с мировоззренческими, философскими вопросами. И прежде всего с историей атеизма в России. О „разрушительной миссии” русской интеллигенции в истории России писалось много, и еще в полной мере актуальны „Вехи”, давшие многосторонний анализ русскому интеллигентскому сознанию. Меня же здесь интересует лишь один из аспектов этого анализа. А именно — взаимозависимость мировоззренческих и нравственных идеалов в сознании советского интеллигента. Эта зависимость достаточно четко прослеживается в культурных феноменах и не только в такого рода свидетельствах, как мысленный разговор Н. Бокова, но и в большинстве сочинений эмигрантов так называемой „третьей волны”.

Свобода публикаций текстов в эмигрантской печати дает возможность воочию увидеть генезис эмигрантского сознания, а именно ближайшую связь его с сознанием советского интеллигента, усвоившего весь мировоззренческий багаж, нравственный кодекс и этикет, прививаемые нам с детства. Оказавшись в условиях внешней свободы и обретя „шанс создать чистое место” по выражению Н. Бокова, обладатель такого сознания продемонстрировал его в тех культурных формах, которые были им избраны. Таким образом, то, что су-

ществует в тщательно завуалированной форме в советской литературе, издаваемой здесь, у нас, о б н а ж и л о с ь в литературе эмигрантов „третьей волны”. Советская культура оказалась единой — и там, и здесь — единой по нравственным и мировоззренческим принципам при всем ее тематическом разное.

В этой неожиданной и нежелательной для обеих сторон демонстрации единства есть положительный момент: возможность осознания собственной ущербности, а значит, и возможность преодоления ее. (Сознаюсь, что только эта мысль и эта надежда побудили меня написать здесь обо всем этом, сама же констатация факта не столь важна и интересна.)

В чем же проявилось это единство, если эмигрантская литература вскрывает то, что утаивает отечественная, и если эмигрантские писатели критикуют то, что восхваляют отечественные? Да, они „разведены”, эти две части единого целого, разведены по темам, но известно, что природа словесности, как, впрочем, и природа вообще культуры, прежде всего зависима от понимания сущности человека и главного смысла его жизни или, говоря философски, — от антропологического подхода. Возможно ли, вырвавшись „на свободу” и утратив зависимость от цензуры, изменить коренным образом основу своего творчества, а именно то самое „прочтение” человека и смысла его существования, которое вам прививали с детства? Вопрос этот довольно-таки груб, чтобы ответить на него двусмысленно. Но мне могут возразить: дескать, иное мировоззрение, чем то, которое нам прививали с детства, может сложиться на родине д о э м и г р а ц и и, оно-то как раз и может побудить к эмиграции, а если не побу-

дить, то „дать санкцию” на отъезд. Возможно и такое.

Но в таком случае, переехав границу и обретя творческую свободу и свободу публикаций, стоит ли скрывать это иное мирозерцание? Стоит ли утаивать от читателей свои сокровенные мысли — о смысле человеческого существования на земле, если ради их воплощения, собственно говоря, ты и покинул свою родину? Не за тем же ты совершаешь столь тягостный и мучительный для тебя переезд, чтобы проклинать прожитую тобою на родине жизнь и указывать на безнадежность жизни для тех, кто остался?

Надо ли говорить, что подобная тематика, тем не менее, стала центральной в эмигрантской литературе и что она по сути своей не может быть т е м о й к у л ь т у р ы, как таковой?

Так обнажается проблема мировоззренческого и нравственного падения, н и щ е т ы м ы с л и, которую невозможно ни скрыть, ни заменить любыми политическими и идеологическими обличениями.

Это — проблема религиозная. И как всякая религиозная проблема, она имеет свои глубокие корни и онтологическую реальность. Когда мы говорим о русской интеллигенции и о ее „разрушительной миссии” в истории, отнюдь не осознаваемой ею как разрушительная (а напротив, полагающей ее созидательной), мы имеем в виду такую онтологическую реальность как г о р д о с т ь у м а, гордость интеллекта.

Библия открывает нам, что гордость ума была причиной грехопадения, причиной первородного греха. Книга Б ы т и я повествует о том, как Бог запретил Адаму и Еве вкушать от древа познания до-

бра и зла. И предупредил, что вкушение этих плодов приведет к смерти. Сколь дорого обошлось человеку послушание! Он заплатил за познание смертью, отказавшись от бессмертия! И только потому, что захотел насытить свою гордость. „Будете как боги, знающие добро и зло”, — сказал змий, и гордость собой и своим умом восторжествовала.

Змий трижды солгал нашим прародителям: обещав им бессмертие, обещав им, что они станут богами, и обещав познание добра и зла. Взамен всего этого, человек обрел смерть. Но Бог сжалился над человеком и искупил его грех, его смертоносную гордость — на Кресте. Он искупил гордость смирением, оставив человеку выбирать из этих двух путей один — смерть или бессмертие.

Двадцать веков Христос просвещает каждого человека, пришедшего в мир, повторяя для него снова и снова Свое откровение. Двадцать веков человек, пришедший в мир, выбирает смерть или бессмертие. И все эти двадцать веков культура проповедует смерть или бессмертие, которые невозможно утаить, в какие бы формы эти идеи ни облекались.

Русский атеизм, конечно же, порождение сатанинской гордости ума. Во всех его проявлениях мы можем наблюдать эту дьявольскую наглость бесильного ума, прибегающего для своей защиты к лжи и насилию. Русский атеизм сложился в некую уникальную систему в силу перерождения языческого сознания, сохранившего жажду веры в любых идолах и помогающего в свою очередь человеку культивировать гордость собой. Система живет цепной реакцией, которую производит инстинкт самосохранения.

Инстинкт этот связан с гордостью ума, он питает,

развивает ее и укрепляется ею. Если мы посмотрим на практические проявления этой слабости человеческого ума, послушного голосу змия („будете как боги, знающие добро и зло“), то увидим, что проявления эти связаны с защитой данного характера ума. Так, идеалом человека с детских лет у нас становится отличник. Шкала ценностей, нравственных и мировоззренческих устанавливается на принципе преимущества одного человека перед другими. Отличники, ударники, стахановцы, депутаты, делегаты, лауреаты, заслуженные деятели искусств, культуры, литературы и т. д. Знатные люди — заслуженные доярки, полеводы, трактористы и проч. и проч. — всех наград не перечислишь. Общество строится на соперничестве, соревновании, словом: „пусть неудачник плачет!“ Надо ли говорить, что атеистическая философия и нравственность складывают определенный психологический тип. Тип человека, желающего преуспеть в стремлении стать лучше другого. Любой ценой. Потому что лучший получает больше худшего, сильный больше слабого, здоровый больше больного, а богатый больше бедного. Это складывает и определенный тип культуры и определенный тип ее создателя, конкуренцию, круговую поруку, коммерцию.

Для того, чтобы выскочить из этой „самозаряжающейся системы“, нужно осознать себя и мир в категориях, абсолютно противоположных тому мировоззрению и нравственности, которые являются движущими силами этой системы и которые укрепляют инстинкт самосохранения и одновременно культивируют гордость ума.

И вот возникают два пути осознания себя и мира. Один связан со стремлением доказать свое преимуще-

шество перед другими, второй — с признанием преимущества другого над собой. Надо ли говорить, что второй — это путь царский, путь самоотречения, путь крестный. И для того, чтобы его избрать надо „выломиться” из „самозаряжающей системы”. И чтобы „выломиться”, нужно немного — только захотеть.

Но увы, первый из названных мной путей наиболее привлекателен для нашего современного интеллектуала. Он и влечет его к протесту против неверного распределения наград, аплодисментов и прочих удовольствий. Протест рождается самосознанием художника, которому не дали положенного „по таланту”. Сначала, он негодует: „отдайте мое!”, „зачем вы мое отдаете другому, ведь он же бездарней меня!” Затем он едет туда, где по словам Н. Бокова есть „чистое место”, которого на родине нет. Она не приготовила для писателей это „чистое место”.

Такое противопоставление себя — России, своих прав ее обязанностям и складывает самосознание писателя — эмигранта „третьей волны”. Обретающего „чистое место” и с высоты этой чистоты посылающего в книгах и журналах упреки, печали, жалобы сюда в „нечистое место”... Нашло оно и свое „теоретическое выражение” в сборнике „Самосознание”, вышедшем в Америке. Авторы его, будучи по преимуществу советскими философами, не смогли, к сожалению, изложить с в о и мировоззренческие и нравственные принципы, но зато предъявили достаточно обширный список претензий к нашей родине, претензий исторических, социальных, нравственных и прочих, по-видимому, доказывая тем самым свое явное преимущество перед теми, кто остался здесь „хлебать” свою горькую участь.

„Как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья” — признался эмигрировавший из России полтора года назад Печерин. Бердяев уверяет, что так можно было написать только о горячо любимой Родине и что в этих строках сказана невыразимая боль. Не знаю. Я не слышала в этих строках любви. В них есть печаль расставания. Но в сегодняшних поношениях России нашими писателями не слышится и этой печали. В них есть счет к России, предъявление прав и отторжение от нее.

4. Сакральное и профанное

Мещанство — это мировой процесс. Он создается цивилизацией и обслуживается специальной культурой. Мещанство это не класс, не социальная прослойка, мещанство — это состояние ума и сердца, это — болезнь человечества, порожденная страхом смерти. Страхом осозанным или неосозанным, ужасом перед небытием и жадностью к жизни. Поэтому мещанство особенно расцветает в кризисные эпохи — в эпохи предреволюционные и послереволюционные. В предвоенные и послевоенные. Когда массами людей и человеком управляет страх смерти.

Мещанство укрепляет тоталитарные режимы, и не только укрепляет, но и вскармливает их там, где они еще не победили, оно вырабатывает определенное сознание — гражданское, социальное, философское и эстетическое.

Однако же, все эти внешние приметы мещанства еще далеки от его истинной сути, от сложных многообразных проявлений мещанского духа. Мало ска-

зять, что он есть порождение страха смерти, страх этот присущ каждому человеку, не преодолевшему его с благодатной помощью Бога. Мало сказать, что мещанство есть порождение кризиса веры, безбожного сознания и атеизма как ступеней своеобразной лестницы, по которой восходит мещанский дух к своим высотам. Мещанство есть необычайно п о д в и ж н а я в истории сила, в недрах которой гибнут не только идеалы революции, но и само человечество, сила, которая пожирает саму себя. Страх смерти рождает саму смерть. Чувство самосохранения, инстинкт самозащиты, созидающие паразитические по мощи цитадели равнодушия и жестокости, оборачивается крематориями, в которых мещанство сжигает само себя.

Некогда у нас в России мещанами именовали людей, стремящихся скрыться в свой узкий мирок, забаррикадироваться пуховыми перинами и подушками, кубышками денег или еще какими-нибудь аксессуарам мещанского быта, непременно опирающегося на материальное благополучие. Теперь российское мещанство выглядит иначе. Мы можем встретить нищих мещан, церковных мещан, мещан в среде диссидентов, интеллигентской и художественной элиты, в кругах, заправляющих идеологической жизнью, и в кругах, презирающих эту жизнь. Это — результат атеизма. Атеизма как рабства духа.

Атеизм ведет к отмиранию духа, потому что утверждает смерть человека и смерть мира. Человеку ничего не остается как стать рабом у смерти и у тех, кто властен над его жизнью и смертью. Атеизм культивирует жажду к жизни, к наслаждению, к чувственности. Он устанавливает свою шкалу ценностей

на основании неизбежности смерти и невозможности воскресения.

Шкала ценностей — нравственных в первую очередь — должна быть усвоена каждым членом общества. Атеизм навязчив, энергичен и неутомим в утверждении своих ценностей. И изобретателен в средствах. Изобретателен, потому что не имеет бытийной онтологической основы — ни в чем не укоренен — а есть порождение гордости ума, бунтующего против Бога с помощью дьявола. И потому должен постоянно хлопотать о себе.

Одна из главных и неиссякаемых способностей атеизма — способность использовать инстинкт самосохранения, страх перед небытием. Поэтому в шкале ценностей, установленной атеизмом, основной ценностью становится человек как хозяин мира, природы, государства и проч. Человек как начальник над всем. Кириллов у Достоевского в „Бесах” сформулировал это: „человекобог”. Высшая точка бунта против Бога и самоутверждения своей власти, это — самоубийство. Я — хозяин своей жизни и своей смерти. Что уж тут говорить о жизни чужой!

Атеизм действует на человека через все возможные институты. Но наиболее эффективным средством воздействия является культура — искусство и словесность. И именно в те времена, когда атеизм заходит в тупик, он и должен защищать свои завоевания, когда он оказывается в поражении, когда все его „научные” основы поколеблены, дискредитированы и высмеяны. Тут-то и возникает его новая жизнь, он прибегает к мимикрии, а она порождает новые направления мысли, которые при высокой степени эластичности прячут свою принадлежность к атеизму, усваивая себе атрибуты мысли, якобы

противоречащие атеизму. Атрибуты мысли подменяют саму мысль, идеалы подменяют реальность, душевные порывы и эмоции заменяют духовные поиски. Шкала ценностей, выдвинутая атеизмом, модернизируется. Человек по-прежнему остается его центром, по-прежнему жадность к жизни и страх смерти остаются ведущими силами бытия, но они меняют трактовку. Иначе говоря, смысл человеческой жизни в этой шкале не меняется, меняется его обозначение.

Так образуется мещанство как тип существования, независимо от социальных, экономических и вероисповедных признаков. Поэтому мещанство может быть и в атеистической и в религиозной среде, у революционно настроенных и у тех, кто смеется над революционностью. У партийных и беспартийных. Оно может исповедовать христианство без Христа, буддизм без Будды, Йогу без нравственности йоги. Оно — многолико, универсально и, повторяю, необычайно подвижно. Подвижно потому, что беспринципно по сути своей, беспринципно и равнодушно. Оно может ратовать за гуманизм, экуменизм, экзистенциализм, эстетизм, за свободу личности, будучи по сути своей абсолютно безразлично ко всему, кроме самого себя.

Так что же это — всего лишь грубейший и банальнейший эгоизм человеческого сознания, вырастающий из страха смерти? Из беззащитности перед неумолимой природой? Пассивный эгоизм, превращающий человека в равнодушную и жестокую особь природного мира? Нет. Мещанство, повторяю снова, активно, жизнелюбиво, разнообразно и эластично. И кроме равнодушия к мысли, порождающего жестокость, этому сознанию свойственна обостренная жажда к эстетическим пресыщениям, жажда наслажде-

ния, в свою очередь непременно ведущего к пресыщению. И эта потребность в остроте переживаний сочетается с тотальным равнодушием к миру.

Гедонизм мещанства столь же тесно связан с трехступенчатой лестницей — кризисом веры, безбожным сознанием и атеизмом. Впрочем, вся история человечества и его культуры взаимозависимы с этими тремя стадиями единого процесса. Мещанство же как тип сознания, есть мировое явление, ставшее в XX-ом веке стимулом и целью культуры и цивилизации. А та самая шкала ценностей, осью которой является страх смерти и одновременно жажда наслаждений, разительным образом меняет лицо культуры уже в XX веке. Перемены возникают не сразу, они накапливаются постепенно. Войны и революции укрепляют нравственные позиции мещанства и, по мере нарастания угрозы гибели человечества от водородной смерти, интерпретация и перспективы культуры для мещанства как типа сознания и определенной культурной и исторической силы вырисовываются вполне отчетливо. Я имею в виду культуру, чаще всего называемую у нас духовной. Культуру как художественное творчество. Главной темой этой интерпретации, намечающей его перспективы, становится с а к р а л и з а ц и я п р о ф а н н о г о.

Это — активный процесс, истекающий из обмирщения культуры, из тяготения ее к автономности, к отдельности от Бога, тяготения, отдаляющего ее создателей от культа.

Сакрализация профанного — не только мистификация, не только подмена, имитация истинного, замена правды полуправдой или хорошо обработанной ложью. Сакрализация профанного — более универсальный культурный процесс, ядром его служит

так называемый „обратный знак” или — есть такое хорошее русское слово — п е р е в е р т ы ш. Обратный знак, знак-перевертыш характерен тем, что ничуть не умаляет, скажем, глубины какой-либо проблемы культуры, ее нравственного значения, ее критического пафоса, ее силы в обличении. Знак-перевертыш просто придает обратный смысл сказанному. Это „нравственный оборотень”.

Основанием „нравственного оборотня” является „превратный ум”, как называет апостол Павел состояние человека, в гордыне своей утратившего способность „иметь Бога в разуме” (Рим. 1, 28). Превратный ум трактует добро как зло, глупость как ум и так далее и так далее.

Подмена осуществляется тонкими, изящными, изобретательными средствами. Эффект, как правило, получается положительный. И, как правило, благодаря задаче, неизменно сопутствующей профанации сакрального. Или сакрализации профанного, что по сути одно и то же. Задача эта — служить чувственности, жажде наслаждений, душевности человека. То есть той сфере человеческого сознания, которая наиболее активно способна переживать и осознавать страх смерти и искать утоления жажды наслаждений. Той сфере человеческого сознания, которая наиболее трудно поддается суду совести и контролю ума, как верховным силам в духовной жизни.

Такова задача профанации сакрального. Результатом же ее становится п о ш л о с т ь. Отец Павел Флоренский называл перемену знака при тождестве тем п а р о д и й н о с т ь ю *. Пародийность — разновидность пошлости. У них общая природа.

* Свящ. Павел Флоренский. „О Блоке”.

Пошлость служит чувственности, жадности к жизни, жажде наслаждений, рабскому страху перед смертью. Пошлость — это определенное отношение к смыслу человеческой жизни, смыслу, отрицающему воскресение. Отрицающему Христа как Вечную Реальность.

Но это вовсе не значит, что пошлость пренебрегает религией. Напротив. Это — многослойная и многоликая стихия, впитывающая в себя мифы, легенды, более того, воспринимающая любую религию, в том числе и христианство, как высшее проявление человеческой мечтательности, сентиментальности, душевной чуткости, романтизма, складывающимися и творящими мифы. Ведь для того, чтобы утончать душевную, эмоциональную, чувственную сферы человеческого бытия, и необходимы мечтательность, тонкая фантазия творческого разума, сакрализация чувственного восприятия мира, „одухотворение” страстей, чувств, настроений, приносящее моральное и эстетическое наслаждение. Поэтому-то опошление сакрального, мифологизация духовных реальностей и является смыслом того мирового культурного процесса, который создается мещанством и одновременно укрепляет мещанство как создающую антидуховную культурную и историческую силу.

5. *„Ты выбрал свободу, а мы гибель. Мучительную в кругу свиней”*

Эта фраза взята мной из рассказа „Клюв химеры” Н. Бокова.

В грубой форме здесь выражена альтернатива эмиграции. Форма подчеркивает ее полемичность

„Ты выбрал свободу”, — говорит некий Н. герою рассказа эмигранту Грекову, — оставшиеся в России — гибель. „В кругу свиней”.

„Россия — сука” — заявил нечто похожее А. Сивянский, призывая Россию к ответу. „Путь все уедут, а о н и останутся”, — сказал мне один из потенциальных эмигрантов. Кто о н и ? „Быдло”, — был ответ. Потом он добавил: „Вот когда здесь все изменится, когда вы все измените, — уточнил он, — тогда мы и вернемся”.

Я его поняла. Он должен оправдать перед самим собой свой страх. Здесь страшно. И те, кто испытывает страх и уезжает, ничуть не хуже тех, кто испытывает страх и остается. Дочь моих друзей, десятиклассница, приняв Святое Крещение, вскоре попала в деревню — то ли на „картошку” ее отправили, то ли еще по каким-то общественным надобностям. Она увидела там самую печальную Россию — мерзость запустения на святом месте, нищету, злобу, брань и узнала отчаяние страха в полной мере. Она сказала, возвратившись в Москву, которая теперь виделась ей землей обетованной: „Неужели и х можно оставить”. Речь шла о „быidle”, — о вымирающих деревенских старухах...

Эмиграция — не нравственная проблема. Это — частная проблема. Проблема выбора каждого из нас. И мы, верящие в Промысл, знаем, что эмиграция есть тоже воля Бога о нас — о тех, кто уехал, кто пока остался и кто будет похоронен здесь.

Когда уезжал один из моих друзей — известный в России поэт, наш общий приятель, чуть не опоздав, подбежал к поэту уже в аэровокзале и протянул ему металлическую коробочку. Тот взял ее осторожно и пессимистически сказал: „не разрешат”. Очевидно,

он думал, что в коробочке сокрыта какая-то ценность, памятный подарок — то, что не удастся провезти через таможду: крест, иконка, может быть, что-то золотое, серебряное, Бог весть, что он думал. „Это наша земля”, — ответил провожающий и смутился. И тут мы увидели, что коробочка обыкновенная, из-под зубного порошка, но старая, таких теперь не выпускают. Принесший ее был человеком немолодым и, видно, старомодным — принес на память нашу землю.

Это — русская история. Она связана с обостренной любовью к земле, с мистикой земли, необычайно понятной и близкой нам, людям России. Я вспомнила о ней, когда мы отпевали умершего поэта, которому и была принесена та самая коробочка из-под зубного порошка. Он умер в эмиграции и погребен в чужой земле, но священник, заочно отпевая его, насыпал на бумаге крест из нашей земли.

Эмиграция — не нравственная проблема, повторяю я еще раз, это — проблема мистическая, если можно так выразиться. „Ты выбрал свободу”. Свободу умереть в чужой земле. Это слишком горько и не подлежит суду.

Нравственной для нас становится проблема культуры, которая создается в эмиграции, и только потому, что она адресована России. Эта культура, как уже было сказано, неразрывная часть единой советской культуры и у нее есть свои читатели.

Я уже обозначила здесь основные свойства этой единой культуры, обеим частям которой присуща одинаковая болезнь, а именно — нищета мысли, порождаемая гордостью ума и порождающая мещанство как тип сознания, культивирующий пошлость в

культуре через сакрализацию профанного или через профанацию сакрального.

(Следует оговориться, чтобы не быть неверно понятой: когда я говорю о единой советской культуре, я, естественным образом, не имею в виду все, что создано этой культурой в отдельных конкретных ее проявлениях. Речь всякий раз идет только о д у х е культуры, о главном направлении мысли, которое, бесспорно, имеет множество частных отклонений, „прорывов”, способствующих формированию культурных феноменов, типов. Надо помнить, что религиозно-философская критика культуры оперирует не частностями, не отдельными достижениями или поражениями, а сущностными особенностями ц е л о г о, которые вычлениаются из частных, но никак не адекватны этим частностям в каждом конкретном случае. Я вынуждена это оговорить, ибо не раз сталкивалась с тем, что мои суждения о современной культуре, связанные с главной темой цикла статей „Возвращение блудного сына”, а именно с поисками путей христианизации современной русской культуры, путей к воцерковлению ее, возвращения к культу, то есть темой н а д е ж д ы на истинную культуру трактовались как попытка войны с культурой вообще. Но увы, конформистское отношение к культуре и защита ее — однообразны при всей видимой непохожести их форм и я пыталась как можно подробней описать их.)

В чем же наиболее выразительно проявляются те самые названные мной приметы единой, но разделенной эмиграцией культуры?

В языке. В слове. В языке, как инструменте, с помощью которого говорят смыслы. Слова суть дела наши. И слово обличает нас. Язык обличает. В том

числе и тех, кто уверен, что язык есть надежное средство защиты от нищеты мысли, прочное убежище ее.

Слово — материал, „объем”, в который облечена мысль, так же, как камень — объем, в котором должна воплотиться мысль скульптора.

Блаж. Августин, владевший, как известно, блестяще риторическим искусством, ремеслом „продажи слов”, свидетельствует перед Богом-Словом в „Исповеди”: „Я выучил у Тебя, что красноречивые высказывания не должны казаться истиной потому, что они красноречивы, а нескладные, кое-как срывающиеся с языка слова, лживыми потому, что они нескладны, а наоборот: безыскусственная речь не будет тем самым истиной, а блестящая речь тем самым лживой. Мудрое и глупое — это как пища, полезная или вредная, а слова, изысканные и простые, — это посуда, городская или деревенская, в которой можно подавать и ту и другую пищу”*

Я возьму две книги, вышедшие на Западе и написанные эмигрантами „третьей волны”. Они настолько различны по стилистике, языку, слову, что если бы стилистика была главенствующим признаком словесности, эти книги могли бы показаться принадлежащими не только к разным типам словесности, но и написанными в разные времена и в разных странах. Но только на первый поверхностный взгляд. Язык в словесности, как было уже замечено, только свидетель и выразитель мысли, слово обличает, обнажает и вскрывает суть.

Эти книги — „Записки ночного сторожа” А. Зиновьева и уже упомянутый прежде сборник рассказов Н. Бокова „Бестселлер”.

* Блаженный Августин. Исповедь. Богословские Труды. — М.: Изд. Московской Патриархии, 1979, с. 108.

Изящная запись Н. Бокова и грубая поделщина А. Зиновьева вполне соответствуют определению Блаженного Августина: „слова изысканные и простые — это посуда, городская и деревенская, в которой можно подавать и ту и другую пищу”.

Но что за пища подается нам, что таится в этих разных „посудах” или „сосудах”, проделавших столь нелегкое путешествие из свободного мира в страну, описание которой в той и другой книге достойно разбора? Достойны, конечно же, не с эстетической точки зрения, не для того, чтобы „оценить текст” Н. Бокова, как таковой — художественную незаурядность его или, напротив, банальность (о чем мечтает Н. Боков, отмечая, что в эмиграции „текст как таковой не учитывается”), и не для того, чтобы оценить риск и смелость политических и идеологических обличений А. Зиновьева.

Книги эти достойны разбора, как мне представляется, только как характерные последствия существования в том нравственном климате, где формировались представления авторов о культуре, ее устоях, ее пафосе и назначении, о ее языке. То есть я намерена показать, что свобода, к которой так рвется душа русского писателя, покидающего несвободную Россию, есть свобода призрачная, ибо она всего лишь помогает обнажить рабство души и почти смертельный недуг, которым охвачен и стеснен дух. И пока дух не будет вырван из этих оков, все написанное будет способствовать рабству, а не свободе. Даже если рабство будет проклято в самых изысканных на свете словах, или в самых грубых и прямых на свете выражениях. Значит, тщетны посылки „посуды” с такой пищей, и пусты хлопоты. Как, мягко говоря, пусты шутовские кривлянья,

у зоны, чтоб повеселить эзков, или демонстрация для них же заграничного образа жизни и рекламирование заграничных напитков. Пустое дело и напрасные хлопоты.

Страх смерти и отвращение к страху — вот главные мотивы творчества этих писателей. Страх смерти ведет к утрате личности. Развалу личности и полной атрофии нравственных начал. Но страх не только — тема, страх кладет роковой отпечаток на саму словесность сообщая ей вполне определенное отношение к человеку и миру. Страх санкционирует эту определенную трактовку человека, поработив сознание писателя, он как бы узаконивает, признает неизбежным выбранную трактовку. Утрата начал и распад личности превращает людей, живущих в России, в существа, подобные свиньям, крысам, тараканам и клопам.

Литература, однако же, дело тонкое, а слово обладает таинственной жизнью. И чтобы уложить столь нехитрую идею в сочинение, нужно найти ей форму. Н. Боков сам определяет в „Мысленном разговоре” (уже отчасти цитированном нами) свои эстетические пристрастия (Платонов, Белый, Набоков, сюрреалистическая проза с устойчивой символикой, обереуты и проч.). Он — ищущий писатель, цель его поисков — сочетание „эстетической информации” с выражением экзистенциального опыта. Зиновьев же выражает свои наблюдения над „социумом”; принадлежность к философским занятиям, привычка к абстрагированию складывает особое отношение к задаче художественного постижения мира и человека — для Зиновьева слово существует, как правило, для ф и к с а ц и и своих наблюдений над эмпирическим полем бытия.

Оба писателя, укорененные в советской культуре, хорошо владеют ее лучшими достижениями. Ее знаниями и трактовкой человека как цели изображения и человека как соучастника культурного процесса. Иначе говоря, они оба, при всем своем эстетическом различии и различии писательских пристрастий, хорошо знают задачу культуры — воздействие на эмоциональную, чувственную сферу читателя, ожидающего от культуры прежде всего „эмоционального шока”.

Здесь, в России, возможности и размеры „шока” регламентированы. И тем самым процесс омещанивания культуры в России идет в несколько ином направлении, чем на Западе — регламент, правила и „каноны” некоторым образом подавляют жажду наслаждений, присущую мещанскому образу мыслей и образу бытия. И жажду эстетических наслаждений в том числе. Но это отнюдь не мешает процессу омещанивания и опошления культурного сознания. Регламент лишь меняет типы эстетических наслаждений и способствует активному восприятию западной, более „раскованной” культуры.

Итак, знание человека и мира, которые были усвоены и восприняты, „антропологический багаж”, вывезенный на Запад, и представляет возможности для эмоционального и эстетического „шоков”, посылаемых русскому читателю.

„Зияющие высоты” А. Зиновьева своеобразно решили проблему ностальгии. Теперь совсем не нужно во время приступов ностальгии покупать газету „Правда” (в эффективности такого лечения признавались многие новые эмигранты). Теперь достаточно открыть на любой странице одну из книг Зиновьева, чтобы получить мгновенное исцеление, прививка

ненавистью действует на ностальгию безошибочно. Выбор сделан правильно — в Ибанске — крысы, крысы, тараканы, тараканы! Но если б только одно это!

Западный человек, кажется, любит острые ощущения не меньше российского, как бы не больше. Почему бы и ему не „пострашиться“! Это ничуть не слабее ужасов Хичкока. Да и своя действительность покажется раем. Чистое место — ни тараканов, ни крыс, ни психушек, ни лагерей. Живи — не хочу. И чувство превосходства тут как тут. Ну, что за народ — быдло, страна рабов! Край непуганых идиотов, — когда-то говорили шутники Ильф и Петров. Теперь — поугали! Край смертельно напуганных идиотов. Но что поделаешь — Зиновьев и тут помогает, высказав глубокомысленное философское умозаключение о современности и истории России: „за что боролись, на то напоролись“, — громко скажет он на каком-то авторитетном и престижном собрании, для того, чтобы в России это услышали... Каждый народ достоин и так далее. Скучно. Хватит!

Грех монотонен — говорил о. Иоанн Кронштадтский. А пошлость, как бы ни была она остра — монотонна и скучна. Когда-то буржуа, как писал Герцен, ненавидевший мещанство, „плакали в театре“ над Скрибом, теперь буржуа трепещут от ужаса перед крысами и психушками, куда по своей собственной воле заключают себя некие крысopodobные особи...

„Записки ночного сторожа“ имеют явное преимущество перед „Зияющими высотами“, „Записки“ короче в несколько раз, а написано то же самое, те же самые мысли, вернее, одна мысль: „Ведь челове-

ка нет давно”. Нет человека и нет, конечно же, Бога. Есть ужас небытия при жизни.

Книги Зиновьева, бесспорно, прежде всего философские сочинения. Это — философия без мировоззрения. Теперь у нас развит именно такой род философствования. Автор пытается облечь свои философские наблюдения в форму сатиры, памфлета, антиутопии. Он явно подражает Орвеллу — здесь те же ходы, и почти те же сюжеты. Но нет мощи орвелловской мысли.

Мысль Орвелла движима гуманностью, скорбью, печалью. Писатель не страдает отвращением к человеку, он ужасается беде, которая постигла мир. Так же, как, впрочем, и Кафка. А. Зиновьев парализован страхом, этот паралич лишает писателя не только зрения и прочих чувств, но и философии.

Зиновьев повторяет „зады” атеизма. „Очевидно человеческое Я есть только постольку, поскольку есть какое-то Мы, с которым оно органически связано. Отрицание Мы имеет следствием отрицание Я — законное наказание за дерзость восстания против ибанского общества, против самой глубинной основы общественности вообще”.

А вот пассаж об „ибанской душе”. Это уже философствование не на религиозную тему, а на социально-психологическую. Речь идет о „беснованиях”, которые происходят в Ибанске по случаю чьего-либо „персонального дела”: „Я знаю, что это такое. Но описать точно не могу. Это — и исповедь, и причастие, и спектакль, и репетиция, и зрелище, и действие. Это — праздник ибанской души. Тут ибанская душа обнажается до самых темных своих глубин и выбрасывает из себя всю накопившуюся в ней мерзость. И вместе с тем тут ибанская душа заряжается новой

мерзостью, еще более мерзкой мерзостью” и так далее.

А вот исторические выводы: „Ибанская история неопишима в обычных нормальных человеческих понятиях. Для описания ее подходят такие выражения: тьфу!.. твою мать!.. мать! мать!!!...”

Цитаты можно множить и множить. Они похожи как крысы в крысарии, которые напоминают автору человечество. Даже в этих трех извлечениях из текста видно, что философские наблюдения автора мало сказать, неглубокие, они ничтожны по мысли. Но может быть, это сатира на философию, которой некогда занимался Зиновьев? Никак нет. Философствующий автор и в „Зияющих высотах”, и в „Записках” принципиально выше мыслителей Ибанска. Правда, иногда он как бы сливается с философствующими жителями этого крысария. Но это случается тогда, когда „поэтика анекдота” требует вплетения авторского „я” в анекдотический сюжет. Во всех же своих „кардинальных” заключениях автор выступает неким экспертом, судьей, избранником судьбы, выхватившей его из ибанского общества и поднявшей над ним, чтобы избранник мог увидеть со своей высоты низость некогда ему подобных.

Что же касается сатиры как принципа художественного постижения жизни, то она крайне примитивна. Зиновьев не владеет художественной типизацией, анекдот и приемы анекдота — вот его писательский „потолок”. В цитированных выше отрывках, а они никак не выделяются из общего текста и достаточно заурядны, вполне очевидна пошлость. И в намеках на матерные ругательства, и в сравнении исповеди и причастия с допросом некоего существа, имею-

щего „ибанскую душу”, и в псевдофилософском лепете о взаимосвязи „я” и „мы”.

В сочинениях А. Зиновьева весьма рельефно выразилось то самое явление, которое было определено здесь как сакрализация профанного. Автор выдает за социологию, за философию, за историю то же самое над чем сам издевается. Он противопоставляет свою критическую мысль официальной мысли, свою философию официальной философии, свою критическую социологию — официальной социологии. И свою, естественно, считает истинной, своеобразно сакрализуя ее. Но у них о д н и корни и один метод — социальная детерминированность бытия человеческой души, и одна и та же идея. И там и там — г у м а н и з м. Но „ведь человека нет давно”... Остались ненависть, месть, злоба... „Хлеборобы Заибанья досрочно сожрали... прошу прощенья, собрали кукурузу...”

Гуманизм съел человека. Гуманизм съел гуманность.

Н. Боков говорит, что его сочинениям присуща „устойчивая символика”. Что это значит? Символ несамостоятелен, он есть вместилище смысла, наиболее полный синтез символа и смысла является идеалом символа. Устойчивость символов есть устойчивость смыслов, которые выражаются символами. Каковы же эти смыслы, что символизирует подчас сложная поэтика Н. Бокова? Увы, почти то же самое, что и плоский, грубый язык Зиновьева: уничтожение личности, разрушение гуманности в жизни и культуре.

Гуманизм и гуманность — разные понятия. Русскую литературу отличает высота гуманности до тех пор, пока гуманизм не изгоняет из нее гуманности.

„Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человеческими уязвлена стала”, — писал Радищев. Это стало пафосом русской литературы.

Гуманность есть христианская идея. Она рождается постоянной памятью о второй заповеди Христа: „возлюби ближнего своего, как самого себя”. Рождается состраданием, жалостью и печалью души о страданиях человеческих. И даже тогда, когда русская литература (уже в XIX веке) стала все дальше уходить от Христа, от Церкви, уходить к гуманизму, заменяющему гуманность, традиция гуманности, воспоминание о второй заповеди все еще долго жила в ней.

Вот прекрасный пример такой гуманности. „Господа Головлевы” М. Салтыкова-Щедрина, писателя отнюдь не сентиментального и не христолюбивого. Роман его свидетельствует как раз о требовательном отношении писателя к христианской морали, которую он обличает с непримиримостью, жесткостью сатиры, граничащей с атеистическим неприятием. Другое дело, что писатель недостаточно „владел материалом”, говоря в терминах литературной критики, и тем самым чуть не загубил свой роман схемой, увлекшись обличением того, от чего он был экзистенциально далек. Он обличал фарисейство в лице Иудушки, создав образ чудовищного злодея-христианина, мироеда и лжеца. Но совершил в критике христианства ту же ошибку, что и Л. Толстой в „Отце Сергии”, извратив самую сущность духовной жизни, не изображая ее подлинной реальности, а имитируя психологическими схемами. О молитвенной благодатной жизни писать и з в н е нельзя и „критиковать” ее нельзя, она не поддается остранимой критике, здесь возможно передать

только личный опыт, потому всяческие допущения и предположения, с какой бы силой художественности они ни были выражены, выглядят ложью.

Однако, не затем я вспомнила роман М. Салтыкова-Щедрина. Недавно перечитывая его, я поразила его финалу — такая сила любви и сострадания к человеку озарила весь роман, заставив забыть о его схематизме, тенденциозности, длиннотах! Только гуманность, то самое, почти забытое воспоминание о второй заповеди Христа могли продиктовать совсем не сентиментальному писателю столь умилительную, скажем так, сцену искупительной смерти злодея Иудушки. Да ведь и разбойник на кресте покался и первым вошел в рай! Это — катарсис, а без него нет искусства. Катарсис как символ и как смысл.

Устойчивая символика Н. Бокова далека от гуманности и поэтому совсем не знает катарсиса. Это — гуманность навыворот. От противного. Мир — пойма. Люди рожают крыс. У них, у каждого почти, есть ящичек. В ящичке — крыса. Это — тайна человека. Любимая женщина открывает тайну, достает из ящика крысу и кормит ее грудью. У человека нет лица. Нет имени. Нет памяти. Нет дела. Ничего нет. Его и самого нет... Кафка? Нет. Там — персонализм, здесь — антиперсонализм. У человека Кафки есть душа, у героя „Бестселлера” (центральная вещь, давшая название сборнику) — ящик с крысой.

Поэтика бессмысленности, которую Н. Боков определяет как сюрреализм, утомительна, и однообразно убегание от одних штампов в свои, столь же устойчивые, штампы и символы, характеризующие бессмысленность бытия во всех его ракурсах (это

не относится, пожалуй, только к двум первым рассказам книги).

Разрушение личности обязательно фиксируется разрушением формы. Пошлость есть, в конечном смысле, бессмыслица, отсутствие мысли. Пошлость разрушает смысл во имя абсурда. Писатель видит повсюду абсурд и в его изображении хочет утвердить смысл, необходимость смысла, поиски смысла. Но он слишком поработен абсурдом. Это увлечение и даже некое восхищение абсурдом, замороженность им перестраивает его зрение. „Вскоре стало и так ясно: к нему шел человек, по-видимому, даже бежал. Оmozолелов беспокоился, что человек споткнется и сломает ногу: идти со сломанной ногой трудно, а бежать почти невозможно. Человек направлялся к Оmozолелову. Он приближался быстрее, чем облака, которые спускались ниже, ниже, — и уже ползли по земле. Дмитрий Петрович увидел справа Харламова, надевавшего его пальто. Сосед поднял шапку и подал ее Добролюбову, выскочившему из-за кресла. Харламов и Добролюбов побежали навстречу человеку, в котором можно было определенно узнать, кажется, женщину. Они схватили ее за руки и повлекли в густое рыжее облако. Оmozолелов вскочил с кресла и бросился за ними, но Укыков толкнул его в спину. Дмитрий Петрович упал лицом в сугроб. Укыков прыгнул ему на спину и выхватил полотенце. Мы размахнулись и ударили Укыкова железом. Он набегал на нас. Мы снова ударили Укыкова, надо думать, по голове. Сосед чертыхнулся. Дмитрий Петрович бежал по бульвару в одном пиджаке и без шапки, размахивая карандашом, — так бежит иной раз молодой следователь,

впервые подписавший смертный приговор. Ничего, обобьется”.

Смыслы уже погребены под облоками абсурда. Для того, чтобы их извлечь, их надо освободить от абсурда, но мысль писателя бессильна, она устала от эстетического напряжения, от поисков средств, чтобы выразить абсурд. Поиски истощили саму мысль.

б. *„Облей землю слезами радости твоя
и люби сии слезы твои”...*

Уж не призываю ли я к „лакировке действительности”, ставшей методом соцреализма? Что поделать, если действительность ужасна и подобна выжженной пустыне (как уверяют нас писатели, покинувшие Россию), а люди — мертвы, лживы, воры, рабски трусливы? Их и пробудить можно только этим эмоциональным шоком: взгляните на себя, вы — мертвецы, и живете, как крысы на помойке! Ну да, так оно и бывает: я возвращаюсь с работы или из магазина (в котором — прав Виктор Некрасов, эмигрировавший из России, — нет с а л я м и), с прогулки по помойкам и пустырям и, устав от крыс, тараканов, мышей, негодяев, приспособленцев, воров и палачей, открываю книгу свободного русского писателя.

И что же? Я открываю книгу, а он открывает мне глаза на меня и на мою жизнь. И я становлюсь от этого лучше — смелее, чище, честнее, а дух мой крепнет и я расцветаю, как диковинный цветок на ибанской помойке. Глядишь, цветы покроют все помойки и пустыри, а крысы и тараканы стыдливо уйдут в свои катакомбы. И тогда мои обличители смогут вернуться на цветущую ибанскую землю...

Это уже и в самом деле „лакировка действительности”, и если ею не занимаются напрямую наши жесткие реалисты, сюрреалисты и сатирики, то они держат эту перспективу, эту мечту в своем уме — мечту о некоей идеальной действительности, которую мы построим здесь на нашей земле без помощи Неба, но при помощи их обличений. Да, ведь и Герцен мечтал о новой действительности, когда его ни с того, ни с сего „разбудили декабристы”...

Очевидно, дело не в украшении или обличении действительности и человека, а в нравственном осмыслении происходящего с тобой и с твоей родиной. При этом должно не забывать, что у тебя нет собственной нравственности, своих собственных нравственных законов, ибо если ты допустишь мысль о том, что они у тебя есть, твой оппонент с тем же правом будет считать, что он — обладатель своей собственной нравственности, по законам которой он с легкостью уничтожит тебя, пока ты будешь собирать свои аргументы. Сколь ни банальны эти соображения о вреде релятивизма в вопросах нравственности, они по-видимому, нескоро устареют. И вряд ли стоит стыдиться повторять их, боясь быть обвиненным в максималистском примитивизме.

Да, действительность ужасна и „мир во зле лежит”, сказал двадцать веков назад Святой Иоанн Богослов, любимый ученик Господа. Но Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего возлюбленного, чтобы мир спасен был. И мир был спасен. Вот э т о т, наш мир, лежащий во зле. Ибо совершившееся спасение не прекращается ни на мгновение. И всякий раз, когда я собираю Христианское Чтение „Надежда” и нахожу свидетельства новых русских

мучеников, записанные в разных формах — дневниках, письмах, рассказах, я с изумлением и трепетом мысленно прикасаюсь к их мысли, утверждающей исполнение обетования Господа: „В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир” (Ио. 16, 33).

Свидетельства новых русских мучеников — епископов, священников, мирян — это тоже русская словесность. Она создавалась в самые черные годы — ссылки, аресты, казни, издевательства. Но как чисто, как прекрасно, как глубоко звучит их слово, как чист и прост язык, вмещающий в себя смыслы бытия, осиянного светом веры Христовой!

Что ж, это и в самом деле две различные русские культуры, написанные на р а з н ы х языках? И они несоединимы? И даже о б щ и е страдания бессильны их соединить, и пока не воскреснет вера — не воскреснет Россия? Да, по-видимому, это так. И пусты суждения тех, кто эстетическими художественными принципами объясняет это роковое разделение двух типов литературы. Они разделены м ы с л ь ю.

Проза требует мыслей и мыслей, — говорит Пушкин. Но где же источник этих мыслей, их начало и конец? „Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель” (Откр. 1, 8).

Мысль покоится в Боге, а обретают ее в духовной свободе. Тогда мысль познает красоту возлюбленного Богом мира и красоту человека, за которого Бог принял страшные муки на Кресте. Святые, праведники, мученики за веру знали эту красоту и были истинными художниками слова, потому что были п р е п о д о б н ы, восстановив в себе подо-

бие Божие. Им было дано постичь корни бытия, корни, выросшие по Слову Бога, и их непреходящую красоту в том мире, что „во зле лежит”. Святой Василий Великий говорил, что человеку свойственно стремление к красоте, а совершенная красота есть Бог.

Бог творил этот мир, его основы, его корни и говорил, что мир х о р о ш. Он был красив и для того, чтобы описать его непреходящую красоту, человеку дан был дар художества, дар слова, способность мыслить образами. Лучшие, непревзойденные по самым высоким эстетическим меркам создания этого художества вошли в сокровищницу церковной культуры. „В молчании нашего духа, во мраке несуществования вдруг откуда-то приходит эта искра божественной мысли, отблеск Божественной Премудрости и пронзает молчащий ум наш. Как будто бы осколки или брызги Логоса Божия сверкнут Своим сиянием в логосе нашем, в уме человеческом... Это зародыш какой-то новой жизни духовной, посеянной Божественным Логосом в нашем уме. Он должен пройти свою не менее таинственную линию внутреннего зачаточного развития. Эту искру надо выносить в себе... Творящий человек должен пережить этот внутренний процесс созревания, искать в это время формы для воплощения этой частицы божественного Эроса, воплощения в своих мыслях, словах, чувствах, настроениях, звуках, линиях, красках”*.

Когда же человек забывает, зачем ему даны эти дары, он с ужасом замечает к р и з и с к р а с о т ы, безобразия человека и мира. Тогда он начинает

* Архимандрит Киприан. „Антропология Св. Григория Паламы” с. 373.

бороться за свою красоту против чужого безобразия.

Любое искусство требует мыслей и мыслей. Только тогда оно открывает красоту человека и мира, смыслы их жизни и смерти.

Эти смыслы дарует духовная свобода, а она обретается в вере. И в покаянии. Покаяние есть начало веры и жизнь веры. Это — величайшая творческая сила, именно она побеждает гордость ума, влекущую к нищете мысли любого художника, сколь бы ни был он богато одарен Богом.

Смирение возвышает личность, сказал Сент-Экзюпери, выразив сущность покаяния как созидательной силы. Мы боимся смирения, думая, что оно есть рабство, но это в сущности своей такая высота свободы, на которую можно подняться, лишь разрушив тюрьму, воздвигнутую эгоизмом и гордостью ума.

Покаяние и смирение прозревают красоту сотворенного мира, ибо они прозревают его смыслы и корни, и знают, что смирение Христа проросло на Кресте воскресением.

Что же такое покаяние в культуре?

Для того, чтобы художник мог обрести духовную свободу, он должен осознать губительную для его творчества сущность порабощения. Чтобы осознать, в чем смысл порабощения, в чем смысл ига и кто к н я ж е с т в у е т, кто поработил палачей и их жертвы, надо прежде всего отречься от нравственных религиозных или псевдорелигиозных основ ига. Отречься не только от религии поработителей, но и от языка их нравственности. И в этом отречении постичь промыслительный смысл ига.

Но это только начало. Отречение и отрицание не

могут породить истинной культуры и не могут дать ей язык, который вместит в себя корни и смыслы бытия. Только осознание своей вины в том зле, которым поработен мир, может сообщить художеству животворящую мысль. Значит в культуре необходима проповедь покаяния.

Что толку быть судьей над чужим злом, если ты оказался бессильным перед ним, спасовал, кому-то изменил, кого-то покинул, кого-то обманул и так далее? Что толку взывать к нравственному чувству другого, если ты сам не исцелен, и суд твой не праведен, ибо ты в нем утверждаешься над таким же слабым, как и ты? И можем ли мы продолжить то самое свойственное русскому человеку „всемирное боление о всех”, если каждый из нас охвачен „болением за себя”, утверждением своей правоты?

Покаяние в культуре для русского художника это возвращение на землю отцов. Оно возможно только по возвращении к Отцу, к Богу. Это и есть н а ч а л о постижения промыслительного смысла ига, начало постижения того, что замыслил Бог о России. И нашей вины перед Ним. Вины наших дедов и отцов, которую мы должны искупить в подвиге покаяния.

Земля России — живая. У Бога все живо. Земля наша дышит печально, устало и тревожно, и чтобы любить ее, надо слышать ее дыхание. Не отделяться от нее, не считать себя чище ее, потому что она — черна и на ней нет „чистого места”, а считать себя хуже нее, потому что мы готовы забыть о ее страданиях, лишь бы избежать своих страданий.

Осознание своей вины возвращает нас к Богу, а только Он может воскресить Россию и ее культуру.

Земля дышит надеждой на воскресение. И культура может быть жива только этой надеждой. Надеждой на воскресение духа. И только духовное освобождение может дать эту надежду художнику. Для того, чтобы он поделился ею с другими. Поражение надежды, крушение, не могут быть темой истинной культуры, потому что они рождают страх, ненависть и ложь.

Есть у Достоевского в романе „Братья Карамазовы” одна странная, загадочная сцена. „Нелогичная” сцена и, казалось бы, совсем не оправданная психологически. Она связана с невысказанным крушением надежд.

Это — смерть старца, которого Алеша считал святым, безгрешным, средоточием всех своих идеалов, дававшим ему силу веры и надежды на воскресение. Тело старца Зосимы оказалось тленным, еще до погребения „тлетворный дух”, исходящий от него, известил присутствующих об этом. „Или и ты соблазнился? да неужто же и ты с маловерными!” воскликнул отец Паисий, заметив „сильную перемену” в Алеше*.

И вот происходит странная вещь. Тихий Алеша покидает своего старца, уходит из монастыря. Уходит быстрыми шагами, „не заботясь даже о почтительности”. Достоевский, чувствуя значительность момента, дает пояснения к поступку своего героя. Дело даже не в вере в чудеса, которых жаждало сердце Алеша. Дело в „высшей справедливости”, которая была по верованию его, нарушена.

Это — бунт веры. Тот, кого Алеша любил как „идеал бесспорный” ради которого он забывал „всех

* Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 9, сс. 422–423.

и вся”, вместо славы, ему подобающей, „вдруг низвержен и опозорен”. „За что? Кто судил?” Бунт нарастает и вырывается словами, некогда сказанными Иваном Карамазовым „Я против Бога моего не бунтую, я только мира Его не принимаю”.

Вот оно, чисто русское чувство справедливости, начинающееся с теодицеи и завершающееся атеизмом и всем, что несет атеизм! Если Бог есть, то как Он мог допустить... Дальше, как правило, перечисляются все несправедливости Бога.

Банальнейшая эта мысль есть основа безбожной культуры, вырастающей поначалу, как уже отмечалось, из культуры, так называемой христианской, где нет Самого Христа и где гуманность человека постепенно заменяется гуманизмом. Мысль о „несправедливости” Бога прежде всего основывается на забвении и незнании Христа и христианства. Для того, чтобы знание пробудилось, вернулось, нужно „выйти из себя”, покинуть себя и увидеть другого.

Когда Алеша после тягчайшего поражения своих идеалов, своей веры и надежды, по его признанию, будучи „подл и зол”, „нашел” „сокровище” — „душу любящую” — и в ком же? — в падшем создании, в Грушеньке, которая его „пощадил”, исцелив от „подлости и зла”, „он вышел из себя”.

Символы Достоевского столь же просты, как просты его смыслы. Они все устремлены к простоте главного смысла — к вере в воскресение: „ты мою душу сейчас восстановила”, — говорит Алеша Грушеньке.

По мере устремления всех смыслов к главному смыслу, все проще и в то же время все таинственней, все непонятней становится жизнь Алешиной души. Он возвращается в монастырь, влекомый своей

„восстановленной” душой, победившей „зло и подлость”. Душа, жаждущая преодоления самого себя, обновления и воскресения, погружается в неведомые Алеше до сих пор смыслы. Над гробом старца читают Евангелие. Первое чудо Господа. Чудо пресуществления воды в вино, чудо преображения. Здесь начало воскресения как преображения.

„Комната раздвинулась”, — пишет Достоевский. Каким скудным может показаться этот образ, символ раздвинутого от чтения Евангелия мира, распахнутой пелены, скрывающей смысл бытия, Кану Галилейскую, брак, на который мы все званы, где будем, если сподобимся преображения, пить с Господом „новое вино”, „вино радости, новой, великой”, куда зван и старец, несмотря на то, что временное, земное тело его подвержено тлению, и куда зван Алеша! „ — А видишь ли солнце наше, видишь ли ты его?” — спрашивает Алешу старец. „Боюсь... не смею глядеть...” — прошептал Алеша.

Реальность за реальностью открывает нам Достоевский, когда во время чтения Евангелия „раздвигается комната”. Облеченные в символы, эти реальности влекут и нас к себе, в себя. Их много, бесконечно много, одна простота смысла рождает другую простоту, но у них у всех есть начало и конец. „Я есмь Альфа и Омега, начало и конец”...

Прикосновение к духовным основам, к евангельским смыслам придает символам, выражающим их, несказанную глубину, которая открывается по мере постижения смыслов.

Эта таинственная история с любимым Алешей старцем, с Ферапонтом — завистником Зосимы, с падшей Грушенькой, открывшей иноку сокровище своей души, и с чудом воскресения, которым был

одарен Алеша за то, что преодолел себя, свою злобу и отступничество, завершается чудом любви к земле.

„Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков. „Облей землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои...” — прозвенело в душе его”.

„Простить хотелось ему всех и за все и просить прощения, о! не себе, а за всех, за все и за вся, а „за меня и другие просят”, — прозвенело опять в душе его”.

Тело старца — земля. Земля пленна, но над ней „широко необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих, сияющих звезд”. Алеша веровал в то, что Христос — Солнце наше — волен воскресить пленную землю...

Вот и все. Так великий русский писатель учит нас любить Христа и свою землю. Любить и просить прощения. И смысл этой любви столь же прост, как и мысль о том, что любовь к Христу и к России может вернуть в Россию каждого, кто хочет вернуться к ней. Даже тогда, когда он будет погребен в чужой земле. Он вернется д у х о в н о, своей любовью, запечатленной в его художестве, в его языке и символах.

„Зачем вы маловерствуете? Жива наша Россия, и ходит по ней как древле русский Христос в рабьем поруганном виде... Светлый вертоградарь в заветном питомнике Своем, зовет Он тихим голосом: „Мария!” И вот-вот услышит заветный зов русская душа и с воплем безумной радости падет к ногам

своего Раввуну. Россия спасена”. Так писал в самые черные годы высланный из России священник Сергей Булгаков.

С тех пор все внятней слышит русская душа голос своего Раввуну. Уже и Запад удивляется русскому пробуждению и ждет, что же даст русская мысль, вернувшаяся ко Христу, миру, спасая его своим покаянием и верой от того, что может погубить его — от злобы, ненависти, пошлости, лжи, отступничества, опирающихся на гордыню ума, презревшего Бога.

„Небывалые испытания имеют дать и небывалые достижения чрез углубление веры и нового откровения жизни, — писал отец Сергей Булгаков, размышляя над значением России в судьбах мира. — Русский народ имеет великое религиозное призвание явить силу и глубину Православия в творчестве и в жизни, в осуществлении Откровений, столь тяжелым путем добытых. Но уже сами эти судьбы его — свидетельство особой его избранности. В этом смысле Россия есть энтелехия мировой истории, ее подлинная „ось”, и это всегда знала русская душа”.

В это верили и веруют многие ушедшие из России, несмотря на горе эмиграции, в это верят и те, кто еще сегодня остается с ней и кто будет погребен в ее земле.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦЕ, СПАСИ НАС!

Св. Отцы о Пресвятой Богородице 5

ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Св. И г н а т и й Богоносец. Послания
К е ф е с я н а м 21
К т р а л л и й ц а м 24
К р и м л я н а м 27

Св. Ф е о ф и л Антиохийский. Феофила к
А в т о л и к у 30
Св. Т и х о н Задонский. Счастье 43

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАСТЫРСТВО

И в . К р у т и к о в . Святитель Феофан,
затворник и подвижник Вышенской пустыни 55
П р е о с в я щ . Ф е о ф а н Затворник. Письма 67
П р и х о ж а н и н . Памяти прот. Александра
И ль и н а 83
П р о т . А л е к с а н д р И л ь и н . Ответы
д у х о в н ы м д е т я м 90
И г у м е н и я А р с е н и я , настоятельница
У с т ь - М е д в е д и ц к о г о м о н а с т ы р я
Б и о г р а ф и я 120
И з б е с е д м а т у ш к и А р с е н и и 132
И з п и с е м м а т у ш к и А р с е н и и
к П . А . Б р я н ч а н и н о в у 133
И з п и с е м к В . И . П . 151

«НАДЕЖДА»

Христианское Чтение

Подписывайтесь на сборники „Надежда“! Вы получите богатую духовную пищу и в то же время поддержите это такое нужное для России издание!

За 3 выпуска при подписке:

непосредственно в издательстве	н. м. 50.—
через представителей	н. м. 60.—
Цена отдельного выпуска	н. м. 24.—

„Надежда“ составляется и распространяется в России в машинописном виде. Долг наш — российской эмиграции — облегчить ее распространение на Родине, переиздавая за границей типографским способом. Без помощи читателей за рубежом мы этого издания продолжать не сможем. Уже сейчас издание „Надежды“ задерживается из-за недостатка средств, хотя у нас в „запасе“ лежит несколько новых выпусков, которых с нетерпением ждут читатели в России

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D-6320 Frankfurt/M. 80

Беседы схиархимандрита Оптинского скита старца Варсонофия с духовными детьми	159
Надгробная речь митрополита Т р и ф о н а (Туркестанова)	231
Посмертное завещание старца Варсонофия	233

МУЧЕНИКИ XX ВЕКА

Письма неизвестного священника из ссылки своим духовным чадам	235
--	-----

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Архиепископ Л у к а (Войно-Ясенецкий)	261
---------------------------------------	-----

РУССКИЕ СУДЬБЫ

В поисках Святой Руси. Из писем А. Н. Руднева к В. И. Леоновой	271
---	-----

СТИХИ

Сергей Б ы ч к о в. Из цикла „Цвета любимой”	362
М. Г у с ь к о в. После смерти и др.	364
Владимир П е т р о в. Прозренье и др.	366
Владимир С е м е н о в. Молитва	368

ПРОБЛЕМЫ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

З. К р а х м а л ь н и к о в а. Кризис красоты. Заметки о современной русской культуре	369
--	-----

